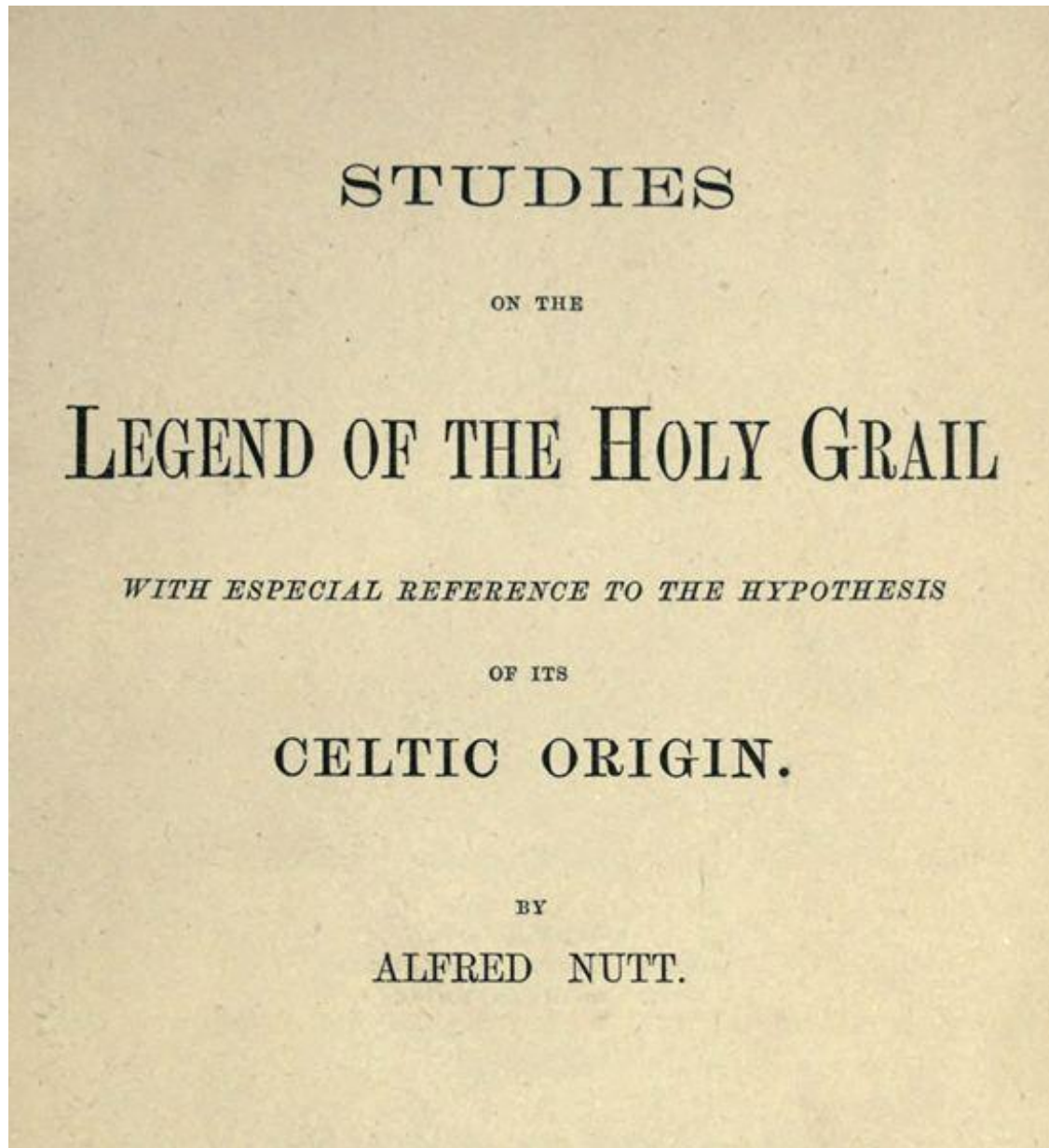

Исследования легенды о Святом
Граале с особым упором на гипотезу о
его кельтском происхождении

Альфред Трюбнер Натт

The Project Gutenberg eBook of Studies on the Legend of the Holy Grail.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге, или онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Исследования легенды о Святом Граале

Автор: Альфред Трюбнер Натт

Дата выхода: 26 февраля 2013 [eBook #42205]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK STUDIES ON THE LEGEND OF THE HOLY GRAIL ***

The Folk-Lore Society,

ДЛЯ СОБИРАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ РЕЛИГИЙ О НАРОДНОЙ АНТИКВИТАЛИИ и т. д.

ОСНОВАННОЕ В ГОДУ MDCCCLXXVIII.

Alter et Idem.

ПУБЛИКАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБЩЕСТВА.

1888.

XXIII.

Список должностных лиц Общества.

1887-1888.

ПРЕЗИДЕНТ.

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВО. ГРАФ СТРАФФОРД.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЫ.

ЭНДРЮ ЛЭНГ, М.А.

W. P. C. РАЛСТОН, М.А.

ЭДВАРД Б. ТАЙЛОР, Л.Д., Ф.Р.С.

ДИРЕКТОР.

Г. Л. ГОММЕ, Ф.С.А., 1, Беверли Виллас, Барнс Коммон, С.У.

СОВЕТ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО. J. ABERCROMBY.

А. МАЧАДО-И-АЛЬВАРЕС.

ЭРЛ БОШАМП, Ф.С.А.

ЭДВАРД БРЭБРУК, Ф.С.А.

ДР. Г. Б. БРИНТОН.

ДЖЕЙМС БРИТТЕН, Ф.Л.С.

ЛОЙС БРЮЙР.

МИСС К. С. БЁРН.

ЭДВАРД КЛОДД.

ПРОФЕССОР Д. КОМПАРТИ.

ДЖ. ЛОРЕНС ГОММ, Ф.С.А.

А. ГРАНДЖЕР ХАТТ, Ф.С.А.

СЫР ДЖОН ЛЮББОК, БТ, Ф.Р.С.

РЕВ. ДР. РИЧАРД МОРРИС.

АЛЬФРЕД НАТТ.

ЭДВАРД ПАВЛИН, Ф.С.А.

Z. Д. ПЕДРОСО.

ПРОФЕССОР А. Х. САЙС, М. А.

КАПИТАН Р. К. ТЕМПЛ.

ГЕНРИ Б. УИТЛИ, Ф.С.А.

АУДИТОРЫ.

Г. Л. АППЕРСОН.

ДЖОН ТОЛХЕРСТ, Ф.С.А.

МЕСТНЫЕ СЕКРЕТАРИ.

Ирландия: Г. Х. КИНАХАН, Р.И.А.

Южная Шотландия: Уильям Джордж Блэк, эсквайр.

Северная Шотландия: преподобный Уолтер Грегор.

Индия: Капитан Р. К. ТЕМПЛ.

Китай: ДЖ. СТЮАРТ ЛОКХАРТ.

ПОЧЕТНЫЕ СЕКРЕТАРИ.

А. Гренджер Хатт, F.S.A., 8, Оксфорд Роуд, Килберн, N.W.

J. Дж. ФОСТЕР, 36, Альма-сквер, Сент-Джонс-Вуд, Н.У.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГЕНДЫ О СВЯТОМ ГРААЛЕ.

Работы того же автора.

Формула изгнания и возвращения ариев среди кельтов. 10s. 6d.

"Interessante étude de mythographie comparée."-*Revue Celtique*.

Mabinogion Studies, I. The Mabinogi of Branwen, daughter of Llyr.-*Folk-Lore Record*, Vol. V. 10s. 6d.

"Eingehendes und sehr beachtenswerthes Studium."-Prof. Ernst Windisch, in *Ersch und Gruber*.

"Эти тщательные и глубокие исследования заслуживают почетного упоминания" - монс. Анри Гайдос, в журнале *"Академия"*.

НАУКИ О ЛЕГЕНДЕ О СВЯТОМ ГРААЛЕ

С ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ К ГИПОТЕЗЕ О ЕГО КЕЛЬТСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ.

АЛЬФРЕД НАТТ.

"Кто из вольков, читающих эту книгу (из "Юношеской истории Парцифаля"), имеет право на шрифт или мундштук, или же на уеберлиферунг с гралсажем в связке, - это очень важно, но при этом он должен иметь право на то, что он будет знать, что эта книга будет иметь много общего с другими романами". Simrock.

"Кельтский герой, который в двенадцатом веке стал Персевалем, чернокнижником бассейна... в конце концов стал обладателем священного бассейна Святого Грааля и священного копья, которые, хотя и христианские по сюжету, являются тем же, что и талисманы, которые так часто появляются в гэльских сказаниях... сверкающее оружие, которое разрушает, и священная чаша, которая исцеляет." - Дж. Ф. Кэмпбелл.

"Во всех фенийских историях упоминается целебная чаша Фионна... это то же самое, что и Святой Грааль, конечно", - Дж. Ф. Кэмпбелл.

Лондон:

DAVID NUTT, 270-71, STRAND.

1888.

ХАРРИСОН И СЫНОВЬЯ,
ОРДИНАРНЫЕ ПЕЧАТНИКИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА,
ST. MARTIN'S-ЛЕЙН, ЛОНДОН.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Памяти

.
J. Ф. КЭМПБЕЛЛА,
ОТ КОТОРОГО
Я ВПЕРВЫЕ НАУЧИЛСЯ ЛЮБИТЬ КЕЛЬТСКУЮ ТРАДИЦИЮ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

Описание ведущих форм романа: Конте дель Грааль - Жозеф д'Аримати - Дидо - Персеваль - Квест дель Сен-Грааль - Великий Сен-Грааль - Парцифаль - Персеваль ле Галлуа - Мабиноги Передур - Сэр Персеваль - Диу Крон - Информация о дате и авторстве этих произведений в МСС.	страница 1
---	---------------

ГЛАВА II.

Резюме - Конт дю Грааль: Псевдо-Крестьен, Крестьен, Готье де Дуленс, Манесье, Герберт-Вольфрам-Генрих фон дем Тюрлин-Дидо-Персеваль-Мабиноги Передур-Торнтон MS. Сэр Персеваль - Квест дель Сен-Грааль - Великий Сен- Грааль - Поэма Роберта де Боррона, Иосиф Аримафейский	страница 8
--	---------------

ГЛАВА III.

Легенда, состоящая из двух частей: Ранняя история Грааля, квест - Две формы каждой части - Группировка различных версий - Альтернативные гипотезы развития - Их отношение к предполагаемому кельтскому происхождению Грааля - Заключительное рассмотрение различных рассказов о Граале: Первое использование Грааля и его первый обладатель; утешение Джозефа; его свойства и эффект, производимый им; его название; его прибытие в Англию; хранитель Грааля и его связь с Обещанным Рыцарем - Три различных этапа в развитии Квеста - Работа и квалификация Обещанного Рыцаря - Выводы: Приоритет ранней истории Квеста - Хронологическое расположение версий	страница 65
--	----------------

ГЛАВА IV.

ОЧЕРК ЛИТЕРАТУРЫ, СВЯЗАННОЙ С ГРААЛЬСКИМ ЦИКЛОМ.

Вилльмарке-Халливелл-Сан-Марте (А. Шульц)-Симрок-Рошат-Фурнивалл
переиздание Большого Святого Грааля и Боррона-Дж. F. Campbell-Furnivall's
Queste-Paulin Paris-Potvin's Conte du Graal-Bergmann-Skeat's Joseph of Arimathea-
Nucher: Грааль кельтский, дата Боррон-Зарнке, Zur Geschichte der Gralsage;
Грааль принадлежит христианской легенде - Бирх-Хиршфельд развивает
взгляды Зарнке: Великий Святой Грааль моложе Квеста, оба предполагают
Хрестиена и более ранний Квест, Дидо-Персеваль, который является
неотъемлемой частью трилогии Боррона; Мабиноги позже Хрестиена;
различные члены цикла датируются-Мартин борется с Бирхом-Хиршфельдом:
Боррон позже Хрестиена, чья поэма представляет собой древнейший этап
романа, уходящий корнями в кельтскую традицию-Герц-Критика Бирха-
Хиршфельда

страница
97

ГЛАВА V.

Отношения Дидо-Персеваль к Конт дю Граалю - первый не является источником
второго - связь Конт дю Грааля и Мабиноги - обстоятельства, в которых Мабиноги
копирует Хрестиана - примеры его независимости - случай с каплями крови на
снегу - различия между двумя произведениями - механизм Мабиноги и его следы
в Конт дю Граале - охота на оленя - Мабиноги и Манессье - источники Конт дю
Грааля и отношение к различным частям Мабиноги и Манессье - Источники Конт
дю Грааля и отношение различных частей к общему оригиналу - Сэр Персеваль -
Теория Штейнбаха - Возражения против нее - Советы в Конт дю Граале -
Вольфрам и Мабиноги - Отсутствие Грааля в очевидно древнейшей кельтской
форме

страница
127

ГЛАВА VI.

Сказание о Великом Дураке - Резюме прозаического открытия - Формула
изгнания и возвращения ариев - Сравнение с Мабиногами, Сэром Персевалем и
Конт дю Граалем - Сравнение с различными гэльскими märchen, Рыцарь
Красного Щита, Всадник из Грианайга - Происхождение горской сказки -
Сравнение с легендой о Фионне - Краткое изложение легенды о Великом Дураке
- Сравнение с эпизодом охоты на оленя в Конте дю Грааль и Мабиноги -
Народная сказка о братьях-близнецах - Борьба с ведьмой, оживляющей мертвых
в Герберте, и аналогичный случай в народной сказке о Рыцаре Красного Щита -
Сравнение с первоначальной формой Мабиноги - Происхождение Герберта

страница
152

ГЛАВА VII.

Различные формы посещения замка Грааля в романах - Конт дю Грааль:
Крестьен; Готье-Манессье; Готье-Жербер-Дидо-Персеваль-Мабиноги-Конте дю
Грааль; Посещение Гавейном замка Грааля-Гейнрих фон дем Тюрлин-Конте дю
Грааль: Посещение Персевалем девичьего замка - Несогласованность этих
разных рассказов; их свидетельство о том, что в романах воплощаются истории
разного характера и происхождения - Два основных типа: феодальный квест и
квест без заклинаний - Причины смешения двух типов - Свидетельства

страница
170

смешения в более древней кельтской литературе - Грааль в кельтской литературе: снасти Туатха де Дананн; котел в Ультонийском цикле; Мабиноги Бранвена; сосуд бальзама и световой меч в современной народной сказке - Меч в кельтской литературе: Тетра; Фионн; Манус - Параллели с Заколдованным Замком; Круг Оэнгуса, Круг Луга, Круг Мананнана Мак Лиры, визит Брана на Остров Женщин, Кормак Мак Арт и Ветвь Фей; Диармайд и Дочь Короля Под Волнами - Невыдуманные истории: Три солдата; ожидание Артура; Артур на Этне; легенда о Киффаузере, возражения против взглядов Мартина на нее - визит Гавейна в Волшебный замок и кельтские параллели; Сын дурного совета; Фионн в стране великанов; Фионн в доме Куана; Фионн и желтый лик - исчезновение Бесплотного замка - сравнение с циклом о Спящей красавице - форма "Замка с привидениями" и ее влияние на версию Генриха - Ненавистный вестник Грааля

ГЛАВА VIII.

Король-рыбак в Конте-дю-Грааль, в Квесте, в Борроне и Большом Сен-Граале - рассказы последних дополняют друг друга - Рыба - лосось мудрости - параллель с Сагой о Фионе - природа Непроизносимого Квеста - Мабиноги Талиесина и его мифологическое родство - Брон, Бран, Сернуннос - молчание Персеваля: Позднее объяснение Конте дю Грааля; объяснение из "Саги о Фионе" - Сравнение инцидента с *геасой*; природа последней; упоминания о ней в кельтских народных сказках и в старой ирландской литературе, "Книге прав", Диармайде, *Кухулайнне* - Геаса и *табу*

страница
207

ГЛАВА IX.

Обобщение элементов более древней части цикла - параллелизм с кельтской традицией - христианский элемент в цикле: две формы Ранней истории; форма Бронов старше - Броны и Браны - легенда об обращении Брана - легенда об обращении Иосифа, Иосиф в апокрифической литературе, Евангелие Никодима - легенда о Бране как отправная точка христианской трансформации легенды - замена Иосифа на Брана - возражение против этой гипотезы - гипотетический набросок развития легенды

страница
215

ГЛАВА X.

Моральное и духовное значение Грааля - легенда, получившая всеобщее признание - популярность артурианского романа - причины этой популярности - сходство средневековых романов с ранней кельтской литературой; важность индивидуального героя; рыцарство; *роль* женщины; кельтская фея и средневековая дама; сверхъестественное - М. Ренан. Взгляды Ренана - Квест в английской литературе, Мэлори - самая ранняя форма легенды, Христиан, его продолжатели - Квест и его идеал - взаимоотношения полов в Средние века - критика оценки г-на Ферниволла морального значения Квеста - достоинства Квеста - идеал целомудрия в поздних версиях - современные английские трактовки: Теннисон, Хоукер - возможный источник идеала целомудрия в народной традиции - квест Персеваля у Вольфрама; его моральная концепция; вопрос; Парцифаль и Кондуирамур - квест Парцифаля и Фауст - "Парсифаль" Вагнера - христианский элемент в легенде - этические идеи в народных

страница
228

Приложение А.: Отношения Вольфрама и Христианы	страница 261
--	-----------------

Приложение Б.: Пролог о Великом Святом Граале и легенда о Брандане	страница 264
--	-----------------

Указатель I. Драматические личности легенды	страница 266
---	-----------------

Указатель II.	страница 275
---------------	-----------------

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящая работа, как гласит ее название, представляет собой сборник "Исследований". Она не претендует на то, чтобы дать исчерпывающий или упорядоченный отчет о романтическом цикле о Граале; она рассматривает отдельные аспекты легенды и не претендует на то, чтобы исчерпать даже их.

Можно возразить, что в этом случае базис работы слишком широк для надстройки, и что не было необходимости давать полное резюме ведущих форм легенды или так подробно обсуждать их связь друг с другом, когда предполагалось проследить лишь одну из многих проблем, которые ставит этот романский цикл. Если бы на английском языке существовала какая-либо работа, которая хоть в какой-то степени сделала то, что попытался сделать автор, он бы с радостью уделил больше места и времени разработке специального предмета этих исследований. Но единственная подобная работа на немецком языке - *"Die Gralsage" Бирх-Хиршфельда*. Многие интересующиеся артурианскими романами не знают немецкого языка; а те, кто проявляет к ним интерес и знает немецкий, не знакомы, судя по их трудам, с работой Бирх-Хиршфельда. Поэтому представляется целесообразным изложить факты об этом цикле с большей полнотой, чем это было бы необходимо, если бы эти факты были общедоступны. Писатель также считал, что, как бы ни оценивались его собственные домыслы, изложение фактов может придать его книге определенную ценность в глазах студентов. Он также хотел дать всем, кто испытывает интерес к открытой им линии исследования, возможность продолжить ее или проверить свои утверждения и догадки.

Автор взял свои тексты в том виде, в каком он их нашел. Он изучал сюжет романов, а не слова, в которых они были переданы. Поэтому тех, кто ищет филологических изысканий, предупреждаем, что они не найдут ничего интересного; а те ученые, которые хорошо знакомы с печатными текстами, но ищут свежие свидетельства MS., не должны искать их

здесь. С другой стороны, поскольку печатные тексты в большинстве своем настолько редки и дороги, что практически недоступны для тех, кто не располагает большой библиотекой, писатель надеется, что его аннотация к ним будет желанной для многих. Он постарался учесть все действительно ценные работы, касающиеся этой темы. Он попытался, хотя и безуспешно, получить экземпляр книги М. Гастона Париса об артурианских романах, которая, хотя уже несколько месяцев находится в печати, еще не опубликована.

Писатель сделал все возможное, чтобы отделить достоверное от предположительного. Как и М. Ренан в аналогичном случае, он просит читателя добавить "возможно" и "возможно", которые иногда могут быть упущены. Вся эта тема сопряжена с трудностями, и есть особые причины, по которым все результаты в течение некоторого времени должны рассматриваться как предположительные. Они упоминаются то тут, то там в ходе этих исследований, но, возможно, было бы неплохо собрать их воедино в этом месте. Во-первых, каких бы мнений ни придерживались относительно того, какие формы легенды являются более древними, несомненно, что ни в одном случае мы не обладаем первичной формой. Все версии, дошедшие до нас, предполагают, даже если они не свидетельствуют об этом, некую модель. Две из форм, которые по общему мнению считаются самыми древними, - поэмы Христиана де Труа и Робера де Боррона - так и не были закончены авторами; к обоим существуют продолжения, более поздние по времени и явно затронутые другими формами легенды. Реконструкция первоначальной истории в этих условиях - задача весьма сомнительная. Это связано с трудностями, присущими характеру свидетельств, - трудностями, которые, как следует опасаться, всегда будут преследовать изучающего эту литературу, поскольку новых текстов, скорее всего, не будет найдено. Во-вторых, эти свидетельства, какими бы они ни были, не доступны в форме, из которой можно извлечь максимум пользы. Самый важный член группы, Конт дю Грааль, существует только в одном тексте, и тот из позднего и плохого MS. Несомненно, что критическое издание, основанное на изучении всех свидетельств MS, прольет свет на все рассматриваемые здесь вопросы. Мабиноги Передура еще не подвергались критическому редактированию, равно как и MSS других романов не дали всего, что можно из них почерпнуть. В-третьих, какого бы мнения ни придерживались относительно связи северофранцузских романов с кельтской традицией, необходимо признать наличие какой-то связи. Сейчас изучение кельтской традиции только начинает становиться на прочную основу, а хранилища кельтских мифов и легенд только начинают открываться для некейтского ученого. Если бы существовала кельтская параллель к великому труду Гримма "Германская мифология", взгляды, которые отстаивает автор, по всей вероятности, были бы признаны уже сейчас, и необходимость в этой работе отпала бы вообще.

В то время как некоторые из причин, делающих изучение легенд о Граале столь увлекательным и проблематичным, вероятно, всегда будут оставаться в силе, другие исчезнут с ростом знаний. Когда дипломатические свидетельства будут доступны в достоверной форме; когда на романы будет пролит весь свет, который может быть пролит на них из кельтской истории, филологии и мифологии, будущему студенту будет сравнительно легко справиться с этой задачей. Одной из главных целей писателя было пробудить интерес к этим романам среди тех, кто способен изучить кельтские элементы в них гораздо эффективнее, чем это мог сделать он. Валлийские филологи могут многое сделать для объяснения "*Артурианского ономастикона*", а цимрская история в целом может прояснить сюжет. Но в целом валлийская литература поздняя, скудная и сохранила мало архаичного. Изучение ирландского языка обещает гораздо лучшие результаты. Из всех рас современной Европы ирландцы обладают самым значительным и самым архаичным массивом дохристианских традиций. На фоне их героической традиционной литературы та, что

существует у кимров, тевтонов (высоких и низких) или славян, является недавней, скудной и неоригинальной.

Несколько слов следует сказать в защиту свободного использования предположений в ходе этих исследований. Это почти неизбежно в силу того, как до нас дошли тексты, с которыми нам приходится иметь дело. То, что сказал М. Ренан о древнееврейских исторических писаниях, прекрасно видно на примере романов о Граале. В них не было фиксированного текста, определенной или округлой последовательности происшествий, целостность которой соблюдалась бы переписчиками. Напротив, каждый последующий переписчик стремился лишь добавить к бесконечной сказке какое-нибудь новое приключение, и больше всего внимания уделялось тем переписям, которые содержали наибольшее количество строк. Таким образом, ранние MSS. почти полностью исчезли, и мы имеем дело с произведениями, которые, как мы знаем, были написаны в двенадцатом веке, но транскрипции которых дошли до нас только в тринадцатом или четырнадцатом веке. В большинстве случаев несоответствия в ведении истории являются неизбежным следствием, но иногда новейший аранжировщик стремился к единству эффекта и достигал этого простым процессом изменения старого рассказа, чтобы он соответствовал новому. При работе с текстом *отдельного* автора, будь то древний или современный, было бы в последней степени некритично объяснять трудности такими гипотезами, как потеря более раннего черновика или внедрение в работу более поздних и несочетаемых инцидентов и концепций. В случае с романами дело обстоит иначе: этот способ объяснения естественен и законен, но в то же время он во многом предположителен.

Писателя можно упрекнуть в том, что он не представил свой предмет в более увлекательной и ясной форме. В качестве оправдания он мог бы привести обстоятельства, в которых проходила его работа. Когда единственными часами для занятий являются те, что остаются после выполнения ни много ни мало деловых и прочих обязанностей, трудно придать видимость единства ряду мельчайших подробностей и скрепить их в единое гармоничное целое. Тот факт, что работа была написана и напечатана со значительным интервалом во времени, можно, надеемся, принять как некоторое оправдание непоследовательности в терминологии.

Писатель должен выразить множество благодарностей. Первая и главная - доктору Бирх-Хиршфельду, без трудов которого, охватывающих почти всю область цикла Грааля, он вообще не смог бы взяться за свою работу; затем доктору Фурниваллу, чьему энтузиазму и духу обязана публикация некоторых наиболее важных текстов. В этих двух случаях писатель выражает свою признательность с тем большей готовностью, что он был вынужден прийти к выводу, противоположному тому, к которому пришел доктор Бирх-Хиршфельд в отношении генезиса и развития легенды, а также потому, что ему пришлось расходиться с оценкой доктором Фурниваллом моральной ценности романов о Галахаде. М. Хучеру, монс. Ш. Потвину, единоличному редактору "Конт дю Грааль", М. д'Арбуа де Жюбенвилю, профессору Эрнсту Мартину, ветерану Сан-Марте, герру Отто Кюппу и герру Паулю Штейнбаху эти исследования обязаны многим. Лекции профессора Риса Хибберта попали в руки писателя, когда он готовил к печати последнюю часть книги; они оказали ему большую услугу, и он был особенно рад, когда мнения, к которым он пришел, были подтверждены на совершенно независимых основаниях высоким авторитетом профессора Риса. Писатель также обязан ему, мистеру Х. Л. Д. Уорду из Британского музея и своему другу мистеру Эгертону Филлимуру за помощь, оказанную во время прохождения листов через пресс. Наконец, писатель хочет выразить особую признательность и уважение этому замечательному

ученому, Дж. Ф. Кэмпбеллу. Из всех мастеров фольклора, не исключая и Якоба Гримма, никто не обладал более зорким глазом или более верным, инстинктивно правильным суждением.

Хотя писатель признает, а точнее, настаивает на предположительном характере своих результатов, он верит, что находится на верном пути, и что если романы о Граале будут проработаны с любой другой точки зрения, кроме той, которая была принята здесь, цель будет достигнута та же. Следует сказать, что некоторые выводы, на которые он может претендовать как на свои собственные по праву первого упоминания, были изложены им в докладе, прочитанном в Фольклорном обществе в 1880 году (впоследствии перепечатанном, Celtic Magazine, 1887, август-октябрь); и в докладе, прочитанном в Достопочтенном обществе Cymmrodorion в 1884 году.

Эти исследования доставили писателю удовольствие и утешение; если бы дело обстояло иначе, он все равно чувствовал бы себя вполне вознагражденным за свой труд мыслью о том, что внес, пусть и незначительный, вклад в критику легенды о Святом Граале.

ОШИБКА.

[Читателя просят отметить эти исправления перед использованием книги].

Стр. 22, строка 12, для Corbièrс *читать* Corbière.

"25, строка 37, *вставить* Passion *перед* Week.

"30, 7 строка снизу, для Avallon *читать* Avalon.

"85, строка 24, для Percival *читать* Perceval.

"86, строка 12, для Percival *читать* Perceval.

"90, 5 строка снизу, для Pelleur *читать* Pelleans.

" 102, строка 22, для seems *читайте* seem.

" 120, строка 3, для 1180 *читайте* 1189.

" 124, строка 29, для Bron *читать* Brons.

" 156, строка 11, *вставить* запятую *после* специально.

" 159, строка 11, для Henessey *читать* Hennessy.

" 163, примечание, т.е. для Graal *читайте* Gaal.

" 183, строка 23, *вставить* запятую *после* more.

" 188, строка 5, для euphemerised *читайте* euhemerised.

" 188, строка 5, для invasion *читайте* invasions.

" 188, строка 17, для mystic *читать* mythic.

" 189, строка 1, для LXXVII *читайте* LXXXII.

" 197, примечание, для Карл Великий *читать* Карл Великий.

" 200, строка 12, *вставить* запятую *после* бедственного положения; *убрать* запятую *после* любви.

" 201, 1 строка снизу, *вставить* поздний *перед* средневековым.

" 204, примечание, для Персиваля *читать* Персеваль.

" 217, строка 23, для мистического *читать* мифический.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГЕНДЫ О СВЯТОМ ГРААЛЕ.

ГЛАВА I.

Описание ведущих форм романа: Конте дель Грааль - Жозеф д'Аримати - Дидо - Персеваль - Квест дель Сен-Грааль - Великий Сен-Грааль - Парцифаль - Персеваль ле Галлуа - Мабиноги Передура - Сэр Персеваль - Дью Крон - Информация о дате и авторстве этих произведений в средневековых источниках.

Легенда о Святом Граале дошла до нас в следующих формах:

A.-Le **Conte del Graal**, поэма из более чем 60 000 стихов, большая часть которой (45 379 стихов) была впервые напечатана Потвином: Le Conte del Graal, шесть томов, 8vo. (тома ii.-vi. содержат нашу поэму), Монс, 1866-71, с листа, хранящегося в библиотеке Монса.^[1] Часть поэмы, которая не напечатана полностью, кратко изложена Потвином в шестом томе его издания. Поэма, насколько известно на сегодняшний день, принадлежит перу четырех человек:

A I. Христиан де Труа, который довел работу до 10 601 стиха.

A II. Готье де Дулен, который продолжил ее до 34 934 стихов.

A III. Манессье, который закончил ее в 45 379 стихах.

A IV. Герберт, которому приписывается более 15 000 стихов, в основном интерполированных между Готье де Дуленсом и Манессье.

Сохранившийся в библиотеке Монпелье MS.^[2] в важных отношениях отличается от Монского в том, что касается Готье де Дуленса и Манессье. В ней 228 стихов помещены между 20 294 и 20 296 стихами Монса, а стихи 34 996-35 128 переписаны по-другому, в соответствии с вышеупомянутой интеркаляцией. В ней также упоминаются два визита Гавейна в замок Грааля. Интеркаляцию у Готье можно назвать A IIa, а вариант у Манессье - A IIIa.

Б.-Жозеф **д'Аримати, Мерлин**, существует в двух формах: (1) фрагментарная метрическая версия, озаглавленная в единственном существующем MS. (Bibliothèque Nationale, No. 20 047. Fonds St. Germain, No. 1 987) Li R(o)manz de l'est (o)ire dou Graal, и состоящая из 4018 стихов, 3514 - для Жозефа, остальные - для примерно пятой части Мерлина. Впервые напечатано Франциском Мишелем: Le Roman du St. Graal. Bordeaux, 1841. Вторично напечатано Furnivall: Seynt Graal or the Sank Ryal. Напечатано для Роксбургского клуба, два тома, 4to., Лондон, 1861-63, где оно находится в приложении в конце тома i. (2) Прозаическая версия, существует несколько MSS, все из которых полностью описаны Э. Хучером: Le Saint-Graal, ou le Joseph d'Arimathie, три тома, 12mo., Le Mans, 1875-78, vol. i., pp. 1-28. Главные из них: Cangé MS. (около 1250 г.), с которого Гучер печатает "Иосифа", т. I, стр. 209-276, и "Дидо",

написанный в 1301 г., с которого Гучер печатает "Иосифа", т. I, стр. 277-333. Хучер также приводит, vol. i., pp. 335-365, варианты из Huth MS. (около 1280 года).

Эти различные версии могут быть пронумерованы следующим образом: -

В I. Метрическая версия, которую я всегда буду цитировать как Metr. Jos., из издания Фернивалла.

В II. Прозаические версии: В IIa, Cangé Jos.; В IIb, Didot Jos.; В IIc, Huth Jos., все цитируются по Hucher, vol. i.

С.-**Персеваль**, прозаический роман, найденный в уже упомянутом Дидо MS. в конце Мерлина, напечатанный Хучером, т. i., с. 415-505, откуда он будет цитироваться как Дидо-Персеваль.

D.-**Queste del Saint Graal**, прозаический роман, часто встречающийся в MSS. в сочетании с Ланселотом и Mort Artur. Под редакцией Фернивалла: La Queste del St. Graal. Printed for the Roxburghe Club, 4to., London, 1864. Во введении содержится полный отчет о существующих MSS. Редакция, отличная от всех известных французских MSS, сохранилась в валлийском переводе, напечатанном, с современной английской версией редактора, с MSS пятнадцатого века Hengwrt, преподобным Робертом Уильямсом: Y Seint Graal, London, 8vo., 1876. Я процитирую.

D I. Queste, из издания Фернивалла.

D II. Уэльский квест, из издания Уильямса.

Е. - Так называемый **Великий Святой Грааль**, прозаический роман, найденный в MSS, как предшествующий "Мерлину" и "Квесту", так и предшествующий "Квесту" и "Морт Артуру". Напечатано Ферниваллом из Кембриджа и Brit. Mus. MSS., вместе с метрической английской адаптацией Генриха Лонелиха, примерно времен Генриха VI-го, в уже упомянутом Seynt Graal; и Hucher, vols. ii. и iii., из Le Mans MS.; будет цитироваться как Grand St. Graal, из издания Furnivall.

F.-**Parzival**, by Wolfram von Eschenbach, немецкий метрический роман, критически отредактированный из MSS. Карлом Лахманном, Wolfram von Eschenbach, Vierte Ausgabe, 8vo., Berlin, 1879, откуда будет цитироваться как Wolfram.

Ж.-Персеваль **ле Галлуа**, прозаический роман, впервые напечатанный Потвином, том i. его "Конте дель Грааль", из Монса, с вариантами из фрагментарного бернского MS. (об обоих вариантах см. с. 353 и др.). Уэльский перевод с современной английской версией, выполненной редактором, сделан с MS, тесно связанного с бернскими фрагментами, и представляет собой более совершенный текст, чем тот, который напечатал Потвин, в уже упомянутом Y Seint Graal Уильямса.

Кроме этих работ, существуют две версии легенды о Персевале, в которых Святой Грааль как таковой не фигурирует. Это

Н.- **"Мабиноги Передура, сына Эврака"**, валлийский прозаический роман, найденный в Красной книге Хергеста, рукописи конца XIV века, и в рукописях на сто лет старше. Я буду цитировать его как Peredur, из английского перевода "Мабиногиона" леди Гост, 8vo., London, 1877.

I.-Sir **Perceval of Galles**, английский метрический роман, впервые напечатанный с Торнтонского MS., *около* 1440 года, Халливеллом: The Thornton Romances, printed for the Camden Society, small 4to., London, 1884; из которого я буду цитировать его как Sir Perceval.

Наконец, существует независимая немецкая версия некоторых приключений, героем которых в "Конте дю Грааль", в "Вольфраме" и в "Мабиноги" является Гавейн. Это...

К.-Генрих **фон дем Тюрлин**. Diu Crône. Под редакцией Г. Х. Ф. Шолля. Bibliothek des Litterarischen Vereins, vol. xxvii., Stuttgart, 1852.

Положительная информация, которую дают различные списки вышеупомянутых произведений относительно их авторов, даты создания, источников и т.д., такова: в прологе к своей поэме Хрестиен (Potvin i., pp. 307-308) посвящает свое произведение "Li quens Felippes de Flandres", который, как он говорит (стих 67), "li bailla le livre", служивший ему образцом, и которого он очень долго восхваляет как превзошедшего Александра. Мы знаем, что граф Филипп Фландрский принял крест в 1188 году, отправился в Святую землю в 1190 году и умер 1 июня 1191 года перед Акконом.^[3] Поскольку Хрестиан ни слова не говорит о крестоносных намерениях Филиппа, можно предположить, что он написал свой пролог до 1188 года, а начал поэму не позднее 1189 года. Готье де Дулен (вероятно, из того же рода, в Пикардии, в нескольких милях от Амьена)^[4] оставил только свое имя, стих 33,755, Gautiers de Dons qui l'estore, и т. д. Следующий продолжатель Манессье был более откровенен; он описывает себя как завершившего работу по приказу ...

Жанны графини

Qu'est de Flandre dame et mestresse.

(Potvin, vi., p. 157.)

Эта Жанна, дочь Балдуина VI, *единолично* правила Фландрией во время заточения ее мужа после битвы при Бувине (1214-1227), и слова Манессье могут относиться к ней только в этот период, так что его продолжение должно быть написано между 1214-1227 гг.^[5] Третий продолжатель, Герберс, упоминает только свое имя (Potvin, vi., p. 212).

Автор версии В называет себя, В I, стих 3 461, мессир Роберт де Берон; в стихах 3 488-94 говорится, что никто из смертных не рассказывал эту историю, пока он не получил ее от

Mon seigneur Gautier en peis

Qui de Mont Belyal estoit.

В стихе 3 155 имя названо несколько иначе: Meistres Robers dist de Bouron. Прозаические версии следуют за поэмой с дополнениями, так, Канге Жозе (стр. 275); Messires Roberz de Borron lou restraît à mon seigneur Gautier, lou preu conte de Mobéliart.

Вальтер Монбелиарский, брат графа Ричарда Монбелиарского, отправился в Святую землю в 1199 году, стал констеблем Иерусалима, регентом Кипра и умер в 1212 году. Дата его рождения точно не известна, но поскольку его старший брат умер в 1237 году, Вальтер вряд ли мог родиться раньше 1150 года. Его отец, Амадей, умер в 1183 году, в этом же году он получил графство Монфокон. Возможно, только после того, как он стал независимым, Роберт поступил к нему на службу. В любом случае Роберт не мог говорить о нем как о "mon seigneur" раньше 1170 года. Поэтому этот год можно принять за *конечную точку*, а 1212 год - за *конечную точку* для датировки этих версий.

Великий Святой Грааль также приписывается в MSS Роберу де Боррону, и далее говорится, что он перевел его с латыни на французский язык - Et ensi le temoigne me sires robiers de borron qui a translatee de latin en franchois cheste estoire (ii. p. 78).

Квест, приписываемый в MSS Уолтеру Мапесу, как говорят, был составлен им ради любви своего господина, короля Генриха - maistre Gautiers Map les extrait pour l'amor del roy Henri son seignor, qui fist l'estore translater du latin en francois[6]- Уолтер Мапес, родившийся до 1143 года (он председательствовал на присягах в Глостере в 1173 году), умер в 1210 году. Если верить данным MSS, Queste , вероятно, относится к последним двадцати пяти годам двенадцатого века.

Автор Персеваль ле Галлуа описывает себя (Potvin, i., 348) как написавшего книгу для "сеньора де Неле", чье христианское имя, "Йохан", дано четырьмя строками ниже, по повелению "сеньора де Камбрези", *то есть* епископа Камбрейского. Этот Иоанн из Несле, вероятно, и есть тот, кто в 1225 году продал Брюгге графине Жанне Фландрской[7].

Вольфрам фон Эшенбах, из того же рода, из Северной Баварии, родился в последние тридцать лет двенадцатого века, умер около 1220 года. Он хорошо знал поэму Христиана и неоднократно ссылаясь на нее, но с большим презрением, считая ее неверной версией истории, тогда как истинная версия принадлежит певцу Киоту, "провансальцу", который нашел сказку о Парцифале, написанную на языческом языке в Доле (Тоledo) Флегетанисом, язычником, который первым учил о Граале, переложил ее на французский и после тщетных поисков в хрониках Англии, Франции и Ирландии наконец нашел информацию в хрониках Анжу (стр. 202 и 219).

В самих произведениях ничего не говорится об авторах "Мабиноги" и "Торнтонского сэра Персеваля".

Генрих фон дем Тюрлин часто цитирует Христиана в качестве своего авторитета, *например*, стихи 16 941, 23 046, 23 982.

Если принять эти различные утверждения, то получается, что в течение пятидесяти лет (1170-1220) появился большой массив романов, частично во Франции - Христиан, его продолжатели и Роберт де Боррон; частично в Англии - Вальтер Мапес; и частично в Германии - Вольфрам фон Эшенбах и Генрих фон дем Тюрлин. Из этого корпуса романов до нас дошла лишь часть, работа Кёта и латинские оригиналы Квеста и Великого Святого Грааля исчезли. Кроме того, можно с точностью датировать только три или четыре произведения: Христиана, Манессье, Вольфрама (чья поэма, несомненно, относится к первым десяти годам XIII века), хотя можно также с уверенностью утверждать, что Р. де Боррон писал после 1170 года, а анонимный автор "Персеваля ле Галлуа" - до 1225 года. Из датированных работ Крестьяна - самая старая, 1188-90 годов, и она предполагает существование предыдущих версий.

Цель настоящего исследования - определить, насколько это возможно, возраст и отношение друг к другу различных версий, дошедших до нас, показать самую древнюю форму истории в том виде, в котором она существует, и связать ее с кельтскими традиционными верованиями и литературой, поэтому, прежде чем перейти к дальнейшему обсуждению различных моментов, остающихся сомнительными благодаря свидетельствам, собранным из MSS, будет хорошо дать четкое и подробное резюме наиболее важных версий.

ГЛАВА II.

Резюме - Конт дю Грааль: Псевдо-Христиан, Христиан, Готье де Дуленс, Манесье, Герберт-Вольфрам-Генрих фон дем Тюрлин-Дидо-Персеваль-Мабиноги Передура-Торнтон МС. Сэр Персеваль-Квест дель Сен-Грааль-Гранд Сен-Грааль-Поэма Роберта де Боррона-Иосиф Аримафейский.

Конт дю Грааль. Псевдо-Кристиан.[8]- История повествует о "Граале", тайны которого, если мастер Блихис не солгал, никто не сможет раскрыть; она состоит из семи частей и рассказывает о том, как была разрушена богатая земля Логреса. (1) В колодцах и источниках той земли обитали девы, которые кормили путников мясом, пирогами и хлебом. Но царь Амангон поступил с одной из них дурно и унес ее золотую чашу, так что больше никогда не выходили девицы из источников, чтобы утешить странника. И люди короля Амангона последовали его дурному примеру. После этого источники иссякли, трава засохла, земля опустела, и не стало больше двора Богатого Рыбака, который наполнял землю изобилием и великолепием. (2) Рыцари Круглого Стола, узнав о злодеянии, причиненном девицам, отправились их защищать; но не нашли их, а прекрасных девиц, бродящих по лесу, каждая со своим рыцарем; с последними они боролись, а когда одолели их, отправили их к Артуру. Так пришел Блихос Блихерис ко двору Артура, завоеванному Говейном; он знал добрые сказки и рассказал, как блуждающие девицы произошли от тех, кого изнасиловал король Амангон. Так долго они блуждали, пока Бог не дал им найти двор, и тогда на землю пришли радость и великолепие. (3) Рыцари Артура решили отыскать двор Богатого Рыбака - он много знал о черном искусстве, более ста раз менял свое обличье, так что никто, увидев его, не узнавал. Гавэйн нашел его и очень обрадовался; но перед ним предстал молодой рыцарь, малый по возрасту, но не менее смелый - Персеваус ли Галуа. Он спросил, где находится Грааль, но не спросил ни о копье, с которого капала кровь, ни о мече, одна половина которого была отброшена, а другая лежала на козле. Зато он непременно спрашивал о богатом серебряном кресте. И вот в комнате трижды раздался такой великий плач, что никто из слышавших его, как бы смел он ни был, не убоился. После этого комната наполнилась, и вошел царь, богато одетый, так что его едва можно было узнать среди тех, кто видел его накануне, на рыбалке. А когда все уселись, вошел Грааль и без сержанта и сенешаля обслужил всех присутствующих, и было удивительно, какой пищей он их накормил. А потом случилось великое чудо, которому нет равных. Но об этом расскажет Персеваль, а я умолчу; стыдно заранее рассказывать о том, что есть в доброй сказке. Когда придет добрый рыцарь, который трижды находил двор, вы услышите, как я расскажу о Граале и копье, о том, кто лежал на одре, о мече, о горе и обмороке всех зрителей. (4) Теперь двор был найден семь раз, и каждый раз будет новая сказка:.

Седьмая (самая приятная) повествует о копье, которым Лонгис пронзил бок короля святого величества;

Шестая - о воинских подвигах;

Пятая - о гневе и гибели Худена; Четвертая - о небесном, ибо он не был трусом, рыцаре Морсе дель Калане, который первым пришел в Гламорган;

Третья о ястребе, которого так боялся Кастрарс, - Пекоринс, сын Амангона, все свои дни носил рану на лбу;

Второе еще не рассказано; оно повествует о великих горестях Ланселота Озерного, где он потерял свою добродетель;

И последнее - приключение со щитом, лучше которого не было.

(5) После этого приключения земля была вновь заселена; были найдены двор и Грааль; снова побежали ручьи; луга зазеленели, леса стали густыми и лиственными, так что все люди дивились. Но вернулся народ, тот же самый, что вышел из источников (только они не были поварами), каитиф, и построил для своих дам богатый Девичий замок, и мост Периллус, и замок Оргеллус, и воевал против Круглого стола. В замке их было 376, в каждом по 20 рыцарей. И только через четыре года Артур победил их, и наступил мир.

(Здесь начинается история Грааля).

(6) Было в земле Уэльса двенадцать рыцарей, из которых в живых остался один Блюкадранс, так стремились они к турнирам и поединкам. Прожив два года с женой бездетным, Блюкадранс отправился на турнир, устроенный королем Уэльса и Корнуолла против рыцарей Пустого Фонтана. Сначала он добился успеха, но затем был убит. Через несколько дней после его отъезда жена родила сына. Узнав о смерти мужа, она советуется со своим камергером и, совершив паломничество к святому Брандану в Шотландии, удаляется в Пустой лес, подальше от всех людей. Здесь она воспитывает сына и, хотя разрешает ему охотиться в лесу, предостерегает его от людей, покрытых железом, - они дьяволы. Он обещает следовать ее советам и с тех пор ходит в лес один.

Конт дю Грааль.-(а) Христиан.-(1) Когда деревья и луга покрылись зеленью, а птицы запели, сын вдовы вышел в лес. Он встречает пятерых рыцарей и, поскольку их оружие блестит на солнце, принимает их за ангелов, хотя сначала принял их за дьяволов, от которых его предостерегала мать. Он молится им, как учила его мать. Один из рыцарей спрашивает, не видел ли он пять рыцарей и три девы, которые проезжали этим путем, но он может только отвечать вопросами о вооружении и амуниции рыцарей. Он узнает о короле Артуре, который создает рыцарей, и, вернувшись к матери, говорит ей, что видел нечто более прекрасное, чем Бог и Его ангелы, а именно рыцарей, и он тоже станет одним из них. Напрасно мать рассказывает ему о судьбе его отца и двух старших братьев, убитых в бою. Ничего не помогает, и мать готовит ему платье из грубого льна и кожи, а перед отъездом советует ему следующее: Если барышня или девица обратятся к нему за помощью, он должен оказать ее, не делать им ничего неприятного, но целовать девицу, которая согласна, и брать у нее кольцо и пояс, если сможет; долго не ходить с попутчиками, имени которых он не знает, говорить и общаться с достойными людьми, молиться Господу нашему, когда приходит в церковь или монастырь. Затем она рассказывает ему об Иисусе Христе, Святом Пророке. Он уходит, одетый и вооруженный по валлийской моде, а его мать падает в обморок, словно мертвая. (2) Персеваль подъезжает к палатке в лесу и, приняв ее за монастырь, заходит внутрь и обнаруживает спящую на кровати девицу, которую будит ржание его коня. По совету матери он целует ее более двадцати раз, берет у нее кольцо, ест и пьет из ее запасов. После этого он уезжает, а ее возлюбленный, вернувшись и узнав о случившемся, клянется отомстить злоумышленнику, и до тех пор девица, в рассказ которой он не верит, должна следовать за ним босиком и не менять своего одеяния. (3) Персеваль узнает дорогу в Кардуэль у угольщика; прибыв туда, он видит выходящего из замка рыцаря с золотым кубком в руке, облаченного в красные доспехи, который жалуется на Артура за то, что тот лишил его земли. Персеваль въезжает в зал замка и застаёт придворных за мясом. Артур, погруженный в

раздумья, не обращает внимания на первые два приветствия Персеваля, который затем поворачивает коня, чтобы уехать, и при этом сбивает с короля шляпу. Затем Артур рассказывает ему, как Красный рыцарь унес его кубок, пролив содержимое на королеву. Персевалю нет дела до всего этого, он просит сделать его рыцарем, и все смеются. Персеваль настаивает и требует доспехи Красного рыцаря. Кекс велит ему принести их, но король недоволен. Персеваль встречает девицу, которая смеется и предсказывает, что он будет лучшим рыцарем в мире. За эти слова Некс бьет ее и бросает в огонь дурака, который повторял, что девица не будет смеяться, пока не увидит лучшего из рыцарей. (4) Персеваль больше не медлит, а идет за Красным рыцарем и требует от него отдать оружие и доспехи. Они сражаются, и Персеваль убивает своего противника броском дротика. Идущий за ним Йонесс заставляет его снять с рыцаря доспехи - если понадобится, он сожжет их, - и показывает ему, как обезоружить мертвеца и вооружиться самому. Затем Персеваль садится на рыцарского коня и уезжает, оставив кубок Йонессу, чтобы тот передал его королю, с посланием: он, Персеваль, вернется, чтобы отомстить девушке за удар, нанесенный ей Кексом. (5) Персеваль приезжает в замок, перед которым стоит старый рыцарь, которому он рассказывает о том, что с ним случилось, и у которого он просит совета, как велела ему его мать. Рыцарь, Гонеманс из Гельборта, принимает его в своем замке, учит владению оружием и всем рыцарским обычаям. В частности, он должен избегать излишней готовности говорить и задавать вопросы, а также отказаться от привычки всегда цитировать советы матери. Затем он нарекает его рыцарем и отправляет возвращаться к матери. (6) Через день пути Персеваль приходит в город, защищенный замком, и, получив разрешение войти в него, находит все пустым и заброшенным, даже монастыри. Хозяйка замка, девица необыкновенной красоты, приветствует его и приглашает к столу. Памятуя о советах Гонемана, он молчит, и она должна заговорить с ним первой. Она оказывается племянницей Гонемана. Ночью молодого незнакомца проводят в его покои, но девица не может уснуть от раздумий. Плача, она приходит к постели Персеваля и в ответ на его недоуменные вопросы рассказывает, как войска короля Кламадекса окружили замок и что завтра ей придется сдаться, но вместо того, чтобы принадлежать Кламадексу, она покончит с собой. Он обещает ей помочь и зовет ее к себе в постель, что она и делает, и они проводят ночь в объятиях друг друга, рот в рот. На следующий день он просит ее о любви в обмен на обещанную помощь, но она наполовину отказывается, тем сильнее подстегивая его. Он сражается с Агигреноном, маршалом Кламадекса, побеждает его и отправляет ко двору Артура. Кламадекс, узнав об этом, вновь пытается уморить замок голодом, но буря по счастливой случайности выбрасывает на берег проплывающий корабль и тем самым восстанавливает осажденных. Тогда Кламадекс бросает вызов Персевалю, побеждает его и отправляется ко двору Артура, куда прибывает вскоре после своего маршала. Они рассказывают о чудесах, связанных с Красным рыцарем, и король как никогда недоволен Кексом за то, что тот обидел столь доблестного воина. Пробыв некоторое время с Бланшефлер, Персеваль покидает ее, так как жаждет снова увидеть свою мать. (7) Он подходит к реке, на которой стоит лодка, а в ней двое мужчин ловят рыбу. Один из них, отвечая на его вопросы, направляет его на ночлег в свой замок, расположенный неподалеку. Персеваль отправляется туда и, не найдя его, упрекает рыбака. Вдруг он видит перед собой замок, входит в него, обезоруживается, облачается в алую мантию и попадает в большой зал. Там на кушетке лежит старик; рядом с ним горит огонь, вокруг которого сидят около четырехсот человек. Персеваль рассказывает хозяину, что прибыл из Бьяу-Репайра. Входит оруженосец с мечом, на котором написано, что он никогда не сломается, кроме как в одной опасности, известной только его создателю. Это подарок племянницы хозяина, который будет передан туда, где ему найдут хорошее применение. Хозяин отдает его Персевалю, "которому он был предначертан и предназначен". В этот момент входит другой оруженосец, держа в руке копье, с головки которого на руку

оруженосца стекает капля крови. Персеваль хотел бы спросить об этом чуде, но вспомнил совет Гонемана не говорить и не расспрашивать слишком много. Входят еще два оруженосца, в руках у каждого по десятистворчатому подсвечнику, а с ними девица с "граалем" в руках. Грааль сияет так, что гасит свет свечей, как солнце гасит свет звезд. Следом идет девица, держащая (серебряную) тарелку. Все осквернители проходят между огнем и кушеткой, но Персеваль не осмеливается спросить, зачем используется грааль. Затем следует ужин, и снова приносят грааль, и Персеваль, не зная его назначения, хотел бы спросить, но всегда воздерживается, когда думает о Гонемане, и в конце концов откладывает свои вопросы до завтрашнего дня. После ужина гостя проводят в его покои, а наутро, проснувшись, он обнаруживает, что замок опустел. Никто не отвечает на его зов. Выйдя вперед, он обнаруживает, что его лошадь оседлана, а разводной мост опущен. Решив найти обитателей замка в лесу, он выезжает вперед, но разводной мост закрывается за ним так внезапно, что если бы конь не рванулся вперед, то не миновать бы беды и всаднику. Напрасно Персеваль зовет: никто не отвечает. (8) Он пробирается дальше и приходит к дубу, под которым сидит служанка, держащая на руках мертвого рыцаря и оплакивающая его. Она спрашивает его, где он провел ночь, и, узнав это, рассказывает, что рыбак, направивший его к замку, и его хозяин были одним и тем же; раненый копьем, пронзившим оба бедра, он утешается только рыбной ловлей, поэтому его называют Королем-Рыбаком. Она спрашивает, видел ли Персеваль кровоточащее копье, грааль и серебряное блюдо? Спрашивал ли он об их значении? Нет; тогда как же его зовут? Он не знает его, но она догадывается: Персеваль ле Галлуа; но должно быть Персеваль Каитиф, ибо если бы он спросил о том, что видел, добрый король снова стал бы целым, и от этого проистекло бы великое благо. На его совести также лежит тяжкий грех: его мать умерла от горя, когда он покинул ее. Сама она приходится ему кузиной. Персеваль расспрашивает о погибшем рыцаре и, узнав, что это ее возлюбленный, предлагает отомстить ему за его убийцу. В ответ она рассказывает ему о мече, о том, как он разлетится на куски, если его не беречь, и как его можно сделать снова целым, окунув в озеро, возле которого живет его создатель, кузнец Требюше. (9) Персеваль покидает кузину и встречается на жалкой лошади скудно и убого одетую женщину жалкого вида, сетующую на свою тяжелую судьбу и несправедливое обращение. Это хозяйка шатра, кольцо которой Персеваль унес с собой. Она просит его прилететь к ее мужу, Оргеллусу де ла Ланду. Тот появляется, бросает вызов Персевалю, но побежден им, убежден в невинности жены, вынужден снова взять ее в услужение, и оба должны отправиться ко двору Артура, рассказать всю историю и подтвердить обещание Персеваля отомстить за девицу, которую поразил Некс. Артур, услышав о подвиге юного героя, отправляется со всем своим двором на его поиски. (10) Выпал снег, и стая диких гусей, ослепленная снегом, ранила одного из своих соколов. На снег упали три капли крови, и Персеваль, увидев их, погружается в глубокие раздумья о красном и белом на лице своей любви. Артур и его рыцари подходят к нему. Сайгреморс видит его первым, просит подойти и, когда тот ничего не отвечает, склоняется к , но бывает повержен. Тогда Кекс пытается попытать счастья, но его отцепляют от лошади так грубо, что ломают руку и ногу. Говэн заявляет, что, должно быть, любовь овладела мыслями странного рыцаря, вежливо подходит к нему, называет свое имя, узнает имя Персеваля и приводит последнего к Артуру, который принимает его со всеми почестями. Затем Персеваль узнает, что это Кекс, которого он сверг, и тем самым выполняет свое обещание, данное девушке, которую поразил Кекс и рыцарем которой он предлагает себя сделать. (11) На следующий день Персеваль возвращается со двором в Карлион, а в полдень приезжает верхом на желтом муле девица, более отвратительная, чем можно представить в аду. Она проклинает Персеваля за то, что он не спросил о копье и граале; если бы он сделал это, король исцелился бы от раны и спокойно правил бы своей страной; теперь же девы будут посрамлены, сироты и вдовы сделаны, а многие рыцари убиты. Повернувшись к королю, она

рассказывает о приключениях, которые предстоит пережить в замке Оргеллос, где живут пятьсот семьдесят рыцарей, каждый со своей возлюбленной. Но тот, кто хочет добиться наибольшей славы, должен отправиться в Монтесклер, чтобы освободить плененную там девицу. После этого она уезжает. Говен отправляется к пленной девице, Жифлес - в замок Оржелус, а Персеваль клянется не отдыхать две ночи на одном и том же месте, пока не узнает о граале и копье. (12) Входит рыцарь Гигамбресиль и обвиняет Говена в том, что тот убил своего господина. Тот сразу же отправляется к королю Кавалона, чтобы снять с себя это обвинение. (13) По дороге он встречает войско Мелиана, который готовится принять участие в турнире, чтобы утвердить себя достойным любви дочери Тиебаута из Тингагуэля, которая до сих пор отвергала его притязания. Говэн едет в Тингагуэль, чтобы помочь его владыке. По прибытии в замок старшая дочь насмехается над ним, а младшая принимает его сторону, объявляя его лучшим рыцарем, чем Мелиан, чем очень возмущает свою сестру. В первый день турнира Мелианс показывает себя лучшим рыцарем, но младшая сестра по-прежнему верит Говейну, и в результате ей затыкают уши. Она просит Говена стать ее рыцарем и отомстить за нанесенную ей обиду. Он соглашается, побеждает Мелианса, коня которого отправляет своей госпоже, и всех остальных рыцарей, а затем, назвав свое имя, отправляется в путь. (14) Он встречает двух рыцарей, младший из которых предлагает ему гостеприимство и посылает его к сестре, прося ее принять его. Она принимает его ласково, а когда, пораженный ее красотой, он просит у нее милости, сразу же их оказывает. Их прерывает управляющий, который упрекает ее в том, что она отдала свою любовь убийце отца, и призывает жителей замка напасть на Говена. Тот защищается до возвращения Гигамбресия, который упрекает хозяина замка за то, что тот позволил напасть на Говэна, так как сам выразил готовность сразиться в одиночку. Тогда Говену разрешают уйти и освобождают от боя, если в течение года он сможет вернуть кровоточащее копье. Он отправляется на его поиски. (15) Сказка возвращается к Персевалу, который пять лет скитался, не думая о Боге, но совершил множество подвигов. Он встречает трех рыцарей в сопровождении дам, одетых в одежду кающихся. Это была Страстная пятница, и старший рыцарь упрекает Персеваля в том, что он едет в полном вооружении в такой день. Он должен исповедовать его у святого отшельника, который живет неподалеку. Персеваль отправляется к нему и обвиняет себя в том, что забыл Бога из-за своего великого горя по поводу того, что не научился пользоваться граалем. Отшельник представляет его дядей и говорит Персевалу, что он грешен тем, что стал причиной смерти матери, и поэтому не мог спрашивать о копье и граале; если бы не ее молитвы, он бы не дожился до наших дней. Персеваль остается на два дня у дяди, получает отпущение грехов и уезжает. (16) Рассказ переходит к Говену, который после Эскалавона находит под дубом девицу, оплакивающую раненого рыцаря; та советует Говену идти дальше, что он и делает, и натывается на девицу, которая принимает его невежливо, а когда по ее приказу он приводит ее коня из сада неподалеку, насмехается над ним и уезжает. Он следует за ней и по дороге собирает травы, которыми лечит раненого рыцаря. Подъезжает оруженосец, очень отвратительный на вид, верхом на жалкой лошадке. Говен отчитывает его за невежливые ответы; Тем временем раненый рыцарь убегает с конем Говена, представляясь Гриогорасом, которого Говен когда-то наказал за дурной поступок; Говен вынужден следовать за девушкой на оруженосце, доезжает до реки, на другом берегу которой стоит замок, побеждает напавшего на него рыцаря, во время чего девушка исчезает, переправляется через поток, отдавая побежденного рыцаря паромщику в качестве платы за проезд; (17) на завтра приходит в Волшебный замок, где держат в заточении девиц, ожидая рыцаря, исполненного всех рыцарских достоинств, который вернет дамам их земли, женится на девицах и покончит с чарами дворца. Войдя во дворец, Говэн видит великолепную кровать, садится в нее, подвергается нападению магического искусства, побеждает льва и провозглашается

властелином замка. Затем он хочет покинуть замок, но паромщик запрещает ему это делать, и тогда Говэн приходит в ярость. На следующий день, оглядевшись, Говэн видит (18) девицу, которая привела его к броду, в сопровождении рыцаря. Он спешит вперед, побеждает рыцаря, снова ищет любви девицы, но она отправляет его к Перильскому броду. Там он встречает Гиромелана, который любит сестру Говена, Клариссан, обительницу Волшебного замка. Поединок назначен через семь дней. По возвращении к девушке, которую зовут Оргеллуза де Логрес, он оказывается в ее обществе. Она ненавидит Гиромелана за то, что тот убил ее возлюбленного, и давно ищет хорошего рыцаря, который отомстит за нее. Гиромелан, в свою очередь, ненавидит Говена за то, что тот, по его словам, вероломно убил его отца. Говэн и Оргеллус возвращаются в Волшебный замок. Одна из обитающих там королев становится матерью Артура, вторая, его дочь, - матерью Говэна. Последний дарит своей сестре Клариссан кольцо, которое Гиромелан просил его, не зная, кто он такой, принести ей. Затем он посылает рыцаря к Артуру, чтобы тот со всем своим обозом приехал посмотреть на бой между ним и Гиромеланом. Гонец застаёт Артура погруженным в печаль из-за отсутствия Говэна.

Здесь доля Христиана резко обрывается на середине предложения, и стихотворение переходит в следующую часть

(b) Готье де Дуленс.[9]- (1) Артур и его двор принимают приглашение Говена и отправляются в Замок Чудес, королева которого тем временем стала известна Говену как Игена, мать Артура. Поединок между Говеном и Гиромеланом пресекается, и последний женится на сестре Говена. (Монтп. MS. здесь вставляет первый визит Гавейна в замок Грааля, который по существу совпадает с тем, который он повторяет впоследствии в том же месте, что и в Mons MS.) Далее следуют приключения Артура и Гавейна против Брюна де Бранлана, Гавейна с девицей в шатре и ее брата Брандалиса, Кардуэля из Нанта, чья жена возлюбленная волшебника Гарахиета, их сына Карадоса и волшебного рога (стихи 11,000-15,800). (2) (Начинается новая серия приключений) Артур отправляется на поиски Гифлета, сына Доса; Говен снова встречается с Брандалисом, сестра которого тем временем родила ему сына; замок Оргеллус, где заточен Гифлет, захвачен; сын Говена от сестры Брандалиса потерян. (3) Незнакомый рыцарь прибывает ко двору Артура; Кий, требующий назвать его имя, лишается лошади; Говэн приводит незнакомого ко двору, но тот убит копьем, брошенным невидимыми руками. Говен облачается в доспехи незнакомого и пускается в путь, чтобы узнать его имя. Помолвившись в часовне, где он видит свет на алтаре, погашенный черной рукой, он едет через Бретань и Нормандию и прибывает в замок, где благодаря своим доспехам его поначалу приветствуют как лорда. В одном из залов стоит помост, на котором лежит рыцарь с крестом и сломанным мечом на теле, его левая рука кровоточит. Входит коронованный рыцарь и вступает в бой с Говейном; приходят каноники и дьяки и совершают бдение по мертвым; за столом Говейн видит богатый Грааль, который подает рыцарям хлеб и вино. После трапезы Говэн остается один; он видит копье, из которого течет кровь в серебряный кубок. Вновь входит коронованный рыцарь, неся в руке сломанный меч, принадлежавший неизвестному рыцарю, по которому он скорбит. Он вручает меч Говену и просит его собрать осколки воедино. Говен не может, и тогда рыцарь объявляет его неспособным выполнить задание (*li besoin*), с которым он пришел. Позже он может попробовать еще раз. Говэн спрашивает о копье, мече и телеге. Ему отвечают, что копье - это то самое, которым Сын Божий был пронзен в бок, и оно будет кровоточить до Судного дня. Расскажут и о сломанном мече, который принес столько горя королевству Логреса, но тут

Говэн крепко засыпает. 10] На утро он просыпается и оказывается на морском берегу. Он выезжает на берег, и видит, что страна расцвела зелеными листьями, а причина тому - его вопрос о копье. Жители благословляют и проклинаят его за то, что он избавил их и не завершил избавление, спросив о Граале. (4) Он встречает молодого рыцаря, который оказывается его сыном. (5) (Приключения, в которых Карайес, брат Говена, является главным действующим лицом.) (6) История возвращается к Персевалью, который, покинув отшельника, едет три дня и приезжает в замок, над дверью которого висит рог. Персеваль дует в него, побеждает рыцаря, который отвечает на вызов, и отправляет его ко двору Артура. (7) По дороге в замок Монт-Оржелус, к столбу которого только опытный рыцарь мог привязать своего коня, он приходит к ручью, на берегу которого ранее встретил Короля-Рыбака. В поисках моста он встречает девицу на муле, которая под предлогом показать дорогу через реку пытается его утопить. Затем он приходит к замку, войдя в который, обнаруживает, что тот не занят. В зале стоит шахматная доска. Персеваль играет, терпит поражение, выхватывает доску и делает вид, будто хочет бросить ее в ров. В этот момент из воды поднимается девица, чтобы остановить его, и, войдя в комнату, упрекает его. Пораженный ее красотой, он просит ее о милости. Она окажет их, если он принесет голову оленя, который бродит по замковому парку. Для этого она одалживает ему свою гончую и просит обязательно вернуть ее. Начинается охота; Персеваль настигает оленя, убивает его и, отрубив голову, готовится принести ее обратно, как вдруг злосчастная дева (*pucelle de malaire*) берет и уносит ее. Она упрекает Персеваля в том, что он убил ее оленя, но говорит, что может вернуть гончую, если подойдет к кургану, на котором нарисован рыцарь, и скажет: "Вассал, что ты здесь делаешь?". Затем следует бой с Рыцарем Гробницы, во время которого гончую и оленью голову уносит другой рыцарь, за которым Персеваль может последовать только после того, как одолеет Рыцаря Гробницы и загонит его обратно. Этот рыцарь, высокородный Черный рыцарь, прожил там лето и зиму пять лет, сражаясь со всеми встречными ради своей любви. Персеваль, следуя за рыцарем-разбойником, встречает девицу, унесшую гончую, но она лишь насмехается над ним в ответ на его вопросы. (8) После приключения с невежливым рыцарем Персеваль встречает брата Красного рыцаря, которого он ранее убил, который рассказывает ему, что видел дочь Короля-Рыбака, и она рассказала ему о рыцаре, который унес гончую и оленью голову, принадлежавшие хорошему рыцарю, который был при ее дворе, и не спросил о Граале, за что она забрала его гончую и отказала ему в помощи, чтобы преследовать Рыцаря-Разбойника. (9) Брат Красного Рыцаря направляет Персеваля в замок Короля-Рыбака, но тот сбивается с пути и после приключения в замке, где он убивает льва, побеждает Абриориса и отправляет его к Артуру; находит девицу, оплакивающую рыцаря, убитого великаном, которого он убивает, совершает подвиг Амурного Форда, встречается и сражается с сыном Говена, пока они не узнают друг друга, и в конце концов приходит к Бельрепару. (10) Сначала не узнавший Бланшефлер, он дает о себе знать, остается с ней три дня, а затем уезжает, несмотря на ее уговоры. (11) Он встречает Розетту (немилую девицу) и Ле Биаус Мауве, смеется над первым, получает вызов от второго, которого побеждает и отправляет к Артуру. (12) Он приходит в дом своей матери, входит, не представляясь, узнает от сестры, что мать умерла при его отъезде десять лет назад, рассказывает ей, кто он, и оба отправляются к своему дяде-отшельнику. По дороге Персеваль убивает рыцаря, который предлагает насилие его сестре. Они приходят к дяде, ночуют у него, а наутро Персеваль открывается, исповедуется и получает упрек в том, что накануне убил рыцаря. Персеваль, упомянув о своем желании узнать больше о копье, Граале и мече и получив добрый совет от отшельника, уходит с сестрой, с которой остается три дня, а затем покидает ее, несмотря на ее жалобные мольбы. (12a) Персеваль приходит в Девичий замок, где безвременно засыпает, а на следующий день оказывается в лесу, вдали от замка. (13) Персеваль находит девицу, унесшую гончую, сражается с ее рыцарем Гараласом,

побеждает его, узнает, что Рыцарь Гробницы - его брат, который десять лет жил с феей в волшебном невидимом замке и не встречал никого, кто мог бы его победить, пока не пришел Персеваль. Персеваль отправляет рыцаря и девицу к Артуру. (14) Персеваль встречает белого мула, запряженного девицей; он присоединяется к ней, хотя она умоляет его не делать этого. Внезапно в лесу вспыхивает яркий свет, он поворачивается, чтобы спросить свою спутницу, что бы это могло значить, но обнаруживает, что она исчезла. Начинается сильная буря. На следующий день он встречает девицу с мулом, которая не почувствовала бури. Она рассказывает ему о великом свете: он исходит от "Грея", который дал Царь царей, когда висел на кресте; дьявол не может сбить с пути человека в тот же день, когда он его видит, поэтому король велит носить его с собой. Персеваль спрашивает дальше, но ему отвечают, что только святой человек может говорить об этих тайнах. Персеваль рассказывает о своем приключении с дамой шахматной доски, и та дарит ему белого мула, который приведет к ее замку, а также кольцо, дающее обладателю власть над мулом. Он должен вернуть и то, и другое, когда встретится с ней. (16) Мул перевозит Персеваля через реку, по стеклянному мосту, на другом берегу которого он встречается с Бриосом, который уговаривает его принять участие в турнире, проводимом Артуром в замке Оргелус, поскольку он должен выиграть приз рыцарства, прежде чем прибудет в замок Короля-Рыбака. Персеваль оставляет оленью голову и гончую в замке Бриоса, уносит приз на турнире и остается неизвестным. (17) Далее он освобождает рыцаря, заточенного под надгробием, тот в ответ запирает его в гробнице, но, не сумев заставить мула идти вперед, вынужден освободить его и возвращается в свою тюрьму, сказав Персевалю, что знает его как лучшего рыцаря в мире. (18) Персеваль встречает девицу мула, которой он возвращает кольцо и мула, и которая спрашивает его, был ли он при дворе Короля-Рыбака; ответив, что нет, она спешит прочь. Персеваль молит Бога направить его к Замку шахматной доски. Голос велит ему следовать за гончей; он так и делает, достигает замка, его встречает дева, которой он дарит оленью голову и гончую, а она в ответ рассказывает ему о шахматной доске, которую *Моргелла-Фе* сделала в Лондоне, на Темзе, и дарит ему свои милости, как и обещала. На следующий день Персеваль отправляется в путь, сопровождаемый некоторое время девушкой, которая укажет ему дальнейший путь. (19) Они подъезжают к реке, на которой стоит лодка, привязанная к дубу. Персеваль должен войти в нее, переплыть реку и на другом берегу найти дорогу, ведущую к Королю-Рыбаку. По дороге Персеваль освобождает рыцаря, которого находит повешенным за ноги на дереве; это Багоммед, с которым так обошелся Кей, и который возвращается ко двору Артура, бросает вызов Кей, и только Артур мешает ему убить его. После этого все рыцари Артура отправляются на поиски Персеваля в Монт Долороус. Приключения одного лишь Говена подробно описываются до тех пор, пока сказка не возвращается к Персевалю. (20) Освободив Багоммеда, Персеваль, блуждая по лесу, приходит к дереву, в ветвях которого сидит ребенок, который ничего не может рассказать о Короле-Рыбаке, но говорит Персевалю, что придет завтра в Долору. Он так и делает и привязывает своего коня к столбу. Девушка на белом муле рассказывает ему о рождении Артура и о том, как Мерлин создал замок и столб, чтобы доказать, кто будет лучшим из рыцарей. Она была дочерью Мерлина. (21) Персеваль едет дальше и ближе к вечеру видит вдали дерево, на котором горит множество огней; когда он приближается, то видит лишь часовню, на алтаре которой лежит мертвый рыцарь. Вслед за внезапным сильным светом появляется черная рука, которая гасит свечу на алтаре. На следующий день он встречает сначала егеря, который говорит ему, что он находится недалеко от замка, а затем девушку, которая объясняет, что ребенок на дереве, часовня и черная рука связаны со Святым Граалем и копьем. (22) Наконец Персеваль приходит в замок Короля-Рыбака, которого он, как и прежде, находит на диване. Он рассказывает ему о своих приключениях и расспрашивает о ребенке на дереве, о дереве, полном огней, и о часовне с мертвым рыцарем. Тем временем

в зал входит девица с Граалем, за ней - другая с кровоточащим копьем, затем идет оруженосец с мечом, сломанным надвое. Персеваль снова задает свои вопросы и не хочет есть, пока на них не ответят. Сначала ему рассказывают о ребенке, который не хотел говорить с ним из-за его многочисленных грехов и который вечно лез вверх, чтобы показать, что мысли человека должны быть обращены к Творцу. Прежде чем узнать что-то еще, Персеваль должен попытаться сварить сломанный меч; это может сделать только истинный рыцарь, любящий Бога и супругу Бога, Святую Церковь. Персевалю это удастся, хотя небольшая трещина все еще остается. Король-рыбак обнимает его и приветствует как повелителя своего дома.

На этом раздел, который проходит под именем Готье, заканчивается.

[Часть раздела "Конт дю Грааль", написанного Готье, находится в Бернской рукописи, частично отредактированной, частично обобщенной Рошато в его работе "*Ein unbekannter Percheval li Gallois*" (*vide infra* [p. 101](#)). Эта версия имеет несколько примечательных особенностей. В ней есть короткое вступление из тринадцати строк; затем следует строка 21 930 Готье в тексте Потвина (Mons MS.). Далее следует инцидент, опущенный в Mons MS., но встречающийся в Монпелье и в Париже, 794: Персеваль встречает егеря, который упрекает его в том, что он был при дворе короля-рыбака и не спросил о Граале и кровоточащем копье. Далее следуют инциденты 6, 7 (8-й отсутствует, насколько можно судить по краткому изложению Рошата), с 9 по 13 (в котором Персеваль, очевидно, не посылает Гараласа и его любовь к Артуру) и с 14 по конец, а затем добавляется следующее окончание: Король-рыбак - отец Алена ле Гроса, муж Энигеи, сестра того Иосифа, который, когда тело Христа было снято с креста, получил его от Пилата в награду за свои услуги. Иосиф приготовил сосуд, чтобы собрать в него кровь из тела; это был тот же самый сосуд, в котором Иисус совершил Таинство в четверг накануне. Король-рыбак умирает на третий день, и вместо него воцаряется Персеваль.][11]

Конт дю Грааль продолжает...

(с) Manessier.- (1) Персеваль, полный радости, садится за стол; после трапезы копье, Грааль и красивое серебряное блюдо уходят перед королевским столом в соседнюю комнату. Персеваль, вздыхая, спрашивает об этих предметах и о девах, несущих их. (2) Король рассказывает следующее: копье - это то, которым Лонгис пронзил бок Господа в тот день, когда он висел на Кресте (MS. Montpellier: Когда Лонгис вынул копье, кровь потекла по ногам, так что Иосиф из Баримаси почернел от горя, и он собрал кровь в священный сосуд). На дальнейший вопрос Персеваля, Грааль - это сосуд, в котором была получена святая драгоценная кровь Господа нашего. Тогда Персеваль спрашивает, как она туда попала; (3) Иосиф принес ее, выйдя из темницы, откуда его освободил Веспасиан. Он крестил сорок своих друзей и странствовал с ними, пока они не пришли в Сарры, где, как повествует история, они нашли царя в храме Солнца. Иосиф помог королю в борьбе с его врагами с помощью красного креста, который он прикрепил к королевскому щиту. Эвелак, так звали короля, победил в битве, принял крещение и был переименован в Нудранса. То же самое произошло и с его шурином, Салафресом, переименованным в Натиена. Иосиф уехал оттуда, постоянно нося с собой Грааль, пока, наконец, не пришел сюда, обратил землю, и я, из его рода, храню поместье и Грааль, который никогда не будет жить в другом месте, с Божьей помощью". (В Монпелье говорится лишь о том, что Иосиф был заключен в темную темницу и находился там сорок лет, но Господь посылал ему сладость Грааля дважды или трижды в день. Тиберий и Веспасиан освобождают его и приводят в Рим, откуда он уносит копье). (4) На вопросы Персеваля о девушках: Грааль-носительница - королевской крови и чистая дева, иначе Бог не позволил бы ей держать его, она - мое дитя; носительница блюда - тоже

высокого рода, дочь короля Гуна Пустынного. (5) После этого король отправился спать, но Персеваль узнал о сломанном мече: в Киквагранте жил Гун Пустынный, брат короля. Осажденный Эспиногром, он сделал вылазку и убил его. Племянник Эспиногра поклялся отомстить; надев доспехи рыцаря Гуна Пустынного, он убил его, но меч сломался при нанесении коварного удара. Тело Гуна Пустынного привезли в замок его брата, туда же пришла и его дочь со сломанным мечом, предсказав, что придет рыцарь, соединит осколки и отомстит за страшный удар. Король-рыбак, неосторожно взявший осколки, был пронзен в бедро, и рана не заживала, пока не была отомщена смерть его брата. Имя убийцы - Партиниус, лорд Красной башни. Персеваль клянется отомстить за это зло, но сначала, несмотря на настоятельные намеки короля, что пора спать, должен узнать (6) о свечах на деревьях, о том, что это фейские деревья, а огни обманчивы, но они не могут обмануть Персеваля, ведь ему суждено достичь чудес на земле, и он покончил с этой иллюзией; (7) о том, как черная рука преследует часовню, где Пиногрес зарезал свою мать, и более четырех тысяч рыцарей были убиты ею. (8) Назавтра Персеваль отправляется на поиски Партиналя, встречается с Сайгреморсом и вместе с ним избавляет девицу от десяти рыцарей-разбойников. Персеваль, раненый, остается на месяц в замке девицы, и (9) на протяжении примерно пятнадцати сотен стихов (36 100-37 400) Сайгреморс рассказывает, как он преследует рыцарей-разбойников, приходит в Девичий замок, избавляет его даму от рыцаря Калидеса, который воюет с ней, а затем избавляет другую девицу, которой двое рыцарей предлагают насилие; (10) затем на протяжении более двух тысяч стихов Говен; как он готовится снова отправиться на поиски Короля-Рыбака; как к нему приходит дева, чей брат был убит на его службе, упрекает Говэна за его поведение в замке Короля-Рыбака и увлекает его за собой; как он спасает девицу, которую собираются сжечь; как после других приключений он убивает короля Маргона, возвращается ко двору Артура, сражается с Кексом, чтобы отомстить за брата девицы, и т.д. (11) Тем временем Персеваль, оставив девицу, которая хорошо за ним ухаживала, едет в лес, где его настигает сильная буря с громом и градом, после чего он приезжает в часовню, где лежит тело рыцаря, убитого черной рукой. Персеваль борется с дьяволом, которому оно принадлежит, побеждает его и с помощью отшельника, который рассказывает ему историю всех рыцарей, павших здесь, хоронит тело. Затем он исповедуется отшельнику, который советует ему не думать о приобретении славы, а спасать свою душу. (12) Персеваль, выезжая на следующий день, встречает дьявола, который сбрасывает его с лошади; он находит другую, садится на нее, но, подъехав к ручью, по счастливой случайности переправляется через него, когда тот исчезает; это был дьявол. (13) Мимо проплывает девица на корабле, на который садится Персеваль; она вспоминает о Бланшефлер, и желание овладевает им, но он снова вовремя перекрестился, и корабль с девицей исчезли. (14) Приходит отшельник, который наставляет его во всем этом, приводит его туда, где он находит свежего коня, и в прекрасный замок. Персеваль одолевает рыцаря, который хотел преградить ему путь, избавляет любовь Додинеля от рыцаря-преступника; к нему обращается за помощью девица Бланшефлер, которую притесняет Аридес Кавалонский. (15) Отправившись на помощь любимой, его лошадь хромот, он приходит к кузнецу, который говорит ему, что его зовут Трибуэт, кователь сломанного меча. Трибуэт делает меч целым и велит Персевалю хорошо его охранять: лучшего меча не было ни у короля, ни у завоевателя. (16) Персеваль добирается до Бель-Репара, побеждает Аридеса, которого отправляет ко двору Артура, велит ему объявить о своем прибытии на Витсунтид. Затем он покидает Бланшефлер и (17) встречается с Трусливым Рыцарем, который не желает сражаться даже тогда, когда видит, как двух девиц уносят десять рыцарей. Персеваль нападает на насильников, рыцарь-трусишка втягивается в борьбу и мужественно уходит. Спасенные девицы приводят рыцарей в свой замок, где Персеваль, тяжело раненный, остается на два месяца. (18) Тем временем Сайгреморс

объявил о прибытии Персеваля в Камелот. На исходе дня святого Валентина все рыцари отправляются на его поиски, и среди них Бурт; он встречает своего брата Лионеля, которого ведут, связанного и обнаженного, шесть рыцарей, которые подвергают его бичеванию, и в тот же момент слышит жалобы служанки, которой рыцарь причиняет насилие. Он оказывает ей помощь, а затем спешит за братом, которого тем временем спасает Говен. Лионель горько упрекает брата за то, что тот его бросил, и обрушивается на него с мечом в руке; Бурт не может защитить его и был бы убит, если бы не проезжающий мимо рыцарь Калогринант, который платит за его вмешательство своей жизнью. Наконец, небесное вмешательство успокаивает Лионеля. Калогринанта хоронит отшельник. (19) Исцеленный Персеваль покидает замок вместе с рыцарем-трусом, присутствует с ним на турнире, на котором выделяется среди всех остальных, оставляет своего спутника, которому дает имя Ле Хардис, и (20) встречает Гектора, который бросает ему вызов. Они сражаются и едва не убивают друг друга. К ним, лежащим на поле боя, является ангел с Граалем и делает их целыми. (21) Персеваль едет к замку Партиналя, перед которым стоит ель, на которой висит щит. Персеваль бросает его вниз, после чего появляется Партиналь, и начинается отчаянная схватка, закончившаяся свержением Партиналя и, поскольку он не подчинился никаким условиям, его смертью. Персеваль отрубает ему голову и отправляется в замок Грааля, но только после летних поисков случайно натывается на него. (22) Когда он приближается к замку, к королю приходят стражники и сообщают, что едет рыцарь с головой, висящей на луке седла; тогда король вскакивает на ноги и сразу же становится целым. Голову Партиналя прикрепляют к пике на самой высокой башне замка. После ужина, за которым происходит та же мистическая процессия талисманов, что и раньше, король узнает имя Персеваля и тем самым выясняет, что он сын его родной сестры. Он хотел бы передать ему свою корону, но Персеваль поклялся не брать ее, поскольку его дядя жив. (23) Он возвращается ко двору Артура, преодолев по пути семь рыцарей, и рассказывает о своих приключениях, которые Артур записал и хранил в шкатулке в Солсбери. Появляется дама Грааля и сообщает Персевалю, что его дядя умер. Персеваль отправляется в Корбьер в сопровождении всех придворных, которые помогают ему короноваться и остаются с ним на месяц, в течение которого Грааль кормит всех самыми дорогими яствами. Он женит своих кузин, двух носительниц Грааля, на двух доблестных королях и царствует в мире семь лет. (24) После этого он уходит за отшельником в пустыню, сопровождаемый Граалем, копьем и священным блюдом. Он служит Господу десять лет, а когда умирает, Грааль, копье и блюдо, несомненно, возносятся на небо, ибо с того дня их никто не видел.

(d) Герберт. (Согласно Бирчу Хиршфельду, интерполирован между Готье и Манессье, и поэтому присоединяется к последнему инциденту в Готье)[\[12\]](#).

(1) Грех Персеваля, косвенно ставшего причиной смерти матери, не позволяет ему восстановить сломанный меч, и он снова отправляется на поиски Грааля. Ночью ему снится, что сестре угрожает опасность, а наутро он просыпается в открытом поле - замок Грааля исчез. (2) Он приходит к красивому замку посреди луга и, обнаружив, что дверь закрыта, стучит в нее мечом, пока тот не ломается. Появляется старик и говорит, что сломанный меч будет стоять ему еще семи лет странствий, пока он снова не придет к замку Грааля. Все, что он может сделать для Персеваля, - это дать ему письмо, которое исцеляет раны и делает владельца непобедимым. (3) Персеваль едет по стране, которая накануне была пустой и безлюдной, а теперь стала возделанной и населенной; все окружают его и благословляют за перемены, вызванные его расспросами о Граале. (4) Он приходит в замок, где находится кузница, охраняемая двумя змеями, и на ней лежит меч, выкованный в течение года, и его нельзя сломать, кроме как в случае определенной опасности, или починить, кроме как в той же кузнице. Персеваль, противостоя дьяволу в облике прекрасной девы, нападает на двух

змей и побеждает их, а его меч чинит кузнец, который рассказывает ему, как он сломал его у ворот Рая. (5) После того как Персеваль своим письмом исцелил двух рыцарей Круглого стола, потерявших рассудок в замке Долороус, он прибывает в Карлион, ко двору Артура, и совершает приключение с Периллийским сидением, которое послала Артуру фея. На нем может сидеть только тот, кому суждено найти Грааль. Шесть рыцарей, которые ранее пытались совершить этот подвиг, были поглощены землей; они появляются вновь, когда Персеваль добивается успеха. (6) Персеваль вызван со двора брошенной девицей, лжелюбовника которой он заставляет жениться на ней; затем, преодолев новое искушение в облике девицы, он приходит в замок своей сестры, побеждает ее противника, оказавшегося Мордретом, и достигает Девичьего замка, где его исцеляет от ран хозяйка замка, его кузина. Она рассказывает ему о его матери, Философине, и о том, как Грааль был вырван из поля зрения людей из-за греховности мира. Персеваль оставляет сестру в этом замке, где дамы целомудренны, а девицы - служанки. (7) Вернувшись ко двору, куда Мордрет препроводила его в печальном положении, Персеваль подвергается насмешкам со стороны Кекса, которого он побеждает, а затем встречает Говена и Тристана. (8) Покидая двор, он встречает четырех рыцарей, несущих своего отца, смертельно раненого, сопровождает их в замок, узнает в раненом рыцаре Горнуманта, который посвятил его в рыцари, клянется отомстить за него, рассказывает обо всем, что с ним случилось, и узнает, что причиной всех его неудач является то, что он бросил свою суженую Бланшефлер, которая, как он знает, является племянницей Горнуманта. Ему говорят, что если он будет внимательно слушать мессу и женится на девушке, то все будет хорошо, и он узнает секреты копья и Грааля. Но сначала Персеваль побеждает страшную ведьму, которая по ночам оживляет врагов Горнуманта, убитых днем. У нее есть зелье, которым пользовался Христос в гробу, и с его помощью она оживляет мертвых. Она узнает Персеваля и признает его своим победителем, но пока она жива, он ничего не должен знать о Граале; она действует по приказу короля Пустого города, который ненавидит всех христиан. Персеваль испробовал силу зелья на самом доблестном из своих врагов, с которым вступил в новую отчаянную схватку, исцелил им Горнуманта и отправился жениться на Бланшефлер, так как желает жить чисто и избежать смертного греха. (9) Она радуется его прибытию; делаются приготовления к свадьбе; накануне вечером она приходит к его постели в плаще и мантии, и они проводят ночь бок о бок, но с простыней между ними. Затем следует свадьба, и тогда, боясь лишиться небесной радости из-за плотских желаний, они решают противостоять дьяволу и жить девственно, ибо девственность превосходит все остальное, как топаз превосходит хрусталь. Персеваль во сне получает заверение, что из его рода произойдет рыцарь-лебедь и освободитель Гроба Господня. А пока он продолжает поиски копья и Грааля. (10) На следующий день он покидает Бланшефлер, "горничная укладывает ее спать, горничная встает"; освобождает девицу, преследуемую жестоким рыцарем; (11) приходит в замок, где путник должен сначала сразиться с четырьмя рыцарями, а затем с хозяином замка; отменяет этот обычай; (12) приходит к перекрестку дорог, где одна безопасна и легка, а другая полна приключений и опасностей; встречает рыцаря, весь в огне; видит двух отшельников, один из которых стоит на коленях перед крестом, а другой бичует его; затем чудесное животное, лань, за которой следуют олени, которые нападают на нее и пожирают; (13) ему вручают у отшельника щит, который не может носить никто, кроме обладателя Грааля, после чего стол, до этого скромно накрытый, покрывается богатыми яствами, и он узнает смысл мистических сцен, свидетелем которых он был. (14) Его вызывает девица, которая рассказывает ему о Короле-Драконe, повелителе языческого народа, живущего посреди моря, обладателе щита, на котором нарисован дракон, изрыгающий пламя. Персеваль отправляется на него, противостоит дьяволу, обитающему в голове дракона, благодаря своему чудесному щиту, на котором нарисован крест, и обращает его в бегство; продолжает борьбу с рыцарем-драконом без

щита и убивает его, но только после того, как покается в своих грехах. (15) Тем временем щит похитил вор, преследуя которого, Персеваль приходит в аббатство, где узнает историю Иосифа Аримафейского. Примерно через сорок лет после Распятия жил языческий царь Эвелак в Саррах, откуда происходит название сарацинов, которого сильно потеснил Толмес, царь Сирии. К нему приходит Иосиф из Баримаскии, пять лет служивший у Пилата, и с ним его шурин Серафим; он обещает царю победу, если тот даст себя крестить. Царь согласился и получил имя Мордрах. Тогда пришел Иосиф в эту землю, и с ним шестьдесят человек и две прекрасные дамы, из которых одна, Философина, носила пластину, другая - вечно кровоточащее копье, а у Иосифа был сосуд, прекраснее которого не видел человек. Но король Крудель бросил Иосифа и его спутников в темницу, где они пробыли сорок дней, но это им не повредило, так как благодаря Святому Граалю они наполнились великим изобилием и исполнили все желания. Узнав об этом, Мордрайнс собрал большое войско, вторгся в земли короля Круделя, напал на него и убил. Обезоружив его, Мордрайнс обнаружил, что весь покрыт ранами, ни одной из которых он не чувствовал. На следующий день Иосиф поставил стол в виде алтаря и положил на него Грааль, который Мордрайнс, увидев, прижал к себе. Но ангел с огненным мечом удержал его, а голос заверил, что возложил на его плечи такое бремя, что оно не пройдет, и раны его не исцелятся, пока не придет истинный рыцарь, возлюбленный Христа, безгрешный, и на его руках он, Мордрайнс, умрет. А до тех пор единственной пищей для него будет Хозяин. С тех пор прошло триста лет, и монахи слышали, что в стране появился рыцарь, который спросит о копье и Граале и тем самым исцелит короля. (16) Наутро Персеваль отправляется в путь и приходит к замку, где стоит гроб, привезенный в лодке, запряженной лебедем; никто, кроме лучшего рыцаря в мире, не может открыть его. Все пытались, даже Говен, и потерпели неудачу. Персевалю это удастся, и он находит в гробу тело рыцаря, бывшего хозяина замка, и письмо, в котором говорится, что тот, кто откроет гроб, - его убийца. Персеваль, на которого напали сыновья покойного, защищается, сделав из тела младшего сына контрфорс. После этого он побеждает жителей замка и освобождает Говена, находившегося в нем в плену. (17) Персеваль, исповедавшись в своих грехах отшельнику, попадает в приключение с дьяволом, который выходит из гробницы, но, которого он заставляет вернуться обратно. (18) Затем он помогает девице, которую ее ревнивый возлюбленный бросил в фонтан; (19) наказывает девицу, искушающую его в предательстве; (20) встречается с великаном, которого одолевает, и испытывает на себе его страшные удары; (21) вновь победоносно встречается с Кексом и, наконец, (22) прибывает на перекресток, направляется крестом ко двору Короля-Рыбака, достигает его, сразу же просит Грааль, подвергается допросу короля и рассказывает о своих аллегорических приключениях. За столом появляется Грааль, а за ним копье и меч. Персеваль собирает меч, и король, полный радости, обнимает его.

Вольфрам фон Эшенбах "Парцифаль": Гаммурет, отец Парцифалья, отправляется на Восток, поступает на службу к Баруку, завоевывает любовь языческой королевы Белакане, но, пожив с ней недолго, оставляет ее, обещая вернуться, если она станет христианкой. Она рождает сына и называет его Фейрефиз. Гахмурет своей удачей на турнире завоевывает любовь Герцелойды, на которой женится с условием, что будет ездить на турниры каждый месяц. Услышав, что его старому господину Баруку грозит опасность, он спешит к нему на помощь и погибает. Герцелойда, получив это известие, решает удалиться в пустыню и воспитывать сына в неведении о рыцарстве.

[Начиная с этого момента и до приключения с Оргеулзой, когда доля Христиана в Конте дю Грааль обрывается, Вольфрам очень тесно сходится с Христианом. В Германии много спорили о том, действительно ли у него была другая модель, кроме Христиана, и не является ли его предполагаемая модель Киот притворным источником, чтобы оправдать отход от

истории, изложенной в "Конте дю Грааль". Краткое изложение аргументов за и против этой точки зрения можно найти в Приложении А. Главные различия в части, общей для двух поэтов: более важное место в повествовании, отведенное кузине Персеваля, которую Вольфрам называет Сигуне, которую вскормил из Грааля вестник Грааля, немилая девица, о любви которой с Шианатуландером Вольфрам оставил фрагменты другой поэмы, Титурель. Парцифаль встречается с ней сразу после своего приключения с хозяйкой шатра. Любовь Парцифалья зовут Кондвиратур. В первую брачную ночь он покидает ее служанку (как и в версии Герберта). Но самая главная особенность поэмы Вольфрама - рассказ о самом Граале, камне, дающем любую пищу и питье, сила которого поддерживается голубем, каждую неделю возлагающим на него Воинство, отданное после падения восставших ангелов в управление Титурелю и его династии, хранимом ими в замке Грааля, Монтсальваче, охраняемом священным рыцарским орденом, который он выбирает сам. Рыцари дают обет девственности, лишь королю разрешается жениться. Причина увечья короля (Амфортаса) в том, что он взялся за оружие во имя мирской и незаконной любви. Когда Парцифаль покидает замок Грааля после первого посещения, его высмеивают сотрапезники за то, что он пропустил этот вопрос. Больше внимания уделяется сломанному мечу, с которым связано магическое заклинание, которым Парцифаль должен овладеть, прежде чем стать повелителем замка Грааля. Ненавистная девица Кундри также является для Вольфрама гораздо более важной персоной, чем для Христиана, и она вступает в контакт с кузиной Парцифалья, Сигунэ. Парцифаль подробно останавливается на любви к своей жене, и отшельник призывает его скорее воссоединиться с ней, чем искать Грааль].

После приключений с Оргеевой Вольфрам продолжает так: "Хозяин волшебного замка, где содержатся в плену мать Артура и другие королевы, - Клишор, племянник Вергилия Неаполитанского, который занялся магией после того, как его обезглавили от руки короля Иберта, жену которого, Иблис, он любил. Гавейн побеждает мага, и оба, ничего не подозревая, сражаются с Парцифалем. Последний, после множества мелких приключений, встречается своего сводного брата Фейрефиза и выдерживает с ним самую тяжелую из всех своих схваток. В конце концов их узнают, они обнимаются и отправляются ко двору Артура. Вновь приближается Кундри и сообщает Парцифалю, что он избран королем Грааля, что его жена и сыновья-близнецы Лоэрангрин и Кардейз вызваны в замок Грааля, и что теперь речь пойдет об освобождении Амфортаса и его земли. Вместе с Кундри и Фейрефизом Парцифаль едет в замок Грааля, встречается свою жену, все вместе они созерцают талисманы, кроме Фейрефиза, которому, как язычнику, отказано в лицезрении Грааля. Но он крестится, женится на Репансе де Шуа, девушке из Грааля, они возвращаются в Индию, и от них рождается Престер Джон. Парцифаль правит своим королевством Грааля. О его сыне Лоэрангрене рассказывается, как лебедь привел его на помощь герцогине Брабантской, как он женился на ней с условием, что она не будет допытываться о его происхождении, и как, когда она нарушила приказ, лебедь унес его от нее.

Генрих фон дем Тюрлин. - *Эпизоды Гавейна в Диу-Кроне.* - Параллелизм поэмы Генриха с поэмами Вольфрама и Христиана начинается около 17 500 стихов с приключения Гавейна, соответствующего Inc. 13 в Христиане (турнир за руку Тьебаута дочери Тингагуэля, эпизод с двумя сестрами, бой с Мелиансом де Лисом). У Генриха отец назван Лейгамаром, старшая дочь - Фурсенсефиной (Fleur sans еrine ?), младшая - Кебелеплуз, где Генрих принял за имя собственное французское выражение, указывающее на большую справедливость девицы. Инк. 14 у Христиана следует за этими различиями: название замка - Карамфи; Гавейн и легкомысленная девица удивлены братом последней, и именно ее отец, чтобы отомстить за обиду, нанесенную его дому, заставляет Гавейна поклясться, что в течение года он либо будет искать Грааль, либо вернется в качестве пленника в Карамфи. Chrestien's Inc. 15,

конечно, отсутствует, история переходит сразу к инк. 16, встреча с раненым рыцарем (здесь Лоэнис) и его возлюбленной Эмбли, которые вероломством лишают Гавейна его коня; затем прибытие в Замок Чудес и ночь, проведенная в заколдованной постели, где героя одолевают арбалеты, пущенные в него невидимыми врагами. Затем следует срывание цветка из заколдованного сада по приказу девицы (в "Христиане" и "Вольфраме" - Orgueilleuse, здесь - Mancipicelle), встреча с Гиремеланцем и вызов. Двор Артура прибывает в Замок Чудес, чтобы стать свидетелем поединка. Гавейн и Гиремеланц примиряются, последний женится на сестре Гавейна, а сам Гавейн отправляется на поиски Грааля. [Далее следуют приключения, не имеющие ничего общего ни с Христианом, ни с Вольфрамом, в которых Гавейн выигрывает талисманы, призванные помочь ему в поисках]. Гавейн отправляется на поиски в сопровождении Кея, Ланселота и Калокреанта. Они расстаются на перекрестках. Гавейн приходит к сестре мага (в Христиане - аноним, в Вольфраме - Клиншор, здесь - Гансгуотер) из Замка Чудес. Она велит ему позаботиться о том, чтобы, если он хочет увидеть Грааль, его не одолел сон, а для этого не пить слишком много; как только он увидит его и сопровождающих его девиц, он должен будет спросить о нем. Если он пренебрежет этим, все его прошлые и будущие труды окажутся бесполезными. На пути к замку Грааля героя подстерегают всевозможные опасности, препятствия и чудеса; в частности, он проводит ночь в замке, где за ним ухаживают невидимые руки. После многомесячных скитаний он встречается с Ланселотом и Калокреантом и узнает, что Кей в тщетной попытке проникнуть к Граалю был брошен в темницу. Затем трое товарищей приходят в замок Грааля. Их вводят в зал, который по великолепию превосходит все, что когда-либо видел земной глаз. Пол усыпан розами, на ложе лежит старик в расшитых золотом одеждах и наблюдает за двумя юношами, играющими в шахматы. Ближе к ночи зал наполняется рыцарями и дамами, входит юноша с мечом, который кладет перед стариком. Гавейну предлагают выпить, но он отказывается, а двое его спутников сразу же засыпают. Затем входят две девицы со светильниками, за ними два рыцаря с копьем, еще две девицы с "тоблером" (? tailleor, plate) из золота и драгоценных камней. За ними идет прекраснейшая из женщин, когда-либо созданных Богом, и с ней плачущая дева. На стол кладется копье, рядом с ним "тоблер", на котором три капли крови. В коробочке, которую несет прекрасная дама, лежит кусок хлеба, третью часть которого она отламывает и отдает старику. Гавейн, узнав в ней сестру Гансгуотера, больше не задерживается, а спрашивает, что означают эти чудеса. Тут же рыцари и дамы с громким криком вскакивают из-за стола, и возникает великая радость. Старик говорит, что то, что он видел, и есть Грааль; никто не видел его раньше, кроме Парцифаля, и тот не спрашивал. Своим вопросом Гавейн избавил от долгого ожидания и страданий и тех, кто умер, и тех, кто жив. Сам старик и его спутники действительно мертвы, хотя и не кажутся таковыми, но леди и ее девицы живы; за их незапятнанную женственность Бог даровал им Грааль и тем самым ежегодное пропитание старику. Все приключения Гавейна в последнее время происходили от Грааля. Теперь, когда он покончил со всеми, он должен получить в награду за свое рыцарство меч, который поможет ему в любой опасности. После него никто не увидит Грааля; о нем он не должен спрашивать и не должен знать больше. На рассвете рассказ старика заканчивается, и он со всем своим двором исчезает, оставив только госпожу с пятью фрейлинами. [Освободив Кея и пережив другие приключения, Гавейн возвращается ко двору Артура.]

Маленький Святой Грааль или Дидо-Персеваль.[13]- Пролог. После избрания Артура королем ко двору приходит Мерлин и рассказывает, что Артур - сын Утера-Пендрагона, воспитанный Антором как его сын. Все радуются этому, особенно Говэн, сын Лота. После ужина бароны приводят к Артуру Мерлина и рассказывают, что он был пророком Утера-Пендрагона и создал Круглый стол. Артур обещает почитать Мерлина. Тот вызывает его вместе с Гавейном и Ки и рассказывает, как во времена Утера-Пендрагона Круглый стол был

сделан по образцу того, что построил Иосиф, когда отделял добро от зла. Два короля Британии до этого были королями Франции и покорили Рим; королева Сибилла и Соломон пророчили Артуру стать третьим, и он, Мерлин, был третьим, кто уверил его в этом. Но это могло произойти только в том случае, если Артур создаст Круглый стол, как велел Мерлин. Грааль был дан Иосифу самим Господом, и по его приказу Иосиф повел великий народ в пустыню. И когда постигло их зло, Иосиф, по повелению Господа нашего, приготовил стол; при этом одно место было оставлено пустым в память об Иуде. На нем сидел Мойсей, лжеученик, но погрузился в бездну, откуда не выйдет до времени антихриста. Господь наш сделал первый стол; Иосиф - второй; он, Мерлин, - третий. Грааль был отдан на хранение богатому королю-рыбаку; но он был стар, полон болезней и не мог обрести здоровье, пока не придет рыцарь, сидевший за Круглым столом, истинный человек Бога и Святой Церкви и лучший рыцарь в мире по ратным подвигам. Он должен спросить у богатого рыбака, для чего нужен Грааль; тогда король излечится от недуга, чары Британии прекратятся, и пророчество исполнится. Если Артур сделает это, то произойдет великое благо; он же, Мерлин, должен отправиться в путь, так как не может часто показываться людям. Тогда он отправляется в Ортоберленд, к Блезу, своему учителю, который записывает эти вещи, и по его записям мы их знаем. Сын Алейна ле Гроса - ребенок по имени Персево, и когда Алейн умирает, он слышит голос Святого Духа, говорящий: "Знай, что ты близок к концу твоему и скоро придешь в общение с Иисусом Христом. Бронс, отец твой, живет на этих островах Ирландии, и с ним Грааль. И он не может умереть, пока сын твой не найдет его, которому он передаст благодать сосуда и научит тайным словам, которым научил его Иосиф, и тогда он исцелится от своих недугов. А сыну твоему я велю отправиться ко двору Артура, где его научат, как найти дом деда своего". Алейн умирает, а Персево садится на коня и приезжает ко двору Артура, и просит у него оружия, и остается там, и его очень любят.

(1) Артур предлагает устроить на Пасху турнир, величайший из всех, что видел мир, в честь Круглого стола. Сначала Персеваль не принимает участия в турнире, но затем, из любви к Алейне, племяннице Говена, которая подстрекает его к этому и присылает ему костюм из красных доспехов, он вступает в списки неизвестных и побеждает всех соперников, так что все говорят, что он должен занять пустое место за Круглым столом. Персеваль требует у короля освободить место и, получив отказ, грозит вернуться в свои земли и никогда больше не посещать двор. Артур уступает, и Персеваль садится на свое место. Тогда камни и земля жалобно стонут, и голос упрекает Артура в том, что он ослушался приказа Мерлина. Если бы не доброта Алейна ле Гроса, Персеваль умер бы смертью Мойсы. Теперь Артур должен знать, что судно, которое Господь наш дал Джозефу, находилось у богатого рыбака, а тот был болен и немощен, и пока не придет лучший в мире рыцарь, не мог умереть. И когда тот рыцарь придет к богатому рыбаку и спросит о сосуде, то он исцелится, но умрет в течение трех дней после того, как отдаст сосуд тому рыцарю и научит его тайным словам, переданным Иосифом. Таким образом, чары Британии должны прекратиться. (2) Персеваль клянется не ложиться ни на одну ночь там, где он лежал накануне, пока не найдет богатого рыбака. Гавэйн, Сагреморс, Бедуэрс, Хургайнс и Эрек клянутся в том же. Рыцари отправляются в путь под всеобщие причитания. Они расстаются в часовне, и рассказ следует за Персевалем. (3) Через два дня он находит девицу, плачущую над рыцарем Хурганетом, одним из Круглого стола, который отправился на поиски Грааля. Он избавил ее от великана и вместе с ней въехал в шатер, где они нашли рыцарей и дам, которые предупредили их, чтобы они не ждали хозяина, "Оргойлоса Деландеса", который убьет его. И пока они говорили, вошел карлик с бичом в руке, который свалил шатер. Затем появился Владыка шатра, облаченный в красные доспехи, и убил Хургане. Персеваль решает отомстить за его смерть, едет к шатру с девицей, предупреждает ее о том, что в нем находится, удивляется карлику, который бьет девицу бичом, после чего Персеваль валит его

на землю. Появляется рыцарь шатра; после отчаянной борьбы Персеваль побеждает его и отправляет с девицей ко двору Артура. Она хотела бы остаться с ним, но он думал о другом. (4) Персеваль приезжает к самому лучшему замку в мире, входит в него и не находит ни одного обитателя. Он находит только шахматную доску. Он начинает двигать фигуры, а они играют против него, и он трижды подряд получает шах и мат. В гневе он готовится сбросить шахматные фигуры в крепостной ров, как вдруг появляется девица и упрекает его. Он воздержится, если она придет к нему. Она соглашается, и после того, как ее оруженосцы и девицы обезоружили Персеваля, он присоединяется к ней. Пораженный ее красотой, он просит ее любви. Она дарует ему ее, если он поймает белого оленя в лесу. Она одалживает ему свою гончую и советует как можно лучше заботиться о ней. Персеваль преследует оленя, ловит его и, отрубив ему голову, пускается в обратный путь. Но тем временем старуха утащила гончую. Она отдаст ее только в том случае, если Персеваль подойдет к могиле, под которой нарисован рыцарь, и скажет: "Преступник, тот, кто тебя туда положил". Персеваль подчиняется, и тут же появляется рыцарь на черном коне, вооруженный черным. Они борются, и Персеваль одолевает его. Но тем временем второй рыцарь отнял у старухи оленью голову и гончую. Противник Персеваля бежит в гробницу, которая закрывается за ним, а Персеваль следует за вторым рыцарем после тщетной попытки получить помощь от старухи. (5) Его он не нашел; но после подвигов, более долгих, чем я могу рассказать, приходит в дом своего отца, где он родился. Он находит там только свою сестру и племянницу. Первая рассказывает ему о своем брате, который отправился ко двору Артура, после чего их мать умерла от горя. Персеваль предстает перед ней, пораженный ее рассказом о Граале и его хранителе, и спрашивает, может ли он прийти, чтобы увидеть его. Она отвечает: да; тогда он клянется не успокаиваться, пока не найдет его. Она пытается отговорить его, но он остается непреклонным. Тогда она уговаривает его пойти к их дяде-отшельнику, которому он может признаться в грехе смерти матери и который даст ему совет относительно квеста. (6) Оба отправляются туда. Дядя радуется, увидев их, и спрашивает, был ли Персеваль в доме своего отца, хранителя судна под названием Грааль, и, услышав, что нет, рассказывает, как за столом, который приготовили Иосиф и он сам, к ним пришел голос Святого Духа, велевший им идти на запад и приказавший богатому рыбаку, его отцу, прийти в ту землю, где заходит солнце (*авалоит*), сказав ему, что он не должен умирать, пока сын Алейна не станет лучшим рыцарем в мире. Персеваль был избран на службу своему господину; он не должен убивать рыцарей и не должен ложиться ни с одной женщиной - это роскошный грех. Его грехи помешали ему добраться до Бронса. Он должен быть осторожен и хранить себя от греха и преступлений, поскольку принадлежит к роду, который наш Господь так любил, что заложил свою кровь для их сохранения. Многие еще он говорит, и на следующий день Персеваль и его сестра отправляются в путь. (7) Они встречают рыцаря, который бросает им вызов. Персеваль, вспомнив о девушке, которая дала ему гончую, сначала не обращает на него внимания, но затем одолевает и убивает его. Персеваль очень огорчен тем, что так скоро нарушил запрет своего дяди. На следующий день он покидает сестру, пообещав вернуться, как только сможет. (8) Он встречает рыцаря, сопровождаемого девицей, самой уродливой из всех, что когда-либо были созданы, и тогда он расписывается и смеется. Рыцарь, возмущенный, бросает ему вызов, но его побеждают и вместе с девицей отправляют ко двору Артура. Кей насмеяется над ними, но Артур упрекает его и принимает их вежливо. Они остаются при дворе и узнают, что она была самой прекрасной женщиной в мире! (9) Персеваль приезжает к броду и сталкивается с его стражником, которого он побеждает. Его зовут Урбан из Черного Терна; его госпожа поставила его охранять брод. Ее замок исчезает с большим шумом, и она приходит на помощь своему любовнику со своими девами в виде птиц. Персеваль убивает одну из них, которая превращается в женщину, и вместе с остальными уносится в Аваллон. (10) Персеваль приходит к дереву на пересечении

четырёх дорог, среди его ветвей он видит двух обнаженных детей семи лет. Они говорят с ним о Граале и советуют идти по дороге направо. Они исчезают, и голос велит ему прислушаться к их совету. (11) Персеваль приходит к реке, где в лодке сидят три человека, и хозяин лодки велит ему плыть по течению, пока он не придет к своему дому. Персеваль едет целый день, не находя его, и проклинает рыбака. Наконец он подъезжает к замку с опущенным разводным мостом, входит в него, и два оруженосца одевают его в багряницу. Тем временем четверо слуг внесли в зал короля-рыбака, отца Алейны и деда Персеваля. Король пожелал оказать Персевалю положенную честь. Они едят, и в это время из покоев выходит оруженосец и несет в обеих руках по копью, из которого течет капля крови. За ним следует девица, несущая две серебряные тарелки и одежду; затем оруженосец с сосудом, в котором была кровь Господа нашего. Все кланяются, когда он проходит мимо, и Персеваль хотел бы попросить, но боится рассердить короля, помня о достойном человеке, которому он исповедовался и который запретил ему много говорить и слишком много спрашивать, ибо праздный человек неугоден Господу нашему. Всю ночь Персеваль думал о копье и Граале, а утром, проснувшись, не обнаружил ни мужчины, ни женщины. Он отправляется на поиски, но тщетно, и сильно огорчается. (12) Он находит горько плачущую девицу, которая, увидев его, восклицает: "Персево ле Галлуа, будь проклят, ты несчастнее, чем когда-либо, что был в доме богатого короля-рыбака и не спросил о Граале. Господь твой ненавидит тебя, и удивительно, что земля не разверзлась под тобой". Разве он не видел, как проносят Грааль и копьё? Если бы он спросил, что с ними делать, король, излечившись от недуга, вернулся бы к своей молодости; пророчество Господа нашего, данное Иосифу, исполнилось бы, и чары Британии были бы сняты. Но Персеваль не настолько мудр, доблестен и правдив, чтобы распоряжаться кровью. Но он придет снова и спросит о Граале, и его дед будет исцелен". (13) Девушка уезжает, а Персеваль, не найдя дома своего деда, едет дальше и подъезжает к дереву, под которым сидит девушка, и на ветвях которого висит голова оленя, унесенная от него. Персеваль берет ее и, когда его гончая, преследующая оленя, приближается, забирает и ее. Но тут появляется рыцарь, который их похитил. Персеваль сражается с ним и побеждает его; он узнает, что это брат рыцаря Гробницы, который живет в ней со своей любовью, сестрой той девицы, ради которой Персеваль охотился на оленя. К ней Персеваль и возвращается, дарит ей гончую и оленью голову, а затем уходит, отказавшись от предложения своей любви даже остановиться у нее на одну ночь. (14) Персеваль странствует семь лет, совершая множество подвигов и отправляя в плен к Артуру более ста рыцарей; но, не сумев найти дом своего деда, он впадает в такую меланхолию, что теряет память, так что больше не вспоминает о Боге и не заходит в церковь. Однажды в Страстную пятницу, во всеоружии, он встречает рыцаря и дам в одежде кающихся, которые упрекают его в том, что он ходит с оружием в день, когда был распят Господь наш. Персеваль рассказывает, возвращается к своему дяде-отшельнику, узнает, что его сестра умерла, и приносит покаяние. Песнопевцы в своих приятных рифмах ничего об этом не говорят; мы же расскажем вам об этом так, как мы находим это в сказке, которую Мерлин заставил записать Блеза. (15) Персеваль едет и встречает семерых оруженосцев Мелианца де Лиза, который собирается на турнир в Белый замок, девица которого должна стать призом победителя. Там будут все рыцари Круглого стола, вернувшиеся в тот Витсунтид из поиска Грааля безрезультатно. Персеваль покидает оруженосцев и приезжает в замок, где останавливается. Хозяин уговаривает его принять участие в турнире. На следующий день они выезжают на турнир и смотрят на него; Мелианц надевает платок хозяйки замка; он и Говен оказываются лучшими рыцарями, и дамы не знают, кому присудить приз. На следующий день Персеваль, решив принять участие, принимает шарф дочери хозяина, побеждает всех противников и посылает даме коней в обмен на ее шарф. На вопрос хозяина, не сватается ли он к девице из Белого замка, Персеваль отвечает, что не может взять жену.

Тогда появляется старик, который упрекает Персеваля в том, что он отправился на турнир и забыл о своем обете не спать две ночи в одном доме, пока не выполнит квест. Это Мерлин, прибывший из Хортобланда, чтобы сказать, что благодаря молитвам дяди Персеваля наш Господь желает, чтобы тот сохранил свою кровь. Он должен отправиться к своему деду. Персеваль спрашивает, когда он туда прибудет. "До года", - отвечает тот. "Это долгое время". "Не так", - говорит Мерлин, покидает его и рассказывает все Блезу, из письма которого мы узнаем об этом. (16) В ту же ночь Персеваль приходит в дом своего деда, его принимает Король-Рыбак, и когда они садятся за стол, появляется Грааль, а вместе с ним и мощи, и когда Персеваль видит их, он спрашивает, для чего нужен этот сосуд? После этого король исцеляется, и его облик меняется. Персеваль должен сначала сказать, кто он такой, прежде чем узнать такие святыне вещи. Узнав, что перед ним его внук, король подводит его к Граалю и рассказывает, что этим копьем Лонгис пронзил бок Иисуса Христа, которого он знал во плоти. В этом сосуде находится кровь, которую Иосиф поймал, когда она стекала на землю. Он называется Граалем, потому что угоден достойным людям; никто не может согрешить в его присутствии. Затем Бронс, преклонив колени, молится, и голос Святого Духа говорит ему, что пророчество сбудется; и он должен научить Персеваля тайным словам, которые Господь наш на кресте сказал Иосифу, а Иосиф - ему. Он так и делает, но я не могу и не имею права сказать, что это были за слова. Затем ангелы уносят его, а Персеваль остается, и чары Британии и всего мира прекращаются. И в тот же день Артур и его рыцари, сидящие за Круглым столом, слышат сильный шум, и сиденье вновь становится целым, которое сломалось при Персевале. Мерлин явился к Блезу, сказал ему, что его работа закончена, и отвел его к Персевалу, который был очень рад его обществу.

Эпилог. - Мерлин приходит ко двору Артура и рассказывает обо всем, что произошло. Рыцари, узнав, что поиски Грааля окончены, и помня о прежних словах Мерлина, призывают Артура вторгнуться на континент. Он делает это, побеждает Фролло, короля Франции; отказывает в дани императору Рима, побеждает его, но, узнав о предательстве Мордрета, возвращается в Англию. Последний убит, а Артур, смертельно раненный, перенесен в Аваллон, чтобы его исцелила Моргуэн, его сестра. Наконец, Мерлин рассказывает Персевалу, как он удалится из мира и больше не будет виден людям. И больше в сказке ничего не говорится о Мерлине и Граале.

Мабиноги Передур аб Эвравк. У Эвравка, ярла Севера, семь сыновей, шестеро из которых, как и он сам, пали на турнирах и в поединках. Его жена уносит младшего сына, Передура, в пустыню и запрещает показывать ему коней и оружие. Он растет сильным и активным и может обогнать козлов и оленей своей матери. (1) Однажды он видит, как мимо проезжают три рыцаря - Гвальхмай, сын Гвьера, Генир Гвистиль и Овейн, сын Уриена. Его мать объявляет их ангелами, и тогда он решает присоединиться к ним. Он расспрашивает Овейна о его снаряжении и использовании оружия. Его мать падает в обморок при мысли о том, что он покинет ее, но он выбирает коня и садится на него. Перед отъездом мать советует ему повторять заклятие, где бы он ни увидел церковь; принимать еду и питье, если их никто не предлагает; помогать при любом крике, особенно женском; если он увидит красивую драгоценность, взять ее и отдать другому; оказывать знаки внимания красивым женщинам, независимо от того, хотят они этого или нет. (2) После двух дней и ночей Передур приходит в шатер, где находит девицу. Половину еды и питья он берет себе, половину оставляет ей; при уходе просит у нее кольцо, которое она ему дает. Ее господин, вернувшись, ревнует и отправляется мстить за свою мнимую обиду. (3) Передур отправляется ко двору Артура. До него там побывал рыцарь, который жестоко оскорбил Гвенхивар, выплеснув ей в лицо кубок

с вином и вынеся кубок, и осмелился отомстить за оскорбление; но все повесили головы. В зал входит Передур и требует рыцарского звания. На возражения Кая, что он слишком плохо экипирован, карлик, который со своей спутницей целый год пробыл при дворе Артура, не разговаривая, приветствует его как цветок рыцарства. Кай ударяет его за это и пинает карлицу, которая повторяет приветствие. Кай велит Передуру найти рыцаря и вернуть кубок, тогда он получит рыцарство. Передур так и делает, а рыцаря убивает. Подоспевший Овейн показывает ему, как снять доспехи и облачиться в них, и велит возвращаться к Артуру. Но Передур отказывается: он не вернется ко двору, пока не отомстит за обиду, нанесенную Каем карлику и карлице. (4) Передур побеждает шестнадцать рыцарей и посылает их к Артуру с тем же посланием. (5) Передур приходит в замок у озера и видит, что у озера сидит почтенный человек и его помощник ловит рыбу, а старик хромой. И Передур входит в замок, и упражняется в обращении с оружием, и учится вежливости и благородной осанке; а старик - его дядя, брат его матери. Он должен оставить привычки и разговоры своей матери и, если увидит что-то, чему стоит удивляться, не спрашивать об этом. (6) Передур покидает своего дядю и приходит в замок, где живет второй его дядя - брат его матери. Его сила проверяется тем, что он должен прорубить мечом железную скобу. Дважды ему это удается, и разбитые части вновь соединяются, но в третий раз ни одна из них не соединяется, как прежде. Он достиг двух третей своей силы, и когда он достигнет полного могущества, никто не сможет с ним поспорить. Во время разговора в зал входят двое юношей с могучим копьем, с острия которого на землю стекают три струйки крови. Все плачут и причитают; но поскольку Передуру не дано понять смысл того, что он видит, он не решается спросить об этом. Затем входят две девицы с блюдом, в котором плавают голова человека в крови. Возмущение усиливается. Передур ложится спать. (7) На следующий день, с разрешения дяди, он выезжает в путь и застаёт прекрасную женщину, оплакивающую труп рыцаря. Она представляется его приемной сестрой, называет его проклятым за то, что он бросил мать и стал причиной ее смерти, и говорит ему, что это ее муж, которого убил рыцарь Поляны. Передур встречает последнего, побеждает его и заставляет взять в жены свою приемную сестру. (8) Передур приходит в замок, где живут восемнадцать юношей и пять девиц, и никогда он не видел столь прекрасной, как главная из них. Две монахини принесли флягу вина и шесть хлебов, и этого должно хватить на всех. Юноши уговаривают девицу предложить себя Передуру в жены или в любовницы. Она отказывается, но соглашается, когда они угрожают оставить ее врагам. Плача, она приходит к Передуру и рассказывает, как ее осаждает граф, добивающийся ее руки. Она просит его о помощи и предлагает отдать себя в его руки. Передур велит ей спать, он поможет ей. На следующий день он свергает хозяина дома графа. Чтобы спасти свою жизнь, тот должен отдать треть земель осажденной девицы. На второй день то же самое происходит со stewardом графа, на третий - с самим графом. Таким образом, Передур отвоевывает все земли своей хозяйки и остается с ней на три недели; если бы не ее любовь, он бы так долго не задержался. (9) Далее Передур встречает госпожу Шатра, с которой неласково обращался ее муж. Он одолевает ее, заставляет признать свою невиновность и отправляет обоих к Артуру. (10) Передур приезжает в замок высокой и статной дамы, которая предлагает ему бежать от колдуний Глостера, которые нападут на замок этой ночью; но он решает остаться и защищает одного из дозорных, когда его настигает колдунья. Та окликает его по имени. Она предвидит, что ей придется от него пострадать. Если он поедет с ней, то научится рыцарскому искусству и владению оружием. Передур соглашается, взяв с нее обещание не причинять вреда графине, и остается с ней на три недели. (11) Передур приходит в келью отшельника. Утром выпал снег. Перед кельей ястреб убил птицу, но его спугнул конь Передура; на птицу сел ворон. Передур сравнивает черноту ворона, белизну снега и красноту крови с волосами, кожей и двумя красными пятнами на щеках той, кого он любит больше всего. В то время как

он погрузился в раздумья, Артур и его домашние подходят к нему, но не узнают его. Юноша обращается к нему, но не получает ответа; тогда он бросается на Передура, но его сбивают на землю. Двадцать четыре юноши пытаются сделать то же самое, но получают аналогичный отпор. Затем подходит Кай и гневно говорит, но Передур ломает ему руки. Тогда Гвальхмай вежливо подходит к нему, узнает его имя и приводит его к Артуру, который оказывает ему честь. Так все возвращаются в Керлеон. (12) Передур добивается любви Ангарад Лоу Эуравк, а когда она отказывает ему, клянется не разговаривать ни с одним христианином, пока она не полюбит его. (13) Передур приходит в замок огромного седого человека, язычника, после убийства льва, своего носильщика. Дочь седого человека предупреждает его о своем отце и по его просьбе приводит в его жилище коня и оружие. Передур побеждает вассалов, убивает сыновей седого человека и отправляет всех домашних к Артуру креститься. (14) Передур убивает змею, лежащую на золотом кольце, и завоевывает кольцо. Долгое время он не разговаривает ни с одним христианином и теряет цвет и облик от тоски по Артуру и своей возлюбленной. Он возвращается ко двору Артура, но никто не знает его, и он терпит, когда Кай пронзает его в бедро, не говоря ни слова. Он побеждает многих рыцарей, и в конце концов Ангарад Лоу Эуравк признается ему в любви. Он остается при дворе Артура. (15) Передур приходит в замок огромного, черного, одноглазого человека. Дочь последнего предостерегает его от своего отца. Но Передур остается, побеждает его и узнает, как тот потерял глаз. На Кургане Скорби стоит каирн, в каирне - змея с камнем в хвосте, достоинство которой в том, что она дает столько золота, сколько пожелает обладатель. В борьбе со змеей он потерял глаз. Он направляет Передура к змею, и тот убивает его. Передур отказывается от любви девиц замка и отправляется в путь. (16) Он приезжает во дворец сына Короля Мучений. Каждый день Адданк Озерный убивает их. Во время беседы в зал входит возница с трупом в седле. Они помазывают труп теплой водой и бальзамом, и он оживает. То же самое происходит с двумя другими юношами. На следующий день они снова выезжают против адданков, отказав Передуру, который хотел бы поехать с ними; но он следует за ними и находит сидящей на кургане прекраснейшую даму, которая, если он пообещает ей свою любовь, даст ему камень, с помощью которого он сможет видеть адданка и не видеть его. Он обещает, и она отдает ему камень, велев искать ее в Индии. Передур проходит через долину, где есть стадо белых овец и одно черное, и когда они переходят реку, протекающую через долину, они меняют цвет. Он узнает от их пастуха дорогу к пещере Адданка, убивает его, встречает трех своих спутников, которые накануне вечером сказали ему, что было предсказано, что он должен убить чудовище, предлагает им его голову, отказывается от их сестры, которую они предлагают ему в жены, принимает услуги юноши Этлыма Гледдыва Коха, который хочет стать его сопровождающим, и едет дальше. (17) Он прибывает ко двору графини Достижения, свергает триста ее рыцарей, но, узнав, что она любит Этлыма, отдает ее ему. (18) Передур в сопровождении Этлыма приходит к Кургану Скорби, убивает двух из трехсот рыцарей, охраняющих змею, убивает последнего, возвращает остальным ста рыцарям все, что они потратили, отдает Этлыму камень и отправляет его обратно к его любви. (19) Передур приходит в долину, где много цветных шатров, останавливается у мельника, у которого берет еду и ночлег, и узнает, что скоро турнир. Он побеждает всех присутствующих рыцарей, а их коней и оружие отдает мельнику в уплату. Императрица турнира посылает за ним, он трижды отталкивает ее посланцев, но на четвертый раз сдается. Она представляется дамой, которая помогла ему против Адданка, и развлекает его в течение четырнадцати лет. (20) Артур находится в Керлеоне-на-Уске, с ним его рыцари, и среди них Передур. Тут входит, верхом на желтом муле, дева ужасного вида. Она приветствует всех, кроме Передура, которого упрекает в молчании при дворе Хромого короля; если бы он спросил о значении падающего копы и о других чудесах, король обрел бы здоровье и мир во владениях - все его несчастья из-за Передура. Затем она рассказывает о замке, где живут

пятьсот семьдесят рыцарей, каждый со своей любимой дамой - там можно приобрести славу; и о замке на высокой горе, где в плену находится дева; тот, кто освободит ее, достигнет вершины славы всего мира. Гвальхмай отправляется освободить пленную деву, Передур - узнать, что означает кровоточащее копье. Перед их отъездом входит рыцарь и вызывает Гвальхмая на единоборство, ибо тот вероломно убил своего господина. (21) Гвальхмай встречает рыцаря, который направляет его в свой собственный замок, где его встречает сестра. Управляющий замка обвиняет его перед рыцарем в том, что он убил его, рыцаря, отца. Гвальхмай требует год, чтобы признать или опровергнуть обвинение. (22) Передур, который в поисках вестей о черной деве, но не найдя их, обошел весь остров, встречает священника, который укоряет его за то, что в Страстную пятницу он был в доспехах. Передур сходит с коня, просит благословения у священника и узнает о замке, где он может получить весть о Замке Чудес. (23) Передур отправляется туда и встречает короля замка, который представляет его своей дочери, которая хорошо его принимает. Маленький желтый листок обвиняет его перед королем в том, что он завоевал любовь его дочери, и советует бросить его в тюрьму. Но девушка подружилась с ним и помогла ему принять участие в турнире, где в течение трех дней он побеждает всех соперников. Наконец король узнает его и предлагает ему свою дочь, но он отказывается и отправляется в Замок чудес. (24) Прибыв туда, он обнаруживает открытую дверь, а в зале - шахматную доску и шахматные фигуры, играющие сами по себе. Он отдает предпочтение одной из сторон, которая проигрывает, после чего бросает шахматную доску в озеро. Входит черная дева и упрекает его: мол, шахматная доска снова окажется в замке Йсбидинонгиль, где черный человек разоряет владения императрицы. Передур побеждает его, но не щадит своей жизни; за это черная дева укоряет его, и он убивает его; но черная дева все равно отказывает ему в доступе к императрице, если он не сможет зарезать оленя, быстрого, как самая быстрая птица, с одним острым рогом во лбу. Она дает ему маленькую собачку, принадлежащую императрице, которая разбудит оленя. С ее помощью он убивает оленя, но проезжающая мимо дама уносит собаку и укоряет его за убийство оленя. Завоевать ее дружбу он может, лишь отправившись к кромлеху, расположенному в роще, и вызвав на поединок трижды живущего там человека. Передур соглашается и сражается с чернокожим человеком в ржавых доспехах, но когда он сходит с коня, его противник исчезает. (25) Передур едет дальше и подъезжает к замку, где сидит хромой седобородый человек, а рядом с ним Гвальхмай. В зал входит юноша и просит дружбы Передура - это была та черная дева, которая пришла ко двору Артура и укоряла Передура за шахматную доску; это был тот юноша, который пришел с окровавленной головой в солонке, а голова была кузена Передура, убитого колдуньями из Глостера, которые также ранили дядю Передура, а он, говоривший, был кузеном Передура. Передур обращается за помощью к Артуру, и они начинают борьбу с колдуньями. Одна из них убивает трех воинов Артура, после чего Передур поражает ее, и она убегает, восклицая, что это Передур, который учился у них рыцарскому искусству, их сужденный убийца. Она и все ее спутники были убиты. Так рассказывается о Замке Чудес.

Торнтон MS. Сэр Персеваль. (1) Персивелл - сын Персивелла и Ачефлур, сестры Артура. Его отец был убит на турнире Красным рыцарем, которого он ранее победил на предыдущем турнире. Его мать уходит в лес и воспитывает сына без всякого воспитания, пока ему не исполняется пятнадцать лет, и тогда она учит его молиться Богу. (2) Затем он встречается с тремя рыцарями двора Артура - Эвейном, Гавейном и Кеем. Он принимает их за богов. Узнав, что они рыцари, он решает отправиться ко двору Артура и самому стать рыцарем, ловит дикого коня и, вернувшись к матери, объявляет о своем намерении. Она советует ему быть всегда в меру, приветствовать рыцарей при встрече, а при отъезде дарит ему на память кольцо. (3) Он отправляется в путь и, встретив по дороге дом, освобождает его, ест, пьет и, обнаружив спящую на ложе даму, берет у нее кольцо, оставляя вместо него кольцо своей

матери. (4) Приехав в зал Артура, он въезжает в него и подъезжает к королю так, что его кобыла целует лоб Артура. Он требует от Артура рыцарского звания, угрожая в случае отказа убить его. Артур видит сходство с отцом, сокрушается о его безвременной кончине и вспоминает, что, согласно книгам, сын должен отомстить за отца. Персивель велит ему оставить звяканье и нарекает его рыцарем. Когда они садятся за стол, входит Красный рыцарь и уносит кубок Артура (он делал это пять лет), и никто не смеет ему помешать. Под причитания короля Персивель обязуется убить Красного рыцаря и вернуть кубок, если ему будет даровано рыцарство. Король обещает, Персивель преследует разбойника, который презирает его, но погибает от брошенного в него дротика. Он захватывает рыцарского коня и, не имея возможности снять с него доспехи, вспомнив наказ матери "из железа сожги дерево", разжигает костер, чтобы сжечь тело. Последовавший за ним Гавейн показывает ему, как снять доспехи; сняв их, Персивель бросает тело в огонь, чтобы оно зажарилось. Он отказывается вернуться к Артуру, считая себя великим властелином, как и король, но отсылает кубок обратно через Гавейна и едет дальше. (5) Он встречает старую ведьму, мать Красного рыцаря, которая обращается к нему как к своему сыну; ее он пронзает копьем и бросает в огонь. (6) Он встречает десять рыцарей, которые убегают, приняв его за Красного рыцаря, но когда он поднимает визир, самый старый рыцарь, успокоившись, рассказывает, как Красный рыцарь враждовал с ним и его сыновьями, и как пятнадцать лет назад он убил его брата. Узнав, что Персивель сжег его врага, он приглашает его в свой замок. (7) Во время трапезы из Девичьей страны прибывает гонец с просьбой помочь леди Луфамур против "Соудана", который хочет взять ее в жены. Персивель отправляется в путь с тремя сыновьями старого рыцаря, которых, однако, он отсылает обратно через милю. Тем временем король в Кэрбедде, оплакивая Персивеля, получает послания Луфамура, узнает от него о Персивеле и отправляется за ним со всем своим двором. Придя в лагерь Соудана, Персивель настигает стражу, но убивает их всех, а затем ложится отдыхать под крепостной стеной. Утром люди Луфамура сообщают ей о расправе над врагами. Она видит Персивеля и посылает своего камергера Хатлейна позвать его в свои покои. Во время совместного застолья приходит весть о том, что враги почти взяли город. Персивель выезжает один и вскоре не оставляет никого в живых. В это время он видит четырех рыцарей - Артура, Эвейна, Гавейна и Кея. Он бросается на них, и Гавейн принимает его удар. Они узнают друг друга и все отправляются в замок Луфамура. На следующий день Соудейн бросает вызов всем желающим; Персивель, прозванный Артуром рыцарем, убивает его и после этого выходит замуж за Луфамура. (8) Через год он вспоминает об одиночестве своей матери и отправляется на ее поиски. Услышав в лесу сетования девушки, он находит ее привязанной к дереву, так как за год до этого, когда она спала, незнакомец украл у нее кольцо, оставив вместо него свое. Теперь же ее кольцо было из камня такого достоинства, что ни смерть, ни боль не могли настигнуть его обладателя. Он освобождает ее, побеждает связавшего ее Черного рыцаря, примиряет их и требует свое кольцо взамен похищенного. Но Черный рыцарь отдал его владыке земли - великану. (9) Персивель убивает великана и забирает кольцо у носильщика. Тот рассказывает ему, как его хозяин, полюбив прекрасную даму, предложил ей то самое кольцо, но она, воскликнув, что он убил ее сына, бросилась в лес и с тех пор лишилась чувств. Персивель надевает шкуру козла и через девять дней поисков находит ее. Волшебный напиток великана погружает ее в трехдневный сон, после чего, восстановив рассудок, она возвращается домой вместе с сыном. После этого он отправляется в Святую землю и там погибает.

The Queste del Saint Graal.*[Текст Фурнивалла (F.) был взят за основу настоящего краткого изложения. Слова и отрывки, отсутствующие в валлийском переводе (W), выделены курсивом; слова и отрывки, встречающиеся в валлийском переводе вместо*

тех, что приведены у Фурнивалла, заключены в круглые скобки. Варианты краткого изложения Бирха-Хиршфельда (В. Н.) приведены в примечаниях].

(1) В канун праздника Витсун, когда спутники Круглого стола собрались в Камелоте, к ним спешит *девица* (юноша), зовет Ланселота и просит его *от короля Пеллеса* (ради того, что он любил больше всего) сопровождать ее в лес. Несмотря на сопротивление Гвиневры, он так и поступает и приходит в женский монастырь, где находит двух своих кузенов, Бурта и Лионеля. Затем три монахини приводят Галахада, ребенка, подобного которому едва ли можно найти в мире; одна из них просит Ланселота посвятить его в рыцари, тот соглашается, и на следующий день Ланселот со своими спутниками возвращается в Камелот; его кузены считают, что ребенок должен быть сыном Ланселота, но Ланселот не отвечает ни слова. (2) За Круглым столом место каждого рыцаря отмечено, но на месте Периллиуса написано, что со Страстей Господних прошло *четыреста пятьдесят четыре* года и что в этот день Витсун это место найдет своего хозяина. Ланселот скрывает эти слова, и пока, по напоминанию Кея, придворные ожидают приключений, прежде чем сесть за стол, юноша рассказывает им о камне, плавающем по воде. Это глыба красного мрамора, в которую воткнут меч, а на нем написано, что никто не может достать этот меч, кроме лучшего рыцаря в мире. Ланселот заявляет, что чудеса Святого Грааля вот-вот начнутся, и отказывается участвовать в приключении; Гавейн, Персеваль и другие пытаются, но безуспешно; затем они садятся за стол, накрытый двенадцатью королями; входит старик, ведя за собой рыцаря в вермилиевых доспехах, которого он объявляет желанным рыцарем, из рода Давида и родственником Иосифа Аримафейского, который должен совершить приключения Святого Грааля. Он приближается к Периллову креслу, на котором теперь написано: "Это место Галахада", садится в него, отстраняет старика и *велит ему приветствовать: "Мой дядя, король Пеллес, и мой дед, богатый рыбак"*^[14] (3) Новому рыцарю оказываются большие почести, Ланселот признает его своим сыном, а Борс и Лионель - юношей, которых Ланселот родил от дочери *короля-рыбака* (короля Пеллеса). Королеве сообщают о приезде рыцаря, и ее дамы говорят, что он *положит конец чудесам Британии и через него будет исцелен искалеченный король*. Артур предлагает Галахаду отправиться в приключение с мечом, тот соглашается, легко достает меч и просит дать ему щит. (4) Появляется девица, оплакивает Ланселота, потерявшего место лучшего рыцаря в мире, и сообщает королю от отшельника Насьенса, что в этот день он пришлет Святой Грааль, чтобы накормить соратников Круглого стола. Назначается турнир, на котором Галахад становится лучшим, так как побеждает всех, кроме Ланселота и Персеваля. После вечерни все садятся за стол, раздается раскат грома, за которым следует ярчайший солнечный луч, так что все словно озарены Святым Духом. Никто не знает, откуда исходит свет, и никто не в силах произнести ни слова. Входит Святой Грааль, покрытый белым самитом, но никто не видит, кто его несет; зал наполняется сладкими запахами, и, когда Грааль проходит вдоль столов, на каждом сиденье оказывается столько мяса, сколько каждый жаждет. Затем он уходит, никто не может сказать, как, и теперь могут говорить те, кто раньше не мог произнести ни слова. (5) Все благодарят Бога за оказанную им милость, и Гавейн рассказывает им, что до сих пор ни одному человеку не подавали всего, что он пожелает, кроме как у *Калеки* (при дворе короля Пелера). Но они не смогли увидеть Грааль открыто, и Гавейн заявляет, что отправится на его поиски на год и один день. Рыцари Круглого стола дают аналогичный обет. Артур очень огорчен, ведь он знает, что многие погибнут в этом походе. Королева и ее дамы тоже плачут и предлагают присоединиться к своим рыцарям, но старый священник сообщает им от отшельника Насьенса, что ни один рыцарь, отправляющийся на поиски Святого Грааля, не должен иметь с собой свою даму или девицу - это не земной поход. На следующий день, по предложению

короля Бандамага, все искатели, в первую очередь Галахад, клянутся не прекращать поиски в течение года и одного дня, а если понадобится, то и дольше. После того как королева отпустила Ланселота, а Артур тщетно пытался навязать Галахаду щит, квесторы вместе отправляются в путь и проводят первую ночь в замке Вагана. На следующий день они отправляются в путь и расходятся. (6) Через пять дней Галахад приходит в аббатство, где находит короля Бандамагуса и Ивена "li aoutres". В аббатстве хранится щит, который не может взять ни один рыцарь, кроме предназначенного ему, и уйти невредимым. Король Бандамагус хочет взять его, но его свергает Белый рыцарь; тогда Галахад берет его, и его право на это признает Белый рыцарь, который рассказывает ему о нем следующее:- Через сорок три года после Страстей Господних Иосиф Аримафейский, снявший тело Господа нашего с Креста,[15] пришел в город Саррас, где жил король Эвелак, тогда сарацин, воевавший со своим соседом Толомешем. Иосиф, сын Иосифа, предостерег Эвелака от неподготовленного выхода на битву и, отвечая на вопросы короля, что ему делать, рассказал ему о новом законе, евангельской истине и смерти Спасителя, а на своем щите закрепил сандаловый крест. Он должен был снять его на четвертый день боя и воззвать к Господу. Когда он это сделал, перед ним предстала истекающая кровью распятая фигура. Он выиграл битву, а после того, как он рассказал эту историю, его шурин Насьенс принял крещение. После этого щит вернул человеку его потерянную руку. Эвелак принял крещение и стал по-хозяйски охранять щит. Иосиф вместе с отцом отправился в Британию, где король Крудель бросил их вместе со многими другими христианами в тюрьму. Затем Мордрейнс[16] и Насьенс вторглись в Британию, освободили Иосифа и остались с ним в этой стране. Когда Иосиф лежал на смертном одре, и Эвелак попросил его помянуть, он велел королю Мордрейну принести свой щит и кровью, текущей из его носа, начертить на нем крест; он всегда должен оставаться красным, и ни один рыцарь не должен безнаказанно снимать щит, пока не придет Галахад, последний из рода Насьенса. Где похоронен Насьенс, там и должен быть храниться щит. (7) Галахад приближается к гробнице на кладбище аббатства, и тут раздается голос, велящий ему не приближаться и прогнать ее. Но он так и делает, и из него выходит дым в человеческом облике; открыв гробницу, он обнаруживает в ней тело мертвого рыцаря, которое изгоняет. Эти вещи являются символом: твердый надгробный камень означает *жестокосердие мира* (трудности, которые Иисус Христос испытывал в этом мире);[17] мертвое тело - мертвых во грехе, как во времена Христа, когда они убили Его и были изгнаны Веспасианом из своей земли в наказание; дым - дьявола, который бежал от Галахада, потому что он был девственником. (8) На следующий день Галахад выезжает в сопровождении Мелианса, юноши, который умолял позволить ему служить и которого он посвятил в рыцари. Они расстаются на перекрестке дорог, Мелианс, несмотря на предупреждение, идет по левой дороге, подходит к шатру, где висит золотая корона, хватая ее, встречает незнакомого рыцаря, который повергает его и убивает, но Галахад приходит на помощь и побеждает сначала одного, потом второго нападавшего. Мелианса отводят в аббатство, где его лечат, и он узнает, что два рыцаря, которые едва не одолели его, - это его гордыня, когда он выбрал путь левой руки, и его жадность, когда он унес золотой венец. (9) Галахад входит в скит, чтобы помолиться там, и слышит голос, повелевающий ему отправиться в Девичий замок и избавить его от дурных обычаев. По дороге ему встречаются семь рыцарей, которых он должен одолеть - таков был обычай замка. Он обращает их в бегство, и старый священник приносит ему ключи от замка. Он находит в нем множество девиц и узнает, что прежний хозяин замка был вместе с сыном убит семью рыцарями, которые заранее пытались похитить его дочь. Она предсказала, что, поскольку замок достался им из-за девы, они потеряют его из-за девы и будут побеждены одним рыцарем, и тогда они решили взять в плен каждую деву, проходящую по этому пути. Галахад освобождает пленниц и отдает замок во владение дочери бывшего герцога. Затем он узнает,

что семь братьев были убиты Гавейном, Гериотом и Ивеном. (10) Теперь история возвращается к Гавейну. Он проходит мимо аббатства, где Галахад нашел щит, затем мимо того, где лежала больная Мелиан, получает упрек от монаха, что он слишком грешен, чтобы быть с Галахадом, встречается Гехериса, своего брата, на завтра встречается Ивэйна, встречается семерых братьев, которые нападают на них и убивают; Затем Гавейн приходит один в скит, исповедуется впервые за четырнадцать лет, получает наставления от отшельника, узнает, что Девикий замок означает ад, пленники - добрые души, несправедливо заточенные в нем до пришествия Христа, семь рыцарей - семь грехов. Гавэна побуждают, но тщетно, к покаянию. (11) История возвращается к Галахаду. Побродив некоторое время без приключений, он встречается Ланселота и Персеваля. Они не узнают его, не зная его *оружия* (щита),^[18] и нападают на него. Он побеждает их, но, узнав со слов отшельника, который видит бой, что она действительно его знает, и, боясь быть узнанным, спешит прочь.^[19] (12) Персеваль остается с отшельником, а Ланселот пускается в погоню за Неизвестным Рыцарем. Ночью он подъезжает к каменному кресту, возле которого стоит (старая)^[20] часовня. Он сходит с места и входит внутрь, но железные перила мешают его продвижению; сквозь них он видит алтарь, на котором *горят семь свечей* (серебряный подсвечник, восковая лампадка).^[21] Он выходит из часовни, расседлывает коня и ложится спать у креста. Затем появляется больной рыцарь на телеге, запряженной двумя лошадьми, и горестно причитает. Он смотрит на Ланселота, но не произносит ни слова, считая его спящим; Ланселот тоже ничего не говорит, но остается в полудреме. А больной рыцарь сетует: "*Когда же я получу утешение от святого сосуда за боль, которую я испытываю за столь малую провинность* (разве было когда-нибудь так больно мне, не сделавшему ничего дурного)?"^[22] Но Ланселот не говорит ни слова, и когда подсвечник приближается к кресту и Святой Грааль приближается к больному рыцарю, тот молится, чтобы он стал целым и смог присоединиться к поискам. Затем он подползает к столу, на котором стоит сосуд, и, *коснувшись им своих глаз*, чувствует облегчение и засыпает. Грааль исчезает, а Ланселот так и не произносит ни слова, за что впоследствии с ним случилось много несчастий. Больной рыцарь приходит в себя, появляется оруженосец, *вооружает* его (мечом и шлемом Ланселота),^[23] приводит ему коня Ланселота, и рыцарь клянется никогда не успокаиваться, пока не узнает, почему Святой Грааль появляется в стольких местах королевства Логреса и кем он был привезен в Англию. И вот он уезжает, а *его оруженосец уносит доспехи Ланселота*. Проснувшись, Ланселот задается вопросом, сон ли то, что он видел, или правда. И слышит голос, говорящий: тверже камня, суровее дерева, презреннее смоковницы - он должен уйти, не осквернять место, где находится Святой Грааль. Он бродит и плачет, приходит к отшельнику, признается в своем великом грехе - любви к Гвиневре, и ему советуют вырвать ее из сердца, пока еще есть надежда. Ланселот обещает, ему объясняют приключение в часовне, и он остается у отшельника для покаяния и наставления. (13) Теперь история возвращается к Персевалю. Отшельница приказывает хорошо о нем заботиться, она любит его, он ее племянник. Она отговаривает его от поединка с Галахадом, как он того желает: хочет ли он умереть и быть убитым, как его братья, *за их бесчинства* (в поединках и турнирах)? Он вместе с Галахадом и Борсом выполнит квест. Она - его тетка, бывшая королева Пустой земли. *Он спрашивает о своей матери, с которой, как он опасается, он плохо обращался, и узнает, что она умерла, когда он отправился ко двору Артура.*^[24] Далее он спрашивает о рыцаре с красным оружием, и ему рассказывают следующее: - Со времени пришествия Христа было три главных стола; первый - стол, за которым Христос часто ел со своими апостолами; второй - стол Святого Грааля, установленный в подобие и память о первом, благодаря которому в этой земле было совершено столько чудес во времена Иосифа Аримафейского, в начале, когда христианство было принесено в эту страну. Он пришел с четырьмя тысячами бедных спутников. Однажды, блуждая по лесу, им нечего

было есть, но одна старуха принесла *двенадцать* (десять) хлебов; они купили их и, придя разделить, разгневались друг на друга. Иосиф, разгневавшись, взял двенадцать хлебов, заставил людей сесть и силой Святого Грааля умножил хлебы по их потребности. За этим столом было место, где мог сидеть Иосиф, сын Иосифа, но никто другой, ибо, как повествует история, это место было благословлено самим Господом. Два брата, родственники Иосифа, позавидовали его лидерству, сказав, что они из такого же доброго семени, как и он, и один сел на место Иосифа, но тут же был поглощен землей, отчего это место было названо Страшным местом. Последним появился Круглый стол, сделанный по совету Мерлина, чтобы показать округлость мира и небесной тверди. И предсказал Мерлин, что спутники этого стола узнают истину о Граале, и что трое должны достичь ее, две девы и одна целомудренная, и один должен превзойти своего отца, как человек превосходит волка, и он должен стать господином, и для него Мерлин сделал великое и чудесное сиденье, на котором никто не мог сидеть невредимым, кроме него, и оно было известно как Сиденье Периллоса. И как на Витсунтид Святой Дух пришел к апостолам в огненном облике, так на Витсунтид пришел Галахад, облаченный в красные доспехи. И в день его прихода начались поиски Грааля, которые не прекращались до тех пор, пока не стала известна правда о нем *и о копье*. Чтобы найти Галахада, Персеваль должен сначала попытаться найти замок *Гер* (Гот), где живет двоюродный брат Галахада, *а затем замок Корбенек, где обитает искалеченный король*. (14) Затем его тетка рассказывает, как после того, как ее муж пал в войне с королем Лабаном, она удалилась в то дикое место. А сын ее пошел служить королю Пеллесу, их родственнику, и вот уже два года она знает о нем только то, что он ездит на турниры по всей Британии. (15) На следующий день Персеваль приходит в монастырь и, увидев, что совершается месса, хочет войти, но не может, и видит больную кровать с лежащим на ней мужчиной или женщиной, которого, когда он встает, когда тело Господа нашего поднимается, он видит, что это старец, увенчанный короной, с телом, полным ран, и взывающий: "Отец, не забудь меня". Ему кажется, что ему более *четырехсот* (ста четырех) лет. Персеваль спрашивает об этих чудесах, и ему рассказывают следующее: - Когда Иосиф Аримафейский пришел в эту землю, сарацинский король Крудель, услышав о Граале, которым он жил, бросил его и его сына Иосифа и еще около ста человек в темницу на сорок дней и запретил давать им пищу. Но у них был с собой священный сосуд. Когда Мордрайнс и его шурин Сераф слышали об этом, они собрали свое войско, высадились в Британии, одолели Круделя и освободили Иосифа. На следующий день Эвелак, как его называли до принятия христианства, пожелал увидеть Святой Грааль воочию, и, хотя его предупреждали, чтобы он воздержался, набросился на него, но был поражен, ослеп и стал беспомощным. Он покорно принял свое наказание, но лишь молил Христа, чтобы тот помог ему дожить до *прихода доброго рыцаря, лучшего* [25] *из его рода* (рыцаря, который должен достичь приключений Святого Грааля). Голос ответил, что его молитва должна быть исполнена, и тогда он обретет свет очей и его раны затянутся. Это случилось за *четыре* (сто четыре) лет до того, и это был тот самый король Эвелак, которого видел Персеваль, и за это время он не питался ничем иным, кроме тела Господа. (16) Наутро на Персеваля нападают двадцать рыцарей, он страдает и спасается только благодаря помощи Красного Рыцаря, который затем исчезает. (17) Потеряв коня, Персеваль тщетно просит его у проезжающего мимо оруженосца, у которого его вскоре уносит другой рыцарь, на которого Персеваль, сидящий на початке оруженосца, нападает, но его сбивают с ног. (18) Ночью появляется женщина и предлагает ему коня, если он выполнит ее волю - на самом деле она враг. Он соглашается, она садится на него, он подъезжает к реке и, прежде чем попытаться перейти ее вброд, совершает крестное знамение, после чего конь с воем бросается в воду. (19) Персеваль, спасшийся от этой опасности, оказывается на диком острове-горе, кишашем дикими зверями; он помогает льву сразиться со змеей и завоевывает ее расположение. На острове

ему плохо, но он доверяет Богу и не уподобляется тем уэльским мужчинам, где сыновья вытаскивают своих отцов из постели и убивают их, чтобы спасти от позора их смерти в постели. (20) В ту ночь, засыпая у льва, Персеваль видит во сне, как к нему приходят две женщины, одна на льве, другая на змее; эта упрекает его за убийство змеи. Наутро на корабле приплывает старик, утешает Персеваля добрым советом и толкует его сон: дама на льве - это новый закон Христа, она на змее - старый закон. (21) Затем появляется девица, предостерегает Персеваля от старика, готовит для него богатый пир с хорошим вином, не английским, поскольку в Великобритании пьют только сервуаз и другие домашние напитки, и возбуждает его страсть. Он уже готов уступить, но, увидев крестообразную рукоять своего меча, прекрещивается, и девица исчезает в пламени. В рассказании Персеваль пронзает себе бедро мечом. Старик снова появляется, увещевает, объясняет различные особенности его искушения и, наконец, забирает его с собой на корабль. (22) Теперь история возвращается к Ланселоту. После трех увещеваний отшельника он отправляется в путь и сначала встречает слугу, который горько ругает его как неверного рыцаря-предателя за то, что, открыто видя перед собой Святой Грааль, творящий свои чудеса, он все же не двинулся с места. (23) Он приходит в хижину отшельника и видит, что тот оплакивает мертвое тело своего товарища, который по просьбе племянника Агарана покинул скит, чтобы помочь ему в борьбе с врагами, и был вероломно убит последним. Об этом рассказывает дьявол, вселившийся в тело мертвого отшельника. Ланселота долго наставляют, дают ему розги, надевают на него рубашку из волос мертвого отшельника и в конце концов оставляют с советом исповедоваться каждую неделю. (24) Он встречает девицу, которая ободряет его, но говорит ему, что он не найдет ночлега. *Он садится у подножия креста на перекрестке дорог, и ему является видение человека, окруженного звездами, коронованного и сопровождаемого семью королями и двумя рыцарями, которые молят взять их на небо; человек, спустившийся с небес, приказывает одному из рыцарей уйти, а другому придает форму крылатого льва, так что тот взлетает на небо и принимается.* [26] (25) Ланселот встречает рыцаря, который отнял у него оружие, и нападает на него, но был повержен им. (26) *Он приходит в скит, исповедуется, рассказывает о своем видении и узнает, что оно имеет большое значение для его рода, о чем следует рассказать подробнее: Через сорок два года после Страстей Христовых Иосиф Аримафейский покинул Иерусалим, пришел в Сарры, помог Эвелаку, который принял крещение от рук Иосифа вместе со своим шурином Серафом (принявшим имя Насъенс) и стал столпом святой веры, так что ему открылись великие тайны Святого Грааля, которых никто, кроме Иосифа, не видел прежде и ни один рыцарь после не видел во сне. И вот Эвелаку приснилось, что из племянника его, сына Насъена, вышло великое озеро, из которого вытекало девять потоков, восемь одинаковых по величине, а последний больше всех остальных вместе взятых; Господь наш пришел и омылся в озере, которое король Мордрайнс видел вытекающим из живота Селидуана. Этот Селидуин был человеком, окруженным звездами в видении Ланселота, и это потому, что он знал ход звезд и расположение планет; он был первым королем Шотландии, а девять потоков - это девять его потомков, из которых семь королей и два рыцаря: -первый, Варпус; второй, Хрестиенс; [27] третий, Ален ли Грос; четвертый, Хелиас; пятый, Йонаанс, который отправился в Уэльс и там взял в жены дочь короля Мороней; шестой, Ланселот, которому досталась в жены дочь короля Ирландии; седьмой, Банс. Это были семь королей, явившихся Ланселоту. Восьмым потоком был сам Ланселот, старший из рыцарей видения. Девятый поток - Галахад, рожденный Ланселотом от дочери короля-рыбака, львиной силы, самый глубокий из всех потоков.* [28] (27) Ланселот приходит в замок с лугом перед ним, на котором толпа закованных в черные доспехи рыцарей состязается с рыцарями в белых доспехах. Ланселот отправляется на помощь первым, [29] но попадает в плен, а когда его отпускают, уезжает,

оплакивая себя. Ночью, когда он спит, с неба спускается человек и упрекает его в недоброй вере. Отшельница объясняет аллегорический смысл этого приключения. Белые рыцари - это рыцари Элиэзера, сына короля Пеллеса, а черные - Аргаста, сына короля Хелейна; это символизировало Квест, который был турниром между небесными рыцарями и земными, и в этот Квест не мог войти никто, кто был бы черен от греха; И Ланселот, хотя и грешный, вступив туда, присоединился к черным рыцарям, и его пленение другими было его свержением Галахадом, а его сетования - возвращением к греху, и это Господь наш обличал его в своем видении; да не отступит он от истины. (28) Ланселот приезжает на озеро Маршуаз, на него нападает рыцарь в черных доспехах, убивает его коня и уезжает; он ложится на берегу и с надеждой ждет Божьей помощи. (29) История возвращается к Гавейну. Пройдя много дней без приключений, он встречается Гектора де Мареса. Ни тот, ни другой ничего не слышали о Ланселоте, Галахаде и Бохорсе. Путешествуя вместе, они приходят в заброшенную часовню, где, переночевав, Гавейн видит во сне на лугу сто пятьдесят быков, все пятнистые, кроме трех, один из которых грязный, а два других - чисто белые. Из ста сорока семи быков, отправившихся на поиски лучшего пастбища, многие умирают, некоторые возвращаются, из трех один возвращается, но остаются двое, между которыми возникают раздоры, и они расходятся. Гектору снится, что на них с Ланселотом нападает человек, который сбивает Ланселота с коня и сажает его на осла, после чего Ланселот, подъехав к красивому фонтану, хочет из него напиться, но тот исчезает; он, Гектор, сохранив коня, приезжает в замок, хозяин которого отказывает ему в приеме из-за того, что он слишком высоко сидит. В то время как они рассказывают друг другу свои сны, появляется и исчезает рука с факелом, и голос говорит им, что они, как бы ни были бедны верой, не могут достичь Святого Грааля. По дороге к отшельнику, который может объяснить эти чудеса, на Гавейна нападает рыцарь Ивейнс Прелюбодей, сын короля Уриена, и убивает его. Затем они приходят к отшельнику Насьенсу, который объясняет, что быки - это спутники Круглого стола, пятнистые - те, кто запятнан грехом, три не пятнистых - те, кто достиг успеха, два белых - девственники Галахад и Персеваль, один грязный, когда-то согрешивший плотски, - Борс. Последнюю часть сна можно не объяснять, так как из нее может выйти зло. Во сне Гектора два коня - это Гордость и Стыдливость. То, что Ланселот сидит на осле, означает избавление от гордыни, а фонтан - это Святой Грааль. Оба рыцаря слишком полны греха, чтобы продолжать поиски Грааля. Они отправляются в путь и не встречают приключений, достойных внимания. (30) История возвращается к Борсу. Придя сначала к отшельнику, который уещивает его отказаться от поисков, если он не чувствует себя свободным от греха, которому он исповедуется, от которого получает отпущение грехов и которому дает обет не есть ничего, кроме хлеба и воды, пока поиски не будут завершены, он приходит в замок, хозяйка которого сильно угнетена своей сестрой, от поборника которой, Приадама Черного, она тщетно искала защитника. Борс обещает прийти на помощь. Он проводит ночь в замке и не желает спать на богатой постели, которую она ему предлагает, хотя утром он ворочается на ней, как будто сам на ней лежал. Он побеждает Приадама и восстанавливает госпожу в ее владениях. (31) На следующий день он встречается своего брата, обнаженного, связанного, на коновязи, которого избивают шипами два рыцаря. В тот же момент мимо проходит прекрасная дева, которую уносит рыцарь, и она взывает к нему о помощи. Он в смятении бросается на помощь деве, ранит похитителя и возвращает ее друзьям. (32) Затем он спешит за братом, но встречается кажущегося монаха, который заставляет его поверить, что брат мертв, и дает ему объяснение снов, которые он видел. Затем он приходит в башню, где его приветствуют ее обитатели. Одна из девиц предлагает ему свою любовь, а когда он отказывается, угрожает вместе с двенадцатью другими девицами броситься с башни. Борс испытывает жалость, но считает, что лучше они потеряют свои души, чем он свою. Они падают с башни, Борс перекрестился, и все исчезло, оказавшись обманом дьявола. Исчез и

труп его брата, который ему показали. (33) На следующий день он приходит в аббатство, где узнает, что его брат жив, и где аллегорически объясняются все его сны и приключения. Затем он встречается Лионеля, своего брата, который горько упрекает его за поведение и набрасывается на него с намерением убить. Сначала отшельник, а затем проезжающий мимо рыцарь Калогренант останавливают его, но он убивает обоих. В конце концов, несмотря на мольбы и уговоры, Борс вынужден броситься на него, чтобы защитить себя, но голос приказывает ему бежать, и с неба между ними падает огненное клеймо. Борс следует велению голоса, направляющего его к морю, где его ждет Персеваль. Он приходит к кораблю, покрытому белым самитом, и находит в нем Персеваля, который сначала не узнает его и рассказывает ему обо всем, что он пережил. (34) История возвращается к Галахад. После бесчисленных приключений он однажды оказывается против Гавейна и Гектора де Мареса на турнире; он наносит первому такой удар, что выбивает его из седла. (35) Его приводит на корабль, где находятся Персеваль и Борс, девица, которая сопровождает их, пока через четырнадцать дней плавания от Логреса они не приплывают на пустынный остров, у которого стоит другой корабль, на котором написано[30], чтобы те, кто войдет, видели, что они полны веры. Тогда девушка говорит Персевалю, что она его сестра, *дочь короля Пеллехема*. Они входят на корабль и находят богатую кровать с короной у головы, а у подножия - меч в шесть дюймов из ножен, наконечник его - камень всех цветов мира, рукоять - кости двух зверей, змея Папагаста и рыбы Ортениауса; он покрыт тканью, на которой написано, что только первый из его рода сможет схватить меч. Персеваль и Борс тщетно пытаются это сделать. Галахад, когда его спрашивают, видит на клинке надпись, что он должен вытянуть только того, кто умеет наносить удары лучше других. Дама рассказывает историю меча так: "Когда корабль прибыл в королевство Логрес, там шла война между королем Ламбаром, отцом искалеченного короля, и королем Урланом, бывшим сарацином, но недавно крещенным. Однажды Урлейн, обескураженный, бежал на корабль и, найдя там меч, выхватил его и убил им короля Лабана[31], и это был первый удар, нанесенный мечом в королевстве Логрес, и от него в стране двух королевств начался такой мор и разрушение, что впоследствии она стала называться Пустой землей. Когда Урлейн снова вошел в корабль, он упал замертво. (36) При дальнейшем осмотре меча Галахад обнаруживает, что ножны сделаны из змеиной кожи, а подвески - из плохого материала. На ножнах написано, что владелец должен превзойти своих товарищей, а подвеску может сменить только дочь короля, а она - служанка; перевернув меч, он обнаруживает, что другая сторона черна как смоль, и на ней написано, что тот, кто должен больше всех его хвалить, должен больше всех его винить в самой большой нужде. Сестра Персеваля объясняет это следующим образом: Через сорок лет после Страстей Господних Насьенс, шурин Мордрейна, прибыл на Тернистый остров и нашел этот корабль, а в нем кровать и меч; последний он возжелал, но не имел мужества достать его, хотя пробыл восемь дней, питаясь и не выпивая; на девятый день буря погнала его на другой остров, где, атакованный великаном, он достал меч, и хотя тот раскололся надвое и тем самым выполнил надпись, он все же одолел великана. После этого он встретил Мордрайнса и рассказал ему об этих чудесах; Мордрайнс соединил осколки, затем, повинаясь голосу, они покинули корабль, но в пути Насьенс был ранен за то, что осмелился взять меч, которого не был достоин, и поэтому тот, кто больше всех его хвалил, имел больше всех оснований его порицать. Что же касается других слов, то *король Пеллес*,[32] прозванный *Калекой* (хромой король, который был моим, т.е. дядей девицы) однажды подошел к этому кораблю на берегу моря против Ирландии и, войдя в него, нашел меч, достал его, но был ранен в бедра копьем и не мог исцелиться, пока не пришел Галахад. [33] (37) Затем они осматривают кровать и обнаруживают, что у нее три веретена: спереди - белоснежное, сзади - кроваво-красное, сверху - изумрудно-зеленое, и, чтобы это не показалось ложью, история сворачивает со своего прямого пути, чтобы объяснить про эти

веретена. После того как Ева, послушавшись совета дьявола, побудила Адама согрешить, и оба они познали плотское, устыдились и были изгнаны из рая, Ева сохранила ветвь Древа жизни, которую сорвала, и посадила ее, и выросло дерево с ветвями и листьями белыми в знак того, что Ева была девственницей, когда сажала его. Сидя однажды под деревом, Бог повелел им познать друг друга плотски, а когда они устыдились приступить к такому скверному делу, послал над ними тьму. Так родился Авель, и Древо жизни зазеленело. Затем Каин убил Авеля под тем же деревом, и оно стало красным. Во время потопа оно осталось невредимым и дожило до времен Соломона. Когда мудрый царь размышлял о злобе своей жены и всех женщин, голос подсказал ему, что женщина его рода должна приносить мужчинам больше радости, чем печали, и что девственный рыцарь должен стать последним в его роду. Жена его, с которой он советовался, как дать знать этому витязю, что он предвидел его приход, посоветовала построить корабль, взять меч Давида и сделать для него новую рукоять из драгоценных камней, новую рукоять и ножны и положить в корабль вместе с короной Соломона на богатое ложе; кроме того, она велела сделать три веретена из Древа Жизни и из деревьев, растущих от него. И когда все было готово, Соломон увидел во сне ангелов, сходящих с небес и наносящих различные надписи на меч и корабль. (38) Теперь в рассказе говорится о других вещах. Новые подвески на меч не были нанесены, это должна была сделать девушка. Сестра Персеваля делает подвеску из собственных волос и дает мечу имя "Меч странных подвесок", а ножнам - "Память крови", и Галахад надевает на меч пояс. (39) На следующий день они отплывают и прибывают в замок Карчелуа, что в Марте Шотландии, и его обитатели нападают на них, но все погибают. Галахад сожалеет об убитых, но священник говорит ему, что они язычники, и он сделал лучшее дело в мире, так как три рыцаря, державшие замок, изнасиловали собственную сестру и до смерти ранили своего отца, графа Эрнуса. Перед смертью он уговаривает Галахада *отправиться на помощь Королю-Калеке* (чтобы предпринять другие приключения). ^[34] (40) На следующий день они встречают белого оленя, которого ведут четыре льва; они приходят в скит, слушают мессу, олень становится человеком и садится на алтарь, львы - человек, орел, лев и бык, все крылатые. (41) На следующий день Персеваль берет меч Галахада, который он будет носить отныне. Они приходят в замок, обитатели которого требуют, чтобы сестра Персеваля заплатила по обычаю замка, а именно: дала блюдо крови из своей правой руки. Трое спутников защищают сестру Персеваля от непреодолимых препятствий до самой ночи, когда, узнав, что кровь просят для исцеления дамы замка, страдающей проказой, сестра Персеваля приносит себя в жертву. Перед смертью она дает распоряжение, чтобы ее тело погрузили на корабль и похоронили в Духовном дворце в Саррасе. Борс оставляет двух своих спутников, чтобы помочь раненому рыцарю, преследуемому рыцарем и карликом; ^[35] а Персеваль и Галахад, увидев, что замок, который они покинули, разрушен небесным огнем в отместку за пролитую там кровь добрых девиц, также расстаются. (42) История возвращается к Ланселоту. Он находится у Маркозских вод, окруженный лесом и высокими скалами, но не теряет веры в Бога; повинаясь голосу, он поднимается на борт проплывающего мимо корабля и находит там сестру Персеваля, историю которой он узнает из письма, лежащего у ее головы. Через месяц путешествия к ним присоединяется рыцарь, оказавшийся Галахадом, и они проводят вместе полгода, переживая чудесные приключения. После Пасхи, в новое время, когда птицы поют свои сладкие и разнообразные песни, они высаживаются на берег, и рыцарь в белых одеждах предлагает Галахаду покинуть своего отца, что тот и делает. (43) После месяца скитаний по морю Ланселот приходит к замку, охраняемому двумя львами, ^[36] от которых он сначала хотел защититься, но был упрекнут за то, что доверяет своей силе, а не Создателю. Войдя в замок, он попадает в комнату, где находится Святой сосуд и священник, совершающий мессу; Ланселота предупреждают, чтобы он не входил, но когда он видит, что священник, собирающийся поднять тело Бога, держит на руках человека, он не может

удержаться от того, чтобы не броситься ему на помощь, но его сбивает с ног огненный ветер, и он остается немым четырнадцать дней, без еды и питья. Он обнаруживает, что находится в замке Корбеник, и девица сообщает ему, что его поиски окончены. Король Пеллес радуется встрече с ним, за ужином Святой Грааль заполняет столы так, что живые люди не могут и помыслить о большем изобилии; во время ужина Гектор де Марес подходит к дверям замка, но стесняется войти, услышав, что внутри находится Ланселот, и уезжает, преследуемый упреками и насмешками жителей замка. Ланселот возвращается ко двору Артура, проезжая по дороге мимо гробницы Бандамага, которого убил Гавейн. (44) История возвращается к Галахад. Он приходит в аббатство, где находится король Мордрайнс, который знает о его приближении, и просит дать ему возможность умереть у него на руках; Галахад принимает его на грудь, Мордрайнс умирает, и все его раны оказываются исцеленными. (45) Галахад охлаждает кипящий фонтан, опустив в него руку. (46) Галахад вызволяет из гробницы, где он горел триста пятьдесят четыре года, своего родственника Симеу, который таким образом искупает свой грех против Иосифа Аримафейского. (47) Галахад едет пять лет, прежде чем прибывает в дом искалеченного короля (двор короля Пелера), и все эти пять лет Персеваль составляет ему компанию, и за это время они достигают великих приключений королевства Логрес (изгоняют злые приключения острова Британия). (48) Однажды они встретили Борса, который за пять лет не ложился в постель четыре раза. Трое приходят в замок Корбеник[37] (двор короля Пелера), где их встречает король Пеллес и куда Элиэзер, сын короля Пеллеса, приносит сломанный меч, которым Иосиф был пронзен в бедра; Борс не может соединить части, Персеваль может только скрепить их, один Галахад может сделать меч целым, и тогда его отдают Борсу. (50) Во время вечерни по дворцу проносится горячий ветер, и голос приказывает всем недостойным сидеть за столом Христа удалиться, ибо истинные рыцари должны питаться пищей небесной. Все уходят, кроме короля Пеллеса, Элиэзера, его сына, и его племянницы, самой религиозной девы на земле (юной девы); к ним входят девять рыцарей[38] и приветствуют Галахада: трое - из Галлии (Уэльса), трое - из Ирландии, трое - из Дании. Затем четыре девицы вносят на деревянном ложе человека, коронованного, в злом состоянии, который приветствует Галахада как своего долгожданного избавителя. Голос приказывает выйти из комнаты тому, кто не был спутником квеста, и тут же король Пеллес, Элиэзер и девица уходят. С неба спускается человек, одетый как епископ, его несут на стуле четыре ангела, которые ставят его перед столом, на котором стоит Святой Грааль. На лбу его написано, что он Иосиф (сын Иосифа Аримафейского), первый епископ христианства, чему они удивляются, так как знают, что тот человек жил за триста лет до этого. Он преклоняет колени перед алтарем и открывает дверь ковчега (палаты), и выходят четыре ангела[39], два с горящими светильниками, третий - с тканью из красного самита, четвертый - с копьем, кровоточащим так сильно, что капли стекают в ящик, который он держит в другой руке (двое с факелами, третий с копьем, четвертый держит ящик, в который капает кровь); свечи ставятся на стол, ткань кладется на святой сосуд так, чтобы кровь упала в него. Затем Иосиф совершает Таинство, и когда он поднимает облатку, с неба спускается как бы дитя и ударяет себя в облатку, так что она принимает человеческий облик. Затем Иосиф целует Галахада, велит накормить его из рук самого Спасителя и исчезает. Но тут из святого сосуда выходит человек с руками, истекающими кровью, ногами и телом, и говорит, что откроет Свои тайны и даст высокую пищу, которую так долго желали и к которой так долго стремились. Он отдает таинство Галахад и его спутникам и объясняет, что Грааль - это блюдо Тайной Вечери, и Галахад увидит его более полно в городе Саррас, куда он направляется, поскольку Британия недостойна его, и куда он должен последовать с Персевалем и Борсом; но поскольку он не должен покидать землю, не исцелив искалеченного короля, он должен взять немного крови с копья и помазать ею свои ноги.[Галахад спрашивает, почему все не могут пойти с

ним; но Христос говорит, что их двенадцать, которые ели, как двенадцать апостолов, и они должны разойтись, как разошлись апостолы. *Затем Галахад исцеляет искалеченного короля, который отправляется в аббатство белых монахов.* (51) Три спутника, отправив послания ко двору Артура через *Эструа де Гарилеса и Клавдия, сына короля Клаудаса,*^[41] приплыв на корабль Соломона, где они находят Святой Грааль, отправляются в путь; на берегу хоронят сестру Персевалья, исцеляют калеку, чтобы он помог им нести стол Грааля, на год попадают в темницу к королю *Эскоранту*, питаются Святым Граалем; после смерти *Эскоранта* Галахад становится королем, воздвигает над Граалем дерево из золота и драгоценных камней и каждое утро молится перед ним, как и его спутники. (52) В годовщину коронации Галахада трое видят перед святым сосудом человека в одежде епископа, который начинает мессу и зовет Галахада посмотреть на то, что он так мечтал увидеть, и при виде этого Галахад сильно трепещет, благодарит Бога за то, что он позволил ему увидеть то, что не может описать ни язык, ни сердце, и просит, чтобы он мог перейти из этой земной жизни в небесную. Тогда епископ вручает ему тело Господа и представляется Иосифом, сыном Иосифа Аримафейского. Галахад целует Персевалья и Борса и передает привет Ланселоту через Борса, после чего его душа покидает тело, и ангелы забирают его. Затем рука с неба подходит к сосуду, берет его и копье и уносит в небо, так что с тех пор не было человека, достаточно смелого, чтобы сказать, что он видел Святой Грааль (кроме Гвалчмаа однажды). (52) *Тело Галахада погребено. Персеваль удаляется в скит, где Борс живет с ним год и два месяца; Персеваль умирает, и Борс хоронит его в гробнице Галахада; Борс, оставшись один в таком странном месте, как Вавилон, отплывает в Британию и прибывает в Камелот, где все очень рады его видеть; Он рассказывает о приключениях Святого Грааля; они записаны и хранятся в аббатстве Солсбери, и из них мастер Уолтер Мар сделал свою книгу о Святом Граале ради любви короля Генриха, своего господина, который перевел историю с латыни на французский. Теперь история умолкла и больше не рассказывает о приключениях Святого Грааля*^[42].

Grand St. Graal. - (1) Автор приветствует всех, кто верит в Святую Троицу. Он не называет своего имени по трем причинам: чтобы его заявление о том, что он получил эту историю от самого Бога, не стало камнем преткновения; чтобы его друзья не оказали книге меньше чести, если будут знать ее автора; чтобы в случае ошибки вся вина легла на него.

(2) В 717 году после Страстей Христовых, когда писатель лежит в своей хижине в одном из самых диких уголков Белой Британии, в канун Страстной пятницы и сомневается в Троице, ему является Христос и дает маленькую книжку размером не больше мужской ладони, и эта книжка разрешит все его сомнения; Он Сам написал ее, и читать ее может только тот, кто очистился исповедью и постом. На следующий день писатель открывает ее и находит в ней четыре раздела, каждый из которых озаглавлен следующим образом: Это книга твоей родословной; здесь начинается книга Святого Грааля; здесь начало ужасов; здесь начинаются чудеса. По мере чтения на него обрушиваются молнии и громы и происходят другие чудеса. В Страстную пятницу, когда он совершает богослужение, ангел возносит его духом на третье небо, и его сомнения относительно Троицы рассеиваются. Когда его дух возвращается в тело, он запирает книгу; но в пасхальное воскресенье, когда он хочет читать дальше, обнаруживает, что она исчезла; голос говорит, что он должен пострадать, чтобы снова получить книгу, должен пойти на равнины Уэльского, последовать за чудесным зверем в Норвегию и там найти то, что он ищет. Он повинует, и зверь приводит его сначала к отшельнику, затем мимо сосны приключений к рыцарскому замку, на третий день - к королевскому озеру и женскому монастырю. Изгнав одержимого дьяволом отшельника, он находит книгу, и по возвращении Христос велит ему сделать честную копию до дня Вознесения. Он приступает к работе сразу же, на пятнадцатый день после Пасхи.^[43] Книга

начинается следующим образом: Немногие уверовали в Христа Его распятие, среди них Иосиф из Аримафеи, как свидетельствует Священное Писание Грааля. Он во всех отношениях хороший человек. Он живет в Иерусалиме с женой и сыном Иосифом (не тем Иосифом, который так часто цитирует Писание, но не менее ученым, чем он), именно он переправил род своего отца через море в Белую Британию, которая с тех пор называется Англией, без руля и паруса, но в складках этой рубашки. Иосиф, очень любивший Господа, после Его смерти желает завладеть тем, что принадлежало Ему; идет в дом Тайной Вечери и уносит блюдо, на котором Он ел. Пробыв семь лет рыцарем у Пилата, он просит у него милостыню - тело Христа. Пилат дает его; Иосиф сходит с Креста, кладет тело в гробницу и, взяв из дома блюдо, собирает в него кровь, текущую из тела,^[44] и заканчивает класть тело в гробницу. Иудеи, услышав об этом, возмущаются, хватают Иосифа, бросают его в темницу в самую отвратительную и грязную, какую только видели, кормят его сначала хлебом и водой, но когда обнаруживается, что Христос воскрес, Каиафа, тюремщик Иосифа, отпускает его голодать. Но Христос приносит в дом святое блюдо, которое Иосиф отправил обратно, со всей кровью. Иосиф несказанно радуется. Христос утешает его и заверяет, что он будет жить и нести Его имя в чужие края. Иосиф остается в темнице. Тем временем его жена, хотя ее часто уговаривают выйти замуж, отказывается, пока не получит достоверную весть о своем муже; что касается его сына, то он женится только на Святой Церкви. (3) Проходит сорок лет; после смерти Христа Тиберий Цезарь царствует десять лет, затем Каий - один год, Клавдий - четырнадцать лет, Нуарон, в царствование которого были распяты святые Петр и Павел, - четырнадцать лет, затем Тит и Веспасиан, его сын, прокаженный. Освобождение Иосифа происходит на третьем году правления Тита и таким образом: Тит тщетно искал пиявку, чтобы исцелить Веспасиана. Наконец странный рыцарь из Капернаума обещает свою помощь и рассказывает, как в юности он был исцелен от проказы пророком. Император, услышав это, отправляется в Иудею на поиски пророка; его гонец приходит к Феликсу и приказывает ему сделать провозглашение за все, к чему прикасался Христос; тогда старуха Мари ла Венисьенн приносит ткань, на которой было нарисовано изображение Спасителя, когда она вытирала Его лицо. С этой тканью гонец возвращается в Рим, и один только вид ее исцеляет Веспасиана, который тут же решает отомстить за смерть Христа. Он отправляется в Иерусалим, перед ним предстает жена Иосифа и обвиняет иудеев в том, что они умыкнули ее мужа; никто из иудеев не знает, где он находится, кроме Каиафы, который открывает тайну при условии, что его не сожгут и не зарежут. Веспасиан сам спускается в темницу и находит ее такой светлой, как будто в ней горели сто свечей. Он рассказывает Иосифу, кто он такой, и тот удивляется, не думая, что он находится здесь дольше, чем с пятницы по воскресенье, и ни разу не было темно. Голос говорит Иосифу, чтобы он не боялся, и что он найдет Святой сосуд у себя дома. Иосиф возвращается в Иерусалим вместе с Веспасианом и указывает ему на пособников смерти Христа, которых Веспасиан сжег. Каиафу сбрасывают в лодку. (4) В ночь перед возвращением Веспасиана в Рим Христос является Иосифу и повелевает ему идти и наполнить чужие земли своим семенем; он должен креститься и идти без денег или чего-либо, кроме блюда; все, что сердце пожелает или захочет, он получит; все, кто сопровождает его, должны креститься также. Иосифа крестит святой Филипп, тогдашний епископ Иерусалима, а также Веспасиан, о котором история теперь умалчивает. (5) Иосиф проповедует своим друзьям и родственникам и обращает в христианство семьдесят пять из них. Они покидают Иерусалим и приходят в Вифанию, где Господь является Иосифу, обещает ему помощь, как некогда иудеям в пустыне, велит сделать деревянный ковчег для посуды, который он должен открыть, когда захочет говорить с Ним, но никто не должен прикасаться к нему, кроме Иосифа и его сына Иосифа; Иосиф исполняет повеление, его отряд чудесным образом накормлен, и на одиннадцатый день они приходят в город Саррас, между Вавилоном и Салавандром, откуда сарацины и получили свое название, а не от Сары. (6)

Иосиф и семьдесят пять его спутников входят в город и отправляются в Храм Солнца, к месту суда, где собрались сарацины со своим повелителем, Эвалахом Неизвестным: в молодости он был доблестным человеком, но теперь состарился; за семь дней до этого египтяне разбили его войско, и теперь совет придумывает, как отомстить за это. Иосиф очень радуется этим событиям, и когда совет советует мир, заверяет царя в победе, но тот должен уничтожить свои изображения и уверовать в Того, Кто умер на кресте. Эвалах спрашивает, как тот, кто не может спастись сам, может спасти другого. Иосиф в ответ рассказывает о рождении, жизни, смерти, сошествии в ад, воскресении, вознесении и ниспослании Святого Духа. Эвалах не может понять ни Воплощения, ни Троицы, и хотя Иосиф объясняет, что Дева зачала от осенения Святым Духом через ухо и что девство ее пострадало не больше, чем вода от попадания в нее солнечного луча, упрямится и призывает на помощь своих ученых людей, но Иосиф сбивает их с толку, и Эвалах укладывает христиан на ночь и дает им хорошие постели. (7) Эвалаху снится дерево, из которого выходят три одинаковых ствола, и хотя их три, но они действительно едины, а также комната с потайной дверью из мрамора, через которую проходит ребенок, не открывая ее; голос говорит ему, что это прообраз чудесного зачатия Христа. (8) Тем временем Иосиф, не в силах уснуть, молится об утешении и умоляет Господа всеми Своими милостями помочь Эвалаху; голос говорит ему, что он будет послан за разъяснением сна царя. Затем Иосиф ложится спать со своей женой Хелиаб, но не так, как это делают похотливые люди, ибо между ними ничего не было, пока Господь не повелел родить Галахада, и тогда они так преисполнились любви к Спасителю, что не испытывали никакого желания. От Галахада произошел высокий род, прославивший землю Белой Британии, ныне называемую Англией. (9) На следующее утро Иосиф и его компания поклоняются перед ковчегом (место, где они находились, Даниил назвал Духовным дворцом), когда налетает мягкий сладкий ветер, сходит Святой Дух, и Христос говорит и призывает всех любить Его; Он велит Иосафу приблизиться и взять на себя заботу о Его плоти и крови; Иосиф открывает дверь ковчега и видит человека в красном, а с ним пять ангелов, каждый шестикрылый, все в красном, у каждого в левой руке окровавленный меч, а в правой по очереди крест, гвозди, копье, губка и бич; Иосиф видит Христа, пригвожденного к кресту, и кровь, стекающую с Его боков и ног в блюдо; он хочет войти в ковчег, но ангелы удерживают его. Иосиф, удивляясь состоянию сына, преклоняет колени перед ковчегом и видит в нем жертвенник, покрытый белыми пеленами, под которыми лежит красная самитовая, покрывающая три гвоздя, наконечник копья, весь окровавленный, и блюдо, которое он принес, а посреди жертвенника - чрезвычайно богатый сосуд из золота и драгоценных камней; Из ковчега выходят семь ангелов с водой и водосвятием (2), золотыми тазами и полотенцами (2) и золотыми кадильницами (3), восьмой несет святое блюдо, девятый - голову, столь богатую и прекрасную, какой никогда не видел глаз смертного, десятый - меч, еще трое со светильниками, наконец, Иисус. Компания ангелов обходит дом, окропляя его святой водой, потому что до этого в нем обитали черти. Христос говорит Иосифу, что он должен принять таинство Его плоти и крови и стать пастырем над Его новыми овцами; из ковчега выносят епископские облачения. Иосифа усаживают в кресло, от которого впоследствии у одного сарацинского короля вылетели глаза, освящают, ангел хранит святое масло, которым помазывали всех королей Британии до времен Утера Пендрагона, о котором никто из многих, кто рассказывал его историю, не знал, почему он так называется; Иосифу объясняют значение епископских одеяний и излагают его обязанности. (10) Затем Иосиф входит в ковчег и совершает таинство, используя только слова Христа, при этом хлеб и вино становятся плотью и кровью, а вместо хлеба - ребенок, которого, хотя, как и было велено, он делит на три части, но съедает как единое целое; Ангел кладет в блюдо патину и потир; Иосиф и его окружение принимают таинство в виде младенца; Христос велит Иосифу совершать таинство ежедневно; говорит ему, что он и Иосиф должны отправиться с

посланцами Эвалаха, которые теперь уже совсем близко. Леукан, двоюродный брат Иосифа, назначен хранителем ковчега. (11) Иосиф и его сын идут перед царем и преодолевают все возражения язычников; Иосиф говорит Эвалаху, что он будет отдан врагам на три дня и спасется только уверовав в Христа; языческие идола разбиты дьяволом по внушению двух ангелов Иосифа. Гонец приносит весть о том, что царь Толомес вступил в страну и захватывает ее, и он не успокоится, пока не будет коронован в Саррах. Иосиф говорит королю, что это несчастье должно напомнить ему о его низком происхождении: он сын сапожника в старом городе Франции, Мо, и был одним из дани в сто юношей и сто девиц, которую Август Сезар потребовал от Франции, так как здесь жил более гордый народ, чем в других местах, и две дочери графа города, Севейна, были среди дани, а Эвалах был среди их слуг. Когда Тиберий назначил Феликса правителем Сирии, он взял Эвалаха с собой и держал его в большом почете, пока однажды Эвалах, рассердившись на сына Феликса, не убил его и вынужден был бежать, после чего поступил на службу к Толомею Керастру, вавилонскому царю, который подарил ему землю, которой он теперь управляет. Иосиф объясняет сны царя, и когда тот заявляет, что готов поверить, просит у него щит, на котором прикрепляет красный крест и велит смотреть на него в нужде и молиться Богу, и он будет спасен. (12) Эвалах идет со своим войском против Толомеи, к нему по просьбе царицы присоединяется его шури́н Сераф (который, по его мнению, ненавидел его больше всех на свете); между двумя армиями происходят многочисленные сражения; Сераф совершает чудеса храбрости; Эвалах попадает в плен, в нужде смотрит на щит, видит на нем распятого Христа, молит Бога о помощи, появляется Белый рыцарь, побеждает Толомеша, которого берут в плен, и войско Эвалаха одерживает победу. (13) Тем временем Иосиф, оставшись в Саррах, консультирует королеву Сарракиту, втайне ставшую христианкой, поскольку ее мать была излечена от кровавой заразы, и поскольку Христос явился ей, когда она испугалась отшельника, к которому мать привела ее креститься, потому что у него была такая длинная борода; она не смеет открыть свою веру из страха перед мужем. Иосиф рассказывает ей о произошедшей битве и о белом рыцаре. (14) Возвращаются Эвалах и Сераф; король сразу же спрашивает о христианах и узнает, что своей победой он обязан Господу, которому Сераф также обязан своей силой в битве; щит раскрывается, им исцеляется человек с раненой рукой, а затем крест исчезает; Сераф обращается в христианство, крестится и получает имя Насиенс; он сразу же исцеляется от ран, увещевает Эвалаха верить и рассказывает о смерти Толомеша. Эвалах крестится и получает новое имя - Мордрайнс, или Медлительный в вере. Окредив город и уничтожив все изображения, Иосиф оставляет трех своих спутников за ковчегом Грааля, а сам с остальными отправляется в Орканц, изгоняет из изображения дьявола, убившего Толомеша, и обращает в веру еще больше язычников. (15) Тем временем Мордрайнс приказал своим людям креститься или покинуть его землю; Многие выбирают последний путь, и за городом их встречает дьявол, который наносит им тяжелые раны, после чего Иосиф спешит к ним на помощь, но его встречает ангел с копьем и поражает в бедро за то, что он оставил крещение и стал беспокоиться о созерцателях закона Божьего, и след от раны должен остаться с ним на всю жизнь, а железный наконечник копья остался в ране, так что он всегда хромал, и впоследствии ему пришлось за это поплатиться, как будет показано в повести в надлежащее время. Еще много людей обращено в христианство, епископы остались в стране, а святые мощи - в Саррасе. (16) Иосиф приводит Мордрейна, Сарракита и Насьенса к святыне и показывает им сосуд, в котором находится кровь Христа. Насьенс считает, что никогда не видел ничего подобного, и дает ему имя, которое с тех пор он никогда не терял. Ибо, говорит он, ничто из того, что он видел прежде, не вызывало у него некоторого недовольствия (li degraast), но это радует его (li grée) полностью; далее он рассказывает, как однажды, когда он был молодым человеком на охоте, когда он стоял в глубокой задумчивости, раздался голос, сказавший: "Ты никогда не достигнешь того, о чем думаешь,

пока не откроешь чудеса Грааля", и теперь он знает, что это должен быть Грааль, поскольку все желания его сердца исполняются. И он приближается, поднимает крышку сосуда и заглядывает внутрь, но тут же впадает в трепет, чувствуя, что больше не может видеть. И понял он, что слепота была наказанием за его любопытство, и, обратившись к Иосифу, говорит ему, что железо не будет извлечено из раны, нанесенной ангелом в Орканце, и сам он не прозреет, пока раненый Иосиф сам не придет, чтобы извлечь железо.

Так стоят они в задумчивости, пока не раздается голос: "После отмщения моего исцеление мое", и появляется ангел, прикасается древком копья к бедру Иосифа, после чего головка выходит, и из нее каплют большие капли крови, которые ангел собирает в сосуд и помазывает ими рану Иосифа, делая ее целой, и глаза Насъенса, возвращая ему зрение. И ангел говорит им, что значение копья - это начало чудесных приключений, которые произойдут в тех землях, куда их поведет Бог; когда истинные рыцари будут отделены от ложных, а земное рыцарство станет небесным. И в начале тех приключений копье будет падать кровью, как тогда, но раньше не падало; и тогда по всему миру, где будет копье, будут происходить чудеса, великие и ужасные чудеса, в знак признания Святого Грааля и копья; и чудеса Грааля никогда не должен увидеть только один человек; И копьем, которым был поражен Иосиф, должен быть поражен только один человек, и он должен быть королем из рода Иосифа и последним из добрых людей; он должен быть поражен в оба бедра и исцелиться только тогда, когда чудеса Грааля будут открыты доброму рыцарю, и этот человек должен быть последним из рода Насъенса. Итак, поскольку Насъенс первым узрел чудеса Грааля, тот должен быть последним; так говорит истинный распятый, добавляя: "На первого и последнего из Моих новых служителей Я израсходую возмездие авантюрного копья в знак того, что Сам получил удар копья, находясь на Кресте". И столько дней, сколько Иосиф рождал головку копья в своей ране, столько же дней должны были длиться чудесные приключения. И вот этих дней (*лет*)^[45] было двадцать два. (17) Иосиф объясняет видение Мордрайна и заставляет его уничтожить образ женщины, которую он держал в тайной комнате, известной, как он думал, только ему одному. (18) Иосиф и его компания отправляются из Сарраса, но повесть ничего не рассказывает о них в этом месте, а продолжает идти прямо. На следующую ночь Мордрайнсу снится, что, когда он сидел в Саррасе за столом, внезапно молния сбила корону с его головы, а с губ - первый рот; Сильный ветер уносит его в далекую страну, где его кормят лев и львица, а через некоторое время орел уносит сына Насиенса в страну, жители которой склоняются перед ним, и из живота этого племянника выходит большое озеро, дающее начало девяти потокам, восемь из которых одинаковой ширины и глубины, а девятый такой же широкий и глубокий, как все остальные вместе взятые, стремительный и бурный, сначала грязный и мутный, но потом ясный и чистый, как драгоценный камень; Тогда сходит с неба человек по подобию распятого, который оmyвает руки и ноги в озере и восьмью потоками, а в девятом все тело свое". (19) Мордрайнс рассказывает свое видение Насъенсу и признается в былых изменах и ревности, которые он испытывал к нему; они обращаются за советом к священникам, но никто не может объяснить видение, и когда они сидят вместе, раздается великий шум и звук рога, возвещающий "начало ужаса", и они падают без чувств на землю; но Мордрайнса подхватывает Святой Дух и уносит. (20) Тем временем Насъенс обвиняется Калафиром, ненавистником христианства, в том, что он удрал с Мордрейном, и его бросают в тюрьму с Калафиром в качестве надзирателя. (21) Тем временем Мордрайнс был перенесен Святым Духом на остров, лежащий между Вавилоном, Шотландией и Ирландией, на возвышенность, с которой можно обозревать западное море вплоть до Испании; когда-то это было логово пиратов, но Помпей изгнал их оттуда. К Мордрейну приходит благородный человек,

назвавший свое имя Ту-энтур, утешает его и увещевает быть твердым в вере; когда он уходит, появляется прекрасная женщина и соблазняет короля, который, к счастью, не обращает на нее внимания, и хорошо для него, так как от благородного человека он узнает, что она - переодетый Люцифер. На него обрушивается множество искушений; буря, гром и молния пугают его; чудесная птица Феникс нападает на него и выхватывает хлеб из его уст; Люцифер снова посещает его и показывает ему мертвое тело Насиенса, но это всего лишь выдумка; наконец, выдержав все эти испытания, благородный человек приходит снова и рассказывает сон о девяти потоках: Озеро - это сын Насьена, от которого происходят девять королей, все добрые и истинные, но девятый превосходит всех во всех добродетелях; он - рыцарь, которому будут явлены чудеса Грааля, и Христос всецело искупается в нем. (22) Тем временем Насьенс вместе со своим сыном Селидуаном (дарованным Небом) был заключен Калафиром в темницу. Но чудесная рука, явившаяся из облака, снимает с Насьенса оковы и выносит его из темницы; Калафир преследует его, но поражен этой рукой; на смертном одре он приказывает сбросить Селидуана с крепостных стен, но девять рук поднимают его в воздух, а Калафир, убитый небесным огнем, отправляется в вечную смерть. Сарраkit, обрадованная известием о побеге брата, высылает гонцов навстречу. Тем временем жена Насиенса, Флегентина, отправилась на поиски мужа в сопровождении старого рыцаря Корсапия и его сына Геликораса. (23) И вот Насьенс перенесся за четырнадцать дней пути на Тернистый остров (о котором рассказывают много чудес); все это правда, ибо сам Христос написал книгу о Святом Граале, а ничего другого, кроме молитвы "Отче наш" для учеников и приговора женщине, взятой в прелюбодеянии, он не писал. И ни один человек не дерзнет сказать, что после Воскресения Христос написал что-то еще, кроме этой "высокой эскриптуры Святого Грааля". (24) К острову Насьенса причаливает корабль, в который он вошел бы, если бы не слова, предостерегающие его от этого, если он не будет полон веры. Однако, перекрестившись, он входит [и находит там те же чудеса, что описаны в Queste, Inc. 35, 36, 37, а именно: меч и три веретена, о которых рассказывается точно такая же история, как и в Queste]. (25) Насьенс полагает, что в этом должна быть магия, корабль раскалывается на две части и едва не топит его, но он возвращается на остров вплавь, а на следующий день к нему приплывает старик на корабле и аллегорически объясняет, что с ним случилось. (26) Тем временем Селидуан, унесенный за руки в страну языческого короля Лабеля, завоевывает его расположение, объяснив ему сон, обращает его в свою веру, но после его смерти языческие бароны бросают его в лодке со львом, и через три дня он прибывает на остров Насьенса. (27) Оба радуются встрече и вместе покидают остров на корабле Соломона, через четыре дня приплывают на другой остров, где Насиенс, на которого напал великан, выхватывает меч Соломона, но тот ломается у него в руке, однако другим мечом он побеждает великана. Он укоряет меч Соломона, но Селидуан говорит, что тот сломался из-за какого-то его греха. После этого они видят приближающийся корабль, в котором находится Мордрайнс. Все трое радуются и рассказывают о прошлых приключениях. Насьенс показывает сломанный меч Мордренсу, который, взяв его в руки, соединяет их вместе, после чего голос приказывает им покинуть корабль; Насьенс, не послушавшись, получает рану в плечо от огненного меча в наказание за то, что он взял меч Соломона. (28) Посланцы, отправленные Сарраkitом на поиски Насьенса, пережили множество приключений, наткнулись на дочь царя Лабеля, потерпели кораблекрушение, были выброшены на пустынный остров, где раньше жил великий врач Ипокрас (о котором рассказывается длинная история, как его обманула римлянка), подвергались различным искушениям, но в конце концов их приводят к Мордрайну, Насьенсу и Селидону. (29) На третью ночь по морю идет священник в белом одеянии, исцеляет рану Насьенса и отправляет Селидуана на другом корабле. Остальные выходят на сушу, Мордрайнс и Сарраkit воссоединяются, за женой Насьенса, Флегентиной, присылают письмо, а дочь Лабеля крестит Петрон, святой

человек и родственник Иосифа. Она была женой Селидуана, как свидетельствует милорд Роберт Борронский, который перевел эту историю с латыни на французский в честь святого отшельника, которому Господь наш впервые ее передал. (30) Насьенс отправляется на поиски своего сына, его рыцари следуют за ним по пятам, и двое из них погибают за свои грехи. Насьенс снова приходит на корабль Соломона, подвергается искушению дьявола в облике прекрасной девицы, поднимается на борт корабля и видит следующие сны :- Селидуан находится в земле обетованной со всеми, кто покинул Саррас; он, Насьенс, отправится туда же и никогда не отойдет, и корабль не вернется, пока не доставит в Саррас последнего из его рода вместе со Святым Граалем, и это случится через триста лет; и тогда Селидуан поведет перед собой девять человек, все в облике королей, кроме восьмого, который был как собака, а девятый превратится в льва, и по его смерти весь мир будет оплакивать его. Имена этих потомков Насиенса таковы: Селидуан, Марпус, Насьенс, Алейнс ли Грос, Исайс, Йонанс, Ланселот, Банс, Ланселот, похожий на собаку до самого своего конца, Галахад, поганый в начале, но потом чистый, в котором Христос искупается целиком и который положит конец всем приключениям. На следующий день Насьенсу объясняют, что восьмой из его потомков уподобляется псу из-за своих грехов, а девятый - порочен изначально, так как порожден в блуде, а не по воле Святой Церкви. (31) Рассказ, коснувшись Флегентины, которая удаляется в свою землю, возвращается к Иосифу, который со своим сыном Иосифом и его спутниками блуждал по окрестностям. Голос с небес повелевает Иосифу родить сына, которого будут звать Галаад. В конце концов компания приходит на берег моря и сетует, что у нее нет кораблей; Иосиф упрекает их и говорит, что могут пройти те, кто сохранил целомудрие, и тогда четыреста шестьдесят человек выходят вперед, чтобы признаться в своем разврате. Иосифу велено выдвинуть вперед носителей Грааля, снять с себя рубашку и, расстелив ее на воде, всем чистым спутникам найти на ней место. Так и происходит, и все находят место, кроме Симеу и его сына, которые оказались не такими, какими должны быть, утонули и едва не погибли. Избранная компания прибывает на следующий день в Британию, полную сарацинов и неверных. Иосиф молится за оставшихся; небесный голос говорит, что они придут в свое время и что это земля обетованная, в которой они размножатся и станут самой достойной расой в мире. (32) Тем временем Насьенс был доставлен на корабле Соломона к тем последователям Иосифа, которые, как свидетельствует история Святого Грааля, были оставлены . После предостережения от новых грехопадений их приводят к Иосифу и кормят мясом столько, сколько они могут пожелать. Но на пятый день, не поев в течение дня, они приходят в шатер бедной женщины, где лежат двенадцать хлебов, о которых они спорят. Иосиф, о котором идет речь, разламывает каждую буханку на три части, и, поставив во главе стола Святой Грааль, силой его хлеб хватает более чем на пятьсот человек. (33) После этого компания прибывает в замок Галафорт, где Селидуан вступает в спор с сарацинскими мудрецами. Христиане хорошо приняты Ганортом, и вскоре после этого он и его люди крестятся, а сто пятьдесят человек, которые отказались, были утоплены. Над их телами строится башня, Башня чудес, и после этого, согласно пророчеству, должен воцариться король по имени Артур, и от одного удара меча должны начаться приключения, длящиеся двенадцать лет, пока последний потомок Насьенов не положит им конец, и до тех пор ни один рыцарь из дома Артура не должен войти в башню, не сразившись с таким же хорошим человеком, как он сам; так должно быть, пока не появится тот, кто должен был положить конец приключениям. Так они строят башню, и она стоит до тех пор, пока Ланселот не разрушает ее, о чем повествует "Повесть о смерти Артура". (34) Жена Джозефа рождает сына, который получает имя Галахад, из замка Галафорт. (35) Король Нортумберленда, узнав об обращении Ганорта, вызывает его ко двору, а при отказе нападает на него, но терпит поражение и убит христианами. (36) Иосиф, его отец, и сто пятьдесят христиан, покинув Галафорт, приходят в Норгалес и попадают в темницу к королю Круделю,

который говорит: "Пусть они пробудут там сорок дней, и посмотрим, накормит ли их судно". Господь наш приходит утешить их и велит им не унывать: он пошлет мстителя, чтобы убить этих псов. (37) Затем Господь наш в образе распятого явился Мордрайнсу и велел ему отправиться с женой и детьми, дочерью короля Лабеля и женой Насиенса в Британию, чтобы там отомстить за него королю Круделю. Мордрейнс прислушивается и вскоре отправляется в путь со всеми своими домочадцами, оставив свои земли на попечение герцога Ганора. По дороге дьявол уносит капитана корабля, который вожделем королеву Флегентину. Они прибывают в Британию и воссоединяются со своими друзьями; радость велика; королева Насиенса словно умерла от радости и двенадцать раз падала в обморок. (38) Мордрайнс посылает Круделю весточку, чтобы тот освободил христиан, и в ответ на его отказ выступает в поход, свергает и убивает его, но сам тяжело ранен, хотя и не испытывает боли. Иосиф и его спутники освобождаются, и перед Граалем совершается благодарственное молебствие. На следующий день, когда Иосиф совершает обряд перед святым сосудом, Мордейн, несмотря на предостерегающий голос, приближается к нему; он теряет зрение и силу тела; он признается в своей глупости, но молится, чтобы не умереть до прихода доброго рыцаря, девятого из потомков Насьенса. Голос обещает ему это, а также то, что, когда придет добрый рыцарь, он прозреет и его раны исцелятся; но это обещание слышат трое, кроме самого Мордрайнса, - Иосиф, Иосиф и Насьенс. (39) Мордрейнс привозят в Галафорт, где Селидуан женится на дочери короля Лабеля и рождает сына Насьенса. Отдав жену и щит на хранение Насьенсу, Мордрайнс удаляется в отшельничество, строит монастырь белых монахов и остается там до тех пор, пока Персеваль не увидит его и Галахада, как повествует "Сказание о Святом Граале". (40) Иосиф покидает Галафорт и, придя в Камелот, обращает многих жителей, отчего король Агрест, опечаленный, крестится с ложным намерением, а после ухода Иосифа преследует христиан и наказывает их безумием и смертью. Вернувшись, Иосиф хоронит мучеников, чья кровь обагрила крест, который так и называется "Черный крест", пока не приходит добрый рыцарь, сын Ланселота Озерного. (41) Иосиф приходит на холм, называемый Холмом Великана; сегодня пятница, и Бронс сидит рядом с ним за столом Грааля, но между ними есть место для человека, и Бронс, родственник Иосифа, спрашивает его, почему он не пригласит кого-нибудь, чтобы заполнить его. Иосиф отвечает, что это место может занять только тот, кто святее всех присутствующих, поскольку оно символизирует место Христа на Тайной вечере и пусто в ожидании Его прихода или того, кого Он пошлет. Те из компании, кто находится в смертном грехе, воспринимают это высказывание как самонадеянность и басню, и Мойс заявляет о своей готовности сесть на это место, если его спутники попросят разрешения у Иосифа. Они так и делают, и хотя Иосиф говорит им, что Мойс вряд ли приедет в Британию, и хотя он сам торжественно предупреждает Мойса, тот дает разрешение. Мойс садится на место, и тут же семь пламенных лент с неба хватают его и уносят в далекое место, горящее, как сухой куст. Люди раскаиваются, и в ответ на их расспросы Иосиф говорит им, что придет день, когда они узнают, где Мойс. (42) После трапезы Иосиф, по просьбе Бронса, выводит перед собой двенадцать сыновей последнего и спрашивает их, будут ли они венчаться или нет. Одиннадцать выбирают свадьбу, а двенадцатый - девственность и служение Святому Граалю. Обрадованный Иосиф, женив одиннадцатого, назначает его хранителем Грааля после своей смерти, а впоследствии он может оставить опекунство кому пожелает. (43) Иосиф и его спутники проходят через Британию, обращая язычников. Грааль дает пищу только тем, кто не грешит, и однажды, когда отряд расположился лагерем у озера, Петр, родственник Иосифа, пронесет его сквозь строй, и всех кормят лучшей пищей, кроме грешников; Те жалуются и просят Иосифа помолиться за них, и тогда он велит младшему сыну Бронса, тому самому, которого он избрал хранителем Грааля, Алейнсу ле Гросу (не тому Алейнсу, сыну Селидуана, он был королем и носил корону, а этому - никогда) взять со стола Грааля сеть и ловить ею рыбу в пруду. Алайнс

так и делает и ловит одну рыбу, большую, но говорят, что этого мало; однако Алайнс, разделив ее на троих и помолившись, чтобы ее хватило, всех накормил. Вследствие этого Алайнса называют Богатым Рыбаком, и все хранители Грааля после него носят это имя, но они были более благословенны, чем он, будучи коронованными королями, тогда как он никогда не носил короны. (44) Иосиф, оставив своих спутников, приходит в Броселиандский лес, встречается сарацин, который приводит его к больному брату, но сам убит львом. Иосиф брошен в темницу и ранен в бедро людьми замка больного рыцаря, но, получив разрешение навестить больного рыцаря, исцеляет его и возвращает к жизни сарацин, убитого львом; оба брата крещены; в ране остается обломок меча, Иосиф вытаскивает его и, положив вместе с остатком меча, пророчествует, что он не станет целым, пока не придет тот, кто достигнет приключений Святого Грааля. (45) Иосиф, вернувшись к своим спутникам, застаёт их в сомнении, как им переправиться через большую воду; они молят о наставлении, и появляется белый заяц, за которым следуют четыре оленя, и переправляет их, всех, кроме Чанаана, который переправляется позже в рыбацкой лодке. Иосиф, отвечая Алену и Пьеррону, объясняет, что заяц и львы - это Христос и евангелисты, а Христос в таком виде явится потом Артуру, Мордреду и Ланселоту. (46) Христиане приходят в дом, где горит большой огонь, из которого раздаётся жалобный голос; это голос Мойсы; по молитве Иосифа с неба падает дождь и гасит половину пламени, но он не может быть полностью избавлен, пока не придет добрый рыцарь Галахад. (47) Христиане приходят в страну короля Эскоса, откуда и пошло название Шотландии. Святой Грааль отказывает в мясе Чанаану и Симеу, отцу Мойсы, и тогда разгневанный Симеу нападает на Пьера и ранит его, а Чанаан убивает двенадцать его братьев. Симеу уносят черти, а могила Чанаана вспыхивает огнем, который не утихает до прихода Ланселота. (48) Тем временем рана Пьера ухудшилась, и его оставляют со священником, который приводит его на берег моря и, по его просьбе, сажает в лодку; она доставляет его на остров языческого короля Орканца, дочь которого, обнаружив его на берегу моря умирающим, сжалилась над ним и тайно ухаживала за ним, пока он не исцелился. Ее отцу нужен защитник, Пьер предлагает себя, побеждает, обращает в христианство и крестит Орканца, который принимает имя Ламер, и женится на его дочери, а король Лукес приходит на свадьбу и радуется. От него произошел Говен, сын короля Лота из Оркании. Мордред был не настоящим сыном Лота, а сыном Артура. Таким образом, Говейн происходит от Иосифа Аримафейского. (49) Иосиф после пятнадцати лет странствий возвращается в Галафорт и находит своего брата Галахада взрослым; по совету Иосифа люди Хоселиса берут Галахада своим королем, и он стал предком Иваина, сына Уриена. Однажды во время поездки он подъезжает к огненной могиле Симеу, которая не может быть потушена до прихода Галахада, доброго рыцаря. После смерти Галахада его хоронят в аббатстве, которое он основал, чтобы избавить Симеу от страданий, и надгробный камень с его могилы может быть поднят только Ланселотом. (50) Вскоре после коронации Галахада умирает Джозеф, и Йозеф, чувствуя близость смерти, наносит последний визит Мордрайну, который просит у него знака. Иосиф просит королевский щит, кровью из носа рисует на нем красный крест, отдает его Мордренсу и говорит, что никто не повесит его себе на шею без наказания, пока это не сделает Галахад; щит кладут на могилу Насьенса. На следующий день Йозеф умирает; его тело после этого перевозят в Шотландию, чтобы унять голод, и хоронят в аббатстве Глейс. (51) Перед смертью он доверил Грааль Алену. Последний приходит со своими братьями, один из которых, Жозуэ, не женат, в Терре-Фореин, обращает короля и народ и женит Жозуэ на своей дочери. Здесь находится место упокоения Святого Грааля; для него построен величественный замок, high t Corbenic, что в переводе с халдейского означает "священный сосуд". На свадьбе Жосуэ сила Святого Грааля такова, что все присутствующие насытились, как будто съели самое лучшее мясо, какое только могли придумать. И вот ночью король, окрещенный Альфасемом, спящий в замке, видит священный сосуд, покрытый

пунцовым самайтом, и пылающий человек говорит ему, что ни один смертный не может спать там, где покоится Святой Грааль, и ранит его в оба бедра, а другим советует остерегаться спать во дворце Авантюристов. И после этого многие рыцари пускались в авантюру, но теряли жизнь, пока не пришел Говен, и он, хотя и сохранил жизнь, испытал такой позор и несчастье, каких не испытывал ради королевства Логреса. (58) Ален и Альфасем умирают; Жосуэ становится королем и хранителем Грааля, а за ним Аминадап, Кателойс, Манаал, Ламбор, все короли и известные как Рыбаки, и Ламбор, сражаясь со своим врагом, Брюйаном, преследует его до морского берега, и Брюйан находит там корабль Соломона и входит в него, и находит меч, которым убивает Ламбора, и это был первый удар, нанесенный этим мечом в Британии, и от этого произошло такое великое несчастье, что ни один рабочий не работал, ни пшеница не росла, ни плодовые деревья не плодоносили, ни рыба не водилась в водах, так что земля была известна как Пустая Земля. Но Брюйан падает замертво за то, что достал меч. После Ламбора, Пеллеан, раненный в два бедра в битве под Римом, отчего его всегда называли искалеченным королем, и он не мог исцелиться, пока не пришел Галахад, добрый рыцарь; от него происходит Пеллес, и на его дочери Ланселот Озерный рождает Галахада. (59) В тот же день умирают Насьенс, Флегентина и Саррацит. Воцаряется Селидуан, за ним следует Марпус, за ним - Насьенс, Ален ли Грос, Исайс, Ионас, Ланселот, Банс, Ланселот Озерный. На этом история о всех семенах Селидуина заканчивается и возвращается к рассказу о Мерлине, который милорд Роберт Борронский начинает таким образом[46].

При заполнении пропусков выпало краткое содержание поэмы Боррона. Чтобы не нарушать форму страницы, которая была установлена до того, как был замечен пропуск, оно было вставлено после "Большого Сен-Грааля" с подпагинацией.

Стихотворение Робера де Боррона: Иосиф из Аримафеи. - (1) До пришествия Христа все люди попали в ад, но Он родился от Девы, чтобы вывести их из ада. Он принял плоть в то время, когда Иудея находилась под властью Рима, а управлял ею Пилат. Один из солдат Пилата любил Христа, но не смел этого показать. Из немногих учеников Христа один был плохим, его камергер, и он предал Его иудеям. (2) В четверг Иисус собирает Своих учеников; затем следует вопрос Иуды, омовение ног и предательский поцелуй. Когда иудеи уносят Иисуса, один из них берет тот самый красивый сосуд, в котором Он совершал Свое таинство, и отдает его Пилату, который хранит его до тех пор, пока не узнает о смерти Иисуса. (3) Иосиф разгневан и требует плату за пятилетнюю бесплатную службу свою и пяти рыцарей, а платой ему служит тело Христа. Пилат дает ему это, и Иосиф спешит к Кресту, но стражники отказывают ему, и тогда он жалуется Пилату, который посылает Никодима проследить, чтобы он получил его, а также отдает Иосифу сосуд. (4) Иосиф и Никодим спускаются с тела и омывают его, отчего кровь течет заново. Иосиф кладет кровь в сосуд, заворачивает тело в тонкую ткань и замуровывает его. Затем следует сошествие в ад и воскресение. (5) Иудеи ополчились на Иосифа и Никодима; последнему удалось бежать, а Иосифа бросили в страшную и мрачную темницу. К нему является Христос со Своим сосудом в великом свете и наставляет Иосифа, говоря ему, что за любовь к Нему он должен получить символ Его смерти и отдать его, кому захочет; затем Он дает Иосифу большой драгоценный сосуд, в котором находится Его святая кровь. Иосиф удивляется, спрятав его в своем доме. Иосиф должен отдать сосуд только трем лицам, которые должны взять его во имя Троицы. Ни одно Таинство не будет совершено, но Иосиф должен быть помянут. Но Иосиф должен быть научен Таинствам; хлеб и вино - это Плоть и Кровь Христа, гробница - Алтарь, погребальная пелена -

Капелла, сосуд, в который была положена Кровь, будет называться Чашей, чаша-пластина означает надгробный камень. Все, кто увидит сосуд Иосифа, будут принадлежать к обществу Христа, получат исполнение желаний своего сердца и вечную радость". (Автор добавляет: Я не смею, да и не мог бы рассказать этого, если бы не имел великой книги, в которой истории написаны великими дьяками, в ней записаны великие тайны, которые называются Граалем). Христос покидает Иосифа, который остается в темнице, никто его не слушает (6), пока, когда Веспасиан, сын императора, был прокаженным, в Рим не приходит паломник и рассказывает об исцелениях Христа, а также возлагает на Веспасиана надежду, что он сможет исцелиться, если в Рим привезут что-нибудь от Христа. Император посылает гонцов, которые выслушивают рассказ Пилата о распятии и об Иосифе. Созывают иудеев, и один из них рассказывает о Веррине, которую приводят к посланцам, и она рассказывает, как вытерла лицо Христа и таким образом получила его подобие. Ее отвозят в Рим, Веспасиан исцеляется и отправляется мстить за смерть Христа. Он убивает многих евреев, некоторых сжигает. Один из евреев предлагает найти Иосифа и рассказывает историю его заточения. Веспасиан спускается в темницу и находит там живого Иосифа, который, к его изумлению, приветствует его по имени и читает ему лекцию о библейской истории и христианской вере. Веспасиан обращается в веру и продает иудеев по тридцать человек за копейку. (7) Иосиф увещевает своих родственников, среди которых его сестра Енигея и шурин Хеврон. Они соглашаются верить и следовать за ним. Он отправляется с ними, и они надолго поселяются в дальних странах. Некоторое время все идет хорошо, но потом все, что делает хозяин, сводится на нет; причиной тому плотский грех. Хозяева жалуются Хеврону, что они и их дети умирают от голода. (8) Хеврон сообщает об этом Иосифу, и тот, плача, становится на колени перед сосудом и спрашивает, почему страдают его последователи? Голос Святого Духа отвечает, что он не виноват, но должен поставить сосуд перед народом и вспомнить, как Он, Христос, ел со Своими учениками, и как был обнаружен ложный ученик. Во имя того стола, за которым Христос ел в последний раз, Иосиф должен приготовить другой, позвать своего шурина Бронса и заставить его пойти в воду ловить рыбу, и первую, которую он поймает, Иосиф должен положить на стол, а затем взять сосуд, поставить его на стол, покрыть полотенцем и положить напротив него рыбу Хеврона. Затем следует созвать народ, который вскоре увидит, в чем он согрешил. Иосиф должен сесть там, где сидел Христос во время последнего таинства, а Бронс - справа от него. Бронс должен отодвинуть одно место, чтобы обозначить место Иуды, а место, которое осталось пустым, не должно быть занято, пока Энигея не родит ребенка от Бронса, своего мужа, и когда этот ребенок родится, на этом месте будет его место. Тогда народу будет предложено сесть по милости Господа нашего. Иосиф все это делает; часть народа садится, часть нет, сидящие преисполнены сладости и желания своего сердца, остальные ничего не чувствуют. Один из сидящих, по имени Петр, спрашивает, почему они ничего не чувствуют, и говорит им, что это потому, что они осквернены грехом. Грешники уходят, но Иосиф велит им приходить день за днем. Так Иосиф обнаруживает грешников, и таким образом впервые доказывается, что это сосуд. (9) Иосиф говорит грешникам, что отделяет их от остальных, так как не имеет общения и любви ни к одному грешнику. Грешники спрашивают, как называется сосуд: он называется *Грааль*, так как нравится всем, кто его видит. Все это правда, поэтому мы называем это "Историей Грааля", и впредь он будет называться Граалем. (10) Остался один грешник, Мойсес, лицемер (здесь пробел, который можно восполнить из прозаических версий: Мойсес садится на пустое место, после чего земля разверзается и поглощает его). (11) Иосиф молит Христа, чтобы Он, как пришел к нему в темницу и обещал прийти на помощь в беде, так и сейчас показал ему, что стало с Мойсесом. Голос снова рассказывает Иосифу о пустом месте и о том, что место за столом Иосифа не должно быть занято, пока не придет третий, которого родит Хеврон и родит Енигей, и сын *его* займет это место. Мойсес остался здесь только для

того, чтобы обмануть, он получил по заслугам, о нем больше не должно быть слышно ни в баснях, ни в песнях, пока не придет *тот*, кто заполнит пустое место. (12) Со временем у Бронса и Энигея рождается двенадцать сыновей, они сильно беспокоятся о них и спрашивают Иосифа, что с ними делать. Иосиф молится перед сосудом; одиннадцать женятся, один останется холостым; этот один - Ален. Голос велит Иосифу, когда он будет советоваться с сосудом об этом племяннике, рассказать все о смерти Христа и о сосуде, сказать Алену, что от него родится наследник, который будет хранить сосуд; Ален должен взять на себя ответственность за своих братьев и сестер и отправиться на запад. Ангел принесет Петрусу письмо, чтобы тот прочитал его и велел ему идти, куда он укажет; он скажет: в долину Аварона; туда он пойдет и будет ждать сына Алена, и не уйдет, пока тот не придет, и ему Петрус научит владеть сосудом и скажет, что стало с Моисеем, и тогда пусть он умрет. (13) Все происходит так, как предсказал голос; приходит письмо для Петруса, который сообщает о своем намерении отправиться в долину Аварона, прося хозяина молить Бога, чтобы он никогда не пошел против Его воли. Ален уходит со своими братьями и, как учил его Иосиф, проповедует имя Иисуса Христа. (14) Петрус остается еще на один день; это, говорит ангел, Господь посылает к Иосифу, чтобы он увидел и услышал, что происходит в сосуде. Ангел продолжает: Господь знает Бронса как достойного человека, и потому Его воля, чтобы он отправился на рыбалку; он должен хранить судно после Иосифа, который должен должным образом наставлять его, особенно в отношении святых слов, которые Бог говорил Иосифу в темнице и которые правильно называются Тайной Грааля; Бронс будет называться Богатым Рыбаком из-за рыбы, которую он поймал; все люди должны идти на запад; Бронс должен дожидаться сына своего сына и отдать ему сосуд, тогда станет известен смысл благословенной Троицы; после того как сосуд будет отдан Бронсу, должен отправиться Петр, так как тогда он сможет правдиво сказать, что видел, как Хеврон, Богатый Рыбак, завладел сосудом; когда все это будет сделано, Иосиф должен отправиться к совершенной радости и жизни, достойной помилования. (15) На следующий день Иосиф рассказывает им послание ангела, кроме слов Христа в темнице, которые он говорит одному только богачу-рыбаку. Последний получает Грааль и право на владение им; Иосиф остается с ним на три дня, затем Богатый Рыбак уходит в землю, где родился, а Иосиф остается[47].

Мастер Робер де Боррон, несомненно, должен рассказать, куда отправился Ален, сын Хеврона, и что с ним стало; какую жизнь вел Петрус и что с ним стало; что стало с давно исчезнувшим Моисеем; куда отправился Богатый Рыбак и где он остался. Хорошо бы собрать эти четыре вещи, но этого не может сделать ни один человек, если только он не слышал сначала величайшую историю Грааля, которая вся правдива; и в это время я рассказываю ее милорду Уолтеру, никогда еще великая история Грааля не была рассказана смертным человеком. Если Бог даст мне силы, я соберу эти четыре части, если смогу найти их в книге, а пока я должен перейти к пятой и забыть о четырех. (Далее следует Мерлин).

Поэма Робера де Боррона: Мерлин. (Чтобы дать все материалы для обсуждения теории Бирха-Хиршфельда о легенде Грааля в следующей главе, добавляется краткое резюме "Мерлина". Полное изложение можно найти в Birch-Hirschfeld, pp. 166, et seq.)

Дьявол, разгневанный победой Христа над ним, в отместку порождает по злему умыслу у девственницы сына, который должен стать мудрейшим из людей и противостоять учению Христа. Это Мерлин, которому в восемнадцать месяцев удается спасти свою мать, которой грозила гибель за безбрачие. После этого его приводят к королю Вортигерну, которому он раскрывает тайну недостроенной башни. Вортигерн сгоняет с трона Пендрагон, с которым Мерлин находится в большом почете; то же самое происходит и с его преемником, Утером Пендрагоном, для которого он строит Круглый стол, оставляя одно место пустым, чтобы

заполнить его во времена преемника Утера. Затем он помогает королю удовлетворить его страсть к Игерн и берет на себя заботу об Артуре, их сыне. Когда тот вырастает и становится юношей, он исполняет приключение меча на наковальне и провозглашается королем. "И я, Роберт Борронский, автор этой книги, не могу больше говорить об Артуре, пока не расскажу об Алене, сыне Бронса, и о том, как были вызваны беды Британии; и как повествует книга, так и я должен рассказать, каким человеком был Ален, и какую жизнь он вел, и о его потомстве, и об их жизни. И когда я расскажу об этих вещах, я снова расскажу об Артуре".

(Далее в одном единственном MS. следует Дидо-Персеваль, о котором говорилось выше, [стр. 28](#). Как мы увидим, в нем не говорится о том, каким человеком был Ален, и вообще о нем упоминается лишь вскользь).

ГЛАВА III.

Легенда, состоящая из двух частей: Ранняя история Грааля, квест - Две формы каждой части - Группировка различных версий - Альтернативные гипотезы развития - Их отношение к предполагаемому кельтскому происхождению Грааля - Заключительное рассмотрение различных рассказов о Граале: Первое использование Грааля и его первый обладатель; утешение Джозефа; его свойства и эффект, производимый им; его название; его прибытие в Англию; хранитель Грааля и его связь с Обещанным Рыцарем - Три различных этапа в развитии Квеста - Работа и квалификация Обещанного Рыцаря - Выводы: Приоритет ранней истории Квесты - Хронологическое расположение версий.

Информация, полученная в результате краткого изложения, позволяет нам взглянуть на легенду в целом и попытаться составить более точную хронологическую классификацию ее различных форм. Как видно, легенда состоит из двух отдельных частей: одна посвящена происхождению и странствиям (ранняя история) Грааля, другая - его поиску. Эти две части объединены в версиях Жозефа и Дидо-Персеваля, а также в версиях Великого Святого Грааля и Квеста, рассматриваемых как единое целое. Версии А, Крестиен и его продолжатели; С, Дидо-Персеваль, взятый сам по себе; D, Квест; F, Вольфрам, и G, Персеваль ле Галлуа, относятся только к Квесту. Версии В, Метрический Жозеф, и Е, Великий Святой Грааль, посвящены только ранней истории. Но почти во всех версиях, независимо от того, в какой части, можно найти ссылки на другую, и при тщательном изучении версий оказывается, что в каждой части существуют две совершенно разные формы. Если взять сначала раннюю историю, то версии А, В, С, D, Е и G, в той мере, в какой они вообще имеют к ней отношение, рассказывают примерно следующее: Грааль - это сосуд, который наш Господь использовал на Тайной Вечере, который, переданный Пилатом Иосифу, служил последнему для приема крови, вытекающей из тела мертвого Христа, поддерживал его чудесным образом во время плена, после освобождения использовался им для испытания веры своих последователей, и был привезен в Англию Иосифом (А, D, Е), Бронсом (В, С), и, наконец, была доверена Иосифом своему шуруину Бронсу, чтобы храниться до прихода внука последнего (версии В и С), или была оставлена на хранение Алону, сыну Бронса, от которого перешла к его брату Жозе, в чьей линии она оставалась до прихода доброго рыцаря (версия Е). Но Ф, Вольфрам делает Грааль сосудом из "lapis exillit" (*то есть lapis herilis*, или *lapsus ex*

coelis, или lapis electrix), который после падения восставших ангелов был передан в управление Титурулю и его династии и хранится ими в замке Грааля, Монтсальвач, охраняемый священным рыцарским орденом, который он выбирает сам. Таким образом, что касается ранней истории, все версии, кроме одной, в основном принадлежат к одному классу, и различия между ними, очевидно, являются развитием, а не происхождением.

Переходя к "Квесту", следует также выделить два класса: в первом героем является Персеваль, во втором - три героя, Галахад, Персеваль и Борс, главным из которых является Галахад. К первому классу относятся версии A, Chrestien и т. д., C, Didot-Perceval; F, Wolfram; и G, Perceval le Gallois; в то время как D, Queste, единственная из версий, повествующая только о квесте, принадлежит к другому классу. За ней, однако, следует E, Grand St. Graal, в той мере, в какой последняя имеет отношение к Квесту. В другой версии ранней истории, а именно B, Metrical Joseph, имя героя, который должен выполнить квест, не упоминается, но указания на него более близки к изложению истории в C, Didot-Perceval, чем в D, Queste; поэтому она должна быть отнесена к первому классу. Основное происшествие в версиях этого класса - посещение героем замка больного короля, созерцание им там Грааля в сопровождении других реликвий, пренебрежение при первом посещении вопросом о смысле увиденного, наказание, второе посещение замка Грааля и достижение цели, будь то исцеление больного короля или завоевание королевского титула Грааля. Две версии, H, Peredur, и I, Sir Perceval, которые принадлежат к циклу о Граале, хотя в них не упоминается Грааль, и хотя I, Sir Perceval, не содержит вышеупомянутого инцидента, также должны быть помещены в этот класс, как и эпизоды Гавейна о Диу Кроне. Во втором классе это главное происшествие отсутствует, хотя несколько менее важных его черт присутствуют в совершенно иной связи. История в D, Queste, в значительной степени состоит из приключений, часто совпадающих по деталям с приключениями в версии ранней истории, E, Grand St. Graal, с которой она имеет сходство в форме Quest.

Хотя каждая часть легенды существует в двух формах, подавляющее большинство версий в обоих случаях относится к одной форме. Если рассматривать D и E как единое целое, то в обоих случаях существует только одна версия меньшинства, а именно: для ранней истории - F, Wolfram, для квеста D-E - Queste, Grand St. Graal. И каждая из них находится в меньшинстве только в том, что касается одной части легенды: D-E согласна с большинством в "Ранней истории", а F - в "Квесте". Если взять среднее значение всех версий, то получится то, что можно назвать *формой Иосифа Аримафейского*, как тип Ранней истории; *формой Персеваля*, как тип Квеста. Как правило, можно с уверенностью предположить, что большее число версий представляет более древнюю форму. Это предположение подкрепляется в отношении Ранней истории тем фактом, что меньшинство версий, F, Вольфрам, может быть исторически доказано как одна из самых поздних по дате из всех версий, а в отношении Квеста - следующими соображениями: - Меньшинство версий, D-E, имеет трех героев, из которых Персеваль уступает по важности только главному герою, Галахад, и занимает такое же большое место в повествовании. Такое положение может быть обусловлено только тем, что он является первооткрывателем квеста. Очевидно, что недопустимо, чтобы семь или восемь версий сговорились выбрать из трех героев Квеста только одного, причем второго, и сделать его единственным героем, в то время как легко понять, что автор D, Queste, недовольный по определенным причинам более старыми формами истории, но не осмелившийся изменить ее настолько, чтобы полностью вычеркнуть первоначального героя, должен был пойти тем путем, которым он пошел.

Теперь естественным образом напрашиваются две альтернативные гипотезы. Две части легенды могут действительно составлять единое органическое целое, хотя чаще

встречаются порознь, чем вместе, или же одна часть может быть объясняющей и дополняющей послесловие. Если принять первую гипотезу, то естественно рассматривать Метрический Иосиф и Дидо-Персеваль как первую и последнюю части трилогии, которая, представляя легенду в ее наиболее полной и упорядоченной форме, имеет право быть самой древней формой рассказа и основным, если не единственным, источником всех остальных версий. Если же, с другой стороны, вторая гипотеза окажется точной, если одна часть легенды будет более поздней, чем другая, и будет искусственно сварганена в единое целое с ней, то та версия, в которой это слияние наиболее совершенно, вместо того, чтобы быть самой ранней, с большей вероятностью окажется одной из самых поздних форм. Как эти альтернативные гипотезы влияют на специальный объект этих исследований - изучение предполагаемого кельтского элемента в романах о Граале? Таким образом. Если "Ранняя история" является неотъемлемой частью романа, то вероятность чисто христианского легендарного происхождения самого Грааля значительно возрастает, и самое большее, на что может надеяться кельтский приверженец, - это доказать, что христианская легенда так или иначе подверглась сильному влиянию кельтских народных традиций. Но если верно обратное, то вероятность того, что христианский легендарный элемент был вторгшимся, сразу же возрастает, и главной целью кельтского партизана будет отделить нынешние версии Поиска от следов, оставленных ранней историей, и накопить как можно больше параллелей между остатком и, по всей видимости, подлинной кельтской традицией. Однако из этого отнюдь не следует, что принятие второй гипотезы подразумевает признание кельтского происхождения Грааля. Роман в том виде, в котором мы его имеем - квест, ранняя история - может быть сплавом двух элементов, один из которых, христианский легендарный, может претендовать на все, что связано с мистическим сосудом. В противном случае наша задача значительно упростилась бы. Ибо сам факт, что те, кого можно назвать негрейльскими членами цикла, *то есть* Г., Передур, и я, сэр Персеваль, ничего не знают о "Ранней истории", не дает неопределенного намека на то, какая часть романа является оригиналом, а какая - дополнением. В таком случае необходимо выяснить два момента: отношение друг к другу Ранней истории и Квеста; и, если окажется, что Квест - более древняя часть, действительно ли Грааль принадлежит ей, или же его присутствие в различных формах истории в том виде, в котором мы имеем их сейчас, не может быть связано с Ранней историей. Изучение различных отрывков, в которых упоминается Грааль, даст материал для решения первого вопроса. При этом можно с пользой опустить все ссылки на Вольфрама, на прозу Персеваля ле Галлуа, из которой, очевидно, мало что можно почерпнуть о древнейших формах легенды, и на версию эпизодов Гавейна Генриха фон дем Тюрлина. Кроме того, следует на время оставить без внимания два негрейльских члена цикла (Мабиноги и Сэр Персеваль), поскольку их свидетельства либо мало, либо очень ценны в зависимости от того, будет или не будет признан Квест древнейшей частью романа. За этими исключениями все версии дают элементы для сравнения, хотя мало что можно почерпнуть, если говорить о предмете обсуждения, из самой поздней части "Конт дю Грааль", поэмы Герберта.

Рассмотрение второго вопроса потребует сравнения различных форм квестов между собой, а также изучения многочисленных кельтских историй, в которых можно найти аналогии с ними.

Грааль: первое использование и первый обладатель.

Мы ничего не узнаем от Крестьяна о ранней истории Грааля, да и Готье более информативен, если следовать версии Mons MS. Однако интеркаляция, A IIa, и Манессье дают полную информацию. Согласно первому:

...c'est icel Graal por voir
Que nostre Sires tant ama
Que de son saint sanc l'anora
Au jor que il fu en croix mis. (16-19).

Согласно последнему:

C'est li vassiaus, ce saciés-vous,
Û ens li sains sans précieux
Nostre Segnor fu recéus
Quant de la lance fu férus. (35,017-20)

Из первой версии мы узнаем, что "Josep le fist frère" (ст. 22) и что он использовал его для сбора крови, которая стекала с каждой ноги нашего Господа, когда Он висел на Кресте (стихи 30-39), в то время как вторая версия оставляет неясным, кто был первым обладателем и кто держал Грааль для приема крови нашего Господа. Информация, приведенная в версии B, как и следовало ожидать, гораздо полнее. В I, Metr. Jos., который называет его "un veissel mout gent", рассказывает о том, как Христос использовал его, он "причащал сына" в нем; как он был найден евреем, который передал его Пилату, а тот отдал его Иосифу, и он использовал его для получения крови, которая снова вырывается из ран Христа, когда тело было снято с Креста: Бронс, рассказав о том, как Лонгис пронзил тело Господа, когда оно висело на Кресте, говорит о Граале: "В этом сосуде хранится кровь, которую Иосиф извлек из земли" (р. 483).-E, Grand St. Graal: Иосиф сам находит сосуд, из которого ел Христос, берет его домой, а когда получает тело от Пилата, берет этот сосуд и собирает в него всю кровь, вытекающую из раны, какую только может (I, pp. 23, 24). Любопытно, что в том самом MS, где приводится эта версия, есть иллюстрация, изображающая Иосифа, сидящего под Крестом и собирающего кровь, капающую из ран на боку и ногах. Существуют три различных версии того, как Грааль попал во владение Иосифа и как он его использовал: (1) Грааль - это

(1) Грааль - это сосуд, в который попала кровь Христа, когда Он висел на кресте (Псевдо-Готье, Манессье, Дидо-Персеваль, а также иллюстрация в MS. Grand St. Graal); Иосиф сделал его (Псевдо-Готье).

(2) Грааль - это сосуд, который использовался Христом на Тайной вечере. Он используется как вместилище для крови Христа после того, как Его тело было снято с креста (Metr. Jos.).

(3) То же, что и № 2, с небольшими изменениями, например, что именно Иосиф сам нашел священный сосуд (Grand St. Graal).

Грааль: утешение Иосифа.

Крестьян и Готье снова молчат, но из A IIa, Псевдо-Готье, мы узнаем, что Иосиф имел обыкновение молиться перед Граалем, что в результате он был заключен иудеями в высокую башню, откуда его освободил Господь, после чего иудеи решили изгнать его вместе с Никодимом и его сестрой, имевшей сходство с Христом (стихи 60- 110). Манессье в версии Mons MS. пропускает это, но в A IIIa есть следующий важный отрывок:-.

En une charte horrible et lède
Fu mis Joseph Sanz nul arreste;

XL ans ilecques estut
C'onques ne menja ne ne but;
Mais Damedieix li envoioit
Le Saint Graal que il véoit
Il foiées ou III le jor; (V. pp. 153-4.)

В версиях В этот эпизод имеет большое значение. В I. Иосифа сажают в тюрьму, потому что иудеи подозревают его в том, что он украл тело Христа. К нему в темницу, "qui estoit horrible et obscure" (ст. 703), является Христос, который вручает ему Грааль, чему тот удивляется, так как спрятал его в доме, где никто о нем не знал (ст. 860), и обращается к нему следующим образом:...

En ten povoir l'enseigne aras
De ma mort et la garderas
Et cil l'averunt à garder
A cui tu la voudras donner. (847-50)

Их будет три...

Жозеф, хорошо, что ты сохранил,
Que tu ne le doiz commander
Qu'a trois persones qui l'arunt.
Ou non dou Père le penrunt
Et dou Fil et dou Saint-Esprit (871-75)

Услуги, которые Иосиф оказывал телу Христа, символизировали Таинство: гробница - это алтарь; простыня, в которую было завернуто тело, - кадило; сосуд, в котором была принята кровь, называется потиром; а пати́на, на которой он покоится, означает надгробный камень (ст. 901-912). Наконец, Христос обещает Иосифу, что

Tout cil qui ten veissel verrunt,
En ma compeignie serunt;
De cuer arunt emplissement
Et joie pardurablement. (917-20)

Прозаические версии в основном повторяют этот рассказ, но с некоторыми важными дополнениями, например: В II, Cangé MS., добавляет после последних слов Христа: "Lors li aprant Jhésu Christ tex paroles que jà nus conter ne retraire ne porroit," etc. (I, 227); когда Христос передает сосуд Иосифу: "Tu tiens lou sanc as trois personnes en une déité, qui degota des plaies de la char au fil," etc. (I, 225-26); после описания Грааля: "lou Graal c'est à dire sor lou caalice."... В С, Дидо-Персеваль, Святой Дух, обращаясь к Бронсу, повелевает ему открыть Персевалю "icelles paroles segroies qu'il (*m.e.* Христос) a prist à Joseph en la prison", которые, добавляет рассказчик, "je ne vous puis dire ne ne doi" (I, 483). Е, Grand St. Graal: Иудеи, разгневанные тем, что Иосиф снял тело Христа с Креста, бросают его в "скрытый шартр, в котором он не может укрыться", а когда узнают о воскресении Господа, предлагают уморить его голодом; Но Христос приходит к нему, приносит ему в утешение "la sainte esceuele que ostoie en sa maison a tot le sanc qu'il Auoit requelli", и много утешает его, и уверяет, что он не умрет в темнице, но выйдет целым и невредимым, и имя Его будет прославлено. И Иосиф "сидел в тюрьме... столько, сколько ему было xlii лет" (с. 25-26).^[48] Здесь снова три разных рассказа:...

(1) Псевдо-Готье, который просто упоминает о посвящении Иосифа Граалю и не связывает это посвящение с каким-либо утешением во время его плена.

(2) Версия В, в которой Христос сам приносит священный сосуд пленнику и связывает это с определенными обещаниями и рекомендациями, которые он дает ему; сосуд останется с его семенем, но им будут управлять три человека, символ Троицы. Услуги, оказанные Иосифом телу Христа, связаны с Мессой. В поздних (прозаических) черновиках этой версии еще больше подчеркивается сакраментальная природа Грааля.

(3) Великий Святой Грааль и Псевдо-Манесье вносят новый элемент - Грааль является материальным средством, с помощью которого Иосиф продержался (сорок лет по одной версии, сорок два года по другой) без еды и питья.

Огромная важность этого инцидента в версии В наиболее примечательна, если сравнить ее со сравнительным безразличием, проявленным другими версиями, в частности, Большой Сен-Грааль, которая, на первый взгляд, выглядит как простое усиление В. Еще более примечательно согласие между прозаическими версиями В, с С, Didot-Perceval, относительно слов Христа к Иосифу против В I, Metr. Jos. Трудно решить, какая из двух версий старше; В I, после слов Христа, имеет следующий важный отрывок:...

Ge n'ose conter ne retenir,
Ne je ne le pourroie feire,
Neis, se je feire le voloie,
Se je le grant livre n'avoie
Où les estoires sunt escrites,
Par les granz clers faites et dites:
Lá sunt li grant secré escrit
Qu'en numme le Graal et dit.

что могло быть либо причиной того, что прозаические версии, за которыми следует Дидо-Персеваль, говорят о тайных словах, либо оправданием версификатора для того, чтобы привести сами тайные слова, *то есть* объяснение тайн Грааля в его связи с Таинством, и в этом случае стих был бы более поздним, чем прозаические формы.^[49] Наконец, похоже, что Псевдо-Манесье, А IIIa и Большой Сен-Грааль черпали свои сведения один из другого или из общего источника.

Свойства и действие Грааля.

В "Христиане" они имеют чисто физическую природу; Грааль проносят непокрытым через зал во время каждой трапезы (4,470-79), он питает отца Короля-Рыбака...

D'une seule oïste li sains hom
Quant en ce Greal li aporte
Sa vie sostient et conforte
Tant sainte cose est li Graaus. (7,796-99)

самое прямое свидетельство в Христиане о его священной природе. У Готье физические свойства также подчеркиваются в следующих отрывках:-.

Lors vit parmi la sale aler
La rice Gréail ki servoit
Et mist le pain a grant exploit. (20,114-16)

Moult mangièrent à grant loisir;
Adonques véissiés servir
Le Gréail moult honestement. (20,142-43)

а в стихах 28,078-81 ему приписывается удивительный духовный эффект -

Car li diables ne deçoit
Nul homme ki le jor le voie,
Ни один человек не встречается мужского голоса.
Por faire pécié creminal.

В A IIa, Псевдо-Готье, настаивается только на физической стороне -

Et de quanqu'il lor ert mestiers
Les fornissoit à tel plenté
Com s'il n'eust néant cousté; (12-14)

Et li Graaux par tot aloit
Et pain et vin par tot portoit
Et autres mès a grant planté. (171-74)

Манессье не делает особых ссылок на свойства Грааля.

В версиях В речь идет о духовной силе Грааля. Слова Христа, обращенные к Иосифу, уже цитировались (*supra*, [p. 71](#)), и использование, к которому последний прибегает с Граалем, и которое специально указано Иосифу Святым Духом, находится в соответствии с ними. Грааль должен послужить ему в качестве сенсорного камня, чтобы отличать грешников из его компании.

Car il n'a à nul pecheour
Ne compaignie ne amour; (2,629-30)

тогда как тем, кто не осквернил себя грехом, он приносит

La douceur, l'accomplissement
De leur cueurs tout entièrement; (2,565-67)

так что, согласно им...

... Cuers ne pourroit,
A pourpenser ne soufiroit
Le grant delit que nous avuns
Ne la grant joie en quoi nous suns. (2,609-12)

Эта испытательная сила Грааля особенно ярко проявляется, когда сосуд ставится на стол в связи с рыбой, которую поймал Бронс и которая принесла ему имя Богатого Рыбака.

С, Дидо-Персеваль, имеет только одну ссылку, "ne il ne covient mie en sa compaignie pechier" (I, 483), согласующуюся с В и со строками Готье 28,079-80.

В D, Queste мы возвращаемся к физическим дарам Грааля. "И как только он вошел в двери зала, весь двор наполнился благовониями... и он перешел в каждое место в зале. И когда он подошел к столам, то наполнил их всяким мясом, какое только пожелает человек". Когда оно вошло, "все смотрели друг на друга, и не было ни одного, кто мог бы сказать хоть слово"; когда оно вышло, "каждый восстановил свою речь" (D II, pp. 442-43). Здесь нет намека на собрание, на котором Грааль используется для проверки состояния благодати его почитателей. E, Grand St. Graal, демонстрирует любопытное смешение двух идей; Грааль кормит своих поклонников, но только тех, кто "de sainte vie", им он приносит "toutes le boines viandes ke cuers d'omme pourroit penser", но "li pecheour n'auoient ke mangier". Эта версия здесь, как и во многих других отрывках, является одной из самых поздних, воплощая и примиряя в себе концепции более ранних версий - концепции, которые трудно вывести либо из общего источника, либо друг из друга. Если бы не одинокая фраза Готье, строки 28,079 и т. д. (отрывок, который является сильнейшим доказательством против однородности той части Конте дю Грааль, которая идет под именем Готье), существовала бы непрерывная цепь свидетельств о дающей пищу силе Грааля со стороны ранних версий A, поддерживаемых Queste в противовес духовным дарам, на которых настаивают формы B и E, Grand St. Graal. В любом случае, трудно поверить, что если бы автор Queste, с его сильной склонностью к мистическим аллегориям, имел перед собой высокодуховное представление силы Грааля, найденное в B, он бы пренебрег им в пользу материалистического описания, которое он использует. В одном пункте эта версия отличается от всех остальных - в немоте, с которой Грааль поражает тех, кому он явился[50].

Имя Грааля.

В то время как большинство версий не дают никаких объяснений имени Грааля, B и C придают ему любопытное каламбурное значение, так B I, Metr. Jos..:

Par droit Graal l'apelera;
Car nus le Graal ne verra,
Ce croi-je, qu'il ne li agrée; (2,659-61)

и C, Didot-Perceval, "Et por ce l'anelon-nos Graal, qu'il agrée as prodes homes" (p. 483). E, Grand St. Graal, похоже, следует этим версиям в словах Насьенса: "Car tout mi pense sont accompli, puis ke ie voi chou qui en toutes choses me plaist et m'agrée" (I, 212). Является ли такое каламбурное объяснение более созвучным ранним или поздним версиям, в которых оно встречается? Если значение "Gréal" как чаши или сосуда было совершенно устоявшимся, трудно понять, зачем вообще понадобилось объяснять это слово при первом обращении к теме.

Прибытие Грааля в Англию.

Ни A I, Крестиен, ни A II, Готье, не дают никаких указаний на то, как Грааль попал в Англию; только когда мы переходим к A IIa, Pseudo-Gautier, мы узнаем что-нибудь на эту тему. Там рассказывается (ст. 139-48), как Иосиф и его спутники садятся на корабль и плывут, пока не приплывут в землю, обещанную Иосифу Богом, - Белый остров, а именно часть Англии; и как (ст. 161-66) Иосиф, обнаружив, что "sa vitaille li falloit", молит Бога одолжить ему Грааль, в котором он собрал святую кровь. Молитва исполняется, Грааль появляется и питает

компанию. А III, Манессье, просто говорит, что Иосиф, покинув Саррас, унес с собой Грааль, а затем в необычайно загадочном пассаже (говорит Король-Рыбак):-...

Et, quant il furent départis,

Il s'en ala en son païs,

Et tout partout ù il aloit

La loi Jhésucrist essaüçoit.

Затем он поселился в своей стране,

Одинокий святой Греаль.

Josep qui en Dieu se fia

Icest païs édéfia. (35,123-30)

Рассказ в версиях В гораздо более подробный и требует самого тщательного анализа. В В I, Metr. Jos. первое упоминание о Западе содержится в словах Христа, обращенных к Иосифу, о его племяннике Алене, который должен хранить Грааль, отвечать за своих братьев и сестер и

Puis s'en ira vers occident

Es plus loiteins lius que pourra; (3,100-01)

далее, что Петрусу также предстоит отправиться "ès vaus d'Avaron" (3,123), и добавляется, что...

Ces terres trestout vraiment

Se treient devers occident. (3,125-26)

По сути, мы узнаем (ст. 3,262 и т. д.), что Алэн ведет своих братьев в чужие земли. Но Грааль остается позади, и в ст. 3,353 и т. д. ангел объявляет, что все люди должны идти на Запад, что корабль должен быть у Бронса, что он должен идти прямо на Запад, и что Петрус, увидев, что Грааль в безопасности у Бронса, должен идти туда же. Иосиф следует велению ангела и через три дня после этого передает Грааль в руки Бронса.

Ainsi Joseph se demoura.

Li boens Pescherres s'en ala

(Dont furent puis meintes paroles

Contées, ki ne sunt pas foles)

En la terre lau il fu nez,

Et Joseph si est demourez. (3,455-60)

Загадочный отрывок, поскольку трудно сказать, относится ли строка 3 459 к Фишеру или к Иосифу, что, безусловно, важно, поскольку в последнем случае это указывает на то, что Иосиф в этой версии не отправляется на Запад. Если обратиться к прозаическим версиям, то в соответствующих отрывках можно обнаружить некоторые примечательные вариации; так, в В II, Cangé MS. (I, 265) после рассказа о том, как Бронс находит жен для своих детей, добавляет: "Mais ancor estoit la crestientez moult tenue et moult novele en ce païs que l'an apeloit la bloe Bretagne que Joseph avoit nouvellement convertie à la créance de Jhésu-Christ", слова, которые, кажется, указывают на то, что автор представлял себе Иосифа и его компанию уже в Англии. Соответствующий отрывок к ст. 3,445-60 звучит так: Ensinc se departirent, si s'en ala li riches peschierres dont maintes paroles furent puis, en la grant Bretagne et ensinc remest Joseph et fina en la terre et ou païs où il fu envoie de par Jhésu-Crist (275). В III, Didot MS, подчеркивает каламбурную ссылку на Авалон в послании ангела к Иосифу: "Come li monde ... va en avalant covient-il que toute ceste gent se retraie en occident" (p. 330).

Заключительный отрывок звучит следующим образом: "Eynsi se despartirent Joseph et Bron: et

Joseph s'en ala en la terre et el pais où il fust nez et ampris la terre" (p. 332). Таким образом, свидетельство этих версий говорит в пользу применения ст. 2 459 в Metr. Jos. к Иосифу. От С, Дидо-Персеваля, мы получаем рассказ, частично схожий с версией В, причем самое прямое упоминание содержится в речи отшельника, дяди Персеваля: "Biaus niès, sachès que à la table là où Joseph fist et je meismes oïmes la voiz de saint esperit qui nos comenda venir en loingteines terres en occident, et comenda le riche péchéor mon père que il venist en cestes parties, là ou li soleil avaloit" (449-50), где снова заметна каламбурная ссылка на Авалон и где, по-видимому, не указан переход самого Иосифа в Англию. Совершенно иная форма легенды встречается в D и E. В первой (D II, 450) кратко сказано: "И после этого случилось Иосифу, и Иосифу, его отцу, и нескольким членам его семьи с ними, отправиться из города Саррас, и они дошли до Великобритании"; снова, с. 467, тетя Персеваля рассказывает, что когда Иосиф Аримафейский и его сын Иосиф пришли в Британию, с ними было около 4 000 человек, и все они наелись десятью хлебами, поставленными на стол, на главе которого лежит Грааль. Е, Великий Святой Грааль, специально останавливается на Жозефе; он упоминается в I, с. 22, как прошедший "le lignage ioseph son père outre mer iusqu'en la bloie bertaigne qui ore a nom engleterre", а II, 123 и др, дает полный отчет о том, как осуществляется проход; как носители Грааля отправляются первыми и поддерживаются через воду ее силой; как, когда Иосиф снимает рубашку, а его отец Иосиф ставит на нее ногу, она раздувается, пока не вмещает 250 человек. Эти два рассказа лучше согласуются с A IIa, Псевдо-Готье, чем с любым другим; более того, отрывок из последнего (ст. 125-29), в котором рассказывается, как Иосиф отдал портрет Господа, сделанный Веррином, на милость моря, возможно, послужил подсказкой для истории о чудесной рубашке Большого Святого Грааля. В этой версии, как и в D, Queste, мы сначала слышим о путешествии в Англию, а затем Грааль появляется при чудесном кормлении путников. Таким образом, версии делятся на две четко очерченные группы, в первой из которых носителем Грааля является Иосиф, а во второй - Бронс. Последний класс представлен Метрическим Иосифом и одним только Дидо-Персевалем, если не считать бернской MS. формы части Конт дю Грааль, которая в своей отделке явно копирует Метрического Иосифа. К первому классу относятся все остальные версии. Более того, одна из прозаических форм поэмы Боррона интерполирована, чтобы оправдать рассказ Иосифа о принесении Грааля в Англию. Более того, рассказ Боррона обо всей этой операции неоднозначен и неясен; сначала Ален является героем, ему посвящены длинные отрывки, и хранение таинственного сосуда явно закреплено за ним. Однако он уходит, совершенно спокойно, и больше о нем ничего не слышно, и тот же механизм ангельских посланий приводится в движение для Бронса, которому отныне отводится главная роль. Не свидетельствует ли это о том, что с самого начала существовали две версии евангелизации Британии, одна из которых, приписывающая ее Иосифу, пользовалась большей популярностью и которой следовало большинство романов, в то время как Боррон, придававший большее значение другой версии, неумело пытался объединить обе в одну? В любом случае, если бы легенда имела чисто христианское происхождение, если бы Метрический Иосиф был ее самой ранней формой и источником других форм, было бы удивительно, что его свидетельство о таком важном моменте противоречит почти всем другим версиям.

Проливают ли вышеизложенные факты свет на вопрос о том, являются ли две части романа изначально независимыми, и какая из них более ранняя? Только в поздних формах "Квеста" упоминается Иосиф. Но если он действительно старший из двух персонажей, которым в "Ранней истории" приписывается евангелизация Британии, это уже само по себе будет доказывать, что две части романа соприкоснулись лишь на поздней стадии своего развития, и что "Квест" - более древний. Иначе обстоит дело, если рассматривать Бронса как первоначального носителя Грааля; те же причины, которые привели к его исключению из

других версий "Ранней истории", могли не допустить его в большинство версий "Квеста", и его присутствие в одной из версий "Квеста" можно было бы утверждать как доказательство однородности романа. В настоящее время достаточно отметить тот факт, что то, что можно назвать бронской формой Ранней истории, находится в меньшинстве.

Хранитель Грааля и его отношения с обещанным рыцарем.

В версиях А хранитель Грааля - это Король-Рыбак, дядя героя квеста Персеваля. Впервые эта связь ясно выражена в "Христиане", где отшельник, говоря с Персевалем о Граале, говорит

Cil qui l'en sert, il est mes frere
Ma sœur et soie fu ta mère,
Et del rice Pescéour croi
Que il est fius à celui roi
Qui del Graal servir se fait. (7,789-94)

Происхождение его имени полностью объясняется в отрывке (ст. 4,685-98), где рассказывается о том, как он был ранен в бою копьем, пронзившим два бедра, о его страданиях и о том, что его единственным утешением была рыбалка с лодки. О том, как Грааль попал в его руки, С не сообщает. У Готье нет повода упоминать эти факты, но от Манессье мы узнаем, что Иосиф, обратив землю, умер на ней; что Король-Рыбак - из его рода, и что, если Богу будет угодно, Грааль никогда не будет жить в другом месте, кроме как у него (35,130-36); что у него, Короля-Рыбака, был брат, Гун Пустынный, вероломно убитый Партиналем, который сломал свой меч во время убийства. Тело Гуна и обломки меча были принесены племянницей Королю-Рыбаку, и он ранил себя ими, "среди гамблей в путешествиях", и не мог исцелиться, пока не пришел рыцарь, чтобы сварить обломки и отомстить за смерть брата.

Псевдо-Готье рассказывает, как Иосиф, умирая, молится о том, чтобы Грааль остался у его потомков.

Si fist il, c'est verité fine,
Qu' après sa mort n'en ot sésine
Nus hom, tant fust de son lignage
Se il ne fu del haut parage.
Li riches Peschéor, por voir,
En fu estret et tuit si oir
Et des suens fu Greloguevaus
Ausi en réfu Percevaus. (183-90)

Манессье, как уже было замечено, не согласен с Христианом относительно причины ранения Короля-Рыбака, и ни он, ни другие продолжатели Христиана не упоминают о загадочном человеке - отце Короля-Рыбака, о котором Христиан упоминает вскользь (ст. 7,791-99). Персеваль, по их мнению, является прямым потомком Иосифа, Бронс здесь так же полностью игнорируется, как и при транспортировке Грааля в Англию.

В версии В хранителем Грааля является Бронс, а обещанный рыцарь - его сын или внук, так как при внимательном рассмотрении снова оказывается, что в одном повествовании воплотились две разные истории. В отрывке, где Святой Дух, обращаясь к Иосифу, говорит ему о пустом месте, которое должно быть оставлено за столом, который он должен приготовить, встречаются следующие строки

Cil lius estre empliz ne pourra
Devant qu' Enygeus avera
Un enfant de Bron sen mari,
Que tu et ta suer amez si;
Et quant li enfès sera nez,
La sera ses lius assenez; (2,531-37)

За ней следуют прозаические версии: В II, Cangé MSS., "ne icil leux ne pourra estre ampliz tant que le filz Bron et Anysgeus ne l'accomplisse" (I, 254); В III, Didot MS., "Cist leus ne porra mie estre ampliz devant ce que li fist Bron l'ampleisse" (I, 316). Но затем появляется новый рассказ; во втором послании Святого Духа Иосифу говорят:

Чтоб цист Луис не работал.
Devant que li tierz hons venra
Qui descendra de ten lignage
Et istera de ten parage,
Et Hebruns le doit engenrer
Et Enygeus ta sueur porter;
Et cil qui de sen fil istra,
Cest liu méismes emplira. (2,789-96)

В соответствующих отрывках как В II, так и III имеется следующее существенное дополнение: "et l. autre (*т.е.*, место) avoc cestui qui el nom de cestui sera fondé" (I, 261), "raemplira ce leu et l. autre qui en leu decestu isera fondez" (I, 322), что фактически избавляет от попытки М. Хучера (I, 254, примечание) согласовать оба рассказа замечанием, что в первом "il ne s'agit pas de la Table ronde où c'est Perceval qui remplit le lieu vide". Отныне легенда следует за вторым рассказом. Алену, сыну Бронса, сообщается, что

...de lui doit oissir
Un oir malle, qui doit venir. (3,091-92)

Петрус должен ждать "le fil Alein", Бронс - "le fil sen fil", а когда тот придет, отдать ему сосуд и Грааль (3,363-67). В II, Cangé MS., снова делает характерное дополнение к обещанию Алену "et si li di que de lui doit issir un oirs masles, à cui la grace de mon veissel doit repairier" (I, 267).

С, Дидо-Персеваль, следует второму рассказу В. Персеваль - сын Алена ли Гроса, внук Бронса, богатого короля-рыбака, "et cil rois péchéors est en grant enfermetez, quar il est vieil home et plains de maladies" (I, 418), и племянник отшельника, "un des fiz Bron et frère Alein" (I, 448), хотя любопытно, что когда он говорит Бронсу, что знает его как отца своего отца, тот обращается к нему как к "bieaux niès" (I, 483). В любом случае, независимо от того, есть ли в В и С доказательства более близкого родства, чем внук и дед, между хранителем Грааля и исполнителем Квеста, хронология, охватывающая более 400 лет в двух поколениях, столь же фантастична.

В D, Queste можно выделить не менее трех различных рассказов, что, несомненно, соответствует трем этапам в развитии этой версии под влиянием других версий легенды. Самая ранняя из них сохранилась в D II, валлийском переводе ныне утраченного французского оригинала. Обещанный рыцарь - Галахад, сын Ланселота, внук по материнской линии короля Пеллеса (гл. iv). Грааль хранится при дворе короля Пелера (гл. lxvii), имя которого, по-видимому, Корбеник (гл. lxiv). Хромой король упоминается сестрой Персеваля (гл. xlix) как сын короля Ламбара, который сражался с королем Урланом и убил его, вследствие чего страна опустела; впоследствии (гл. l.) его хромота объясняется тем, что

он по глупости пытался достать волшебный меч, за что, хотя в христианстве не было человека лучше его, он был ранен копьем в бедро. Здесь она также говорит о нем как о своем дяде. Поиски Грааля никак не связаны с исцелением Хромого короля. В тексте, напечатанном Ферниваллом, Галахад сначала представлен как сын Ланселота и внук Пеллеса, но когда он прибывает ко двору Артура, то говорит своему вернувшемуся спутнику: "Приветствую тебя, святой хозяин и дядя короля Пеллеса, и мой друг богач Пешеур". Дамы Гвиневры, согласно этой версии, пророчествуют, что Галахад исцелит хромого короля. Отшельник рассказывает Ланселоту о его происхождении следующим образом (с. 120): у Селидуана, сына Насьена, было девять потомков - Варпус, Крестиенс, Ален ли Грос, Хелиас, Жонаанс, Ланселот, Бан, сам Ланселот, Галахад, в котором Христос полностью омылся. Персеваль - сын короля Пеллехема (с. 182). Хромым королем - Пеллес, "que l'on apèle lo roi mehaignié" (р. 188); он находится в Корбенике, когда туда приезжает Ланселот. Когда Галахад и его спутники прибывают ко двору, к нему привозят больного в короне, который благословляет Галахада как своего избавителя. После появления Грааля Галахад исцеляет его, коснувшись его раны копьем. В третьем рассказе, из версии Квеста, напечатанной вместе с "Ланселотом" и "Мортом Артура" в 1488 году в Руане Гайаром ле Буржуа,[51] Галахад посылает приветствия Королю-Рыбаку и своему деду, королю Пеллесу; к рассказу сестры Персеваля о том, как был ранен Пеллес, добавлены слова "он был дедом Галахада";[52] к рассказу о посещении Ланселотом замка Грааля добавлены слова "это был замок Корбеник, где хранился Святой Грааль". Прежде чем обсуждать эти различия, стоит посмотреть, что говорит по этим вопросам Великий Сен-Грааль. Здесь Ален, король-рыбак, сын Бронса, является девственником, и когда Жозеф передает ему Грааль на хранение, он уполномочивает его оставить его тому, кому он пожелает (II, 360-39.) В соответствии с этим Ален оставляет Грааль своему брату Жозуэ с титулом короля-рыбака. Потомками Жозуэ являются Аминадап, Кателоис, Манаал, Ламбор (который был ранен Бруилланами мечом Соломона, после чего началась такая жестокая война, что вся земля опустела)[53], Пеллеан, раненный в бою в лодыжку, после чего он получил имя Хромого Короля, Пеллес, от дочери которого Ланселот рождает Галахада, который, таким образом, по материнской линии является девятым в происхождении от Бронса, брата Иосифа. Происхождение Галахада от Селидуана, сына Насьена, также описывается следующим образом: Marpus, Nasciens, Alains li Gros, Ysaies, Jonans, Lancelot, Bans, Lancelot, Galahad, который при таком подсчете Селидуина оказывается десятым по происхождению от Nasciens, спутника Иосифа (vol. ii, ch. xxxix.) Пока что история достаточно последовательна, хотя между генеалогией отца и матери есть разница в одно поколение. Но в гл. 17, в очень важном отрывке, вводит другой рассказ. Ангел объясняет Иосифу и Насьену чудеса копья; Иосифу он говорит: "de cheste lance dont tu as este ferus; ne sera iamis ferus ke vns seus hom. Et chil sera rois, et descendra de ton lignaige, si serra li daerrains des boins. Chil en sera ferus parmi les cuisses ambedeus", и не будет исцелен, пока не придет Добрый Рыцарь, "et chil... serra li daerrains hom del lignaige nascien. Et tout ausi com nasciens a este li premiers hom qui les meruelles du graal a veues; autresi sera chil li daerrains qui les verra.[54] Car che dist li urais crucefis. 'Au premier home du precieus lignaige, et au daerrain, ai iou deuise à demonstrier mes meruelles.' Et si dist en chere après. 'Sour le premier et sour le daerrain de mes menistres nouuiaus qui sont enoint et sacre a mon plaisir, espanderai iou la venianche de la lanche aventureuse'" (I, 216-17), то есть последний из рода Иосифа будет единственным раненым копьем, последний из рода Насьенса - избавителем. Но согласно генеалогии Галахада, приведенной выше, не последний из рода Жозефа (в лице его кузена Жозуэ) является Раненым Королем, поскольку сам Галахад - последний в роду Жозефа, как и Насьенса, и даже если считать, что слова относятся только к прямым потомкам Жозефа по мужской линии, все равно остается несоответствие, поскольку не Пеллес, а Пеллеант, его отец, является "roi mehaigniés". Если бы Раненый Король действительно был последним из

рода Жозефа, *то есть* Пеллесом, Галахад был бы его внуком, как Персиваль - Бронсом. Если взять вместе две версии D. и E., то по ним можно составить некоторое представление о том, как разрасталась легенда, и о том, на какие подвижки пришлось пойти позднейшим гармонизаторам в их попытках примирить расходящиеся версии. В первом варианте "Квеста" Галахад не имеет ничего общего с Хромым Королем, последний остается дядей Персеваля, именно такие отношения сложились в "Христиане". Галахад вытеснил Персеваля, но не занял его место полностью. Вторая редакция "Квеста" пытается исправить это, неуклюже вводя Хромого короля и его исцеление, отсутствующие в первой редакции, в великую сцену с Граалем в конце, идею, чуждую автору "Квеста", который, порвав с Персевалем как главным героем, порвал и с характерным инцидентом "Квеста" в том, что касается главного героя. Но тут совершается странная ошибка: второй черновик, стремясь сделать деда Галахада одновременно и Фишером, и Хромым Королем, на самом деле говорит о Пеллесе как о дяде Галахада, что прямо противоречит его собственному указанию. Третий вариант исправляет эту ошибку и пытается различными пояснительными интерполяциями подтвердить родство Галахада с Хромым королем, а также идентичность его замка с замком Грааля. Теперь на сцене появляется автор Grand St. Грааля, присваивает себе историю о короле Ламбаре, отце Хромого короля, дяде Персиваля, делает его предком Галахада и дает имя его сыну, Пеллеанту (это имя снова появляется во второй редакции "Квесты" как имя отца Персеваля), и таким образом выводит Галахада по материнской линии от Бронса, хотя от него ускользает, что тем самым он опровергает пророчество, вложенное им в уста ангела, о том, что именно последний из рода Иосифа будет пронзен копьем, и что он не дал своему Ламбору достаточно вымышленных предков, чтобы уравнивать генеалогии.

Таким образом, мы возвращаемся к отношениям дяди и племянника как наиболее ранним, существовавшим между королем Грааля и исполнителем квеста, и находим в тех версиях, которые заменяют Персеваля Галахадом, историю, рассказанную о великом дяде первого, короле Ламбаре, ничуть не отличающуюся от той, что рассказывается о его дяде в версиях A, и что там, как и здесь, причиной горя, обрушившегося на семью героя, является один из магических талисманов, которые герой ищет и с помощью которых он должен выполнить свой квест. Далее мы замечаем, что в той мере, в какой "Ранняя история" влияет на квестовые формы, ее влияние проявляется именно в поздних версиях, и это влияние оказывает именно форма Джозефа, а не Бронса. Только когда мы доходим до Великого Святого Грааля, очевидной и смелой попытки воплотить предыдущие версии в единое гармоничное целое, форма Бронса дает о себе знать.

Работа обещанного рыцаря.

В "Христиане" мы можем лишь догадываться о том, каковы были бы результаты успешного выполнения квеста по упрекам, обращенным к герою после неудачи его первых визитов в замок Грааля; он бы все исправил, и...

Le bon roi ki est mehaigniés;
Que tous eust regaengniés
Ses membres, et tière tenist,
Et si grans bien en avenist; (4,763-67)

много бед проистекает из его неудачи, и причиной тому - грех, который он совершил, покинув свою мать, умершую от горя (4,768-71); снова Ненавистная Девушка упрекает его, что Богатый Король исцелился бы от своей раны, сохранил бы в мире свою землю, чего он уже никогда не сможет сделать, ибо теперь

Dames en perdront lor maris
Tières en seront essilies,
Et pucièles deconsellies;
Orfenes, veves en remanront
Et maint Chevalier en morront. (6,056-60)

Готье де Дуленс дает яркое описание последствий частично успешного визита Гавейна к королю Грааля; характер пейзажа сразу же меняется -

N'estoit pas plus que mienuis,
Le soir devant, que Dex avoit
Rendu issi com il devoit
As aiges lor cors el país;
Et tout li bos, ce m'est avis,
Refurent en verdor trové,
Si tos com il ot demandé
Por coi si sainnoit en l'anstier
La lance; si devoit puplier
Li règues; mais plus ne pupla
Por tant que plus ne demanda. (20,344-55)

Все деревенские жители то благословляют, то проклинаят Гавейна.

Сир, морс нус ас и гарис,
Tu dois estre liés et maris;
Car grant aise nos as doné,
S'en devons tout mercier Dé;
Et si te devons moult hair
Pour con que nel vosis öir
Le Greail, por coi il servoit,
Ne de la joie ki devoit
Là venir ne poroit nus dire,
Si en doit avoir duel et ire. (20,357-66)

В Манессье, когда Персеваль, наконец, выполнил задание, убив Партинала, и в третий раз пришел к замку Грааля (хотя и тогда он добрался до него только после долгих скитаний и наткнулся на него случайно), королю приносят весть об этом;...

Li rois, à grant joie et grant feste
Est maintenant salis en piés
Et se senti sain et haitiés. (44,622-24)

Персеваль коронуется королем после смерти своего дяди и правит семь лет.

Таким образом, в версии А исцеление искалеченного короля и последующее восстановление плодородия и процветания его земли - вот задачи, которые предстоит решить герою квеста. В версиях В встречается совершенно иной ряд представлений. Бронс, король-рыбак, должен дожидаться своего внука и передать ему сосуд, который он получил от Иосифа. Когда это будет сделано, смысл Троицы станет известен - [\[55\]](#)

Lors sera la senefiance
Accomplie et la demonstrance

благодатной Троицы,
Qu'avons en trois parz devisée. (3,371-74)

Кроме того, обещанный рыцарь должен посетить Петруса, который может не скончаться до его прихода и от которого он должен узнать о силе сосуда и о судьбе Мойса (v. 3,127-36). Наконец, когда он придет, он должен заполнить пустое место и найти Мойса, о котором сказано

De lui plus ne pallera-on
Ne en fable ne en chançon,
Devant que cil revenra
Qui li liu vuit raemplira:
Cil-méismes le doit trouver. (2,815-19)

Единственное указание, которое можно вымучить в намек на ожидание больным королем своего избавителя, - это упоминание о Петре. Примечательно, что когда тот отправляется в Англию, он просит молитв всей компании, чтобы не впасть в грех и не потерять любовь Бога (ст. 3320-35) Предполагает ли это версию, в которой он *действительно* грешит и, как следствие, наказывается болезнью, от которой его может исцелить только обещанный рыцарь?

Если обратиться к С, то перед нами предстает совершенно иной рассказ о том, что должен делать квестодатель. Он садится, правда, на пустое место, но вместе с ним его постигает участь Мойса, от которой его уберегла лишь великая доброта его отца, Алена (с. 427). Он не находит Мойса; Петрус ни разу не упоминается по имени, и Персеваль не посещает никого, кто мог бы не умереть, пока он не придет, и от кого он узнает о силе судна, спасая всегда Короля-Рыбака, о котором см. *выше*, с. 83. Этот Король-Рыбак - "veil home et plains de maladies, ne il n'aura james santé devant un chevalier que yà la Table ronde aserra, sera prodons vers Deu et vers sainte eglise et ait fait tant d'armes que il soit le plus alosez del monde. И когда он продаст в доме богатого короля Печора, а тот потребует от него, чтобы Граус был с ним, тогда король заручится поддержкой Бретейна и совершит пророчество" (с. 419). И снова, с. 427: "li riches rois péchéors est chéuz en grant maladie et en grant enfermeté, ne il peust morir devant que uns de XXX chevalier, qui ci sunt asis, ait tant fait d'armes et de chevalerie qu'il soit li mieudres chevalier del monde." И снова, с. 427: "Et quant il (т.е. Король-Рыбак) sera gariz, si ira, dedanz li III jorz, de vie à mort, et baillera à celui chevalier, le vesseau et li aprendra le segroites paroles qui li aprist Joseph; et lors ampliz de la grace du Saint Esprit et cherront li enchantement de la Bretagne et les affaires." И снова, когда Персеваль во второй раз пришел к Королю-Рыбаку, задал вопрос и узнал тайные слова, он остался там "et moult fust prodons et chéirent les enchantement de la terre de Bretagne et par tout le monde." Итак, здесь есть больной король, таинственный вопрос, исцеление и воздействие на землю (обратите внимание, как настаивают на чарах Британии), как и в версии А. Единственные точки соприкосновения с Б заключаются в том, что Бронс, как и Петрус, не может умереть, пока не придет Персеваль, и что его немощь, похоже, приписывается в основном его возрасту, а не ране, что на первый взгляд лучше согласуется с туманными указаниями Б, чем с позитивным утверждением А.

Таким образом, в отношении объекта Квеста появляются две версии, каждая из которых достаточно определена и последовательна: одна представлена А и С, другая - В. Какой свет на этот вопрос бросают остальные версии, и какую из этих двух версий они поддерживают? Ни из Queste (D), ни из Grand St. Graal (E) нельзя составить четкого представления о Квесте. Оба они много рассказывают о приключениях и чудесах Грааля, но абсолютно ничего не сообщают о самом Граале и о Галахаде и двух его спутниках. Он отправляется на Восток, они

вместе с ним, становятся отшельниками и умирают. Но по мере того, как главный объект квеста становится все менее определенным, увеличивается количество второстепенных объектов. В D, Queste Галахад должен совершить приключение на Перильском сиденье (гл. iii, iv); он должен носить щит, оставленный Иосифом Мордрайну (гл. x); он должен освободить от жизни самого Мордрайна, пораженного слепотой за слишком близкое приближение к Граалю (гл. xxiii); он (согласно второму варианту Квесты) должен освободить короля Пеллеса (своего деда, согласно третьему варианту), раненного в обе лодыжки за попытку достать меч; он должен освободить Симея, горящего в огненной могиле за то, что тот когда-то согрешил против Иосифа Аримафейского (гл. lxvi). К этому достаточно длинному списку Великий Святой Грааль добавляет перепродажу меча, сломанного Иосифом - "Ha espée, iamaïs ne sera resaudée deuant ke chil te tenra qui les hautes auentures del Saint Graal devra asoumir" (II, 264); освобождение Мойса из печи, где он горит, не за то, что всегда "ains trouuera enchore merci et pardon. Mais che qu'il a mesfait, espanira il en tel manière qu'il en sera en fu iusc' a tant ke li boines chivaliers uenra" (II, 277). Мойс также говорит о Галахаде как о том, кто "добился успеха в борьбе с грантом" (II, 279-80). И наконец, раненый Пеллер (mehaigniés de ii cuisses) "в битве за Рим" должен быть освобожден, "il ne peut garir de la plaie deuant ke galaad, li tres boins chivalers, le vint visiter. Mais lors sans faille gari il" (II, p. 373).

В "Квесте" ничего не известно о Петре, но в "Большом Сен-Граале" он появляется в конце так же случайно, как и Бронс, и обращает короля Люкса (II, 3356-3), *то есть* таким образом вступает в связь с Джеффри Монмутским вариантом легенды об обращении Британии.

Вышеизложенное подтверждает все, что ранее говорилось о позднем появлении как Queste, так и Grand St. Graal. Автор первого снова показывает себя смелым, но не слишком искусным адаптатором старых легенд, автор второго - неинтеллектуальным компилятором, единственной целью которого является удлинение истории за счет введения каждого инцидента, за который он может ухватиться. Но хотя они и являются поздними, они все же могут пролить свет на вопрос о том, какое из двух сильно различающихся изложений объекта поисков Грааля, которые были отмечены, имеет больше прав на то, чтобы считаться более древним. Конт дю Грааль и Дидо-Персеваль согласны, как мы видели, с Метрическим Иосифом, в том, что главной целью искателя Грааля является исцеление искалеченного или освобождение от жизни сверхъестественно старого короля. Этот *мотив*, не лишним будет сказать, является стержнем, на котором в "Конте дю Грааль" все вращается; в "Метрическом Иосифе" на него едва намекают.

При внимательном рассмотрении оказывается, что Квест свидетельствует о форме Конте дю Грааль. Как видно из резюме (*supra*, [п. 41](#), Inc. 12), в нем есть тот самый инцидент, на котором так много внимания уделяется в поэме Христиана: визит к больному королю, пропущенный вопрос, последующее несчастье. Правда, все это перенесено с первоначального героя, Персеваля, на отца нового героя, Галахада, и, правда, конечная цель, которую Queste предлагает, в той мере, в какой она предлагает какую-либо определенную цель, своему искателю Грааля, имеет другой характер. Но тот факт, что этот объект не указан так же, как в Метрическом Иосифе, в то время как тот, который встречается в Конте дю Грааль, воплощен, хотя и в другой связи, безошибочно указывает на то, что можно назвать *мотив* исцеления более древним. И здесь Метрический Иосиф оказывается в меньшинстве, за ним не следует даже та самая версия, Дидо-Персеваль, которая приписывается тому же автору и утверждается как неотъемлемая часть той же трилогии[56].

Квалификация обещанного рыцаря.

Ни Христиан, ни Готье, ни Манесье не делают акцента на особых качествах героя для выполнения его задачи. У Христиана, как уже говорилось (*выше*, с. 87), исключительно грех, в котором повинен Персеваль, покинувший свою мать, мешает ему достичь цели при первом посещении замка Грааля (ст. 4,768-71 и 7,766-74), в то время как продолжатель не делает никаких попыток объяснить повторные неудачи героя. Только после Герберта в поэме появляется новый *мотив*, но и он примечателен: если Персеваль до сих пор не мог достичь цели, к которой так долго стремился, то это потому, что он был неверен своей первой любви, Бланшефлер (VI, р. 182); он должен вернуться и жениться на ней, прежде чем сможет узнать всю тайну Грааля[57].

Другие квестовые версии в этом вопросе разительно отличаются от Христиана. Слова С, Дидо-Персеваля, уже были отмечены (*выше*, с. 89). И снова девица, упрекая героя после его первой неудачи, обращается к нему так: "Mès je sai bien por quoi tu l' às perdu, por ceque tu ni es pas si sage ne si vaillant, ne n'as pas fet tant d'armes; ne n'ies si prodons que tu doies avoir le sanc nostre (sire) en garde" (p. 467).

В этой связи важно отметить, что только после того, как Персеваль одолел всех лучших рыцарей Круглого стола, включая Гавейна (героя-компаньона, как будет показано далее, самой древней формы этой истории), и тем самым утвердил себя лучшим рыцарем мира, появляется Мерлин и направляет его в замок Грааля.[58] Разговор о Святой Церкви, по-видимому, является дополнением, а первоначальный идеал - чисто физическим.

В "Квесте" квалификация героя стала главной особенностью легенды, стержнем, на котором все держится. Единственное, что необходимо, - чтобы герой был девственником, и вся история представляет собой одно длинное прославление высшей добродетели целомудрия. Однако даже здесь воинские подвиги Галахада навевают мысли о другом идеале. Следы, хотя и незначительные, можно обнаружить в С, Дидо-Персеваль, о значении, придаваемом целомудрию героя; так, его дядя-отшельник наставляет его: "ne vous chaille de gésir aveuc fame, quar cest un peché luxurios et bien sachiez, que la pichié que vous avez fait, vous ont neu à trover la maison Bron", и в приключении с девушкой гончей, хотя он (стр. 440) просил у нее милостей, и она обещала их, если он принесет ей голову белого оленя, но (с. 470) когда он возвращается к ней и она предлагает ему себя, он ссылается на свои поиски как на причину, по которой не может провести с ней даже одну ночь. У Готье де Дуленса, напротив, все проходит в соответствии с ортодоксальным обычаем того времени, когда рыцари были столь же пунктуальны в требовании, как и дамы, щепетильные в предоставлении исполнения подобных сделок. Но и здесь упоминания о целомудрии кажутся дополнениями, причем довольно неумелыми, в то время как в "Квесте" они составляют жизненный дух повествования.

Из всего вышесказанного вытекает следующее.

Персевальская форма Квеста, безусловно, более древняя из двух, и в действительности лежит в основе формы Галахада. Очищенная от примеси христианских мистических элементов, она предстает как связная и простая история, в которой ничто не обязательно предполагает раннюю историю. Влияние последней, однако, отчетливо прослеживается. В отношении самого Христиана ничего нельзя утверждать с уверенностью относительно происхождения, степени и характера этого влияния; в случае его продолжателей его можно определенно отнести к той форме Ранней истории, которая представлена Квестом и Большим Сен-Граалем (за исключением единственного случая бернского фрагмента Готье де Дуленса). Чем более поздними по дате являются разделы Конте дю Грааль, тем сильнее

заметно влияние Ранней истории, а *pari passu* все большее значение придается христианской мистической стороне Грааля.

В "Ранней истории" можно выделить две формы. В одной из них Иосиф и группа людей, которых он обращает в христианство на Востоке, становятся средством распространения христианства в Британии. Грааль рассматривается почти исключительно в его материальном аспекте. Эта форма тесно связана с квестом Галахада, а ее хронология была тщательно продумана, чтобы правильно преодолеть разницу во времени между апостольской и артурианской эпохами. Она также повлияла, как отмечалось выше, на поздние версии "Квеста Персеваля". Вторая, или бронская, форма ничего не знает о спутниках Иосифа, который лишь косвенно является средством обращения Британии, а настоящими евангелистами являются его родственники, носящие кельтские имена. Эти родственники, как дед и отец (или просто отец или дядя), связаны с героем, о подвигах которого пойдет речь в продолжении. При этом упор делается на духовный характер Грааля, который, очевидно, должен сыграть важную роль в обещанном продолжении. Следов этой формы не найти ни в одной версии (кроме упомянутого выше фрагмента Готье), пока мы не дойдем до Большого Святого Грааля, в котором воплощены те части, которые не противоречат форме Жозефа.

Дидо-Персеваль, хотя формально и соприкасается с "Ранней историей Бронса", на самом деле не является продолжением, заявленным в этой работе. Она глубоко отличается от него в самой существенной особенности сюжета - характере задачи, поставленной перед героем. При ближайшем рассмотрении она оказывается той же самой, что и у Конте дю Грааля, с примесью христианского мистического элемента. Однако она *предназначалась* для продолжения "Метрического Жозефа", что может служить доказательством того, что Боррон так и не завершил свой план трилогии Жозеф-Мерлен-Грааль, первые две части которой мы имеем.

Таким образом, первый из двух вопросов, обозначенных для исследования в самом начале этой главы, можно считать решенным. Квест изначально независим от Ранней истории и старше ее. И хотя ни в одном случае нельзя сказать, что версии первой полностью свободны от влияния второй, все же в более древних формах следы таковы, что их легко отделить от примитивных элементов истории.

Рассмотренные версии можно расположить в следующем порядке:

(1) Христианская часть "Конт дю Грааль". Самая древняя форма "Поисков Персеваля", но предполагающая раннюю историю.

(2) Готье де Дуленс последовал за Хрестьеном, по всей вероятности, почти сразу. От него можно получить еще меньше информации, чем от Хрестиана, относительно самой ранней формы Ранней истории, но она, вероятно, представлена

(3) Псевдо-Готье, который, по всей вероятности, дает набросок работы, использованной Квестом и Великим Сен-Граалем. Псевдо-Готье почти наверняка написан на несколько лет позже Готье, поскольку переписчик Бернской рукописи счел необходимым искать информацию в

(4) Поэма Боррона, написанная, вероятно, в конце двенадцатого века, но по какой-то причине оставшаяся некоторое время неизвестной, хотя впоследствии, как

свидетельствует количество MSS, ставшая популярной. Есть все основания полагать, что Боррон не знал ни о какой другой "Ранней истории". Его труд в том виде, в котором он дошел до нас, является сокращенным и упорядоченным. Тем временем

(5) Появился "Квест". Автор, вероятно, использовал ту же "Раннюю историю", что и Псевдо-Готье. Он знал "Конт дю Грааль" и писал в противовес ему с целью назидания. Он, конечно, ничего не знал о поэме Боррона, иначе не смог бы, имея сильные мистические наклонности, не остановиться на духовном и символическом характере Грааля.

(6) "Великий святой Грааль" - ранний вариант произведения, ныне известного под этим названием. Вероятно, это расширенная версия гипотетического оригинала "Ранней истории"; в ней отсутствуют все последние части, касающиеся Бронса и его группы, которые были добавлены к ней, когда стала известна поэма Боррона. Эта работа должна была появиться до 1204 года (именно на этот год ссылается Гелинандус), и, поскольку Христиан написал свою поэму около 1189-90 годов, из этого следует, что по крайней мере полдюжины произведений, относящихся к циклу о Граале, вышли в последние двенадцать лет двенадцатого века.

(7) Манессье и

(8) Герберт выпустили независимые концовки "Конт дю Грааль" в период с 1216 по 1225 год. Вероятно, вскоре после этого времени поэма Боррона стала известна и была включена в Большой Сен-Грааль, который принял ту форму, в которой он дошел до нас.

(9) Дидо-Персеваль, вероятно, является самым поздним по дате из всех членов цикла.

Прежде чем приступить к рассмотрению второго вопроса, а именно: действительно ли Грааль принадлежит к первоначальной форме Квеста или был привнесен в его версии из ранней истории, целесообразно обобщить мнения и исследования предыдущих исследователей. Таким образом, будет пролит свет на многие интересные моменты, которые не получили специального рассмотрения на этих страницах. Также будет полностью изложена теория происхождения и развития цикла, которая во многих отношениях прямо противоположна выводам, к которым мы пришли, и таким образом будет предоставлена возможность проверить с помощью негативной критики правильность нашего метода исследования и результаты, к которым он нас привел.

ГЛАВА IV.

ОЧЕРК ЛИТЕРАТУРЫ, СВЯЗАННОЙ С ЦИКЛОМ ГРААЛЯ.

Вилльмарке-Халливелл-Сан-Марте (А. Шульц)-Симрок-Рошат-Фурнивалл-переиздание Большого Святого Грааля и Боррона-Дж. F. Campbell-Furnivall's Queste-Paulin Paris-Potvin's Conte du Graal-Bergmann-Skeat's Joseph of Arimathea-Hucher: Грааль кельтский, дата Боррон-Зарнке, Zur Geschichte der Gralsage; Грааль принадлежит христианской легенде - Бирх-

Хиршфельд развивает взгляды Зарнке: Великий Святой Грааль моложе Квеста, оба предполагают Хрестиена и более ранний Квест, Дидо-Персеваль, который является неотъемлемой частью трилогии Боррона; Мабиноги позже Хрестиена; различные члены цикла датируются-Мартин борется с Бирхом-Хиршфельдом: Боррон позже Хрестиена, чья поэма представляет собой древнейший этап романа, уходящий корнями в кельтскую традицию-Герц-Критика Бирха-Хиршфельда.

Исследования месье Т. де ла Вилльмарке являются удобной отправной точкой, как по причине влияния, которое они оказали на последующие исследования, так и потому, что он был первым, кто полно и методично изложил аргументы в пользу кельтского происхождения легенды. Первоначально они появились в томе под названием "Contes populaires des anciens Bretons précédés d'un essai sur l'origine des épopées chevaleresques de la Table Ronde" (Paris, 1842), включающем французский перевод Мабиногиона Герайнта и Передура, а также вступительные эссе и подробные пояснительные заметки. Переводу Передура предшествует исследование поэмы Хрестиана, в котором изложены следующие выводы: Грааль имеет кельтское происхождение, французский термин эквивалентен валлийскому *per* и имеет схожее значение - бассейн. Это друидический бассейн, о котором упоминает Талиессин, тот же самый, который фигурирует в "Мабиноги" Бранвена, который появляется в древнейших народных сказках Бретани и который в "Мабиноги" XII века ищет Передур, *то есть* Искатель Бассейна. Первоначальный оккультный характер друидического бассейна и копья, бардовского символа неугасающей ненависти к саксу, исчезает в "Мабиногах", тон и характер которых чисто романтические. Созданная народом, сравнительно непривычным к рыцарскому идеалу, она, однако, дышит грубым и суровым духом. Но в таком виде она составляет основу поэмы Хрестиана. Сравнение между ними демонстрирует простоту валлийского романа и показывает, как французский поэт стремился преобразить его, привнеся в него феодальную придворность и религиозный мистицизм. На последнем этапе развития история возвращается к своему первоначальному, оккультному и мистическому характеру.

Многое из того, что говорит М. де ла Вилльмарке, здраво и убедительно; но, к сожалению, прекрасно понимая, что французская поэма - это работа трех человек, а не одного, он все же рассматривает ее как органическое целое и тем самым лишает большую часть своего сравнения всякой ценности. Более того, он подкрепляет свой тезис аргументами, основанными на бретонской поэме (сюжет которой схож с историей юности Персеваля), приписываемой без тени доказательств концу X века.

В 1861 году М. де ла Вилльмарке переиздал свою работу с обширными дополнениями под названием "Les Romans de la Table Ronde et les Contes des Anciens Bretons". Раздел, кратко изложенный выше, остался практически неизменным, но были значительно расширены взгляды автора на способ развития романсов. Главные моменты, на которых настаивал автор: сходство метра между валлийской поэмой и французскими метрическими романсами; восхищение королей Плантагенетов валлийскими традициями и оказанная им благосклонность; ранняя популярность валлийских и бретонских певцов. Последнее слово Виллемарке по этому вопросу заключается в том, что валлийские сказители получили от древних бардов языческую традицию, которую, изменив характер и спутав с таинством таинств, они передали романтикам Северной Франции и Германии, которые дали ей свежую и неугасающую жизнь.

Взгляды Виллемарке были развиты г-ном Барингом Гулдом в его эссе о Сангреале ("Любопытные мифы Средневековья", 1867) и в этой форме или в их первоначальном

изложении получили широкое признание как авторитетное изложение кельтского происхождения цикла.

В Англии мистер Холливелл, редактируя в 1844 году "Торнтонского сэра Персеваля", вывел его из "Христиана" и его продолжателей, несмотря на пропуск Ланса и Грааля, поскольку последовательность происшествий осталась прежней. На "Мабиноги" ссылаются как на адаптацию "Христиана". Предположение о том, что прозвище Персеваля "ле Галлуа" подразумевает валлийское происхождение этой истории, отвергается как абсурдное.

В Германии цикл Грааля стал предметом тщательного исследования Сан-Марте (А. Шульц) за несколько лет до 1840 года. С 1836 по 1842 год он выпустил современный немецкий перевод "Парцифаля" Вольфрама фон Эшенбаха, сопровождаемый подробным эссе о генезисе легенды, а в 1841 году - "Артур-мудрец и его подруги из ротен-бухов фон Хергеста". В последней работе тщательный анализ "Мабиноги" приводит к следующим выводам: местность и лица - чисто валлийские; тон и характер - старше эпохи крестовых походов и рыцарства; ее можно с уверенностью рассматривать как древнейший из известных источников о *мудреце* Персевале. При сравнении "Мабиноги" с версией Киота (*т. е.* Вольфрама) акцент делается на задаче, возложенной на Передура, которая, как считается, отличается по характеру и независима по происхождению от квеста Грааля у Киота. Торнтонский сэр Персеваль утверждается как представитель ранней бретонской поэмы *жонглеров*, которая ничего не знала о сюжете Грааля. В первой работе поэма Вольфрама фон Эшенбаха принимается, насколько это возможно, как верный отголосок поэмы Киота, провансальское происхождение которой доказывается ее восточными и южными аллюзиями. Возможно, провансальцы получили *мудреца* Передура прямо из Бретани, во всяком случае, они соединили его с легендой о Граале. Их версия представляет собой художественное целое, в то время как северофранцузская - сбивчивый набор приключений. Доля Крестьяна в последней справедливо отделена от доли его продолжателей, и они датированы с достаточной точностью. Робер де Боррон упоминается, но как адаптатор XIII века более ранних прозаических версий; Великий Сен-Грааль отнесен к середине XIII века. При анализе формы легенды об Иосифе Аримафейском отмечается молчание ранних британских историков относительно евангелизации Иосифом Британии, и 1140 год указан как самая ранняя дата этой части легенды. Пленение Иосифа возникает, вероятно, из-за путаницы между ним и Иосифом. Между легендой об Иосифе и легендой о Граале нет никакой реальной связи. Вольфрамские храмовники тесно связаны с тамплиерами, одним из главных обвинений против которых было их предполагаемое поклонение голове, от которой они ожидали богатства и пропитания и которой они приписывали силу заставлять деревья и цветы цвести^[59].

За переводом Сан-Марте "Вольфрама" сразу же (1842) последовал перевод Симрока, чьи примечания в основном направлены против взглядов его предшественника на происхождение и развитие легенды о Граале. Существование Киота оспаривается; различия между Вольфрамом и Христианом неизвестны провансальской, но знакомы немецкой поэзии. Миф о Граале в своей древнейшей форме связан с Иоанном Крестителем. Так, в "Мабиногах" Грааль представлен в виде головы на блюде; голова, в поклонении которой обвиняли тамплиеров, вероятно, имеет то же происхождение; генуэзцы сохранили *Sacro Catino*, отождествляемую ими с Граалем, в часовне Святого Иоанна Крестителя; Христиан с особым значением упоминает канун Святого Иоанна (канун середины лета). Голова Иоанна Крестителя, найденная, согласно легенде, в четвертом веке, была перенесена в Константинополь, где в одиннадцатом веке ее, по-видимому, использовали для того, чтобы не дать умереть императору (как и Грааль, говорят, никто не мог умереть в тот день, когда

увидел его). Если Вольфрам вычеркнет упоминания о Крестителе, *он, наоборот, введет* в повествование Престера Иоанна. Важнейший элемент Грааля - кровь в чаше, символ творческой силы, как и голова Крестителя, причем и то, и другое относится к летнему равноденствию. С Иоанном Крестителем связана Иродиада, которая занимает место древнегерманской богини Абундии, как Иоанн - Одина или Бальдура.^[60] Суть мифа - репродуктивная сила крови убитого бога (Один-Хаккельберенд, Бальдур, Адонис, Осирис). Как Грааль могут увидеть только те, кому дарована божья благодать, так и в немецкой народной сказке вход в полые курганы, где лежат сокровища или живые эльфы, виден только воскресным детям или чистым юношам. Так и могилу Хакельберга (Одина) не может найти ни один человек. Такие пещеры, войдя в них, закрываются от уходящего смертного, как закрывается замок Грааля от Парцифалья. Многие из приключений Говена встречаются в немецких народных преданиях. Что касается юности Парцифалья, то "нельзя сомневаться, что перед нами вариация народной сказки о Великом Дураке ("Märchen" Думминга), распространенной среди всех народов. Трудно сказать, какой народ, владеющий этой сказкой, привел ее в соприкосновение, по традиции или письменно, с историей Грааля, но именно этот народ будет первым претендовать на то, чтобы найти ее в самостоятельной форме". Мабиногское объяснение инцидента с Граалем неприемлемо, а сама "Мабиноги" - более поздняя, чем "Христиан", о чем свидетельствует ее глупое изобретение ведьм из Глостера и неверная интерпретация инцидента с гномами, приветствующими Передура. В оригинальной народной сказке над нескладным героем *смеялись*, а не приветствовали. Торнтонский сэр Персеваль, возможно, содержит более древнюю версию юности Персеваля, чем та, которая встречается в других источниках. Однако поэма Вольфрама представляет собой самую древнюю и чистую форму мифа о Граале, который, будучи изначально языческим, полностью христианизировался только в руках поздних северофранцузских поэтов.

Рассуждения Симрока, хотя и омраченные его постоянной склонностью приписывать слишком много немецкой традиции, полны его обычного острого и изобретательного, хотя и несколько причудливого, познания. Его незнание кельтской традиции, к сожалению, не позволило ему воспользоваться подсказкой, данной в процитированном выше отрывке, который я принял в качестве одного из девизов настоящей работы.

В 1855 году Роша опубликовал ("Ueber einen bisher unbekannten Percheval li Gallois", Zurich) отрывки из бернского MS., содержащие часть продолжения Готье де Дуленса в Христиане (ст. 21,930 до конца, с тринадцатью вводными и пятьюдесятью шестью заключительными оригинальными строками, ср. с. 19), и подробно остановился на вопросе о происхождении и развитии легенды о Граале. Мабиноги, вопреки мнению Сан-Марте, помещены после Христиана. Баллада Виллемарке о Морване ле Брейзе является самой древней формой *мудреца* Персеваля, затем появляется "Торнтонский сэр Персеваль", подлинно народное произведение, происходящее, вероятно, от валлийского оригинала. Несмотря на то, что говорит Сан-Марте, инцидент с Граалем встречается в "Мабиноги", и может показаться, что Христиан просто усилил последний. По теории Сан-Марте о (южном) происхождении мифа о Граале это, однако, невозможно, и тот факт, что "Мабиноги" содержат этот инцидент, свидетельствует о его позднем происхождении.

До 1861 года все авторы легенды о Граале находились в таком положении, что не имели перед собой полного текста ни одной из частей цикла,^[61] и были вынуждены в основном доверять отрывкам и более или менее тщательно составленным резюме. В том же году мистер Фернивалл, выпустив для Роксбургского клуба "Большой Сен-Грааль" вместе с переизданием поэмы Робера де Боррона (впервые отредактированной в 1841 году М.

Франсом Мишелем), предоставил студентам материалы первостепенной важности. Его вступительные слова категорически против кельтского происхождения этой истории и подкреплены цитатой из мистера Д. У. Нэша, в которой этот "авторитет, действительно знающий свой предмет", выдает меру своей критической проницательности, заявляя, что "Мабиноги Передура" не могут иметь ничего общего с самой ранней формой легенды, потому что "у сэра Т. Мэлори Персеваль занимает второе место после Галахада". На самом деле ни редактор, ни мистер Нэш, похоже, не пытались сопоставить различные версии, и их утверждения, таким образом, не имеют особой ценности, хотя они, тем не менее, способствовали дискредитации кельтской гипотезы. Сан-Марте в эссе, приложенном к первому тому, повторил свои хорошо известные взгляды на источник поэм Вольфрама и, кстати, выразил протест против идеи, что "Мабиноги" - это всего лишь валлийский французский роман.

В 1862 году опытный редактор "Популярных сказок Западного нагорья" мистер Дж. Ф. Кэмпбелл опубликовал во втором томе (стр. 152) несколько замечаний по поводу "Сказания о Великом Дураке", которые заканчиваются так: "Я склонен... рассматривать это "Сказание" как один из эпизодов в приключениях кельтского героя, который в двенадцатого века стал Персевалем, черкером бассейна. Он тоже был беден, сын вдовы, полуголоден и содержался в невежестве своей матерью, но, тем не менее... в конце концов он стал обладателем священного тазика, святого Грааля и священного копья, которые, хотя и являются в этой истории христианскими, явно похожи на гэльские талисманы, которые так часто появляются в гэльских сказках и которые имеют отношение ко всем народным преданиям - сверкающее оружие, которое уничтожает, и священная чаша, которая исцеляет". Я взял эти слова в качестве девиза для своих исследований, которые, по сути, являются лишь дополнением к высказываниям мистера Кэмпбелла. Если бы последнее заслуживало внимания, если бы оно, например, попало в руки ученого, которому были бы знакомы слова Симрока, процитированные на [с. 101](#), то, по всей вероятности, не было бы повода для настоящей работы.

Публикация текстов была продолжена изданием мистером Фурниваллом в 1864 году для Роксбургского клуба "Кете дель Сен-Грааль" из собрания Британского музея. Также приводится открытие двенадцати MSS из Национальной библиотеки, которое показывает существенное единство между ними и текстом г-на Фернивалла. В 1868 году монс. Паулин Парис опубликовал в первом томе своего труда "Romans de la Table Ronde" общее введение в цикл "Круглого стола" и специальное исследование, посвященное метрическому Иосифу и Большому Сен-Граалю. Большое влияние на кельтские традиции оказывают бретонские *лаи*. Ранняя история Грааля - британская легенда, воплотившая в себе национальные и раскольнические устремления британской церкви. Дата, указанная в прологе к Великому Граалю и повторенная Гелинандусом, принимается как подлинная дата редакции легенды, в значительной степени совпадающей с той, что была найдена позже в Большом Граале. Слово "Грааль" связано с латинским *gradale*, современным постепенный, и обозначало книгу, в которой впервые было записано предание. Великий Святой Грааль предшествует поэме Христиана, а поэма Робера де Боррона в первом варианте предшествовала Великому Святому Граалю и была написана между 1160 и 1170 годами, но впоследствии он переработал ее к 1214 году, о чем свидетельствует его ссылка на Готье Монбельярского в прошедшем времени, л. 3 490, "O mon seigneur, Gautier *en peis*" (где подчеркнутые слова эквивалентны латинским *in pace*). С 1868 по 1870 год М. Потвин выпустил свое издание "Конте дю Грааль" и прозы Персеваля ле Галлуа из Mons MSS. В послесловии утверждается приоритет последнего романа над всеми остальными членами цикла, и выделяются три этапа в развитии легенды - валлийский национально-воинственный христианско-рыцарский

- прозаический роман, относящийся ко второму этапу и датируемый в основном одиннадцатым веком. Копье и таз - исконно языческие британские символы, и между строк легенды о Граале можно прочесть долгую борьбу между еретической Британией и ортодоксальным Римом. Форма квеста Персеваля старше, чем форма Галахада. Форма Иосифа Аримафейского - самая поздняя, а среди них Великий Святой Грааль - самый ранний.

Выводы, столь же парадоксальные, как и некоторые из них, содержатся в книге д-ра Бергманна "The San Gréal, an Enquiry into the Origin and Signification of the Romance of the S. G.", Edinburgh, 1870. Идея Грааля полностью принадлежит Гюйо, как и его связь с артурианским циклом. Христиан последовал за Гюйо, но изменил характер произведения, за что его упрекает Вольфрам, которого можно рассматривать как верного представителя раннего поэта. Изменения Хрестьяна направлены на то, чтобы сделать поэму более приемлемой в рыцарских кругах. С другой стороны, Вальтер Мар считал Гюйо слишком светским и еретическим и написал с чисто церковной точки зрения латинскую версию легенды, в которой Грааль ассоциируется с Иосифом Аримафейским. Эта версия легла в основу Робера де Боррона, автора Великого Святого Грааля и продолжателей Христиана. Хотя Бергманн отрицает кельтское происхождение самого Грааля, он, кстати, признает подлинность "Мабиноги Передура" и признает, что вся основа этой истории - кельтская.

Пытаясь доказать парадокс, что одна из самых поздних, высокоразвитых и мистических версий легенды (а именно, версия Вольфрама) действительно представляет собой общий источник для всех них, Бергманн вынужден делать самые необоснованные предположения, в качестве примера которых можно привести утверждение, что *roi-pescheur* изначально является королем-грешником, и что северофранцузские *труверы* по ошибке представляют его в виде *рыбака*.

Взгляды Бергмана остались сравнительно незамеченными. На них с одобрением ссылаются в издании профессора Скита "Иосиф из Аримафеи", аллитерационном сокращении Великого Святого Грааля XIV века (E. E. Text Soc., 1871). В предисловии редактора за отправную точку взяты гластонберийские предания о евангелизации Британии Иосифом, в которых выделяются две части: одна *легендарная*, совпадающая с рассказом Уильяма Мальмсберийского и, возможно, имеющая значительную древность, другая *сказочная*, представляющая персонажей и происшествия из романов и, несомненно, происходящая от них. Примерно через двадцать лет после публикации "Истории Британии" Уолтер Мар, вероятно, написал латинскую поэму, из которой Робер де Боррон, Великий Святой Грааль и, возможно, другие произведения цикла были заимствованы. "Грааль - это чаша или блюдо. Христиан, возможно, позаимствовал свой "Конт дю Грааль" у Карта; "Квест", вероятно, является домыслом писателей-романтиков.

Подобные спекуляции мало способствовали истинной критике цикла о Граале. Несколько лет спустя, в 1875 году, существующие на тот момент тексты были дополнены работой М. Хучера, столь часто цитируемой на этих страницах. Во введении и примечаниях, демонстрирующих большую исследовательскую и изобретательную работу, изложены следующие положения:- Грааль имеет кельтское происхождение и может быть изображен на дохристианских галльских монетах. Поэма Робера де Боррона может быть названа "Птица Святого Грааля", а ее автором был владыка одноименной территории близ Фонтенбло, который между 1147 и 1164 годами сделал большие пожертвования аббатству Барбо, которые были подтверждены в 1169 году Симоном, сыном упомянутого Робера. Около 1169 года Роберт приехал в Англию, встретился с Уолтером Мапом и был посвящен им в знание артурианских романов и легенды о Святом Граале. Между 1170 и 1199 годами он поступил на

службу к Уолтеру Монбельярду и написал (в прозе) "Иосифа Аримафейского" и "Мерлина". Позднее он вернулся в Англию и совместно с Картом написал "Великий святой Грааль". Об этом свидетельствует MS. 2,455 Bibl. Nat. (о Большом Сен-Граале): "Or dist li contes qui est estrais de toutes les ystoires, si come Robers de Borons le translatait de latin en romans, à l'ayde de maistre Gautier Mar." Но Элье де Боррон, автор "Тристана" и "Гирона ле Куртуа", называет Роберта своим другом и родственником. Элье был помещен под именем Генриха III, который, как предполагается, и есть тот Генрих, которому он посвящает свою работу; если это так, может ли он быть другом Роберта, который писал примерно на пятьдесят лет раньше? Однако на самом деле Хели следует отнести к Генриху II. Роберт первоначально писал в прозе; поэма содержит более поздние этимологические и грамматические формы, хотя иногда сохраняет и более древние; кроме того, в ст. 2,817 и т. д. (выше, стр. 83) говорится об избавлении Мойса Обещанным Рыцарем, что подразумевает знание Великого Святого Грааля; этот отрывок опущен в большинстве прозаических версий, поэтому очевидно, что он более древний. Затем поэма умалчивает о христианизации Британии, упомянутой в одной из прозаических версий (С.). Мы можем принять заявление Боррона о том, что он занимался историей Мойса и Петруса позднее, а также о том, что он черпал информацию из латинского оригинала. Мерлин - стержень концепции Боррона. Сравнивая третью часть его трилогии (Иосиф Аримафейский, Мерлин, Персеваль) с Христиеном, следует иметь в виду, что Христиен воспроизводит скорее английскую (Иосиф-Галахад), чем французскую (Бронс-Персеваль) форму квеста, и это при том, что структура "Персеваля" Христиена и Робера в основном одинакова. Работе Хрестьена, вероятно, предшествовала та, в которой история Передура, как она изложена в "Мабиноги", уже была адаптирована к христианизированной легенде о Граале. Между Робертом и Христиеном часто встречаются словесные сходства (например, Готье, Хучер никогда не проводят различия между Христиеном и его продолжателями), что свидетельствует об общем оригинале для обоих. Примечательно, что Христиан никогда не упоминает Бронса и что в историях о Форде Перильском и Форде Амурном есть такая разница. Также примечательно, что Роберт в своем "Персевале" жалуется, что *труверы* не рассказали об инциденте в Страстную пятницу, который встречается в "Христиане".

М. Во многих случаях Хучеру не удалось увидеть все значение фактов, которые он вывел на свет, из-за его неправильного представления о развитии цикла в целом и о связи его составных частей друг с другом. Тем не менее, он сделал возможным точное исследование цикла. Заслуга первой попытки такого исследования принадлежит Зарнке в его, по общему признанию, грубому наброске "Zur Geschichte der Gralsage", опубликованном в третьем томе (1876) "Beitraege" Пауля и Брауна.- Различные формы могут быть сгруппированы следующим образом: (1) поэма Боррона, (2) Большой Сен-Грааль, (3) Кете, (4) Христиан, (5 и 6) продолжатели Христиана, (7) Дидо MS. Персеваль, (8) Проза Персеваля ли Галлуа. Ни испанско-провансальское, ни кельтское происхождение легенды недопустимо; ее источником являются апокрифические легенды об Иосифе Аримафейском, в которых можно выделить две стадии: первая представлена Гестой Пилати и Нарратио Иосифи, в которых рассказывается, как Христос явился Иосифу в тюрьме и освободил его оттуда; вторая - Виндикта Сальваторис, в которой объединены легенды об исцелении Тиберия и Тита или Веспасиана. Таким образом, Иосиф соприкасается с Титом, промежуток времени между ними объясняется сорокалетним пленом, и появляется первый намек на чудесную поддерживающую силу Грааля. Поэма Боррона по-прежнему носит чисто легендарный характер; рыба, пойманная богатым рыбаком, - символ Христа; эпизод с ожиданием обещанного рыцаря относится, однако, не к первоначальной традиции, а к более позднему

стилю христианского мистицизма. Великий Сен-Грааль и Кет расширяют и развивают *донжон* поэмы, в то время как у Христиана тон, атмосфера и основа глубоко изменены, однако нет оснований предполагать, что Христиан имеет какие-то другие источники, кроме №№ 1-3, - различия таковы, что он вполне мог их сознательно ввести. Что касается № 7 (Дидо-Персеваль), то он является более поздним, чем Христиан и его продолжатели, и использовал оба варианта. У Вольфрама фон Эшенбаха образцом был только Христиан, а поэма Киота - притворным источником. Легенда об обращении Британии Иосифом не является подлинной британской традицией; рассказ Уильяма Мальмсберийского о Гластонбери - памфлет, написанный по заказу нормандских королей и не способный служить представителем кельтской традиции. Отрывки, относящиеся к Иосифу, являются поздними интерполяциями, не согласующимися с остальной частью его работы и опровергаемыми молчанием всех современных авторов.

Острая статья Зарнке была достойной похвалы попыткой построить рабочую гипотезу о развитии цикла. Но она полна серьезных заблуждений, что, возможно, было неизбежно при поспешном обзоре такого огромного массива литературы. Версии "расставлены" самым неправильным образом. Аргументация часто омрачается *априорными* рассуждениями, например, что Христиан, признанный ведущий поэт того времени, не мог скопировать Киота, и несостоятельными утверждениями, например, что Бран в "Мабиноги" о Бранвен, дочери Ллира, возможно, является отдаленным отголоском Хеврона в поэме Робера де Боррона. Однако его заслуга в том, что он расчистил почву для своего ученика, А. Бирх-Хиршфельда, и побудил его предпринять то, что до сих пор остается самым тщательным и исчерпывающим исследованием всего цикла: "Die Sage vom Gral" и др. Поскольку анализ Бирх-Хиршфельда является на сегодняшний день единственной основой для обоснованной критики, я приведу его мнение полностью: - "Великий святой Грааль", как наиболее полная из версий, посвященных ранней истории Грааля, является лучшей отправной точкой для исследования. Из его ярко выраженного религиозного тона можно сделать вывод о монашеском авторстве. Его трактовка темы не отличается оригинальностью, о чем свидетельствуют (1) повторение *ad nauseam* одних и тех же мотивов (например, о четырехкратном ранении копьем), (2) родословные, (3) ссылки на приключения, не рассматриваемые в книге, и в особенности на Обетованного рыцаря. Свидетельство Гелинанда (см. *выше*, с. 52), имеющее первостепенное значение, не позволяет датировать Великого Святого Грааля более поздним временем, чем 1204 год. Обращаясь к "Квесте", следует отметить, что, хотя она иногда встречается в списках вместе с "Великим святым Граалем", она также встречается вместе с "Ланселотом", и, если принять во внимание происхождение героя, кажется более вероятным, что она была написана в дополнение последнему, чем первому произведению. Это предположение противоречит любым претензиям на то, чтобы считаться самой ранней трактовкой темы, поскольку крайне маловероятно, что легенда о Граале с самого начала занимала столь важное место в артурианском романе, какое ей отведено. Подобное утверждение опровергается еще и тем, что в "Квесте" три героя, второй из которых, очевидно, является оригиналом более древней версии. При оценке соотношения между Большим Сен-Граалем и Квестом следует учитывать, что последний, в той мере, в какой он касается ранней истории, упоминает только Иосифа, Жозефу, Эвелаха (Мордрена) и Серафа (Насьена), от которого происходит Галахад; что он переносит Иосифа в Англию, и что он не дает никакого объяснения природы самого Грааля. В ней отсутствуют Бронс, Ален, объяснение имени "богатый рыбак", имя Мойса, хотя его история встречается практически в той же форме, что и в Большом Сен-Граале, и ничего не говорится о происхождении кровотокающего копья. Если бы она была моложе и происходила только из Великого Грааля, на этих моментах, более важных для ранней истории, чем эпизоды с Мордрайном, наверняка бы остановились. Но если "Великий Грааль" - более молодое произведение, то откуда в нем

Бронс, Ален и Петрус, введенные в столь непринужденной манере? Очевидно, существовала предыдущая "Ранняя история", которая ничего не знала ни о Жозефе, ни о Мордрене и его группе, выдумка автора "Квеста", откуда они перешли в "Большой Сен-Грааль" и были объединены с более древней формой легенды. Более того, в Большом Сен-Граале есть положительная ссылка на Квесту (т. ii, с. 225). Автор "Квеста" ввел своих новых персонажей по следующим причинам: Он уже заменил Галахада оригинальным героем и, чтобы повысить его значимость, придает ему фиктивное происхождение от спутника Иосифа. От своей модели он узнал о странствиях Иосифа на Востоке, отсюда и восточное происхождение группы Мордрейна. В более древней форме Грааль перешел к племяннику Иосифа, в "Квесте" обещанный рыцарь происходит от племянника Мордрейна; Бронс как предок героя оригинального квеста неизбежно исчезает в "Квесте", а его место в значительной степени занимает Жозеф. Таким образом, приоритет Квеста над Великим Сен-Граалем и использование первого вторым можно считать несомненным. Но если Мордрен - изобретение Квеста, то каково значение его болезни, ожидания обещанного рыцаря, кровоточащего копья и хромого короля, которого оно исцеляет? Похоже, что они не имеют никакой реальной связи с Граалем и, очевидно, заимствованы из более древнего произведения, а именно "Conte du Graal" Христиана.

Работа Хрестьяна, которая заканчивается на ст. 10 601, может быть датирована как начатая не позднее 1189 года (см. выше, стр. 4). Незаконченность произведения объясняет, что в нем так мало положительной информации о Граале, поскольку Хрестиан, очевидно, намеревался приберечь ее для конца истории. Но сама свобода, с которой обращается с этой темой, свидетельствует о том, что перед ним было произведение, из которого он мог извлекать и адаптировать все, что считал нужным; более того, у нас есть его собственные слова на этот счет (Пролог, ст. 475 и т. д.). С рассказом Хрестиана о Граале - чаше, украшенной драгоценными камнями и обладающей чудесными свойствами, которую несет дева, которой предшествует кровоточащее копье, сопровождаемое серебряной пластиной, которую охраняет король, раненный в обе лодыжки (единственное утешение которого - рыбалка, откуда и его фамилия), служащий отцу короля, которого ищет Персеваль, племянник короля-рыбака, судьба которого связана с вопросом, который искатель должен задать относительно него, - можно сравнить рассказ о Квесте, в котором ничего не известно о вопросе, с помощью которого можно получить королевский Грааль (хотя в нем рассказывается о том же инциденте с Ланселотом), в котором известно не об одном раненом короле, центре действия, а о двух, оба второстепенные (хотя, возможно, отец короля-рыбака Хрестиана дал подсказку для Мордрейна), в котором копье имеет второстепенное значение, а не стоит на одном уровне с Граалем. Не очевидно ли, что Квест перенял эти черты у Хрестиана, вынужденный к этому знаменитостью его изложения? Таким образом, Квест предполагает следующие произведения: Ланселот, Ранняя история, Квест, отличный от Хрестиана, и, наконец, Хрестиан, как показывают хромым королем и черты копья. Таким образом, он находится между 1189 годом (начало Хрестиана) и 1204 годом (окончание Великого Святого Грааля).

Что касается трех продолжателей Хрестиана, то представляется, что рассказ Готье де Дулена о Граале, найденный в Монпелье, который знает только о Жозефе и делает Короля-Рыбака и Персеваля его потомками, относится к более ранней стадии развития, чем рассказ Манессье и Жербера, которые оба знакомы с группой Мордрена, и следует первоначальной версии, на которой основаны и Квест, и Большой Святой Грааль. Ничто не указывает на то, что Готье знал о Квесте, в то время как от Готье Квест, возможно, взял сестру Персеваля и сломанный меч. Таким образом, Готье, по-видимому, писал сразу после "Хрестиана" и до "Квесты", то есть около 1195 года. Что касается датировки двух других продолжателей, то факт

использования ими Квеста является лишь одним из доказательств позднего времени их написания (о дате см. *выше*, с. 4). Следует отметить, что, хотя в своем рассказе о Граале продолжатели Христиана в значительной степени согласны с версиями Квеста и не противоречат самому Христиану, они значительно дополняют его рассказ о копье. Это легко объясняется тем, что, поскольку Христиан не дал никакой информации о происхождении ни одной из реликвий, им, продолжателям, пришлось искать ее в другом месте; они нашли все, что могли пожелать о Граале, но ничего о копье, которое было впервые представлено Христианом, а квестийские версии не знают о нем ничего сверх того, что он рассказал. Поэтому, брошенные на произвол судьбы, они решили отождествить копье с копьем, которым был пронзен Иисус, висевший на кресте. Эта идея, вполне естественная, возможно, входила в намерения Христиана, а *возможно*, была подсказана ему историей о находке Святого копья в Антиохии за полвека до этого. Однако следует признать, что связь копья с легендой о Граале в ее ранней форме весьма сомнительна, и что кельтские легенды, возможно, предоставили его Христиану и указали на то, как он собирался его использовать. Анализ романсов, проведенный до сих пор, привел к предположению о существовании более ранней формы; эта ранняя форма, источник или основа всех более поздних версий легенды, существует в так называемом "Птице Святого Грааля" Робера де Боррона. Из этого произведения, найденного в двух формах, прозаической и стихотворной, стихотворная форма, по *Пейсу Хучеру*, очевидно, является более древней, доказательства позднего происхождения Хучера лишь показывают, что единственный существующий MS. является недавним и допускает новые формы речи;^[62] кроме того, прозаические версии происходят, очевидно, из одного оригинала. Большая простота поэмы по сравнению с Большим Сен-Граалем доказывает ее предшествование в этом случае; гипотеза Полена Париса о том, что поэма в ее нынешнем виде является вторым черновиком, написанным после знакомства автора с Большим Сен-Граалем, несостоятельна, поскольку упоминание в поэме (ст. 929 и др.) на "грант ливр" и "грант эстуарий до Грааля", написанные "nul home qui fust mortal" (v. 3,495-6), не относятся к Великому Граалю, а, напротив, вероятно, подсказывают автору последнего его вымысел о том, что Христос является настоящим автором его произведения. Великий Сен-Грааль использовал эту поэму совместно с Квестом, выстраивая одну версию с помощью другой и тем самым полностью упуская последовательность идей в поэме, которая выглядит следующим образом: Грех, причина нужды среди людей; отделение чистых от нечистых с помощью пойманной Бронсом рыбы (символ Христа), которая не кормит людей, но, в сочетании с Граалем, отделяет истинных учеников от ложных; наказание самовольного ложного ученика; награда Бронса за Грааль. В Большом Сен-Граале, напротив, рыба - не символ, а реальная пища, что следует отнести на счет Квеста. Аналогичным образом можно объяснить существование двух Алайнов в Великом Святом Граале: один - из поэмы, второй - из квеста. Что касается концепции, то более поздняя работа не превосходит более раннюю. Возвращаясь к работе Боррона, состоящей из трех разделов; нет причин сомневаться в его авторстве второго, Мерлина, или третьего, Персеваля, хотя только один MS. первого упоминает этот факт, и он, более того, часто встречается в связи с другими романами, в частности, с Ланселотом; что касается Персеваля, молчание единственного MS. в отношении Боррона не является аргументом, как и молчание в разделе Иосифа Аримафейского. Все внешние обстоятельства говорят о том, что Боррон разделил свое произведение на три части: Иосиф, Мерлин, Персеваль. Но если это так, то последняя часть должна в достаточной степени соответствовать первой; вспомните, однако, что мы имеем дело с поэтом, не обладающим особой изобретательностью или способностью придавать единство разрозненным темам, и не должны ожидать, что четко прорисованный план будет реализован во всех деталях. Так, обещание автора в "Иосифе" рассказать позже о Моисее и Петре, кажется, не было выполнено, но это объясняется робостью Боррона в изобретении

новых деталей. То, что говорится о Моисее, не расходится с "Иосифом", в то время как более поздний автор, вероятно, следовал бы рассказу Великого Сен-Грааля; что касается Петруса, то его можно узнать в дяде отшельника Персеваля. Возможно, здесь есть некоторая непоследовательность, но Боррон *может* быть непоследовательным, как показывает его отношение к Алену, , который сначала дает обет оставаться девственником, а затем женится. Но остается еще более серьезный аргумент: копье встречается у Персеваля - следовательно, *ex hypothesi* первое введение копья приписывается Христиану. Копье, однако, встречается только в двух отрывках, оба явно интерполированные. Идентичность авторства очевидна при сравнении стиля и фразеологии двух произведений; в обоих Грааль всегда *li graa* или иначе *li veissel*, а не *li saint graa*, как в поздних версиях; в обоих говорится о *la grace dou graal*; в обоих Грааль *передается* своему хранителю, который его *охраняет*; пустое место - *liu vit*, а не *siège perilleux*. Центральная концепция тоже одна и та же - триада хранителей Грааля, символизирующая Божественную Троицу. Тайные слова, переданные Христом с Граалем Иосифу в темнице, а тот передал их Бронсу, в конце "Персеваля" Бронс передает герою - и здесь нет никаких следов формы "Квеста Галахада", как это неизбежно должно было бы произойти, если бы "Персеваль" был позже "Квеста". Как Персеваль связан с Иосифом, так он связан и с Мерлином; примечательно, что ни Мерлин, ни Блез не играют заметной роли в квестийских версиях, но в поэме Боррона Мерлин является необходимым связующим звеном между апостольской и артурианской эпохами. Опять же весь характер "Персеваля" говорит о том, что он является одним из самых ранних произведений цикла; либо он должен был использовать Крестьена и Готье, либо они его; если первое, то можно ли считать правдоподобным, что были выбраны именно те приключения, которые были необходимы для завершения "Жозефа"? Но легко проследить, как Христиан использовал Персеваля; имея перед собой поэму из трех частей, он взял для канвы только третью, опустил все, что в ней относилось к первым двум частям, все, что касалось происхождения и ранней истории Грааля; история детства наполовину указана в Персевале, и у Христиана могли быть бретонские подкладки, с помощью которых он мог помочь себе; Все, что касается пустого места, оставлено как относящееся к ранней истории; посещение Гурнеманца введено, чтобы дать мотив для поведения героя в замке Грааля; рана короля-рыбака - опять-таки лишь попытка Хрестьена дать более выразительный мотив; что касается меча, то Хрестьен придумал его, как и посланника Грааля, портрет которого он скопировал с портрета Розетты ла Блонд. Порядок последних эпизодов изменен Христианом заметно в лучшую сторону, так как у него сначала идет сомнение Персеваля, затем упрек в Страстную пятницу, затем исповедь отшельнику и отпущение грехов; тогда как в "Персевале" герой после сомнения, упрека и отпущения грехов снова отправляется в путешествие и требует повторного упрека от Мерлина. Здесь легко понять, что является оригиналом, а что копией. Таким образом, Христиан с ясной проницательностью уловил в "Персевале" именно то, что ему было нужно, чтобы приспособить к приключениям двух своих героев. ⁶³ Что касается руководящей концепции Боррона, то его решимость не иметь ничего общего с "Ранней историей" заставила его полностью ею пренебречь; он заботился только о создании рыцарской поэмы, и в результате мы видим, что он материализовал все духовные элементы своей модели. Метод Готье де Дулена был гораздо проще: он взял на себя все те приключения, которые Крестьен намеренно опустил, и их можно найти собранными вместе (стихи 22 390-27 390), среди которых лишь несколько эпизодов (визит Персеваля к Бланшефлер и т. д.) полностью чужды модели.^[64] Персеваль не может быть позже Готье, иначе он не мог бы находиться в столь тесной связи с Иосифом и Мерлином; следовательно, он должен быть источником Конт дю Грааля и необходимой частью поэмы Боррона, которая в целом является первой попыткой привести легенду об Иосифе Аримафейском в связь с артуровским мудрецом. Вопрос о происхождении Грааля, таким образом, кажется решенным, христианский

легендарный характер концепции Боррона очевиден; но остается возможность, что эта концепция - лишь христианизированная форма более древнего народного мифа. Такой миф искали в кельтской традиции. Казалось бы, роль, которую играет Мерлин в трилогии, должна придать красок такой гипотезе, но его связь с легендой - чисто искусственная. Теория кельтского происхождения также не подкрепляется ссылкой на "Мабиноги Передура". Она ничего не знает о Мерлине, ближе к Хрестиену, чем к Дидо-Персевалю, и может рассматриваться просто как неуклюжий пересказ Conte du Graal с многочисленными дополнениями. Знание Дидо-Персеваля со стороны Хрестиана должно быть предположительным, ведь откуда он мог взять Короля-Рыбака и Замок Грааля, как не из поэмы, посвященной ранней истории Грааля, чего в "Мабиноги" нет. Но, можно сказать, что Хрестиен использовал "Мабиноги" вместе с поэмой Боррона. То, что валлийская сказка, напротив, является лишь копией, следует из следующих соображений: - в ней перепутаны Гурнеманц и Король-Рыбак; в уста *матери* Передура вложено восклицание о рыцарях: "Ангелы, они - мой сын", явно переиначенное с восклицания Персеваля в поэме Хрестиена; любовный транс *Персеваля* над тремя каплями крови на снегу объясняется в Хрестиене страстью героя к Бланшефлер, но совершенно необъясним в "Мабиноги"; Опять же, в валлийской сказке эпизод с копьем и тазиком довольно вторичен, что легко объяснить, если рассматривать его как смутное воспоминание о незаконченной работе Хрестиена; кроме того, в "Мабиноги" большое внимание уделяется копы, которое, как уже было показано, относится к вторичному этапу в развитии легенды. Опять же, слово Грааль часто встречается в старой валлийской литературе, причем неизменно во французской форме, никогда не переводимой никаким эквивалентным валлийским термином. Что касается имени Передур, то вполне понятно, что валлийский сказитель выбрал имя национального героя, а не иностранное имя Персеваля; этимология Basin-Seeker несостоятельна. Нет реальной аналогии между Граалем и волшебным котлом кельтской басни, который, по сути, является обновлением, тогда как Грааль на втором этапе обретает лишь чудесное питание, а на третьем - целительную силу. Конечно, не исключено, что такие приключения в "Мабиноги", которые нельзя напрямую отнести к Хрестиену, могут принадлежать подлинному *мудрецу* Передура.

Возникает вопрос: был ли Роберт де Боррон простым переписчиком, или же легенда в ее нынешнем виде принадлежит ему, *то есть он* первым присоединился к легендам об Иосифе Аримафейском и Граале, или же у него был предшественник? Теперь более древние легенды об Иосифе ничего не знают о его странствиях в компании с чудесным сосудом, Зарнке показал, что тот, который обычно приписывают Вильгельму Мальмсберийскому, появился позже. Вряд ли Боррон имел перед собой местную французскую легенду, как предполагал Полен Парис (Romania, vol. i.); разве в таком случае он привез бы Грааль в Англию, оставив судьбу Иосифа в неопределенности? Принесение Грааля в Англию - просто логическое следствие его концепции трех хранителей Грааля (третий - британской крови), символизирующих Троицу, и связи артурианской группы с этой центральной концепцией; где был третий хранитель Грааля и третий из трех чудесных столов, там должен быть и Грааль. Что же заставило Боррона связать сакраментальный сосуд с легендой об Иосифе? При ответе на этот вопрос следует забыть о более поздних чудесных свойствах Грааля и помнить, что у Боррона он является лишь сосудом "благодати"; это видно из истории (Мойса) ложного ученика, которая в своих деталях явно повторяет рассказ о Тайной вечере и обнаружении Иуды с помощью блюда, в которое Иисус макает ложечку, приказывая предателю взять и съесть. Первый стол Боррона является точной копией стола Тайной вечери, а его священный сосуд имеет свойства того, которым пользовался Христос. К своей концепции Боррон пришел благодаря истории, рассказанной в канонических книгах; какую помощь он получил от апокрифов? Упоминание легенды о Веронике и некоторые детали в его изложении мести

Веспасиана евреям (*например*, продажа тридцати человек за копейки) показывают, что он знал *Vindicta Salvatoris*, в которой Иосиф Аримафейский рассказывает о своем бывшем пленении, из которого его освободил Сам Христос. Таким образом, Боррон знал о том, что Иосиф жил, когда Веспасиан пришел в Иерусалим. Из "Геста Пилати" он получил полную информацию о заключении Иосифа в темницу; он объединил рассказы этих двух апокрифических произведений, заменив простое посещение Христом Иосифа на освобождение, о котором говорится в "Геста Пилати", и сделав Веспасиана освободителем, к чему его, возможно, подтолкнул рассказ Суетония об освобождении *Иосифа* Веспасианом (*Vesp. ch. v.*). Но почему Иосиф должен был стать хранителем Грааля? Потому что судьба сосуда, которым пользовался Спаситель, символизирует судьбу тела Спасителя; как *тот* присутствовал на Тайной вечере, был принесен Пилату, передан Иосифу, погребен и через три дня восстал, так было и с Граалем. Сравните также слова Христа, обращенные к Иосифу (892 и др.), в которых полностью раскрывается символическая связь возложения в могилу и мессы. Таким образом, Иосиф, положивший тело Христа в могилу, является естественным хранителем символа, который отмечает это событие, таким же образом Грааль является естественной центральной точкой всей символики мессы и таинства, и таким образом Грааль нашел свое место в легенде об Иосифе, став в конечном итоге ее самой важной чертой. Нужно ли задерживать вопрос Персеваля? Нельзя ли объяснить его тем, что как Иосифу пришлось дважды просить тело Христа, так и его представителю, искателю Грааля, пришлось дважды просить символ тела Христа - Грааль? Но, пожалуй, лучше считать этот вопрос и слабость Короля-Рыбака выдумкой Боррона, возможно, заимствованной из бретонских источников; в пользу такой точки зрения говорит легкость, с которой герой выполняет заранее объясненное ему задание. Боррон, надо заметить, не обладал большой изобретательской силой; в "Жозефе" ему все удастся, пока у него есть легенда, которой он следует; в "Мерлине" и "Персевале" он с одинаковой беспомощностью цепляется за бретонские саги, ограничиваясь тем, что неуклюже вплетает приключения Грааля в обычную артуровскую легенду.

Вопрос об авторстве "Великого Сен-Грааля" и "Квесты", последняя из которых так уверенно приписывается В. Мапу, теперь может быть с пользой исследован. Карта, который, как мы знаем, жил в 1143-1210 годах (см. *выше*, с. 5), принимал участие во всех политических и социальных движениях своего времени. Если верить свидетельствам MSS, которые приписывают ему авторство следующих романов: (1) "Ланселот" в трех частях; (2) "Квест"; (3) "Морт Артур"; (4) "Великий святой Грааль", то можно предположить, что он проявлял литературную активность, совершенно несовместимую с его напряженной жизнью, если вспомнить, как медленно создавалась литература в те времена. Невозможно примирить его и со словами Гиральда Камбрэнского, [65] хотя Паулин Парижский (*Rom. i. 472*) попытался сделать такое примирение, выдвинув теорию, что слова *dicere* и *verba dare* относятся к сочинению на жаргоне, и что Мар противопоставлял не свою *ораторскую* деятельность *литературной* деятельности Джеральда, а свой *французский язык латинским* сочинениям Джеральда. Против этой первоначальной неправдоподобности и положительного свидетельства Джеральда следует поставить, правда, свидетельства писателей того времени и MSS. Наиболее важным из них является свидетельство Элье де Боррона в прологе к "Гирону ле Куртуа". [66] Рассказав о том, как Люсе де Гаст первым перевел с латинского на французский язык часть истории Тристана, он продолжает: "В апреле вступил в борьбу мэтр Готье Мар, который обратился к королю Генриху и изложил историю монарха Ланселота дю Лака, о чем он не сказал ни слова в своей книге. *Messieurs Robers de Borron s'en entremist après. Je Helis de Borron, par la prière monseigneur de Borron, et pour ce que compaignon d'armes fusmes longement, en commençai mon livre du Bret.*" И снова в эпилоге к "Брету": [67] "Je croi bien touchier sor les livres que maistres Gautiers Maup fist, qui fit lou propre livre de monsoingnour

Lancelot dou Lac; et des autres granz livres que messires Robert de Berron fit, voudrai-je prendre aucune flor de la matière ... en tel meniere que li livres de monsoingnour Lucas de Gant et de maistre Gautier Maapp et ciz de monsoingnour Robert de Berron qui est mes amis et mes paranz charnex s'acourderont au miens livres-et je qui sui appelex Helyes de Berron qui fui engendrez dou sanc des gentix paladins des Barres qui de tous tens ont été commendeour et soingnor d'Outres en Roménie qui ores est appelée France." Теперь Хели не может относиться к правлению Генриха II (+ 1189), как утверждает Хучер (р. 59), поскольку он говорит о Карте в прошедшем времени (*fu clers*), а Карта пережил Генриха, кроме того, упоминание Ромени доказывает, что этот отрывок был написан после основания Латинской империи в 1304 году. Таким образом, свидетельство Хели не является свидетельством непосредственного современника, и оно лишь показывает, что вскоре после смерти Карта Ланселот был приписан ему. Кроме того, оно настолько запятнано, что он с такой же уверенностью говорит о великой латинской книге, которая, конечно, никогда не существовала; мы также не можем верить ему, когда он говорит, что был товарищем Робера де Боррона, поскольку этот последний писал до Христиана и должен был быть по крайней мере на тридцать лет старше Хели, который в "Гироне" (написанном около 1220 года) называет себя молодым человеком. Как обстоит дело со свидетельствами MSS? В тех, что относятся к Ланселоту, к сожалению, утрачен колофон, поскольку к нему почти всегда добавляется *Queste*; в тех, что относятся к *Queste*, как правило, имеется колофон, подобный тому, который цитирует Полен Париж из Bibl. Nat., MS. 6 963 (MSS. Franç II., p. 361): "Maistre Gautiers Map les estrait pour son livre faire dou Saint-Graal, pour l'amor del roy Henri son seignor, qui fist l'estore translater dou latin en françois." Аналогичное утверждение встречается в MS. из Mort Artur (Bib. Nat. 6,782.). Оба одинаково достоверны. Теперь, поскольку королем может быть только Генрих II (+ 1189) и поскольку *Queste* предшествовал Mort Artur, его следует поместить около 1185 года, а Conte du Graal Христиана - около 1180 года, невероятно ранняя дата, если вспомнить, что Conte du Graal - последняя работа Христиана. Форма этих колофонов, выраженных в третьем лице и так отличающихся от того благодушного самодовольства первого лица, с которым Люс де Гаст и Элли де Боррон объявляют о своем авторстве, также вызывает подозрение, что перед нами не собственное заявление автора, а переписчика, следующего традиционной приписке. Независимо от того, написал ли Мар "Ланселота", можно с уверенностью предположить, что он не писал ни "Квеста", ни, *тем более*, "Великого святого Грааля". Традиция о его авторстве этих романов, возможно, возникла из упоминания Джеффри о Gualterus archidiaconus Oxenfordensis, которому он был обязан своим MS. Historia Regum Britanniae. Аналогичный случай традиционного приписывания со стороны переписчика можно отметить в MSS Большого Святого Грааля, автором которого объявлен Роберт де Боррон. Обычные формулы (цитируются *выше*, с. 5) следует сравнить с собственными словами Боррона в "Жозефе" (*выше*, с. 5) и обратить внимание на разницу в форме. Что доказывает, что эти отрывки являются интерполяциями, так это то, что автор Великого Святого Грааля в прологе особо заявляет, что его имя должно оставаться в тайне. Данные колофоны следует рассматривать просто как заимствованные из подлинной приписки поэмы Боррона, и нет никаких положительных доказательств авторства ни *Queste*, ни Grand St. Graal; оба произведения, вероятно, французского происхождения, как показывает упоминание Мо в Grand St. Graal. Что касается датировки поэмы Боррона, то *конечная точка ad quem* определяется датой Конте дю Грааля (1180 год); а поскольку поэма посвящена Готье Монбельярскому, который вряд ли мог родиться раньше 1150 года и должен был достичь определенного возраста, чтобы стать покровителем Роберта, она должна быть написана в период между 1170 и 1190 годами.

Результаты исследования можно подытожить следующим образом: истоки романов о Граале следует искать в христианской легенде, основанной частично на канонических, частично на

неканонических писаниях. Эта христианская легенда была вплетена в бретонские саги автором самого старого романа о Граале; теории провансальско-испанского или кельтского происхождения одинаково несостоятельны, как и басни о латинском оригинале. Хронологически версии располагаются следующим образом

- (1) Между 1170 и 1190 годами (вероятно, около 1183 года) Робер де Боррон написал свою трилогию: Иосиф Аримафейский - Мерлен - Персеваль. Источники: Христианская легенда (Acta, Pilati, Descensus Christi, Vindicta Salvatoris) и бретонские саги (Brut?). Здесь Грааль - просто сосуд благодати.
- (2) Около 1189 года Христиан начал свой "Конт дю Грааль", основным источником которого была третья часть поэмы Боррона. Граалю приписываются чудесные пищевые свойства; вводятся кровоточащее копье, серебряное блюдо и волшебный меч.
- (3) Между 1190 и 1200 годами Готье де Дуленс продолжает поэму Крестьяна. Основные источники, третья часть (1) и первая часть того же для "Ранней истории" - введение сломанного меча.
- (4) Между 1190 и 1200 гг. (но после Готье?) Queste du St. Graal, написанная как продолжение "Ланселота". Источники (1) и (2) (для копья) и, возможно, (3). Новые персонажи, Мордрен, Насьен и т. д., введены в раннюю историю.
- (5) До 1204 г. написан Великий Святой Грааль, в основном опирающийся на (4), но использующий также первую часть (1).
- (6) Между 1214 и 1220 гг. Продолжение "Конт дю Грааль" Манессье. Для ранней истории использован (5).
- (7) До 1225 г. дополнения Герберта Монтрейского к Манессье. Используются оба варианта (4) и (5).
- (8) Около 1225 г. Персеваль ли Галлуа; составлено из всех предыдущих версий[68].

Та часть теории Бирха-Хиршфельда, которая вызвала наибольшее внимание в Германии, касалась отношений Вольфрама и Христиана (см. далее, [Приложение А](#)). В других отношениях его теория получила всеобщее признание. Однако хвалебные отзывы носили незначительный характер, и никаких новых фактов в поддержку его тезиса приведено не было. Однако нашелся один оппонент, который сделал больше, чем просто опирался на мнение о родстве Вольфрама с Христианом. Это был Э. Мартин, который ("Zeitschrift für d. Alterthumskunde", 1878, pp. 84 и др.) прошелся по большинству выводов Бирха-Хиршфельда. Признавая приоритет Queste над Grand St. Graal, он не видел необходимости фиксировать 1204 год как *terminus ad quem* для последнего произведения в том виде, в котором мы его имеем сейчас, поскольку заявление Гелинандуса могло относиться к более древней версии; если Grand St. Graal не может быть датирован, то и Queste не может. Что касается Дидо-Персеваля, то ничто не доказывает, что это либо работа Боррона, либо источник Христиана и Готье. Аргументы Бирха-Хиршфельда, доказывающие интерполяцию отрывков из "Копья", были несостоятельны; крайне маловероятно, чтобы Христиан использовал Персеваль, как утверждается, или чтобы Боррон, чисто религиозный автор "Жозефа", так полностью изменил свой стиль в Персевале. Более того, Бирх-Хиршфельд заставил Боррона посвятить

работу Готье из Монбельяра до 1183 года, когда последний, должно быть, был еще совсем молодым человеком, и нет никаких оснований дискредитировать свидетельство Элли де Боррона о том, что он и Роберт были товарищами по оружию, что невероятно, написанное одним за сорок лет до другого. Труд Христиана и его продолжателей следует рассматривать как самую древнюю из имеющихся у нас частей цикла о Граале. Вполне вероятно, что более ранние версии были утеряны. Латинская версия вполне могла существовать, на нее указывали такие формы, как Жозеф де Баримаски (*m.e. аб Ариматея*). Мартин продолжил эту атаку в своей работе "Zur Gralsage, Untersuchungen", Strasburg, 1880. Первый раздел посвящен тому, чтобы показать, что у Вольфрама должны были быть другие источники, кроме Христиана, и что, следовательно, те части его изложения, которые отличаются от Христиана, должны быть приняты во внимание при реконструкции первоначальной формы романа. Второй и третий разделы посвящены "Кроне" Генриха фон дем Тюрлина и самой ранней форме традиции. Второе посещение Гавейном замка Грааля, о котором рассказывает Генрих (*выше, стр. 26*), имеет общие черты с широко распространенными традициями о дремлющих в пещерах или разрушенных замках стариках, которые не могут умереть, пока не произнесут нужное слово, снимающее их заклятие. Эта концепция отличается от той, что встречается во всех остальных версиях, поскольку в них чудотворный вопрос освобождает не от неестественно продленной жизни, а от болезненного недуга. Можно ли найти параллель в кельтской традиции этому страдальцу, ожидающему избавления? Разве Артур, раненный почти до смерти своим племянником Модредом, не проводит очарованную жизнь в Авалоне, куда Морган ла Фей перенесла его для исцеления, и разве не возвращается он оттуда, чтобы освободить свой народ? Первоначальная концепция - мифическая: летний бог, изгнанный зимними силами, но обреченный вернуться вновь. *Мудрец*, ожидающий Артура, часто в каком-то подземном замке, широко распространен, два самых ранних упоминания (Гервасий Тилберийский в "Otia Imperialia", стр. 12 издания Либрехта, и Цезарий Хейстербахский) связывают его с Этной - традиция последовала за норманнскими завоевателями Сицилии, а из Сицилии, похоже, проникла в Германию, впервые появившись в немецкой традиции в рассказе о Фридрихе II. И снова Джеральд (1188 г. н. э.) в "Itinerarium Cambriae" (Frankfort, 1603, p. 827, L. 48) рассказывает о горной цепи на юго-востоке Уэльса: "quorum principalis Cadair Arthur dicitur i. Cathedra Arthuri, propter gemina promontorii cacumina in cathedrae modum se praeferentia. Et quoniam in alto cathedra et in ardua sita est, summo et maximo Britonum Regi Arthuro vulgari nuncupatione est assignata." В этой же связи можно отметить холмы Эйлдон, "где все артурианское рыцарство в зачарованном сне ожидает выстрела горна искателя приключений, который призовет их к новой жизни" (Stuart Glennie, "Arthurian Localities", p. 60). Если король Грааля - это Артур, то кровоточащее копье, очевидно, и есть то оружие, которым он был так тяжело ранен. А Грааль? Изначально это символ изобилия, радостной и щедрой жизни, отсюда Авалон, земля вечного лета за волнами, где, как говорится в "Житии Мерлина", те, кто посещает Артура, находят "planitiem omnibus deliciis plenam". Из тех версий романа, в которых преобладает христианская концепция Грааля, поэма Робера де Боррона (написанная около 1200 года) - самая ранняя, и в ней, *несмотря на христианизацию сюжета*, очевидна кельтская основа: хозяин Грааля отправляется на поиски Авалона; первые хранители - Бронс и Ален, чисто кельтские имена, первое из которых можно сравнить с Браном; пустое место напоминает о *стакане Эрена* в "Ланселоте" Ульриха фон Зациховена, где (стих 5,178) *есть жезл, который не может быть верным для человека, который был бы валш или хаз*. Признание чисто христианского происхождения Грааля приводит к такой трудности: сосуд, в котором была получена кровь Христа, был чашей, а не открытым или плоским блюдом, как это принято в память о Тайной вечере. Очевидно, отождествление Грааля с чашей Тайной вечери - последнее из целого ряда преобразований. Христианское происхождение легенды не может быть доказано и

фамилией Фишер, которую дали хранителю Грааля. Правда, ни Христиан, ни Вольфрам не объясняют эту фамилию, в то время как в поэме Боррона, по крайней мере, фигурирует пойманная рыба. Но если бы рыба действительно имела то символическое значение, которое ей приписывают, разве не был бы сделан на ней гораздо больший акцент? В любом случае, одного этого момента недостаточно, чтобы доказать приоритет Боррона, и проще поверить, что фамилия Фишер имела в изначальной кельтской традиции значение, ныне утраченное. Теория Бирха-Хиршфельда также предполагает развитие, противоположное тому, которое наблюдается в других местах средневековой традиции. Неизменный путь лежит от расово-греческой к христианской легендарной стадии. Вероятно ли, что в двенадцатом веке, в период такого высокого развития мистической фантазии, изначальная христианская легенда должна была потерять свой мистический характер и стать предметом для менестрелей, чтобы они упражняли свою фантазию? В ранней форме романа существует очевидный контраст между задачей, поставленной перед искателем Грааля, и задачей, поставленной перед Гавейном в замке Марвеллоуз. Первая претерпела изменения из-за связи с христианской легендой; но вторая, даже в тех версиях, которые подверглись влиянию легенды, сохранила свой примитивный кельтский характер. Испытания, которым подвергается Гавейн, можно сравнить с теми, что выпадают на долю того, кто стремится проникнуть в подземный мир, как это изображено в *Purgatorium S. Patricii*, в *Visio Tnugdali* и т. д. Это хорошо согласуется с представлением о Чудесном замке, подземном царстве, где обитают четыре королевы, давно исчезнувшие со двора Артура, и которое, по словам Христиана (стих 9,388), Гавейн, найдя однажды, уже не может покинуть. Одна из этих королев - мать Артура, которую похитил маг, что, по-видимому, является вариантом традиции, согласно которой отец Артура, Утер, отвоевал Игерн у ее мужа с помощью волшебства Мерлина. Многие другие реминисценции кельтской традиции можно найти в романах - Оргелеуза, которую Гавейн находит сидящей под деревом у источника, является именно такой феей воды, которая встречается во всем кельтском фольклоре и глубоко отличается от германского представления о подобных существах.

W. Герц в своей работе "Мудрец из Парцифалья и Грааля" (Бреслау, 1882), следуя в основном за Бирхом-Хиршфельдом, делает упор на два элемента, "*легенду*" и "*мудреца*", из которых возник романтический цикл. Он не упускает из виду многие слабые места в теории Бирх-Хиршфельда, *например*, полностью принимая рыбу, пойманную Броном, как символ Христа, он замечает, что инцидент, найденный у Робера де Боррона, которого он принимает за первого по дате писателя цикла, не имеет такого значения, чтобы оправдать акцент, сделанный на прозвище "богатый рыбак" всеми более поздними авторами *ex hypothesi*. Слово "богатый", по его мнению, должно было первоначально относиться к обильной силе обращения язычников, дарованной хранителю Грааля, но даже Роберт не понял всей силы аллюзии. В противовес Бирх-Хиршфельду он утверждает, что связь Иосифа с обращением Британии во всех версиях показывает, что легенда должна была обрести определенную форму сначала на британской земле, и он рассматривает сепаратистские и антипапские тенденции британской церкви как первоначальный импульс к созданию такой легенды. Грааль изначально полностью принадлежит "*Легенде*"; только в поздних версиях и у Вольфрама, из-за незнания последним его реальной природы, он приобретает магический и народный характер. Копье же, напротив, частично происходит от кельтского *мудреца*. Юность Персеваля - это подлинная народная история, сказка о великом дураке, которая изначально не имела никакого отношения к Граалю, как можно убедиться, обратившись к "Торнтонскому сэру Персевалю", наиболее примитивной форме этой истории, сохранившейся в "Мабиноги", и современной бретонской сказке о Пероннике, происходящей прямо или косвенно от Христиана. Что касается вопроса, то, хотя в нем есть много такого, что, казалось бы, относит его к народной традиции, как, например, в версии

Генриха фон дем Тюрлина, где Гавейн, задав вопрос, освобождает хозяина замка и его помощников от чар жизни-смерти, однако форма вопроса "Je vos prie que vous me diez que l'en sert de cest vessel" показывает его изначальную связь с культом Грааля и обуславливает необходимость его отсылки к "Легенде". Существующие версии, однако, не дают удовлетворительного ответа на этот вопрос. Остается только гадать, была ли в самой ранней форме легенды (которую Герц считает утраченной) она в той же форме, что и в "Дидо-Персеваль".

Теория Бирха-Хиршфельда уже подвергалась неявной критике в [главе III](#). Приведенные в ней соображения, а также критика Мартина и признание Герца исключают необходимость рассматривать ее более подробно. Формально говоря, теория основывается на предположении, что мы имеем работу Боррона в основном в том виде, в каком он ее написал, а это предположение, как показывает разница в *мотивах* между Метрическим Иосифом и Дидо-Персевалем, неточно. Кроме того, эта теория не объясняет молчание всех других версий относительно Бронса и той особой концепции Грааля, которая присутствует в поэме Боррона. Не предлагает она и удовлетворительного объяснения загадочного вопроса, который, как может предположить Бирх-Хиршфельд, был бессмысленной выдумкой Боррона, *eine harmlose Erfindung*. На самом деле, только такие части цикла исчерпывающе рассмотрены, как допускающие ссылку на предполагаемую идею происхождения, и таким образом делается демонстрация строгой дедукции, пустота которой становится очевидной, когда принимается во внимание вся легенда, а не только одна часть. Несмотря на образованность и остроту, с которой она отстаивается, теория Бирха-Хиршфельда должна быть отвергнута, хотя бы потому, что, как отмечает Мартин, она постулирует развитие легенды, прямо противоположное обычному. Мы не можем допустить, что этот огромный массив романов возник на основе простой, но возвышенной духовной концепции, полное значение которой, не осознанное даже его автором, было полностью проигнорировано не только, если бы это было возможно, Христианом и его продолжателями, но и богословствующими мистиками, написавшими "Великого Святого Грааля" и "Queste-aye", и даже последним и в некоторых отношениях наиболее теологически настроенным из всех авторов цикла, автором прозы Персевалем ле Галлуа и Гербером. Мы должны сказать вместе с Отто Кюппом (Zacher's Zeitschrift, XVII, 1, p. 68): "die jetzt versuchte christliche Motivierung ist ganz unglücklich geraten und kann in keiner Weise befriedigen."

Таким образом, поле для исследования квеста с целью определить, действительно ли Грааль принадлежит ему или нет, расчищено. Прежде всего необходимо выяснить, какая связь существует между древнейшей формой "Квеста" и так называемыми "неграальными" частями цикла, то есть "Мабиноги" Передура аб Эвравка и "Торнтон МС". Сэр Персеваль. В качестве предварительного исследования необходимо попытаться определить более тесную связь Дидо-Персевала с Конт дю Граалем - является ли он полностью производным от последнего, или, возможно, в нем сохранились следы другой формы истории, отличной от той, что встречается в Христиане[\[69\]](#).

ГЛАВА V.

Отношение Дидо-Персеваля к Конт дю Граалю - первый не является источником второго - отношения Конт дю Грааля и Мабиноги - обстоятельства, в которых Мабиноги копирует Христиана - примеры его независимости - случай с каплями крови на снегу - различия между двумя произведениями - механизм Мабиноги и его следы в Конт дю Граале - оленья охота - Мабиноги. Охота - Мабиноги и Манессье - Источники Конт дю Грааля и отношение различных частей к общему оригиналу - Теория сэра Персеваля - Штейнбаха - Возражения против нее - Советы в Конт дю Граале - Вольфрам и Мабиноги - Отсутствие Грааля в очевидно древнейшей кельтской форме.

При рассмотрении связи Дидо-Персеваля с Конт дю Граалем важна последовательность инцидентов. Это показано в прилагаемой таблице (где указаны номера инцидентов, как они обобщены в [Главе II](#)), в которой последовательность Дидо-Персеваля принята за стандарт.

Дидо-Персеваль. Инк.	Крестьен. Инк.	Готье де Дуленс. Инк.
2. Персеваль отправляется на поиски богатого рыбака.	11. Только после упреков немилосердной девицы. Персеваль впервые отправляется на поиски Грааля.	
3. Находит девицу, плачущую над рыцарем. Приключени е с гномом и Оргеллосом Деландом.	8. Если найти девицу плачущую над мертвым рыцарем, и (9) за преодоление Оргеллос де ла Ланд.	9. В том случае, если найдена девица оплакивающ ей рыцаря.
4. Прибытие в замок Шахматная доска. Приключени е на оленьей охоте и потеря гончей.		7 и 8.

5.	Встреча с сестрой; наставления о Граале; клятва искать его.		12.
6.	Встреча с дядей-отшельником, его исповедь и увещание дяди-отшельника.	15.	После инцидента в Страстную пятницу.
7.	Пренебрежение увещаниям и дяди (убийство рыцаря), через думая о девушке с Шахматная доска.		12. В той мере, в какой рыцарь убит, но до встречи с отшельником.
8.	Встреча с Розеттой и Ле Бо Мовэ (ненавистная девица).		11.
9.	Приключении у брода с Урбаны.		9. Форд Амурный; совершенно другое приключение.
10.	Двое детей на дереве.		20. Один ребенок.
11.	Первое	7.	

прибытие в
замок Грааля.

12.	Упреки заблудшей девицы.	8.	В той мере, в какой в обоих случаях героя упреки со стороны девица.	
13.	Встреча с девушкой, которая унесла оленью голову и гончую, и второе посещение замка Шахматной доски.	...		13 и 18. Множество приключений перемежаются.
14.	Период (7 лет) отчаяния закончился инцидентом в Страстную пятницу.	15.	...	...
15.	Турнир у Мельяна де Лиса. Упреки Мерлина.	13.	Но рассказал о Гавейне, а не о Персевале.	...
16.	Второе прибытие в замок Грааля. Достижение квеста.	...		22.

Различная последовательность в "Дидо-Персевале" и "Христиане" может быть объяснена, как объясняет Бирх-Хиршфельд, свободой, которую Христиан позволил себе при переделке произведения; но почему Готье, который, *ex hypothesi*, просто взял из модели Христиана те

приключения, которые его предшественник пропустил, должен был действовать точно так же? Если бы теория была верна, мы должны были бы ожидать, что некрестьенские происшествия Дидо-Персеваль будут собраны в Готье по крайней мере в том же порядке. Взгляд на таблицу показывает, что это не так. Более того, в одном инциденте Дидо-Персеваль явно прав, а Готье явно неправ, а именно в инциденте 12, где убийство рыцаря до встречи героя с отшельником лишает инцидент всякого смысла. Абсолютно решающим доказательством того, что та часть "Конт дю Грааль", которая идет под именем Готье (хотя отнюдь не ясно, что вся она одного возраста или принадлежит одному человеку), не может быть основана на "Дидо-Персевале" в том виде, в котором мы располагаем им сейчас, служит приключение Форда Amorous или Perillous, которое в двух версиях совершенно несходно. Это происшествие выделяется в "Дидо-Персевале" своим диким и фантастическим характером. Это настоящий кельтский *märchen*, в котором еще сохранилось очарование странности, присущее кельтским народным сказкам. Недопустимо, чтобы Готье мог заменить этот прекрасный инцидент тем заурядным, который он приводит.

Если, таким образом, не может быть и речи о том, что Готье заимствовал непосредственно из Дидо-Персеваль, то как объяснить сильное сходство, которое частично существует между этими двумя версиями? Некоторые из этих сходств уже были процитированы (*выше, с. 75*), остальные можно с пользой свести воедино здесь [\[70\]](#).

Первое прибытие в замок Шахматной доски.

Дидо-Персеваль.

Li plus biaux chasteaux del
monde et
vit le pont abeissié et la porte
deffermé (p. 439).

Готье.

Le bel castiel que je vos dis
.....
Et vit si bièles les entrées
Et les grans portes desfremées
(22,395 и др.);

Дама уговаривает его не бросать шахматную фигурку в воду -

Votre cors est esmeuz à grant
vilainie
faire (p. 440).

Car çou serait grans vilonie
(22,503).

Персеваль, зарезав оленя, видит, как уносят его голову.

Si vint une veille sor un palestoi
grant
aléure et prist le brachet et s'en
ala or tot (p. 442).

Une pucièle de malaire
Vint cevauçant parmi la lande
Voit le braket, plus ne
demande
Par le coler d'orfois le prist
.....
Si s'en aloit grant aléure
(22,604 и др.).

На угрозы Персеваль отобрать его у нее силой она отвечает

Сир шевалье, сила не
является моим правом и
force me poez bien faire (p.

Сила в деле - не мое право
Et force me poés vos faire (22
640).

443).

В последующей схватке с Рыцарем Гробницы он, одолев...

Se torna vers le tonbel grant
aléure et
Que fuiant vait grant aléure
li tombeaux s'enleva contre
moult
et chevalier s'en feri enz (p.
444).

На рынке и в сепутуре
Si est entrés plus tost qu'il pot
(22,723 и т.д.).

В описании Розетты (ненавистой девицы)

Ele avoit le col et les mains
plus
noires et le vier, que fer... (p.
453).

Le col avoit plus noir que fer
(25,409).

Когда немилая девица и ее рыцарь приходят ко двору Артура, Кей шутит следующим образом

Lors pria (т.е. Кей) le chevalier
par la foi que il devoit, le roi, qui
li
déist où il l'avoit prise et si en
porroit une autre tele avoir, si il
l'aloit querre (p. 457).

Biaus sire,
Dites moi, si Dex le vos mire,
Si plus en a en vostre terre,
Une autèle en iroie querre
Si jou le quidoie trover (25,691
и др.).

Эти сходства слишком велики, чтобы быть случайными. Однако следует заметить, что они касаются в основном двух приключений: шахматной доски и охоты на оленя, а также нелюбящей девицы. Что касается последнего, то необходимо лишь упомянуть идею Бирха-Хиршфельда о том, что Розетта - это оригинал той девицы, которая упрекает Персеваля перед судом за его поведение в замке Грааля, - теория, изложить которую - значит опровергнуть ее. Первое приключение будет подробно рассмотрено в следующем разделе. Нет необходимости предполагать прямое заимствование одной или другой версии, чтобы объяснить параллель в этих двух происшествиях; общий оригинал, которому временами следовали обе версии, отвечает требованиям случая. Трудно допустить, что автор "Дидо-Персеваля" использовал продолжение Готье, а не оригинал Христиана, особенно если принять во внимание следующий факт, странно упущенный из виду Бирхом-Хиршфельдом и Хучером: Персеваль в свой первый приезд в замок Грааля хранит молчание (как видно из резюме, *выше*, с. 31), потому что "li souvenoit du prodome qui li avoit deffandu que ne fust trop pallier" и т. д. На самом деле "продом" ничего такого не запрещал, и эта случайная фраза - первый намек на мотив, на который Христиан делает такой большой упор, объясняя загадочное поведение своего героя в замке Грааля. Очевидно, что Дидо-Персеваль, который, если рассматривать его беспристрастно, является очевидным сокращением и соединением материалов из разных источников, нашел в одном из своих источников эпизод, соответствующий эпизоду с Гонеманом в Христиане. Но его автор, вероятно, под влиянием версии "Квеста" Галахада, заменил "детское" начало этого гипотетического источника на то, которое теперь встречается в его версии, и эпизод с Гонеманом ушел вместе с остальной частью истории. Когда герой приходит в замок Грааля, автор недоумевает: его герой заранее знает, что ему предстоит сделать, отправляется в путь с

четкой целью сделать это, но молчит. Чтобы объяснить это молчание, автор использует мотив, относящийся к отброшенному эпизоду, но применяет его к своему отшельнику, забывая, что тот не вкладывал в его уста таких слов, и что, отнесенный к нему, запрет молчать становится просто бессмысленным. Обращается ли таким образом с моделью в поэме Дидо-Персеваля Крестьен? Вряд ли, и вот по какой причине. После инцидента в Страстную пятницу следует цитируемый (*выше*, с. 31) примечательный отрывок, касающийся молчания труверов по этому поводу. Христиан приводит этот инцидент полностью, и автор "Персеваля" не мог иметь причин для своей строгости или не мог бы на нее решиться, если бы пользовался работой Христиана. Остаются две гипотезы: неизвестный источник мог быть версией, подобной той, что использовали Крестьен и Готье, или же это могло быть краткое сокращение "Конт дю Грааль", в котором, в частности, инцидент Страстной пятницы был опущен. В любом случае присутствие этого отрывка в Персевале одинаково трудно объяснить; но в пользу первой гипотезы говорит примитивный характер инцидента в Форд-Перилус и некоторые другие особенности, которые будут затронуты далее. Таким образом, "Дидо-Персеваль" представляет собой попытку завершить поэму Боррона, приспособив к ее центральной донне версию мудреца Персеваля, схожую с той, что лежит в основе "Конте дю Грааль", автор которой в значительной степени находился под влиянием формы квеста Галахада, как она представлена в "Квесте". Если эта точка зрения верна, то свидетельство Персеваля (в любом случае, если на него не повлияла поэма Боррона или *Queste*) представляет ценность для определения первоначальной формы истории, тем более что автор явно не умел собрать воедино свои материалы. Поэтому он будет использован в следующем разделе, посвященном взаимоотношениям Конт дю Грааля и "Мабиноги" Передура аб Эврака.

Отношения Конт дю Грааля и Мабиноги. - Как было показано в [главе IV](#), мнения, начавшиеся с мсье де Вилльмарке с принятия Мабиноги в качестве прямого источника Конт дю Грааля, закончились Зарнке и Бирх-Хиршфельдом, рассматривая его как более или менее прямую копию. Самый компетентный из ныне живущих ученых в этом вопросе, мсье Гастон Парис, высказался в пользу этого мнения в своей недавней статье о сюжете о Ланселоте (Румыния, 1886).^[71] Прежде чем рассматривать вопрос в таком виде, заслуживает внимания мнение Симрока, отличающееся от мнения всех остальных исследователей. Он тоже рассматривает "Мабиноги" как производное от "Христиана", но при этом основывает свою интерпретацию мифа, лежащего в основе романа, на одной особенности - кровоточащей голове в блюде, которая встречается только в нем. Но если "Мабиноги" действительно сохранили здесь подлинную форму мифа, то она должна представлять собой более древнюю версию, чем христианская, а если, с другой стороны, христианская является единственным источником, то рассматриваемая черта не может относиться к самой ранней форме истории. В этом отношении теория Симрока зависит от того, как рассматривать отношения между двумя версиями, и не нуждается в обсуждении до тех пор, пока эта точка зрения не будет изложена.

Чтобы облегчить сравнение, общие для двух историй инциденты приведены в следующей таблице, причем за эталон взяты инциденты из "Мабиноги":...

Мабиноги.		Конте дю Грааль.	
Инк.		Инк.	<i>Chrestien.</i>
1.	Встреча с рыцарями.	1.	

2.	Приключение с девицей из шатром.	2.
3.	Мечь за оскорбление, нанесенное Гвиневре; инцидент с карликами; отъезд от двора.	3 и 4.
5.	Прибытие в дом первого дяди (найденного рыбака); обучение владению оружием.	5. Гонеманы.
6.	Прибытие в дом второго дяди (замок Грааля). Первый взгляд на талисманов (голова в тазике и копье).	7. Дядя на рыбалке; талисманы, Грааль и копье.
7.	Упреки приемной сестры, которую которую он застаёт оплакивающей мертвого рыцарем.	8. Упреки кузины; также наставляемый ею о волшебном мече.
8.	Приключение с девушкой из осажденного замка, которая предлагает себя герою.	6. Бланшфлер, племянница Гонемана.
9.	Вторая встреча с дамой из шатра.	9.
10.	Первая встреча с колдуньями Глостера,	

	которые вынуждены отказаться от нападения на хозяйку.	
11.	Приключение с каплями крови на снегу.	10.
20.	Порицание Передур перед судом со стороны нелюбящей девицы.	11.
21.	Приключение Гвальхмая с дамой, отца которой он убил. дамой, чьего отца он убил.	14.
22.	Встреча Передур с рыцарем в Страстную пятницу, и исповедь священнику.	15. Отшельник, дядя героя.
<i>Готье.</i>		
24.	Прибытие в Замок Чудес (Замок шахматной доски); охота на оленя; потеря собаки; бой с черным человеком из кромлеха.	Инк. 7, 8, а также частично 13 и 18.
25.	Второе прибытие в замок (Грааля); достижение цели уничтожения колдуний из Глостера. "Так повествуется	22. В той мере, в какой Готье заканчивает свою часть истории, Готье заканчивает свою часть на вторым прибытием

о Замке Чудес".

героя в замок
Грааля
Замок, но
сходства в
происшествиях.

Таким образом, последовательность в точности совпадает в "Мабиноги" и в "Христиане", за единственным исключением - инцидентом с Бланшфлер, который во французской поэме предшествует, а в валлийской - следует за первым посещением замка Грааля. Сходство порядка следования само по себе достаточно, чтобы предположить связь копии с оригиналом. Если внимательно изучить "Мабиноги", то можно найти немало подтверждений этому предположению. Так, Бирч-Хиршфельд указывает, что когда Передур впервые видит рыцарей и на вопрос матери, кто они такие, получает ответ: "Ангелы, мой сын"; это может быть лишь искаженным воспоминанием о восклицании самого Персеваля,

... Ха! Сир Декс, Мерки!

Ce sont angle que je voi ci! (1,349-50).

поскольку мать героя была бы последним человеком, описывающим таким образом рыцарей, которых она изо всех сил старалась оградить от знаний своего сына. И снова Симрок критикует, и не без оснований, случай, когда карлик прославляет Передура по прибытии ко двору Артура как вождя воинов и цветков рыцарства. В соответствующем эпизоде в "Христиане" девица со смехом говорит герою, что он должен стать лучшим рыцарем в мире, и она не смеялась десять лет, как принято было заявлять глупцу. Это более ранняя форма, чем в "Мабиноги", и более близкая к народной сказке. Так, только в одном примере, в "Giolla na Chroicean Gobhar" ("Друге с козьей шкурой") мистера Кеннеди [Fictions of the Irish Celts, p. 23], герой приходит к королю Дублина, как Передур к Артуру, одетый в шкуру и вооруженный дубиной. "Дочь короля была так меланхолична, что не смеялась семь лет, но когда она увидела, как Том из козьей шкуры сшиб всех лучших чемпионов ее отца, она разразилась сладким смехом", и, конечно, Том женится на ней, но только после того, как пройдет через всевозможные испытания, да, даже в сам ад и обратно. В "Христиане" первобытная форма уже наложена; мы больше не слышим ни о девице, поднятой на смех, ни о пророчествующем глупце; и в "Мабиноги" кажется очевидным, что приветствие героя, добавленное в "Христиане" к более древнему смеху, сохранилось само по себе. Бирх-Хиршфельд также не согласен с тем, что на сцену выводятся два дяди Передура, первый из которых, соответствующий Гонеману в "Христиане", оказывается рыбаком вместо настоящего Короля-Рыбака, владыки замка Волшебных Талисманов, в то время как у последнего Передур должен пройти через испытания своей силы, относящиеся к его пребыванию у первого дяди. Очевидно, говорит Бирх-Хиршфельд, произошло смешение двух личностей. Опять же, когда Передур покидает своего второго дядю на следующий день после того, как увидел окровавленную голову и копье, говорится, что "он уехал с разрешения своего дяди". Могут ли эти слова быть реминисценцией слов Христиана?

Et trueve le pont abaiscié,

Con li avoit ensi laissié

Por ce que rien nel detenist,

De quele eure qu'il venist

Que il ne passat sans arriest (4,565-69).

В дальнейшем мы увидим, что в самой примитивной форме неудачного посещения Замка Талисманов герой оказывается на следующий день на голой земле, а сам замок полностью исчез. Идея разрешения уйти диаметрально противоположна этой самой ранней концепции, и ее присутствие в "Мабиноги", похоже, можно объяснить только каким-то непониманием модели рассказчика.

В инциденте с Бланшфлер можно найти некоторые словесные параллели: "Дева приветствовала Передура и обняла его за шею".

Et la damosele le prent
На главную дебоширила (3,025-26)
Et voit celi ajenuillie
Devant son lit qui le tenoit
Par le col embraciet estroit (3,166-68).

Может быть, и "две монахини", приносящие хлеб и вино, тоже связаны с "Il Abéies", которых Персеваль видит при въезде в город Бланшефлер? Можно заметить, что в этой сцене валлийский рассказчик не только более целомудрен, но и проявляет гораздо большую деликатность чувств, чем французский поэт. Поведение Передура - это поведение джентльмена по стандартам XIX века. Однако Христиан, вероятно, ближе к исторической реальности, а поведение его пары...

S'il l'a sor le coveroir mise

Ensi giurent tote la nuit.

так необычно напоминает поведение валлийской пары, что кажется допустимым отнести окраску, придаваемую этому инциденту, к валлийским источникам. Еще одна сцена, имеющая заметное сходство в двух произведениях, - это сцена, в которой герой подвергается порицанию перед судом со стороны недоброжелательной девицы. В "Мабиноги" она въезжает верхом на *желтом* муле с *зазубренными ремешками*: в "Христиане" - на

Sor une *fauve mule* et tint
En sa main destre une escorgie (5,991-2).

"Чернее были ее лицо и две руки, чем самое черное железо, покрытое смолой".

Ains ne véistes si noir fer
Come ele ot les mains et le cor (5,998-99).

"И она приветствовала Артура и всех его домочадцев, кроме Передура".

Le roi et ses barons salue
Tout ensamble comunalment
Fors ke Perceval seulement (6,020-3).

В "Мабиноги" Передура упрекают в том, что он не спросил о струившемся копье; в "Христиане" "la lance qui saine" упоминается первым, хотя Грааль добавляется. Если бы Передур спросил о смысле и причине чудес, "король был бы восстановлен в здравии, а его владения - в мире".

Li rices rois qui moult s'esmaie
Fust or tos garis de sa plaie
Et si tenist sa tière en pais (6,049-51).

Тогда как теперь "его рыцари погибнут, жены овдовеют, а девы останутся без доли".

Dames en perdront lor maris,
Tières en seront essilies,
Et pucièles desconsellies;
Orfenes, veves en remanront
Et maint chevalier en morront (6,056 и др.).

В "Величественном замке", где обитает нелюбимая девица, пятьсот шестьдесят шесть рыцарей и "дама, которую он любит больше всех", в "Замке Оргеллос" пятьсот семьдесят, и ни одного "qui n'ait s'amie avoeques lui". "А кто хотел бы приобрести славу в оружии, в столкновениях и конфликтах, тот обретет ее там, если пожелает".

Que la ne faut nus ki i alle,
Qui la ne truist joste u bataille;
Qui viout faire chevalerie,
Si là le quiert, n'i faura mie (6,075 и др.).

"А кто хочет достичь вершины славы и почета, я знаю, где он может ее найти. Есть замок на возвышенной горе, и есть в нем дева, и она там в плену, и тот, кто освободит ее, достигнет вершины славы мира".

Маис ки ворруа ле прис авуар
De tout le mont, je quie savoir
Ле Лю и ла пис де терр
U on le porroit mius conquerre;

A une damoisieële assise;
Moult grant honor aroit conquise,
Qui le siège en poroit oster
Et la pucièle délivrer (6,080 и т.д.).

В последнем случае, безусловно, в остальных случаях, вероятно, следует признать прямое влияние, по крайней мере, в объеме процитированных отрывков. Но прежде чем делать поспешный вывод о том, что валлийский рассказчик является переписчиком, следует упомянуть некоторые факты с другой стороны. Так, инцидент с каплями крови на снегу, который Бирх-Хиршфельд относит к числу тех, что заимствованы из "Мабиноги", с замечанием, что в валлийской истории нет следов такой сильной страсти, как у Персеваля к Бланшефлер, был рассмотрен профессором Х. Циммером в его "Keltische Studien", vol. ii, pp. 200. Он ссылается на пробуждение любви Дейдре к Нуази с помощью аналогичных средств, как это показано в ирландской саге о сыновьях Уснеха (старейший документ, Книга Лейнстера, скопированная до 1164 года из более древних документов), как на доказательство раннего значения этого *мотива* в кельтской традиции. В английском переводе этот отрывок звучит следующим образом: "Когда ее приемный отец в зимнее время снимал шкуру с тельца на снегу, она увидела ворона, который пил кровь на снегу; и она воскликнула: "Такого мужчину я могла бы любить, и только его, имеющего три цвета: его волосы как у ворона, его щеки как кровь, его тело как снег"".

В "Мабиноги" почти теми же словами говорится, что черноту ворона, белизну снега и красноту крови он сравнивает с волосами, кожей и двумя красными пятнами на щеке той дамы, которую он любил больше всего. В "Хрестиане" ворона нет, и весь акцент делается на *трех* каплях крови на снегу, которые наводят героя на мысль о красном и белом цвете лица его дамы. Как справедливо отмечает Циммер, версия "Мабиноги", несомненно, является более примитивной из двух; кроме того, поскольку этот инцидент вообще не фигурирует в том, что Бирч-Хиршфельд считает источником Хрестиана, "Дидо-Персеваль", следующее развитие этого инцидента должно было произойти *ex hypothesi*. В "Дидо-Персевале" герой однажды теряется в раздумьях. Чтобы объяснить это, Хрестиан придумывает инцидент с тремя каплями крови на снегу; "Мабиноги", копируя Хрестиана, представляют этот инцидент почти в такой же примитивной форме, как и самый древний из известных! Таким образом, в "Мабиноги" сохранилась более древняя форма, чем в "Хрестиане", которая, как утверждается, была его источником во всех тех частях, которые являются общими для обоих. Нет уверенности и в том, что факт испытания Передура мечом в замке Талисмана свидетельствует, как утверждает Бирч-Хиршфельд, о том, что валлийский сказочник спутал двух персонажей, которых он перенял у Хрестиана, - Гонемана и Короля-Рыбака. Инцидент с мечом будет рассмотрен позже; здесь же достаточно сказать, что в "Конте дю Грааль" не дается никакого объяснения сломанному оружию, тогда как в "Мабиноги" оно простое и естественное. Но эти два случая не могут ослабить силу приведенных выше параллелей. Однако для того, чтобы определить, не являются ли они следствием заимствования Хрестиана, различия между двумя версиями имеют даже большее значение, чем сходство.

Что же это такое? Французские романы, относящиеся к персевальскому типу поисков Грааля, дают две версии поиска волшебных талисманов - Конте дю Грааля и Дидо-Персеваля. Последняя предполагает раннюю историю, которая, как уже было показано, не может рассматриваться в качестве отправной точки легенды без постулирования такого развития последней, которое недопустимо по *априорным* соображениям и противоречит многим достоверным фактам. Первое не согласуется с самим собой: окончание Манессье противоречит открытию Хрестиана в таком существенном вопросе, как причина страданий искалеченного короля. Тем не менее из него можно составить следующий набросок истории, на которую накладывается множество, казалось бы, не связанных между собой приключений. Герою приходится искать волшебные талисманы, с помощью которых он может исцелить дядю, раненного его братом, и одновременно отомстить ему за брата. С другой стороны, что представляет собой история, рассказанная в "Мабиноги"? Герой с помощью талисманов мстит за смерть двоюродного брата (и причинение вреда дяде); не сказано, что талисманы переходят в его собственность. Трудно допустить, что одна из этих форм могла послужить прямым образцом для другой. Если "Мабиноги" - простая копия "Конт дю Грааль", то откуда такое измененное значение талисманов, откуда механизм, с помощью которого герой наконец-то достигает своей цели и который вкратце выглядит следующим образом? Горе, постигшее род Передура, вызвано сверхъестественными существами, колдуньями Глостера; окончательное выполнение задачи обеспечивается его кузиной, которая, чтобы побудить его к действию, принимает облик (1) черной и ненавистной девицы; (2) девицы с шахматной доски, которая подстрекает его к приключению в Йсбидинонгиле, упрекает его за то, что он не убил черного человека сразу, а затем побуждает его к охоте на оленя; (3) дамы, которая уводит гончую и посылает его сражаться с черным человеком из кромлеха; "и это была кузина, которая вошла в зал с окровавленной головой в солонке и копьем, с которого капала кровь." Все происшествия, связанные с Замком Шахматной Доски, которые так подробно описаны и в "Конт дю Граале", и в "Дидо-Персевале", но никак не связаны с основной нитью повествования, в "Мабиноги" составляют неотъемлемую часть этой основной нити. Стали бы авторы "Конт дю Грааля" пренебрегать прямой версией

валлийской сказки, если бы знали ее, или, с другой стороны, автор "Мабиноги" мог бы соединить разрозненные происшествия своей предполагаемой модели в органичное целое? Обе гипотезы маловероятны. Более того, "Конт дю Грааль" и "Дидо-Персеваль" при внимательном рассмотрении обнаруживают явные следы механизма, схожего с валлийской историей. Так, в "Хрестиане" Персеваль, прибыв к королю-рыбаку, видит, как оруженосец вносит в комнату меч из такой хорошей стали, что он может сломаться только в одной опасности, и это племянница короля (*то есть* кузина Персеваля) послала своего дядю даровать его по своему усмотрению; и король отдает его герою за...

...biaus frère ceste espée

Vous fu jugie et destineé (4,345-6).

После первого приключения Персеваля в замке Грааля именно его "germaine cousine" (4,776) осыпает его упреками; она знает все о мече (4,835-38) и рассказывает ему, как, если он сломается, он может его починить (4,847-59). Так поступает Хрестиан, который к тому же, надо заметить, делает Бланшефлер возлюбленной Персеваля, тоже его кузиной, племянницей Гонемана (3,805-95). Таким образом, кузен становится его возлюбленной, кузен добывает для него волшебный меч, кузен, как в "Мабиноги", подстрекает его к выполнению поиска и дает ему советы, которые, не сомневаемся, были бы учтены Хрестианом, если бы он закончил свою поэму. Обращаясь теперь к Готье, в чьей части поэмы рассказывается о различных приключениях, вытекающих из инцидента с шахматной доской, можно отметить разницу между "Мабиноги" и им самим. В первом случае эти приключения, вызванные кузеном Передуром, служат, по-видимому, проверкой силы и мужества героя. Потеря шахматной доски является отправной точкой задания, а кузина вновь появляется в образе черной девы. Ничего подобного нет у Готье. Правда, девица, упрекающая Персеваля, в какой-то мере сверхъестественна, поскольку является разновидностью водяной никс, но именно любовь к ней побуждает героя выполнить задание; она же одалживает ему собаку, и ее не отождествляют с "puscelle de malaire", которая ее уносит (22,604 и т. д.). Но позже Персеваль встречает рыцаря, который рассказывает ему, что дочь короля-рыбака (а значит, и кузина Персеваля) поведала ему, как один рыцарь унес оленью голову и гончую, чтобы разозлить другого доброго рыцаря, который был при дворе ее отца и не спросил, как положено, о Граале, за что она забрала его гончую и отказала ему в помощи преследовать рыцаря-разбойника (23,163 и т. д.). Таким образом, "злая герцогиня" оказывается кузиной Персеваля, и она играет ту же роль, что и в "Мабиноги". Правда, когда позже (инцидент 13) Персеваль находит девушку, ничего не говорится о том, что она дочь Короля-Рыбака; напротив, как видно из краткого изложения, рассказывается длинная история о Рыцаре Гробницы, брате ее рыцаря Гараласа, и о том, как он прожил десять лет с феей. Здесь она совершенно отлична от дамы с шахматной доски, к которой Персеваль возвращается позже. Версия, найденная в "Дидо-Персевале", согласуется с "Мабиногами" в отличие от Готье в том смысле, что герой влюблен в хозяйку замка, а не в девицу, которая упрекает его за то, что он выбросил шахматные фигуры. Эта упрекающая девица никоим образом не отождествляется с дамой, уносящей гончую, которая описывается как "старая" и о которой впоследствии говорится: "elle estoit quand elle voloit une des plus belles damoiselles du monde. Et est cele meismes que mon frère (брат Рыцаря Гробницы, который здесь, как и у Готье, является любовником феи) amena à la forest", то есть сама фея, сестра хозяйки Замка Шахматной Доски, которая ненавидела ее и желала умалить ее и гордость ее рыцаря (с. 469). Здесь снова можно найти связь между различными персонажами приключения, и оказывается, что героя подталкивает к борьбе с Рыцарем

Гробницы прекрасная дева, превратившаяся в таинственную ведьму.[72] Таким образом, в "Мабиноги" дается одна последовательно разработанная концепция - превращенная карга = кузина Передура - которая может быть частично восстановлена на основе той из двух противоречивых версий, найденных у Готье, в которой *ruselle de malaire* оказывается дочерью Короля-Рыбака, а значит, кузиной Персеваля, и связывает охоту на оленя с инцидентом с Граалем, а также из "Дидо-Персеваля", где рассказывается, как та же самая *ruselle de malaire* лишь играет роль, будучи по своему желанию одной из самых прекрасных девушек в мире. Теперь мы увидели, что охота на оленя - лишь одна из тех частей истории, в которых обнаруживается самое близкое словесное сходство между Готье де Дуленсом и Дидо-Персевалем. Поэтому вызывает недоумение тот факт, что в деталях этого происшествия сходства не больше. Но указанные сходства касаются в основном первой части инцидента и менее заметны в последней (встреча героя с Рыцарем Гробницы). Это, вместе с различиями в деталях инцидента, на которые мы только что указали, укрепляет мнение, высказанное выше, что Дидо-Персеваль и Готье связаны не напрямую, а через посредство общего источника, влияние которого отчетливо прослеживается в некоторых частях обеих историй, и что когда этот источник не работает, они сильно расходятся в своих рассказах. О том, что такая гипотеза небезосновательна, говорит тот факт, что у Готье есть две противоречащие друг другу формы этой самой истории, одна из которых, та, что делает похитительницу гончих дочерью Короля-Рыбака, стоит на одной ступени с "Мабиноги", в то время как другая более близка, хотя и отличается в важных аспектах, от "Дидо-Персеваля". В этом случае, по крайней мере, у Готье должно быть два источника, а если два, то почему не больше?

В качестве объяснения сходства между Готье и "Мабиногами" можно сказать, что автор последних использовал Готье так же свободно, как и Христиана, но к концу своей работы, устав, он сократил его в гораздо более краткой форме, чем вначале. Если сравнение версий охоты на оленя, встречающихся в обоих произведениях, недостаточно для опровержения этой теории, то против нее можно выдвинуть следующее соображение: если "Мабиноги" полностью заимствованы из "Конт дю Грааль", то как можно объяснить иную форму эпизода с Граалем? Если он знал только Христиана, то откуда он взял приключение с шахматной доской, и если он знал Готье так же хорошо, как Христиана, то почему он не закончил приключение с Граалем в том же ключе, в котором начал, то *есть* частично в соответствии со своей предполагаемой моделью?

Ближе ли Манессье, чем Готье, к "Мабиноги" в поздней части повествования? Основные моменты рассказанной им истории можно пересказать следующим образом: девица Грааля - дочь короля-рыбака, девица с солончака - дочь короля Гуна Пустынного, его брата (то есть оба они двоюродные братья Персеваля); Гун Пустынный, осажденный Эспиногором, побеждает его, но вероломно убит своим племянником Партиналем, причем меч последнего ломается от удара. Тело Гуна приносят в замок короля-рыбака, туда же дочь Гуна приносит сломанный меч, чтобы он хранился до тех пор, пока не придет рыцарь, не соединит части и не отомстит за смерть Гуна. Получив меч, король-рыбак ранит себя в бедро, и не может исцелиться, пока не отомстит Партиналю. Персеваль спрашивает, как ему найти убийцу, ведь кровная месть (*faide* = O.H.G. *Fehde*) лежит на нем. Персеваль сражается с Партиналем, убивает его, отрубает ему голову в знак победы, возвращается в замок Короля-Рыбака, случайно освещает его и исцеляет Короля-Рыбака одним лишь видом головы, которая закреплена на пике на самой высокой площадке. После смерти своего дяди Персеваль становится его преемником на посту короля замка Грааля. Здесь, как и в "Мабиноги", сюжет определенно разворачивается на почве кровной мести; то же действие, которое приводит к смерти одного родственника героя, косвенно, правда, приводит и к увечью другого, так же

как в "Мабиноги" те же сверхъестественные существа убивают кузена Передура и хромают его дядю; кузен появляется вновь, приносит волшебный меч, с помощью которого герой может свершить возмездие, и произносит предсказание, исполнение которого укажет на сужденного мстителя. Наконец, если в "Мабиноги" особое внимание уделяется голове убитого, то у Манессье - голове убийцы. Теперь совершенно очевидно, что "Мабиноги" не могли копировать Манессье. Утверждается, что валлийский сказочник, приспособивая "Хрестиен" к вкусам своих соотечественников, заменил кровную месть на поиски Грааля, но какая у него была причина так поступать с Манессье? Ему нужно было просто опустить христианские легендарные детали, которые в "Манессье", можно сказать, адаптированы к более древней форме истории, чтобы найти в этой более древней форме ясное и прямое повествование без примеси мистических элементов. Невозможно объяснить сильное общее сходство очертаний при столь же заметных расхождениях в деталях (колдуньи Глостера вместо Партиналь и т. д.) иначе, как сказав, что оба варианта, хотя и восходят к общему легендарному источнику, не связаны друг с другом.

Факты, рассмотренные таким образом, могут быть пересказаны следующим образом: - В общих чертах между "Мабиноги" и "Конт дю Граалем" существует заметное сходство в приключениях, общих для обоих; в той части "Конт дю Грааля", которая приписывается Крестиену, более того, встречаются многочисленные и близкие словесные параллели, и соответствующая часть "Мабиноги" рассказана более подробно, чем остальные происшествия, общие для обоих произведений. То, что в "Мабиноги" отвечает на "Поиски Грааля", образует ясное и понятное целое, основные черты которого можно извлечь из "Конт дю Грааля", но в разных пропорциях из различных разделов этого произведения. Так, указания на поиск талисмана в "Мабиноги", центральную интригу, как ее можно назвать, сказки, у Крестьена носят самый незначительный характер, ограничиваясь мимолетными намеками; у Готье они полнее и точнее, хотя и указывают на версию центральной интриги, отличающуюся не только в деталях, но и в замысле от мабиногинской; только у Манессье есть согласие в замысле, хотя детали все же различаются. Наконец, те части "Мабиноги", которые находятся в самом тесном словесном согласии с "Хрестианом", содержат утверждения, которые нелегко примирить с этой центральной интригой.

Эти факты, похоже, оправдывают подобные выводы. Принимая во внимание, что "Мабиноги" - это очевидное сплетение всевозможных происшествий, связанных с героем, единственным связующим звеном между которыми является его личность, можно предположить, что автор, составляя свой труд, протягивал руку во все стороны в поисках материала. Так, часть "Передурского мудреца" состояла из приключений, часто встречающихся в других народных сказочных циклах о Великом Дураке и Мстящем Родственнике - циклах, которые, по крайней мере, в кельтской традиции охватывают почти ту же территорию, что и описанный Й. Г. фон Ханом под названием "Die Arische Aussetzung und Rückkehr-Formel". В оригинале "Мабиноги" эта часть, вероятно, включала в себя детство и воспитание в лесу, визит к Артуру с сопровождающими инцидентами, обучение у дяди (который, *возможно*, был Королем-Рыбаком), прибытие в (осажденный) замок, где герой должен быть предупрежден о своей задаче видом некоторых талисманов и головы своего кузена, упреки недоброжелательной девицы, ее последующее испытание героя приключениями на шахматной доске, охотой на оленя и т. д., окончательное выполнение героем поставленной задачи, месть врагам рода и снятие заклятий. По-видимому, здесь не было такой любовной истории, которая часто встречается в историях класса Великого Дурака, *например*, в ирландской (*выше*, с. 134). Этот оригинал, вероятно, был в нескольких шагах от подлинной народной версии; происшествия были представлены одновременно слишком сжато и запутанно, а некоторые, которые, как будет показано в следующей главе, сохранила живая народная сказка, были пропущены или

их значение не было осознано. Что может быть естественнее, чем то, что автор "Мабиноги" в ее нынешнем виде, зная Крестиена, должен был выстроить свое голое, лысое повествование, используя лоскутки и заплатки из поэмы француза? Как только Хрестиен подводит его, он возвращается к торопливой краткости своего оригинала. Его адаптация Крестьена сделана с необычайно низким мастерством, и порой кажется, что он неправильно понял свою модель. Он ограничивает свои заимствования деталями, не позволяя, например, изложению Хрестиена об инциденте с Граалем превзойти изложение валлийского оригинала. В одном месте он, возможно, вслед за Хрестиеном, внес жизненно важное изменение. Сомнительно, чтобы валлийский источник "Мабиноги" знал об искаленном короле, дяде, которого должен был исцелить герой; единственной задачей могла быть месть за смерть двоюродного брата. Правда, "хромой дядя" появляется в конце, но это может быть вызвано внезапным желанием аранжировщика быть последовательным. Но независимо от того, был ли он в валлийской истории, сохранившейся в "Мабиноги", он, конечно, не играл такой главной роли, как в "Конт дю Грааль". Обе истории посвящены одному и тому же циклу приключений, но цель героя в обеих не одинакова, а значит, и используемый механизм не совсем одинаков. Настоящая "Мабиноги" представляет собой неумелое слияние этих двух вариаций на одну тему"[73].

Это исследование также проливает свет на вопрос об отношениях Хрестиана с его продолжателями. Теория Бирха-Хиршфельда о том, что Дидо-Персеваль был источником Крестьена и Готье, уже была отброшена. Помимо уже приведенных причин, ее осуждает тот факт, что она не объясняет, откуда Манессье взял свое окончание истории. Теперь должно быть очевидно, что Хрестиан и два его продолжателя черпали из одного источника, и это была поэма, вероятно, не очень большой длины, основные контуры которой были почти такими же, как у валлийского прото-Мабиноги, приведенного выше, с той разницей, что сюжет был посвящен исцелению дяди, а не отмщению за смерть кузена. Эта поэма, которая, по-видимому, также прямо или косвенно послужила одним из источников Дидо-Персеваля, вероятно, во многом отошла от народных линий и, хотя это очень трудно определить, могла положить начало включению легенды об Иосифе Аримафейском с последующим использованием христианской символики предметов и происшествий старой народной сказки.

Такая инкорпорация почти наверняка началась до времени Хрестиана и была продолжена им. Можно не сомневаться, что он обращался со своей моделью в свободном и смелом духе, изменяя и добавляя то, что казалось ему наиболее подходящим. Только этим объясняется то, что Манессье, рабски следуя общему оригиналу, по-разному рассказывает о причине ранения хромого короля. Готье, которому не хватает творческой силы Крестьена, хотя он часто равняется на него в изяществе и живости своего повествования, кажется, не имел никакой концепции плана; часть "Конт дю Грааль", которая идет под его именем, представляет собой просто беспорядочную кучу разрозненных приключений, собранных вместе без заботы о последовательности. Но именно по этой причине он представляет большую ценность в восстановлении первоначальной формы истории, чем Крестьен, который, стремясь к последовательности, гармонии и художественному развитию своей сказки, изменяет, добавляет или отступает от более старой версии. У Готье, несомненно, были и другие источники, кроме того, которым воспользовался Крестьен. Это не относится к Манессье, который в этой части истории ограничился оригиналом Крестьена, не обращая внимания на различия в *мотивах*, внесенные его предшественником. То, что ему чуждо, он черпал из знакомых нам источников, Квеста и Большого С. Грааля, из которых взято более двух третей его раздела.

Таким образом, в работе над самой ранней формой *Персеваль-мудреца* "Мабиноги" и "Конт дю Грааль" имеют равную ценность и взаимно дополняют друг друга. Оба они являются вторичными источниками, и их свидетельства порой удручающе искажены, но именно в них в первую очередь следует искать информацию о ранних этапах развития этого легендарного цикла. Сами по себе они не дают удовлетворительного объяснения более загадочных черт развернутой легенды, но они представляют факты таким образом, что ставят под сомнение гипотезу исключительно христианского легендарного происхождения. Прежде чем двигаться дальше, следует выяснить, претендует ли английский "Сэр Персеваль" на то, чтобы считаться одной из версий, дающих достоверные указания на более древнюю форму этой истории.

Эта поэма, описанная Халливеллом как просто сокращенная английская версия "Конт дю Грааль", как видно из [гл. IV](#), была воспринята с большим уважением другими исследователями, некоторые из которых, пораженные ее архаичным видом, назвали ее одной из самых ранних версий *мудреца* Персеваля. Совсем недавно она стала объектом тщательного изучения Поля Штейнбаха в его диссертации: "Über den Einfluss des Crestien de Troies auf die altenglische literatur", Leipzig, 1885. Результаты его исследований могут быть изложены следующим образом: оба произведения соответствуют друг другу вплоть до смерти Красного Рыцаря; главные различия заключаются в том, что Персеваль становится племянником короля Артура, что смерть его отца от рук Красного Рыцаря объясняется как акт мести со стороны последнего, что Артур сразу же узнает своего племянника и рассказывает ему о Красном Рыцаре, и что сожжение Красного Рыцаря, на которое лишь намекается в строках Христиана - это

Ains auroie par carbonees.

Trestout escarbellié le mort, etc. (2,328-9).

полностью раскрывается в английской поэме. После инцидента с Красным рыцарем параллелизм становится менее тесным. В английской поэме происходят следующие события: убийство ведьмы, встреча с дядей и девятью кузенами, борьба с великаном за кольцо, встреча с матерью и восстановление ее здоровья. Из остальных происшествий те, что связаны с Люфамуром, более или менее параллельны с тем, что рассказывает Христиан о приключениях своего героя с Бланшефлер, а приключения Черного рыцаря - с приключениями Оргеллуса де ла Ланда в Христиане. Из 2288 стихов английской поэмы большая часть может быть заимствована из Христиана, таким образом:-

P. of G.		Cr.
1-160		485-940
161-188		941-1,206
189-256		1,207-82
257-320		1,283-1,554
321-432		1,555-1,828
433-80		1,829-1,970
481-600		2,091-2,170
601-56	{	2,055-90

	{	2,135-59
		2,171-2,225
657-740		2,268-2,312
741-820		2,313-2,398
1,061-1,108		4,000-4,060
1,109-1,124		5,511-553
1,381-1,540		5,600-5,891
953-1,012	}	
1,125-1,380	}	
	{	2,900-3,960
1,541-1,760		4,088-94
1,761-1,808		4,095-4,150
1,809-1,951		4,865-5,375

инциденты, включенные в ст. 821-952 и 1 953-2 288, - единственный, полностью не связанный с Христианом. Это общее согласие между двумя работами показывает зависимость одной от другой. Но, несмотря на очевидную зависимость, английская поэма, как показывают различия между ней и ее французским оригиналом, принадлежит одновременно и к менее, и к более высокоразвитой стадии персевальских *мудрецов*. Таким образом, различия бывают двух видов: те, что свидетельствуют о приверженности писателя более древним, вероятно бретонским, народным традициям, и те, что обусловлены им самим, а также свидетельствуют о мастерстве, с которым он обработал свои материалы и вписал части поэмы Крестьяна в более древние рамки. К первому типу относятся: утверждение, что Персеваль встречается с тремя рыцарями, а не с пятью, как в Христиане, английская поэма согласуется здесь с "Мабиногами"; упоминание о том, что он едет на *кобыле* и о том, что он одет в козлиные шкуры, английская поэма снова согласуется скорее с "Мабиногами", чем с Христианом, и также показывает точки соприкосновения с бретонскими балладами о Морване ле Брейзе, напечатанными Вильмарке в "Барзас Брейзе". Бой с великаном также может быть заимствован из цикла "Лез Брейз", где герой сражается с мавританским великаном. Эти моменты, по-видимому, свидетельствуют о знании автором народных традиций, согласно которым Персеваль образует небольшой цикл, в котором отъезд от матери и возвращение к ней являются начальным и заключительным эпизодами соответственно. Эта форма истории должна была быть широко распространена и популярна, чтобы побудить автора опустить столько, сколько он сделал в поэме Христиана, чтобы привести ее в традиционные рамки. Он выполнил свою задачу с большим мастерством, удалив все, что не имело прямого отношения к ходу истории в том виде, в каком он ее рассказал. С учетом этого мастерства ему можно с полным основанием приписать изменения, которые делают историю более последовательной и логичной. К ним относятся: причисление Персеваля к племянникам Артура, упоминание о вражде между Красным Рыцарем и отцом Персеваля, схватка с ведьмой, возникшая из-за того, что Персеваль надел доспехи Красного Рыцаря, и другие приключения, которые в конечном итоге следуют из той же причины, особенность, что кольцо, взятое Персевалем у дамы в шатре, является магическим, наделяющим его владельца сверхъестественной силой, изменение этого кольца с кольцом его матери, которое подготавливает окончательное признание, и т. д. Первоначальный вариант поэмы, вероятно, заканчивался воссоединением матери и сына, а последняя строфа, в которой кратко упоминается смерть героя, была более поздним дополнением. Подводя итог, можно сказать, что "Сэр Персеваль" - это работа народного певца, который вписал в старые бретонские рамки серию приключений, взятых частично из

"Христиана", частично из тех же бретонских традиций, которые были основным источником "Христиана", и с замечательным мастерством избежал всех инцидентов, которые не вписывались в рамки, наложенные им на себя.

Против этой точки зрения Штейнбаха можно возразить, что писатель, столь искусный, как предполагается, автор "Сэра Персеваля", мог бы легко вписать эпизод с Граалем Христиана в свои традиционные рамки. Более правдоподобное объяснение, если предположить, что теория в основном верна, можно найти в огромной популярности в этой стране формы "Квеста Галахада" и, как следствие, нежелании автора привнести то, что могло показаться ему конкурирующей версией. Штейнбах не заметил одного любопытного свидетельства того, что поэма является сокращением более древнего произведения, в некоторых отношениях более архаичного, чем "Христиан". Когда герой убивает Красного рыцаря, он не знает, как избавить его от доспехов, но вспоминает...

... "My moder bad me
Когда мой дротик сломался,
Овт ирен бренн дерево,
Now es me fyre gnede" (749-52).

Теперь советы матери, данные в стихах xxv-vi, сводятся к тому, что он должен быть "of mesure" и быть вежливым с рыцарями; ничего не говорится о выжигании дерева из железа, и ни один такой совет не фигурирует ни в "Христиане", ни в "Мабиноги", который в этом отрывке с ошибками скопировал французского поэта.^[74] Использование Христиана автором сэра Персеваля кажется, однако, неоспоримым; и, как бы то ни было, взгляды Штейнбаха вполне отвечают трудностям этого дела. В дальнейшем, однако, будет показано, что некоторые моменты, в которых немецкий критик обнаруживает постхристианское развитие, являются, напротив, остатками столь старой и популярной формы истории, к которой мы можем вернуться. Если принять гипотезу о том, что сэр Персеваль, как и "Мабиноги", испытал влияние Христиана, то какой вывод можно сделать из того факта, что первый опускает эпизод с Граалем вообще, а второй присоединяет версию Христиана к своей, предположительно более древней, так неуклюже, что это сразу выдает соединение? Можно ли утверждать, что рассказ Христиана явно расходится с более древней историей, какой он ее нашел? Не объясняется ли этот факт введением странного элемента в нить романа? Этим элементом, по мнению Бирха-Хиршфельда, является христианская легенда о святом сосуде, и, таким образом, получается, что Грааль действительно чужд кельтской традиции.

Позвольте мне вкратце перечислить причины, которые уже приводились против такой точки зрения. Ранняя история Грааля, та часть, в которой преобладает христианский элемент, несомненно, должна рассматриваться как более поздняя, чем Квест, который не мог бы дать ей начало, если бы не предполагал такого развития романа, которое почти невероятно - версии Квеста, более того, все сходятся в определенных аспектах и безошибочно указывают на кельтские традиции как их источник. Эти традиции необходимо изучить, чтобы выяснить, не содержат ли они следов мистического сосуда, отсутствующих в "Мабиноги" и английской поэме, и не могли ли они привести к появлению эпизода во французских романах. Поскольку Персеваль - самый древний герой "Квеста" и поскольку отрочество Персеваля, составляющее неотъемлемую часть всех древнейших версий "Квеста", представляет собой наиболее сильную аналогию с народной сказкой о Великом Дураке, именно эту сказку мы и должны теперь рассмотреть.

ГЛАВА VI.

Сказка о Великом Дураке - Краткое изложение прозаического начала - Формула изгнания и возвращения ариев - Сравнение с "Мабиногами", "Сэром Персевалем", и Конт дю Грааль - Происхождение горской сказки - Сравнение с легендой о Фионне - Краткое содержание "Сказания о Великом Дураке" - Сравнение с инцидентом на охоте на оленя в Конт дю Грааль и "Мабиноги" - Народная сказка о братьях-близнецах - Борьба с ведьмой, оживляющей мертвых в "Герберте", и аналогичный инцидент в народной сказке о Рыцаре Красного Щита - Сравнение с первоначальной формой "Мабиноги" - Происхождение "Герберта".

Одним из самых популярных поэтических повествований в старом героическом четверостишии, сохранившемся в Горных горах, является "Сказание о Великом Дураке" (Laoidh an Amadain Mhoir), относительно которого, согласно Кэмпбеллу, т. III, с. 150, бытует следующая поговорка: "Каждая поэма - поэма Красного Щита; каждое сказание - сказание о Великом Дураке; каждая история - история Коннала" (это стандарт). Как будет показано далее, в этом слове есть несколько поразительных сходств с центральным эпизодом Грааля в квестовых романах, но прежде чем его исследовать, следует обратить внимание на прозаическое начало, часто встречающееся в нем. Это прозаическое начало можно кратко изложить так: Campbell, vol. iii., pp. 146, *et seq.*

Жили-были два брата: один - король Эрина, другой - простой рыцарь. У последнего были сыновья, у первого - ни одного. Между братьями вспыхнула ссора, и рыцарь с сыновьями был убит. Жене, которая тогда была беременна, было послано известие, что если она родит сына, то должна быть предана смерти. У нее родился мальчик, и она отправила его в пустыню к кухарке, у которой был любимый сын. Два мальчика росли вместе, сын рыцаря был сильным и своенравным. Однажды они увидели трех оленей, приближавшихся к ним; сын рыцаря спросил, что это за существа, на которых есть мясо и одежда, и ему ответили, что чем лучше он их поймает, и он так и сделал, а его приемная мать сшила ему платье из оленьей шкуры. После этого он убил своего приемного брата за то, что тот смеялся над ним, поймал дикого коня и приехал во дворец брата своего отца. Его никогда не называли иначе, чем "Великий дурак", и когда двоюродный брат, играя в синти, спросил его имя, он ответил: "Великий дурак". Двоюродный брат посмеялся над ним и тут же был убит. Попав в присутствие короля (своего дяди), он ответил так же. Дядя узнал его и, упрекая себя за глупость, что не убил мать вместе с отцом, ушел с ним, как и весь народ".

В своей статье о формуле изгнания и возвращения ариев у кельтов ("Folk-Lore Record", vol. iv.) я показал, что эта сказка широко распространена как в кельтском хельденсаге, так и в кельтской народной сказке. Прежде чем обратить внимание на варианты, необходимо дать несколько пояснений. Термин "арийская форма" (Arische Aussetzungs-und Rückkehr-Formel) был впервые использован Й. Г. в. Ханом в его "Sagwissenschaftliche Studien" (Jena, 1876) для описания сказки, которая фигурировала в героической литературе всех известных ему арийских рас. Он рассмотрел четырнадцать историй, семь из которых относятся к эллинской мифологии: Персей, Геракл, Эдип, Амфион и Зетос, Пелий и Нелей, Леукаст и Паррасий, Тесей; одна - к римской мифической истории, Ромул и Рем; две - к тевтонской, Виттих-Зигфрид, Вольфдитрих; две - к иранской, Кир, Ки-хосрю; две - к индуистской, Карна, Кришна. Из кельтской литературы мне удалось извлечь восемь четко определенных вариантов, относящихся к фенийскому и ульстонскому циклам ирландского хельденсажа (герои - Фионн и

Ку-Чулейнд); к ирландской мифической истории - Лабрайд Маен; к народной сказке, до сих пор живущей в Горных горах, - Коналл и Великий Дурак; к кимрскому хельденсажу - Передур-Персеваль, Артур и Талиесин. В результате анализа всех этих сказок была выведена следующая стандартная формула, на которую, разумеется, не отвечает ни одна из сказок: "I.

- I. Рождение героя.
 - (a) Вне брака.
 - (b) Посмертно.
 - (c) Сверхъестественно.
 - (d) Один из близнецов.
- II. Мать, принцесса, проживающая в своей стране.
- III. Отец -
 - (a) Бог издалека.
 - (b) Герой издалека.
- IV. Знаки и предупреждения о будущем величии героя.
- V. Вследствие этого он изгоняется из дома.
- VI. Его сосут дикие звери.
- VII. Воспитывается (бездетной парой), пастухом или вдовой.
- VIII. Имеет вспыльчивый и буйный нрав.
- IX. Ищет службу в чужих землях.
- IXA. Нападает на монстров и убивает их.
- IXB. Приобретает сверхъестественные знания, съев рыбу или другое волшебное животное.
- X. Возвращается в свою страну, отступает и снова возвращается.
- XI. Побеждает своих врагов, освобождает мать, садится на трон.

За полным обсуждением различных кельтских форм этой широко распространенной сказки и за табличным сравнением с остальными индоевропейскими формами, проанализированными Й. Г. фон Ханом, я должен обратиться к своей статье. Достаточно сказать, что наиболее полное кельтское воплощение этого *мотива* можно найти в оссиановском "Хельденсаге", где изгнанный принц - не кто иной, как сам Фионн. Кельтская форма, наиболее тесно связанная с ним, - это Великий Дурак, о котором говорилось выше, и связь Передура-Персеваля с которым очевидна. В обоих случаях, когда отец убит, мать удаляется или отправляет сына в пустыню; в обоих случаях он вырастает сильным, выносливым, не знающим мира. Приводятся почти одинаковые примеры его превосходящей силы и быстроты; в "Мабиноги" быстротой и проворством ног он загоняет коз и оленей в козлятник; в горской сказке он ловит дикого оленя, а увидев лошадь и узнав, что это животное, на котором занимаются спортом, тянется за ним, ловит и садится на него; в "Сэре Персевале" он видит...

... A fulle faire stode
Offe coltes and meres gude,
Bot never one was tame (v. xxi.).

И "smertly overrynnnes" one. - Затем Великий Дурак приходит к своему дяде, в котором он находит человека, убившего его отца. Сэр Персеваль также приходит к своему дяде и получает от него сведения об убийце своего отца; в "Христиане" и "Мабиноги" не говорится о

каких-либо отношениях между Артуром и героем. Заслуживает внимания способ прихода. В "Конте дю Граале", войдя в зал, герой дважды приветствует короля, не получает ответа и, развернув коня в гневе, сбивает с него шапку.

В английской поэме

At his first in comynge,
His mere withowtenne faylynge,
Kiste the forehevede of the Kyng,
So nerehande he rade (v. xxxi.).

Затем он требует рыцарства или...

Bot (unless) the Kyng make me knyghte,
I shall him here slaas (v. xxxiii.).

В "Великом дураке" инцидент с лошастью отсутствует, но обращение героя к дяде столь же отрывисто: "Я - великий дурак... и если нужно, я могу сделать дураком и тебя". Далее следует инцидент с оскорблением, нанесенным Артуру Красным рыцарем. Здесь, заметим, версия "Мабиноги" гораздо грубее трех: "Рыцарь выплеснул ликер, который был в кубке, на ее (Гвенхвивар) лицо и на ее живот, и нанес ей сильный удар по лицу, и сказал" и т. д.; в "Христиане" инцидент не представлен напрямую, а передан из вторых рук, и говорится лишь о том, что невежливый рыцарь отобрал кубок так внезапно, что пролил часть его содержимого на королеву, и что она была так охвачена горем и гневом, что едва не спаслась живой; в "Сэре Персевале" рыцарь берет кубок и уносит его. В кельтских народных сказках принято, что когда король сидит за мясом, к нему подъезжает враг и наносит оскорбление, возмездие за которое составляет основу сказки. Хороший пример можно найти в сказке Кэмпбелла lii. "Рыцарь красного щита". Когда король находится со своими людьми, воинами, дворянами и великими джентльменами, один из них говорит: "У кого сейчас в четырех коричневых четвертях Вселенной хватит духу нанести оскорбление королю?" - и тут появляется всадник на черной кобылке, и, "прежде чем между ними завязался разговор, он занес кулак и ударил короля между ртом и носом". Примечательно, что эта сказка обнаруживает дальнейшее сходство с серией "Мабиноги - Великий Дурак", в целом, в том смысле, что из трех воинов, отправившихся мстить за оскорбление, презренный младший добивается успеха, так же как презренный Передур убивает Красного Рыцаря, и особенно в том, что можно назвать инцидентом с пророчеством. За исключением начальных инцидентов, именно в этом наиболее ярко проявляется "формульная" природа *мудреца* Персеваля. В "Мабиноги" он помещен сразу после первой встречи героя с колдуньями Глостера: "Судьбой и предвиденьем я знала, что должна пострадать от тебя", - говорит злейшая ведьма. В "Конте дю Граале" она присутствует только в словах Короля-Рыбака, когда он вручает Персевалу волшебный меч.

... Брат Бианс, мой любимый.

Vous fu jugie et destinée (4345-6),

в то время как в "Сэре Персевале" очень архаичный оборот этому инциденту придают слова Артура о своем неизвестном племяннике - ...

The bokes say that he mone

Отомстит за своего врага (v. xxxvi.).

Это сравнение поучительно, поскольку показывает, насколько невозможно, чтобы поэма Христиана была единственным источником "Мабиноги" и сэра Персеваля. Нельзя

утверждать, что скудный намек французского поэта является единственным источником инцидента в валлийской и английской версиях, в то время как взгляд на мою таблицу различных форм формулы изгнания и возвращения ариев ("Folk-Lore Record", vol. iv.) показывает, что предсказание величия героя является важной чертой в восьми из кельтских и пяти из некельтских версий, *то есть* более чем в трети всех историй, построенных на основе этой формулы. Очевидно, что здесь, по крайней мере в "Мабиноги" и "Сэре Персевале", сохранилась черта, почти исчезнувшая в романе. В упомянутой выше горской сказке инцидент таков: герой находит "сокровище женщины, сидящей на холме, и большого юношу с головой на ее колене, спящего"; он пытается разбудить спящего, даже отрубает ему палец, но тщетно, пока не узнает, что, согласно пророчествам, никто не должен разбудить спящего юношу, кроме рыцаря Красного Щита, и он, прибыв на остров, должен сделать это, ударив осколком камня ему в грудь. Эта сказка, как уже отмечалось, обнаруживает родство с сагой о Персевале в двух случаях, а также, как я уже отмечал ("Записи народных преданий", т. v., "Исследования Мабиногиона"), тесно связана с циклом немецких героических и народных сказок, героем которых является Зигфрид. Зигфрид - это то, чем Фионн является в германском фольклоре, герой, чья история наиболее точно соответствует формуле "Изгнание и возвращение". Таким образом, мы обнаруживаем не только, как и следовало ожидать, сходство между германскими и кельтскими сказаниями, воплощающими эту формулу, но и производные или смежные группы народных сказаний, в которых также часто встречаются поразительные сходства[75].

Еще одна горская сказка (Campbell, lviii., The Rider of Grianraig) служит свежим примером этого факта. Здесь также пророчествуют о деяниях, которые должен совершить герой. Но эти деяния он никогда не совершил бы, если бы его не подстрекал к этому и не помогал ему ворон, который в конце концов оказывается заколдованным юношей и конем, девой, на которую наложены чары, и чары не снимутся, пока ей не отрубят голову. Но даже в этом случае Передур получает поддержку и помощь от заколдованного юноши. В остальном в "Мабиноги" нет ни сходства плана, ни сходства деталей, и уж тем более нет следов прямого влияния валлийской истории на горскую.

Можно, однако, утверждать, что все эти сказки в большей или меньшей степени восходят к французскому роману. Это было уверенно заявлено в отношении бретонского цикла баллад Морвана ле Брейза (Barzaz Breiz) и бретонского Märchen Пероника-идиота (Souvestre, Foyer Breton), и я предпочел не использовать ни то, ни другое. Что касается шотландских и ирландских сказок, то здесь следует высказаться. Говорят, что романтика могла проникнуть в кельтское население через такие адаптации, как "Мабиноги" или "Сэр Персеваль". Если допустить, что эти два произведения - всего лишь адаптации, то из этого следует, что истории, созданные на их основе, будут более или менее похожи на них самих. Так ли это? Можно ли обоснованно утверждать, что народная сказка о Великом Дураке - это ослабленная копия некоторых черт "Мабиноги", которая сама является ослабленной копией некоторых черт французской поэмы? Не в том ли дело, что в народной сказке опущено многое из того, что есть в "Мабиноги", и, с другой стороны, сохранены детали, которых не хватает не только в валлийской сказке, но и в "Христиане". Если бы потребовалось другое доказательство независимого характера этих сказок, то оно было бы обеспечено близким сходством между открытием "Великого дурака" и легендой о Фионне. Она сохранилась в нескольких формах, одна из которых, до сих пор рассказываемая в Горных горах (Campbell's lxxxii.), повествует о том, как сын Кумхолла воспитывается в пустыне, как он топит юношу соседней деревни, как он убивает убийцу своего отца и завоевывает волшебную форель, вкус которой дает знание прошлого и грядущего, как он возвращает меч своего отца и возвращает земли своего отца, все, как было предсказано о нем. Казалось бы, еще один

потомок французского романа. Но очень похожая история содержится в ирландской рукописи XV века. (The Boyish Exploits of Finn Mac Cumhall, перевод д-ра Дж. О'Донована в Transactions of the Ossianic Society, vol. iv.); Кумхолл, убитый Голом, оставляет свою жену с большим сыном, которого после рождения воспитывают две друидессы. Он вырастает свирепым и мужественным, побеждает всех своих сверстников, догоняет диких оленей, которых он бежит, убивает кабана и ловит волшебного лосося знаний. В версии XVIII века, приведенной Кеннеди ("Legendary Fictions", p. 216), Кумхолл предлагает насилие Муирреан, дочери друида Тадга, а его смерть объясняется главным образом магическими искусствами разгневанного отца. Вряд ли кто-то будет спорить, что эти истории обязаны своим происхождением адаптации поэмы Христиана. Но в любом случае такое утверждение не может быть применимо к самому древнему представлению Фионна как героя формулы, которое содержится в великом ирландском пергаменте Leabhar na h'Uidhre, записанном на основе более древних материалов в начале двенадцатого века. Трактат под названием "Причина битвы при Кнуче" был переведен г-ном Хенесси ("Revue Celtique", vol. ii., pp. 86, et seq.). В нем мы видим Кумхолла и Тадхага, насилие над дочерью последнего, последующее поражение и смерть Кумхолла, одинокое воспитание Фионна матерью и месть юноши за отца. Я должен отослать вас к моей статье в "Folk-Lore Record" за подробным аргументом в пользу того, что рассказ L.n.H. является эвемеризированной версией народной традиции, представленной "Похождениями мальчика", и за сравнением *мудреца* Фионна в целом с греческими, иранскими, латинскими и германскими сказаниями о героях, которые, как и он, построены на основе формулы "Изгнание и возвращение". Я сказал достаточно, чтобы показать, что "*Мудрец* Фионна" - это вариант (гораздо более богатый) темы, затронутой в "Юности Персеваля", но что он и, *тем более*, связанные с ним народные сказки совершенно независимы от французской поэмы. Из этого следует, что данная часть поэмы Христиана должна рассматриваться как одна из многих обработок темы, еще более популярной среди кельтов, чем среди любой другой арийской расы, и что ее конечным источником является бретонская или валлийская народная сказка.

Таким образом, если установить подлинный и независимый характер прозаического открытия "Великого дурака", то в высшей степени уместно найти в сопровождающем его Слове точки соприкосновения с легендой о Граале, изложенной в "Христиане". На английском языке были напечатаны три версии этого Сказания: версия под редакцией мистера Джона О'Дейли (Transactions of the Ossianic Society, vol. vi., pp. 161, et seq.); версия мистера Кэмпбелла (West Highland Tales, vol. iii. pp. 154, et seq.) и прозаическая версия мистера Кеннеди (Bardic Stories of Ireland, pp. 151, et seq.). Версия О'Дейли, как наиболее полная и последовательная, является основной для нижеследующего краткого изложения; отрывки, встречающиеся только в ней, выделены курсивом[77].

Краткое изложение "Сказания о великом дураке": (1) Жил великий дурак, покоривший мир силой тела; (2) Он приходит к королю Лохлина, чтобы завоевать прекрасную женщину, узнает, что ее охраняют семь героев, побеждает их и уводит ее; (К. и К. сразу же погружаясь в *medias res*, представляют Великого Дурака и его возлюбленную на прогулке); (3) Они входят в долину, их встречает "Груагач" (чемпион, колдун), в руке у него кубок с напитком; (4) Великий Дурак испытывает жажду и, хотя его предупредила его любовь, пьет из предложенного кубка; "Груагач" уходит, и Великий Дурак оказывается без двух ног; (5) Двое идут дальше, и ("быстрее он был на двух коленях, чем шесть на их быстрых ногах"; С.) к ним приближается олень, за которым следует белая гончая; Великий Дурак убивает оленя и захватывает гончую; (6) хозяин которой, подойдя, требует, но в конце концов отдает ее и предлагает Великому Дураку еду и питье на всю жизнь; (7) Трое путешествуют вместе (лесок, через который они прошли, всегда был полон очарования), пока не приходят в прекрасный

город, наполненный блеском золота, в котором живут только хозяин белой гончей и его жена, "белее снега обликом, нежнее глаз, и зубы ее подобны цветку"; (8) Она спрашивает о гостях своего мужа и, узнав о доблести Великого Дурака, удивляется, что он позволил лишиться себя ног; (9) Хозяин уходит, оставляя дом, жену и запас золота на хранение Великому Дураку; он не должен впускать никого, не должен никого выпускать, не должен спать; (10) Несмотря на уговоры любимой, Великий Дурак предается дремоте, когда входит молодой чемпион и вырывает поцелуй у жены хозяина ("Она была несказанно рада его приходу", С.); (11) Любовь Великого Дурака, разбудив его, упрекает за то, что он спал, и встает охранять дверь; напрасно злоумышленник предлагает золото, три полных котла и семьсот земель, ему не выйти; (12) *По наущению жены хозяина* злоумышленник восстанавливает ноги Великого Дурака, но и тогда герой не отпускает его - он должен заплатить за поцелуй, когда хозяин вернется; угрозы лишиться его ног тщетны, как и уговоры жены хозяина (Все это с большой подробностью описано у О'Дейли, но к рассказу в С. ничего существенного не добавлено.); (13) Наконец, незванный гость открывает, что он сам и есть хозяин, а он - Груагач, чья волшебная чаша лишила Великого Дурака ног, и он - *"его собственный нежный брат, долго искавший его, теперь, когда он нашел его, он освобожден от колдовства"*. Оба целуются (на этом К. и К. заканчиваются). (14) Братья отправляются в путь, встречаются великана с глазом больше луны и железной дубиной, которой он бьет Великого Дурака так, что тот падает на колени, но тот сходит с великаном, убивает его и забирает дубину; затем они вдвоем нападают на четырех других великанов, трех из которых Великий Дурак убивает своей дубиной, а четвертый сдается ему. Братья завладевают замком великана и всеми его богатствами.

Между "Сказанием" и историей, встречающейся в "Мабиноги" и "Конте дю Грааль", есть очевидное сходство. В обоих случаях на первый план выходит охота на оленя, во время которой герой впадает в "иллюзию", в обоих случаях фигурирует эпизод с поимкой гончей, хотя и в иной связи. Наконец, в "Слое", как и в "Мабиноги", движущей силой чародейства является родственник, чье собственное освобождение от чар зависит от того, насколько успешно герой выйдет из испытаний, которым он его подвергает. Но если общая идея одна и та же, то способ ее воплощения настолько различен, что невозможно представить себе, что одна история была заимствована из другой. Можно с уверенностью утверждать, что Великий Дурак, аналог Передура-Персеваля в приключениях его юности и воспитания, в определенной степени является и его аналогом в наиболее ярком из его поздних приключений - охоте на оленя. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что вся эта часть "Конт дю Грааль", как и *"Энфанс"*, является переработкой кельтских народных сказок. Поединок великанов, завершающий "Сказание", можно сравнить с поединками сэра Персеваля и Морвана ле Брейза, и такое сравнение делает чрезвычайно вероятным, что инцидент, сохраненный независимыми и сильно различающимися ответвлениями от одного и того же сказочного ствола, принадлежит к самой древней форме этой истории.

Аналогии Лей с мудрецом Персевалем еще не исчерпаны. В силу отношений между двумя главными персонажами "Лей" принадлежит к "циклу близнецов-братьев". Эта группа народных сказок, о которой говорится ниже,^[78] тесно связана, с одной стороны, с "драконоубийственной" группой *märchen*, с другой - с формульными сказками об изгнании и возвращении. Во многих версиях последней (самая известная из них - "Ромул и Рем") герой - один из близнецов, и, пожив некоторое время вместе с братом, между ними начинается раздор. В народной сказке эта распря приводит к окончательному примирению или вообще является средством разгадки сюжета. В героической сказке, напротив, раздор чаще всего заканчивается смертью или поражением брата. По-видимому, когда народная сказка стала ассоциироваться с определенным героем (как правило, основателем и покровителем рода) и

вкратце превратилась в героическую сказку, необходимость возвеличить героя рода привела к модификации сюжета. Если это так, то народная сказочная группа "двух братьев" должна рассматриваться как более древняя, чем соответствующая часть сказок об изгнании и возвращении, а не как ослабленный отголосок последних. Вернемся к особенностям братьев-близнецов. У *мудреца* Передура-Персевалея есть сестра-близнец, и он параллелен здесь *мудрецу* Фионну в одной из его форм ("Как был устроен Иен"), хотя, что любопытно, не Великому Дураку (в остальном так похожему на "Как был устроен Иен"), у которого, как и в "Слое", есть брат. Но помимо этого формального признания инцидента в "Персевальском *мудреце*", я склонен рассматривать дуализм Персеваль-Гавейн как еще одну его форму. Этот дуализм был несколько затушеван литературной формой, в которой сохранился *мудрец*, и тенденцией возвеличивать и идеализировать *одного* героя. В данном случае эта тенденция не развилась настолько, чтобы серьезно уменьшить значение Гавейна; его приключения, однако, остались в гораздо более примитивной и *märchenhaft* форме, и поэтому, как будет показано далее, чрезвычайно ценны при любой попытке достичь ранней формы истории.^[79]

Если слова Симрока, процитированные на титульном листе, действительно убедительны - "Если та раса, среди которой народная сказка о Великом Дураке была найдена независимо от истории о Граале, имеет все основания считать, что она объединила эти два элемента", - то моя задача может считаться выполненной. Я показал, что этой расой были кельтские жители этих островов, среди которых эта сказка встречается не только в более полной и значительной форме, чем в других местах, но и в форме, которая связывает ее с французским романом о Граале. Но вывод о том, что "Конт дю Грааль" в основном является переработкой кельтских народных традиций, сгруппировавшихся вокруг героя, судьба которого отчасти поразительно похожа на судьбу Фионна, типичного представителя цикла формул изгнания и возвращения у кельтов, хотя и вряд ли может быть опровергнут, не слишком способствует разрешению вопроса о происхождении самого Грааля. История кажется кельтской, за исключением лишь центрального инцидента, на котором все и держится. Ведь в английском "Сэре Персевале", который, несомненно, следует более древним образцам, нет ни слова о поисках какого-либо волшебного талисмана, не говоря уже о Граале, а в "Мабиноги", которая также в некоторых частях старше "Конт дю Грааль", поведение героя имеет иной поворот и задает иной *мотив*. Месть за вред, причиненный родственнику некими сверхъестественными существами, и последующее освобождение от чар другого родственника - элементы четкого и последовательного действия, которому легко можно найти параллели в народных сказках, но совершенно отличного от освобождения родственника с помощью определенных талисманов и магических формул. Как бы многочисленны ни были точки соприкосновения, установленные до сих пор между кельтскими народными верованиями и французским романом, параллель, похоже, разрушается в самой существенной точке, и утверждение, что Грааль - чужеродный элемент в кельтской легенде, кажется, все еще оправдано. Однако прежде чем утверждать это, то, что я назвал центральным эпизодом романа, требует более тщательного и детального изучения, чем это было раньше, а также необходимо прокомментировать некоторые сопутствующие особенности, которые при гипотезе христианского легендарного происхождения Грааля остаются непроницаемыми загадками. И еще одна поучительная точка соприкосновения между романом и народной сказкой, связанная с уже рассмотренными в этой главе историями, должна быть отмечена заранее.

В последней части "Конт дю Грааль", интерполяции Герберта, происходит следующий инцидент: герой встречает четырех рыцарей, несущих своего раненого отца, который оказывается Гонеманом, тем самым, который вооружил его рыцарем. Он клянется отомстить врагам Гонемана, но его усилия поначалу оказываются безрезультатными. Так же быстро,

как днем, он убивает их, а ночью их возвращает к жизни "Влюбленная", которую описывают следующим образом

La poitrine ot agüe et sèche;
Ele arsisit ausi come une esche
Si on boutast en li le fu.[80]

La bouche avoit grant à merveilles
Et fendue dusqu'as oreilles,
Qu'ele avoit longues et tendans;
Lons et lez et gausnes les dans
Avoit. (Potvin vi., 183, 184.)

Она несет с собой

Il. barisiax d'ivoire gent;

содержащий "яд", тот самый, которым пользовался Христос в Гробе Господнем и который служит здесь для возвращения мертвых к жизни и для воссоединения голов, отрезанных от тел. Она приступает к работе следующим образом.

A la teste maintenant prise,
Si l'a desor le bu assise;

затем берет бальзам.

Puis en froie celui la bouche
À cui la teste avoit rajointe;
Sor celui n'ot vaine ne jointe
Qui lues ne fust de vie plaine.

Персеваль останавливает ее, когда она вернула к жизни трех своих людей; она узнает в нем своего завоевателя:

Bien vous connois et bien savoie
Que de nului garde n'avoie
Fors que de vous; car, par mon chief
Nus n'en péust venir à chief
Se vous non ...

Пока она жива, Персеваль будет бессилен осуществить свой замысел. Она воюет с Гонемантом по приказу короля Пустого города, который всегда стремится против всех, кто отстаивает христианскую веру, и чья главная цель - помешать Персевалю получить знания о Граале. Персеваль получает в свое распоряжение немного чудодейственного бальзама, оживляет самого доблестного из своих противников, убивает его заново после тяжелой борьбы, в которой сам получает ранение, исцеляет бальзамом свои раны и раны Гонеманта. Сравните с вышеупомянутой сказкой Кэмпбелла "Рыцарь Красного Щита". Герой, оставшийся один на острове после ухода двух своих вероломных спутников, видит, как к нему приближаются "трое юношей, тяжелых, изможденных, усталых". Это его приемные братья, и с конца дня и года они ведут бой с Сыном Тьмы, Сыном Тусклости, и сотней его людей, и каждый, кого они убьют сегодня, будет жив завтра, и на них наложены заклятия, что они не смогут покинуть этот остров вовеки, пока не убьют их. Герой отправляется на следующий день один против этих врагов, и он не оставил ни одной головы на их стволе, и он

победил самого Сына Тьмы. Но он настолько испорчен и растерзан, что не может покинуть поле боя и лежит среди мертвых до конца дня. "Внизу под ним была большая полоса; и что он услышал, кроме моря, надвигающегося, как пылающий огонь, как уничтожающий змей, как ревущий бык; он посмотрел от него, и что он увидел на берегу полосы, кроме огромного зубастого карлина... в ее кулаке был зуб, который был длиннее посоха, а в ее коленях - тот, который был короче чулка". Она засовывает палец в рот мертвецам и оживляет их. Она делает это с героем, и он откусывает палец по суставу, а затем убивает ее. Она - мать Сына Тьмы, и у нее есть сосуд с бальзамом, которым приемные братья героя помазывают его и делают целым, а ее смерть навсегда освобождает их от ее чар"[81] Этот "зубастый карлин" - излюбленная фигура в кельтской традиции. Она вновь появляется в балладе о Муилеартиче (вероятно, Муир Иартич, т. е. Западное море), Campbell, iii., pp. 122, *et seq.*, и описывается там как "лысая русая", "ее лицо сине-черное, с блеском угля, ее костяной хохолок, как ржавая кость, один глубокий глаз в голове, похожий на бассейн, заросли на ее голове, как когтистая древесина осинового корня". В другой версии баллады, напечатанной в *Scottish Celtic Review*, No. 2, pp. 115, *et seq.*, чудовище "лысое, рыжее, с белой гривой, лицо темно-серое, оттенка угля, зубы на челюсти красные, один дряблый глаз в голове, голова щетинистая, темная и серая, как кустарник перед инеем"[82] Редактор этой версии, преподобный Дж. Г. Кэмпбелл, интерпретирует балладу, и правильно, без сомнения, "как вторжение олицетворенного моря". Между балладой и народной сказкой нет никакой связи, кроме образа "зубастого карлина"[83].

Невозможно, как мне кажется, сравнить описание ведьмы у Герберта с описанием горного "карлина", не придя к выводу, что французский поэт черпал из традиционных, популярных кельтских источников. Необузданная фантазия в целом в высшей степени чужда французскому темпераменту и по сути является кельтской по тону. Но как сам инцидент, так и одна его особенность допускают сравнение: три приемных брата из горской сказки соответствуют четырем сыновьям Гонеманта, который, напомним, изображен в "Конт дю Грааль", дядя Передура-Персеваля в "Мабиноги"; в обоих случаях герой отправляется один на битву с таинственным врагом; Сын Тьмы отвечает королю Пустого города; мертвецы возвращаются к жизни тем же способом; освобождение родственника от заклятия или смертельной опасности следует за поражением ведьмы. И еще большее значение имеет инцидент, связанный с мабиногской формой рассказа; в "Герберте", как и в "Мабиноги", дядя героя болен до смерти, его главный враг - чудовищная ведьма (или ведьмы), которая знает, что должна погибнуть от рук героя.[84] Что-то явно выпало из "Мабиноги". Не могут ли это быть те самые волшебные талисманы, выигрыш которых является главным элементом французских романов, и не мог ли один из талисманов быть сосудом с восстанавливающим жизнь бальзамом, который фигурирует в Герберте и сказках Хайленда?[85] Исследование вспомогательных версий и инцидентов может таким образом бросить на связь Грааля с романом Персеваля свет, которого до сих пор не давали основные кельтские формы последнего.

Торнтонская рукопись. Сэр Персеваль отличается в этом инциденте и от Манессье, и от Герберта. Как и в "Герберте" и "Горской сказке", герой встречается со своими дядей и кузенами; происходит та же схватка с матерью врага его рода, отвратительного карлина, но она предшествует, как и убийство этого врага, встрече дяди и племянников. Таким образом, здесь нет места *мотиву* исцеления, который заменяется бессознательной местью за смерть отца. Эти различия свидетельствуют как о народном и изменчивом характере традиций, на которых основаны романы, так и о том, что месть за кровную месть была ведущим событием самой ранней их формы.

ГЛАВА VII.

Различные формы посещения замка Грааля в романах - Конт дю Грааль: Крестьян; Готье-Манесье; Готье-Жербер-Дидо-Персеваль-Мабиноги-Конт дю Грааль: Визит Гавейна в замок Грааля - Генрих фон дем Тюрлин - Конте дю Грааль: Посещение Персевалем девичьего замка - Несогласованность этих разных рассказов; их свидетельство о том, что в романах воплощены истории разного характера и происхождения - Два основных типа: феодальный квест и квест без заклинаний - Причины смешения этих двух типов - Свидетельства смешения в более древней кельтской литературе - Грааль в кельтской литературе: снасти Туатха де Дананн; котел в Ультонийском цикле; Мабиноги Бранвена; сосуд с бальзамом и световой меч в современной народной сказке - Меч в кельтской литературе: Тетра; Фионн; Манус - Параллели с Заколдованным Замком; Круг Оэнгуса, Круг Луга, Круг Мананнана Мак Лира, визит Брана на Остров Женщин, Кормак Мак Арт и Ветвь Фей; Диармайд и Дочь Короля Под Волнами - Невыдуманные истории: Три солдата; ожидание Артура; Артур на Этне; легенда о Киффаузере, возражения против взглядов Мартина на нее - посещение Гавейном Волшебного замка и кельтские параллели; Сын дурного совета; Фионн в стране великанов; Фионн в доме Куана; Фионн и желтый лик - исчезновение Бесплотного замка - сравнение с циклом о Спящей красавице - форма "Замка с привидениями" и ее влияние на версию Генриха - Ненавистный вестник Грааля.

Анализ различных версий показал, что "Конт дю Грааль" - самая древняя часть обширного корпуса французских романов, посвященных Граалю, и представляет собой самую раннюю форму этой истории. Рассмотрение теорий, выдвинутых для объяснения генезиса и развития легенды, показало, насколько несостоятельна та гипотеза, которая делает христианскую легенду отправной точкой цикла. Сравнение "Конт дю Грааля" с кельтскими легендами и народными сказками показало, что первая в основном является северофранцузским пересказом преданий, бытовавших тогда, как и сейчас, среди кельтских народов Британии и, вероятно, Бретани. Одно лишь остается необъясненным - сам таинственный Грааль. Из кельтских источников не пролился свет и на эпизод посещения героем Замка Талисманов, его молчание и последующее несчастье, постигшее его. В кельтской версии "Мабиноги" этот инцидент не связан с Граалем и носит явные следы интерполяции. Самое большее, что нам удалось сделать, - это восстановить на основе разрозненных указаний в различных кельтских сказаниях последовательность происшествий, сходную с французским романом. Давайте же вернемся к тому, что можно назвать центральным инцидентом легенды о Граале в ее более древней и чистой форме. И напомним, что гипотеза, которая находит христианское происхождение всей легенды, не может предложить никакого объяснения этому инциденту. Бирх-Хиршфельд может лишь предположить, что вопрос Персеваля, на котором все держится, - это "eine harmlose Erfindung Borron's", бессмысленная выдумка Боррона. Именно его неспособность учесть столь важный элемент истории является одним из самых сильных аргументов против его гипотезы.

Прежде всего, следует заметить, что инцидент с посещением героем волшебного замка, его бездействием во время пребывания там и вызванными этим потерями или страданиями происходит не один, а много раз; не в одной, а во многих формах в обширном корпусе

романов о Граале, как видно из следующего списка, который также включает все случаи, когда тот или иной искатель приближался к Граалю или имел успех в его обретении

(1) Христиан: (Инк. 7). Первый визит Персеваля в замок Грааля. Вопрос опущен.

(2) Готье: (Инк. 22). Второй визит Персеваля в замок Грааля. Вопрос поставлен.

Инцидент обрывается на середине и продолжается в одной из версий следующим образом

(2A) Манессье, который отправляет героя в новый поход, который завершается в

(3) Манессье: (Инк. 21). Третий визит Персеваля в замок Грааля. Вопрос не упоминается. Последний успех героя.

В другой версии:...

(4) Герберт: (Инк. 1-3). Персеваль вновь отправляется на поиски. Он наполовину задал вопрос и частично добился успеха.

(5) Герберт: (Инк. 21). Третий визит Персеваля в замок Грааля. Вопрос не упоминается. Успех героя.

Кроме этих форм эпизода в "Конт дю Грааль", героем которого является Персеваль, мы имеем следующие:...

(6) Готье: (Инс. 3). Первый визит Говена по одной версии, второй - по другой. Вопрос поставлен наполовину, успех частичный.

И, наконец, несколько похожий инцидент, героем которого является Персеваль: (7)

(7) Готье: (Инс. 12). Посещение девичьего замка. Безвременный сон героя.

Таков Конт дю Грааль. Из версий, тесно связанных с ним, мы имеем:

(8 и 9) Вольфрам фон Эшенбах: Два визита Персеваля в замок Грааля. Вопрос опущен в первом, вставлен во второй и увенчан успехом.

(10 и 11) Mabinogi of Peredur: (Инс. 6-25). Два визита героя в замок Грааля. В первый раз вопрос пропущен. Второе посещение успешно. Вопрос не упоминается.

(12 и 13) Дидо-Персеваль: (Инк. 11-16). Два визита Персеваля в замок Грааля. Вопрос опущен в первый раз, задан во второй и увенчан успехом.

В немецком романе, который представляет много аналогий с той частью "Конт дю Грааль", которая идет под именем Готье:

(14) Генрих фон дем Тюрлин: Первый визит Гавейна в замок Грааля. Вопрос задан. Успех. Аллюзия на предыдущий неудачный визит Персеваля.

Наконец, в версиях Queste мы имеем четыре варианта инцидента.

(15) Queste: (Инс. 12). Ланселот на перекрестке, упущение в вопросе о Граале.

(15) Queste: (Inc. 15). Персеваль исцеляет Мордрейна.

"(Инк. 43). Ланселот приходит в замок Грааля. Частичное выполнение его Квеста.

"(Inc. 48). Три квестодателя приходят в замок Грааля.

Взглянув на список, мы замечаем, что Конт дю Грааль знает о трех визитах главного героя в Замок Талисманов: 1, 2, 3, или 1, 2-4, 5, и об одном визите (или двух) второстепенного героя; в то время как Вольфрам, Мабиноги и Дидо-Персеваль знают только о двух. Генрих фон дем Тюрлин приводит только один визит главного героя, хотя и упоминает о предыдущем визите второстепенного героя. В "Вольфраме" и "Дидо-Персевале" этот инцидент можно сравнить в "Конте дю Грааль" с 1 и 2, в "Мабиноги" - с 1 и 5, в "Генрихе" - с 6. Квестовые формы этого инцидента явно зависят от форм "Конте дю Грааль", хотя и сильно изменены. Что касается 7, то это, по-видимому, форма инцидента, на которую совершенно не повлиял христианский символизм, оказавший влияние на все остальные.

Целесообразно перечислить основные черты этого инцидента в различных версиях. Там, где в кратком изложении в [главе II](#) содержится подробная информация о нем, пересказ будет кратким, но необходимо будет привести хотя бы одну версию в гораздо большем объеме, чем до сих пор.

В "Конте дю Граале" (1) герой находит на рыбалке короля, который направляет его в свой замок. В тот момент, когда он думает, что рыбак его обманул, замок врывается в поле его зрения. Он входит в квадратную комнату, где стоит кровать, на которой сидит старик, закутанный в соболя; перед ним - большой костер из сухих дров; в зале могут сидеть 400 человек. Король встает, чтобы поприветствовать его; пока они сидят, входит оруженосец с мечом, у которого было всего две рукояти; его прислала племянница короля для героя, которому он предназначался. В зале светло, как и должно быть. Входит оруженосец, держа копьё за середину; все видят каплю крови, стекающую с острия на руку владельца. За ним следуют два оруженосца с подсвечниками, в каждом из которых по десять свечей; девица, держащая Грааль, который излучает свет, превосходящий свет свечей настолько, насколько солнце превосходит звезды; и еще одна девица с тарелкой из чистого золота. Процессия переходит из одной комнаты в другую. Герой воздерживается от вопроса, кому служит Грааль. После игры в шахматы с королем они ужинают, и снова Грааль проходит, не прикрытый, мимо каждого блюда. Герой хотел бы спросить, что с ним сделали, и уже собирается это сделать, но откладывает вопрос. На следующий день он никого не видит в замке, двери комнат, в которых он был накануне, закрыты, никто не отвечает, и, сев на коня, которого он находит уже оседланным, он отправляется через разводной мост, который сам собой закрывается за ним, так и не узнав, почему кровоточит копьё и куда несут Грааль. (2) Во время второго визита герой попадает в великолепную комнату, украшенную золотом и серебряными звездами, где на вермишелевом диване сидит богатый король. Герою сразу же хочется спросить о Граале и кровоточащем копьё, но он вынужден усадить его рядом с богатым королем и рассказать о своих приключениях, о часовне, в которой лежал мертвый рыцарь, и о черной руке, о ребенке на дереве и о дереве, полном свечей. Король заставляет его поесть, прежде чем ответить на его вопросы. Во время еды входит девица, прекраснее цветов в апреле, со Святым Граалем, другая - с копьём, оруженосец - со сломанным мечом. Герой спрашивает об этих талисманах. Но сначала король отвечает на вопросы о прежних чудесах; о талисманах он расскажет после мяса. Герой настаивает на том, чтобы узнать о мече. Король велит ему собрать его - если он это сделает, то узнает о рыцаре в часовне, а потом и о талисманах. За исключением одного недостатка, герою это удастся, после чего король говорит, что не знает никого на свете лучше него, обнимает его и отдает ему все в

своем доме. Оруженосец, принесший меч, возвращается, заворачивает его в кандал и уносит.

2А. Король приказывает герою есть. Копье и Грааль, а также красивое серебряное блюдо проходят перед ними, последнее держит девица. Герой вздыхает и просит рассказать ему об этих трех предметах. Ему рассказывают о копье, Граале, даме, несущей Грааль, блюде, несущем даме, а в ответ на дальнейшие вопросы, узнает историю сломанного меча и часовни. в которой обитает черная рука. После переночевав в великолепной постели^[87], он отправляется на следующее утро отправляется на поиски меча (убийство Партиналя).

3. Совершив его и и случайно осветив Грааль Замок Грааля, король, извещенный оруженосцем и немедленно исцеленный, встречает героя, который показывает ему голову и щит. За столом копье и Грааль проносят две девы; аппетитные яства наполняют блюда - все сыты и довольны, кто видит Святой Грааль и копье, которое кровоточащее. Затем входит оруженосец держащий серебряное блюдо, покрытое

4. Герой сочтет за грех, если не спросить о Граале. Сайт Король сначала подвергает его испытанию мечом.^[86] Существование недостатка, по всей видимости, означает неудачу, связанную с грехом героя в том, что герой так внезапно покинул свою мать. Ночью герою является видение, которое предупреждает его о необходимости поспешить на сестре на помощь. На следующий день Замок Грааля исчез. Он садится на на своего коня, который стоит наготове оседланного, он отправляется в путь. После тщетных попыток попасть в великолепный замок, в котором он ломает свой меч и тем самым нагружает себя еще семью лет приключений, но узнает, как меч можно сделать целым он находит землю, которая накануне была пустыней, плодородной и заселенной. Крестьяне приветствуют его: горожане выступают в его в его честь, ибо благодаря ему народ отвоевали земли и богатства. Одна девица рассказывает ему, как при дворе Короля-Рыбака он спросил о Граале. В ее

красным самитом;
талисманы проходят
трижды; король благодарит
героя
за то, что он убил своего
врага и
тем самым избавив его от
великих мучений.
Спрашивает его имя, узнает,
что это
его племянник, и предлагает
ему свое
королевство.

в ее замке ему починили меч.
(Позже герой узнает, что его
что неудача с Граалем
произошла
от того, что он не женился на
своей
не женился на своей
возлюбленной).

5. Герой направляется
крестом ко
Двор Короля-Рыбака. Тот
заставляет его сесть рядом с
собой.
Последний заставлял его
сесть рядом с собой
и рассказывать о своих
приключениях, когда он
желая узнать о Граале.
Затем проходит та же
процессия
как в (2), за исключением
того, что меч вместо того,
чтобы
вместо того, чтобы быть
сломанным, просто
описывается
что он не сломан. Герой
говорит
что он уже дважды был с
королем и упрекает его в том,
что тот не
не ответил на его вопросы,
хотя он перекупил меч
меч к великой радости
короля.
Тогда король велит ему
потрясти меч.
меч, что он и сделал, и изъясн
исчезает. Король вне себя от
радости,
а герой теперь достоин
знать все"[88].

Сравнивая с этими версиями инцидента ту, что встречается в "Дидо-Персевале", мы видим, что героя в его первый приезд встречают оруженосцы замка, облачают в алый плащ, и укладывают на богатую кровать, в то время как четыре сержанта сообщают Бронсу о его прибытии, и тот несет его в зал, где сидит герой, который встает, чтобы приветствовать его. Бронс расспрашивает его, прежде чем они садятся за стол. Мистическую процессию

образуют оруженосец с копьем, истекающим кровью, девица с серебряным блюдом, оруженосец с сосудом, в котором хранится кровь нашего Господа. На следующий день герой никого не видит и обнаруживает, что все двери открыты. Во время второго визита герой не упоминает о трудностях с поиском замка. На этот раз король встает, чтобы приветствовать его; они говорят о многих вещах, а затем садятся за стол и едят мясо. Передают Грааль и достойные реликвии, а герой спрашивает, кому служит сосуд, который оруженосец держит в руках. Король сразу же исцеляется и преображается; обрадованный, он сначала спрашивает героя, кто он такой, и, узнав это, рассказывает ему о копье и Граале, а затем, по велению небесного голоса, о тайных словах, которым научил его Иосиф, Бронс.

В "Мабиноги" замок находится на другой стороне луга. При первом посещении герой находит ворота открытыми, а в зале сидит копытный человек, вокруг которого стоят стражники, встающие, чтобы принять героя. Хозяин и гость беседуют и едят, сидя рядом друг с другом. Затем следует испытание мечом, и герою объявляют, что он достиг двух третей своей силы. Входят два юноши с капающим копьем, за ними, среди всеобщего плача, следуют две девы с подносом, на котором лежит мужская голова, и крик усиливается. На следующий день герой спокойно уезжает.

При втором посещении замок описывается как находящийся в долине, через которую протекает река. Седоголовый мужчина, сидевший в зале с Гвальхмаем, назван хромым.

Итак, мы перечислили основные моменты, связанные с пребыванием Персеваля в замке Талисманов в "Конт дю Грааль" и наиболее близких к ней версиях. Но у Персеваля, главного героя, как мы уже убедились, есть ученик в Говене. И говенская форма инцидента заслуживает столь же пристального изучения, как и персевальская.

(6) Гавэйн встретил незнакомого ему рыцаря, с которым отправился в Каэрлеон. В его компании незнакомец погибает от дротика, брошенного неизвестно кем. Перед смертью он просит Говейна взять его оружие и коня; он не знает, за что его убили, он никому не причинил вреда. Говен подозревает и обвиняет Кекса, которому клянется доказать убийство, и отправляется узнать имя неизвестного. После приключений "черной руки" [89] в часовне и долгих скитаний он однажды вечером оказывается у темной, поросшей деревьями дороги, в конце которой виднеется свет. Уставший и изможденный, он пускает коня на волю и попадает в замок, где его принимают с большим почетом, как будто его ждали. Но когда он переодевается, жители замка видят, что это не тот, о ком они думали. В зале стоит урна, на которой лежат крест, меч и мертвый рыцарь. Каноники и священники возносят над телом великий плач. Входит коронованный рыцарь и предлагает Говейну сесть рядом с ним. Затем Грааль проходит по комнате, в изобилии подавая кушанья и играя роль распорядителя, и Говэн поражен. Затем он видит копье, с которого капает кровь в серебряный кубок. Из той же комнаты, откуда пришли талисманы, выходит король с мечом в руке, мечом погибшего рыцаря, по которому он скорбит - из-за него томится земля. Он поручает Говейну попытаться сделать меч целым, но Говейн не может, и ему говорят, что его поиски не удастся выполнить. После трудов и скитаний Говена клонит в сон, но он борется со сном и спрашивает о кровоточащем копье, мече и костыле. Пока король отвечает ему, он засыпает. Проснувшись, он оказывается на берегу моря, с оружием и конем наготове. [90] Затем он встречается с крестьянами, и в уже цитированном отрывке (с. 87) ему рассказывают об изменении состояния земли. Если бы он спросил о Граале "por coi il servoit", земля была бы полностью освобождена.

Рассказ Генриха фон дем Тюрлина о визите Говена в замок Грааля отличается, как видно из резюме, стр. 27, которое нет необходимости повторять, скорее от рассказа Готье, чем от

рассказа Персеваля о визите конте де Грааля, с которым его объединяет то, что выгодоприобретателем в этой сделке является владыка Волшебного замка. Как уже было замечено, это единственная концепция, согласно которой обитатели замка находятся под чарами смерти-в-жизни, от которых их освобождает вопрос.

Остается еще отметить (7) эпизод посещения Персевалем Девичьего замка, столь близкий по некоторым деталям к посещению замка Грааля, и все же полностью отделенный от него по ходу повествования. Персеваль, блуждая, видит за рекой на лугу богатый замок, построенный из мрамора, желтого и вермишелевого дерева. Перейдя через мост, он входит в него, и дверь сразу же закрывается за ним. В зале никого нет, в центре стоит стол, а к нему на стальной цепи подвешен молоток. Обыскав весь замок, он никого не находит, и никто не отвечает на его зов. Тогда он наносит три удара молотком по столу. Появляется дева, упрекает его и исчезает. Он снова ждет, и снова наносит три удара. Появляется вторая дева и говорит ему, что если он ударит еще раз, то башня рухнет, и он будет убит при ее падении. Но когда он грозит продолжать, девица предлагает открыть дверь и выпустить его. Он заявляет, что останется до утра, и тогда девица говорит, что позовет свою госпожу. Герой советует ей поторопиться, так как не намерен долго ждать, и предупреждает, что молоток все еще у него в руках. Затем появляются другие девицы, обезоруживают и обхаживают героя и ведут его через великолепный зал в еще более великолепный, где сотня прекрасных и учтивых девиц, все в возрасте и сложениях, богато одетые, встают при его приближении и приветствуют его как повелителя. Герой считает себя в раю, и "так приятно быть в раю с дамами и девами; они так милы, что дьявол ничего не может с ними поделаться, и лучше следовать за ними, чем слушать проповеди, произносимые в церкви за деньги". Госпожа замка просит героя усадить его рядом с ней. "Белая, как лилия, она розовее, чем майским утром свежая роза, когда ее омывает роса". Она спрашивает его имя и, услышав, как он одиноко бродил три дня до встречи с замком, говорит ему, что он мог бы бродить и семь, пока не нашел бы, где можно поесть хлеба и мяса. Его хорошо накормили. На его вопросы о замке и о том, почему в нем не видно ни одного человека, он узнает, что находится в девичьем замке, все обитатели которого из одного рода и земли, нежного происхождения; ни один каменщик не приложил к замку руку, ни один крепостной не трудился над ним. Четыре девы построили его, и вот каким образом: Какой бы рыцарь ни проходил мимо и, войдя, видел закрытую дверь и ни одного человека, встречающего его; если он был безрассуден, то не наносил удара молотком и на завтра уходил не замеченным; если же был мудр и учтив, то ударял по столу и получал богатое развлечение. Пока дама рассказывает эту историю, герой, утомленный долгим путешествием, засыпает, и девицы укладывают его в постель. Наутро он просыпается под лиственным дубом, и ни одного дома не видно.

Излишне говорить, что вышеизложенное изложение различных форм, в которых этот инцидент дошел до нас, наносит последний удар по теории, которая делает христианский символизм отправной точкой, а Дидо-Персеваля - чистейшим представителем легенды. Нам придется признать не только то, что позднейшие авторы романов совершенно неправильно поняли смысл своей модели, но и то, что, беспокойно метаясь во все стороны в поисках деталей, которыми можно было бы ее дополнить, они пренебрегли одним из самых плодотворных намеков - на тайные слова, переданные через Иосифа от самого Христа успешному искателю Грааля. Какую жилу приключений не нашли бы в этих "тайных словах" Готье, Жербер и все остальные неизвестные поэты, добавившие к "Конте" каждый свою порцию? Более того, мы должны признать, что они были так сильно влюблены в этот инцидент, который они неправильно поняли, что они повторили его в полудюжине различных форм, и в конце концов устранили из него все следы его первоначального элемента. Есть теории, которые требуют слишком многого и которые должны быть

отброшены в сторону, даже если у человека нет ничего столь же гениального и симметричного, чтобы поставить их на место.

Три вещи бросаются в глаза при рассмотрении этого инцидента отдельно от других приключений, с которыми он связан; отсутствие последовательности в тех версиях, которые формально тесно связаны между собой, непоследовательность, которую мы уже отмечали при рассмотрении легенды в целом; повторение одного и того же инцидента с почти аналогичными деталями, но с другой оживляющей концепцией; и тот факт, что некоторые из вторичных форм свидетельствуют о той же нити истории, которую мы уже извлекли из сравнения "Мабиноги" и "Конт дю Грааль" в целом. Не только концепция квеста отличается у Христиана и Манессье или Христиана-Герберта, но и детали, центр интереса смещен от опущенного вопроса к сломанному мечу. У Манессье *денуамент* происходит без всякого упоминания вопроса, у Герберта упоминание носит самый отрывочный характер. Снова мы находим тот же механизм Грааля, копья и других талисманов, который в "Кретьене-Манессье" служит для того, чтобы герой отомстил убийце своего дяди, в "Кретьене-Герберте" - для воссоединения влюбленных и завоевания королевского Грааля, а в "Гавейне" используется с явной целью отомстить убийце неизвестного рыцаря. И, в-третьих, эта вторичная форма находится в тесном согласии с Мабиногом - здесь, как и там, испытание меча происходит у Короля-Рыбака; здесь, как и там, оно непосредственно предшествует передаче талисманов; здесь, как и там, оно лишь частично успешно; здесь, как и там, есть осязаемое напоминание о цели поиска, в мертвом теле неизвестного рыцаря в одном случае, в голове, плавающей в крови, в другом. И здесь мы можем отметить, что из двух форм, в которых "*Квест*" воспроизводит этот инцидент, та, которая занимает более видное место в повествовании, та, героем которой является Ланселот, очень напоминает ту второстепенную форму в "Конте дю Грааль", которая связана с Гавейном. Раненый рыцарь, которого Ланселот видит на крестном ходу, вносимый в часовню на телеге и взывающий о помощи Грааля, напоминает о погибшем рыцаре из квеста Гавейна. Возможно, еще более знаменательно, что, когда квест воспроизводит форму Персеваля, это происходит только внешне, а мистический сосуд, который в более ранней версии, очевидно, является средством достижения цели, в поздней версии становится концом этого поиска.

Кажется, невозможно устоять перед следующими выводами: -Множество форм этого инцидента, встречающихся в романах о Граале, не являются вариантами одного, причем упорядоченного и логичного оригинала; Они свидетельствуют о том, что в корпусе народных традиций, составляющих основу этих романов, инцидент с посещением волшебного замка был обычным, что он вошел в нить историй, несколько похожих по очертаниям и часто сосредоточенных на одном герое, но существенно отличающихся по концепции, и что формы в романах, которые, скорее всего, будут близки к традиционной модели, это те второстепенные, с которыми дух новаторства, будь то благодаря гению отдельного художника или вторжению христианского символизма, меньше всего заботился о себе. В "Конте дю Грааль", по-видимому, есть только один случай - визит Персеваля в Девиный замок, который не был изменен ни одним из этих влияний.

Принять эти выводы - значит очистить почву. Если мы избавим свой разум от мысли, что существует *легенда о Граале*, определенная фиксированная последовательность инцидентов, нам не придется унывать, если мы не найдем ее прототипа в кельтской традиции или где-либо еще. Мы будем готовы рассмотреть каждое происшествие, в котором фигурирует Грааль, по достоинству и удовлетвориться, если сможем найти аналогии с тем

или иным. И таким образом мы с большей вероятностью узнаем, как и почему развивались легенды, как мы находим их в романах.

Опустив второстепенные детали, мы можем подвести все случаи, в которых появляется Грааль, под две формулы: это месть родственника за кровную месть с помощью трех волшебных талисманов - меча, копья и сосуда; и посещение Заколдованного замка, обитатели которого благодаря волшебному сосуду получают сверхъестественно долгую жизнь, от которой их освобождает вопрос героя об этом сосуде. Первое можно назвать квестом вражды, второе - квестом без заклинаний. Прото-Мабиноги принадлежали, как мы уже видели (*выше*, с. 139), к первому классу, и, соответственно, мы видим, что все, что касается вопроса, явно интерполировано из Хрестиана. Модель Хрестьена принадлежала, по всей вероятности, если не полностью, то главным образом первому классу, и, соответственно, мы видим, что Манессье, безусловно более верный, чем Хрестьен, этому оригиналу, не делает никакого акцента на этом вопросе. Но в самом Хрестиане происходит смешение двух формул; вопрос и пищедобывающие свойства волшебного сосуда включены в формулу вражды. Вступив на этот путь, легенда продолжает смешивать формулы. Мистическое шествие, которое, вероятно, обязано своей формой Хрестиану, повторяется его продолжателями с монотонной однотипностью; механизм феодального похода почти неизменно удваивается механизмом посещения Бесплотного замка, и *наоборот*. Таким образом, Генрих фон дем Тюрлин, наряду с самым архаичным представлением о квесте без орфографии, имеет ту процессию талисманов, которая в должной мере принадлежит к квесту феода; и, чтобы завершить его концепцию, мы должны обратиться к инцидентам, которые в настоящее время находятся в рамках другой формулы. Ведь воздействие на землю, оказываемое действиями героя в Замке талисманов, очевидно, аналогично, хотя и прямо противоположно, воздействию, оказываемому на обитателей Заколдованного замка. Они мертвы, хотя кажутся быстрыми, земля полна жизни, хотя кажется пустой. Вопрос, освобождающий одного от чар жизни в смерти, освобождает и другого от чар смерти в жизни"[91]. Вопрос Персеваля не только освобождает Бронса, который может не умереть до тех пор, но и прекращает околдовывание Британии.

Идентичность героя в изначально несхожих историях - одна из причин путаницы между двумя формулами; другая - природа Грааля. Его атрибуты, по всей вероятности, были не очень четко определены в непосредственных моделях французских писателей-романтиков; они находили его окутанным таинственной дымкой, которую простые рассказчики, такие как Готье, не пытались прояснить, и которая давала свободу мистическим фантазиям тех писателей, которые использовали роман как средство назидания. Единственное, что ощутимо в историях об одном классе, - его способность производить пищу - оставило свой след в каждом из романов. Но в ходе изучения кельтской литературы мы также обнаружим, что этот атрибут, как и атрибут исцеления или возвращения к жизни, в равной степени встречается в историях обоих классов, к слиянию которых мы относим легенды о Граале в их нынешней форме. Еще одним связующим звеном между двумя формулами является меч. Он почти неизменно ассоциируется с целебным сосудом бальзама в историях, связанных с поисками врага в "Мабиноги" и "Конте дю Грааль"; он также часто встречается в легенде о неудачном посещении Бесплотного замка[92]. Наконец, самая важная причина, по которой истории, выведенные на основе этих двух формул, сходятся в одну, и та, которая вряд ли могла не привести к слиянию, кроется в идентичности мифа, лежащего в основе обеих концепций. Замок, в который должен проникнуть мститель, чтобы добыть талисманы, и замок, в который приходит герой, чтобы освободить своего повелителя, - оба являются символами потустороннего мира.

Помня об этом двойном происхождении Грааля и еще раз проанализировав весь цикл, отметим, что, хотя именно представление волшебного сосуда, связанное со второй формулой, наиболее заметно в романах, феодальные поиски дают все более разнообразные последовательности инцидентов и являются основой древнейшей литературной кельтской формы (Прото-Мабиноги) и тех северофранцузских форм, которые наиболее близки к ней. Здесь волшебный сосуд в лучшем случае является одним из трех одинаково мощных сокровищ; на самом деле его *роль* в этой части романов, как мы уже видели, уступает роли меча. Очевидно, что предназначенный быть непосредственной причиной восстановления жизни или здоровья родственника героя, его функции были сведены к минимуму, пока не были забыты. Если это так уже в Прото-Мабиноги и в модели Конт дю Грааль, то можно ожидать, что и в других местах кельтской традиции волшебный сосуд будет иметь меньшее значение, чем меч или копье.

Мы также должны были бы неправильно понять характер народной традиции, если бы ожидали, что в том или ином наборе историй мистическому сосуду будут жестко приписываться определенные атрибуты. Путаница, которую мы отмечаем в романах, возможно, сама является следствием более древних традиций. Несомненно, что в том, что можно считать самым древним рассказом о сосуде^[93] в кельтской литературе (хотя форма, в которой он дошел до нас, сравнительно современна), сосуд изобилия ассоциируется с тремя другими талисманами, два из которых - меч и копье. Туатха де Дананн (раса фей и волшебников, играющая в ирландской традиции роль, аналогичную роли Гвидиона ап Дона, Гвинна ап Нудда и их родственников в валлийской), согласно традиции, сохраненной Китингом в его "Истории Ирландии" (книга I, изд. Джойсом, Дублин, 1880, с. 117), имела четыре сокровища: Лиа Фейл, камень судьбы или добродетели ("ныне в троне, на котором провозглашен король саксов", т. е. камень, привезенный Эдуардом I из Скоуна); меч, которым владел Луг Ламхфада (Луг Длиннорукий); копье, которое тот же Луг использовал в бою; котел Дагда, "от которого компания никогда не уходила неудовлетворенной". Китинг следовал старым и хорошим источникам, и хотя отрывок, который я выделил, встречается не во всех MSS его работы (например, он отсутствует в переводе Халлидея), и хотя стих, который он цитирует, и который, вероятно, восходит к одиннадцатому веку, в то время как традиции, которые он воплощает, могут считаться на пару столетий старше, не упоминает это свойство Котла Дагды^[95], можно, я думаю, предположить, что отмеченная здесь традиция является подлинной, и что сосуд, подобный Граалю, а также талисманы, подобные тем, что сопровождают Грааль, составляли часть снаряжения древнейших кельтских божеств.^[96]

Этот вывод не кажется поспешным, если учесть дальнейшие упоминания о котле в среднеирландской литературе. Битва при Магх Рат, полуисторический роман, относящийся к событиям седьмого века, приписывается его редактором, доктором Дж. О'Донованом, ко второй половине двенадцатого века. В нем рассказывается (стр. 51 и далее), как сыновья короля Альбы пытались получить от своего отца "Caire Ainsicen", названный так потому, что "это был котел, который использовался для возвращения каждому его собственной доли, и ни одна сторона никогда не уходила от него неудовлетворенной, ибо какое бы количество ни было положено в него, из него никогда не варилось ничего, кроме того, что было достаточно для компании в соответствии с их классом или рангом". Далее средневековый рассказчик приводит примеры подобных котлов, встречающихся в более древней истории Ирландии. Почти все они могут быть отнесены к древнейшему героическому ирландскому циклу, Ультонианскому, наиболее яркой фигурой которого является Кухулайнн. Этот цикл, по своему происхождению почти, если не полностью, мифический, был рано (вероятно, уже в восьмом веке) эвмеризирован, а его боги и полубоги стали исполнять обязанности исторических личностей, живших в начале христианской эры. Действительно, не исключено, что реальные

исторические события и личности того периода могли окрасить и исказить изложение мифа; и весьма вероятно, что содержание этих историй действительно восходит к той эпохе, поскольку они почти полностью свободны от какой-либо примеси христианских элементов, а те примеси, что есть, можно легко определить как дело рук монахов десятого и одиннадцатого веков, которыми эти истории были записаны в MSS, дошедших до нас в большинстве своем. Котел с теми же свойствами, что и в битве при Маг Рат, встречается в двух самых знаменитых сказках этого цикла - "Тогайль Бруин да Дерга" и "Повесть о свинье Мак Дато".

Переходя от ирландской к валлийской литературе, отметим, что Грааль часто сравнивали с котлом Брана в "Мабиноги" о Бранвен, дочери Ллира. Я подробно разбирал эту сказку (Folk-Lore Record, Vol. V.) и не вижу причин отступать от того вывода, к которому я пришел, а именно, что она восходит в основном к одиннадцатому или десятому веку. Здесь подчеркивается оживляющая сила сосуда: "Свойство его таково, что если один из твоих людей будет убит сегодня и брошен в него, то наутро он будет так же хорош, как и в лучшие свои времена, за исключением того, что он не вернет себе речь". Нельзя не вспомнить, что в "Квесте", который, если говорить о самом Граале, в целом должен быть отнесен к формуле феодального квеста, при появлении священного сосуда собравшаяся компания поражается немотой[97].

Более поздняя кельтская народная литература в своих рассказах о мистическом сосуде придерживалась скорее "Мабиноги", чем более древней ирландской легенды. Там, где он появляется в народных сказках, его функция - исцелять или возвращать к жизни. В настоящее время мы можем не принимать во внимание упоминания о котле Серидвен в валлийской "бардовской" литературе, главным из которых является упоминание в "Мабиноги" о Талиесине. Я далек от мысли, что эта литература заслуживает того осуждения, которое на нее обрушилось, но она была слишком мало и некритично изучена, чтобы дать прочную основу для исследования. Мы находимся на более надежной почве, когда имеем дело с живыми народными сказками. Так, сказка "Зачарование Фионна", хотя и относится более правильно к другой формуле, может быть замечена здесь как содержащая чашу бальзама, промывание которой возвращает искалеченному Фионну полное здоровье. Г-н Кэмпбелл, который обратил внимание на эту сказку, отмечает, что чаша исцеления встречается во всех фенийских историях, чего мы, естественно, должны ожидать, видя тесную связь между Фионном и Передуром (Rev. Celt. I., p. 194). В главе VI. уже приводились другие примеры появления сосуда с бальзамом в связи с глайвером света и его использования для возвращения к жизни врагов героя. И здесь можно отметить, что почти тот же способ, в котором он вводится в народных сказках, может быть заимствован из романов. Грааль появляется у Персеваля и Гектора, лежавших почти мертвыми на поле боя, и делает их целыми, так же как сосуд с бальзамом оживляет мертвых воинов, которых только что зарубил Коналл Гулбан, и исцеляет последнего. Возможно, это лишь совпадение, что ангел в одном случае, а Карлин в другом, появляются в сильной вспышке света. Но, как правило, в тех историях-заданиях, которые в остальном представляют столь близкое сходство с феодальными поисками протомабиноти и Конт дю Грааля, мистический сосуд полностью исчезает, а меч становится главным, если не единственным талисманом. Так обстоит дело у Кэмпбелла, I., молодого короля Эасаида Руада, и у XLVI. Mac Iain Direach. В одном случае световой меч встречается вне группы задач, в "Вдове и ее дочерях" Кэмпбелла XLI., вариант ii (история о Синей Бороде), и здесь он связан с сосудом с бальзамом. Таким образом, в народных сказках, как и в одном из разделов "Конт дю Грааль", сосуд для исцеления имеет явно меньшее значение, чем оружие возмездия или уничтожения. Этот

предмет, как и меч, играет столь важную роль во французских романах, что рассмотрение его *роли* в кельтской литературе будет нелишним.

Помимо уже приведенных примеров, когда световой меч сопровождает сосуд с бальзамом как одно из сокровищ, вознаграждающих героя за его поиски, но в которых он не оказывает иного влияния на ход истории, мы находим и другие, в которых меч является либо оружием, причиняющим горе, являющимся предметом повествования, либо единственным средством проверки пригодности героя к его поискам. В любом случае он параллелен мечу из романов о Граале. Кроме этих особых случаев, в древнейшей ирландской литературе есть общие упоминания о квазисверхъестественной природе, приписываемой мечу. Так, в *Leabhar Gabhala*, или Книге вторжений, трактате десятого и одиннадцатого веков, в котором ирландская мифология была эвфемизирована в исторические сведения о дохристианском вторжении в Ирландию, есть отрывок, относящийся к мечу Тетры, короля фоморов,^[98] который говорил, и, добавляет христианский писец, древние ирландцы обожали мечи.^[99] Это подтверждается отрывком из *Seirglige Conculainn*, истории, относящейся к ультонскому циклу, которую перевел мистер Уитли Стоукс (*Rev. Celt.* I, 260). Мужчины Ольстера, когда показывали свои трофеи, держали мечи у бедер, "потому что их мечи обращались против них, когда они делали ложный трофей".

Христианский транскриптор отмечает, что язычникам-ирландцам было разумно доверять своим мечам, "потому что из них говорили демоны". Вернемся к мечу Тетры. Самая знаменитая битва ирландской мистической истории - битва при Маг-Туреде, в которой Туатха де Дананн, боги света и жизни, победили своих врагов фомори. Огма, чемпион Туатха де Дананн, завоевывает меч Тетры, и когда он очищает его, тот рассказывает ему о многих и великих подвигах, которые он совершил.

Однако именно во втором из великих героических циклов древних ирландцев, Фенианском или Оссианском, мы находим применение мечу, которое сильно напоминает романтическое. Только после того, как герой научится обращаться с оружием так, чтобы оно не ломалось в его руке, или сварит его так, чтобы не было видно изъянов,^[100] он может отправиться в поход. В книге Кэмпбелла LXXVII, "Как был создан Иен", Фионн обращается за мечом к Улламху Ламхфахе^[101] (Улламху Длиннорукому), который дает ему самый вероятный меч и самый лучший из найденных. Герой берет его, встряхивает, вынимает из деревянной рукояти и выбрасывает. Так повторяется трижды, и когда нужное оружие оказывается в руках Фионна, он подавляет все, что видит.^[102] Как же Фионн получил этот меч изначально? Убив Черного Аркана, убийцу своего отца. Думаю, можно считать несомненным, что в более ранней форме этой истории оружие, о котором идет речь, окажется тем самым, которым было совершено предательство, и Фионн, аналог Передура в его воспитании, будет также его аналогом в этом инциденте.^[103] Ведь меч, которым Партиналь убил Гуна Пустыни, хранится для использования Персевалем, но только после повторного эссе он оказывается достойным его.^[104]

Инцидент с мечом вновь появляется в сказке Кэмпбелла "Манус" (т. III), которая представляет собой несколько весьма примечательных аналогий с романами. Тетя втягивает Мануса в различные приключения; оружейник его деда предлагает достать ему меч; но все, что ему дают, он ломает, кроме старого меча оружейника, и тот он сломал. Тогда оружейник дает ему ткань: "Когда ты расстелешь ее в поисках еды или питья, ты получишь то, что тебе нужно". Впоследствии, помогаемый львом, он совершает множество подвигов. Он приходит на помощь Белому Груагачу, добыв кровь ядовитого рогатого существа, принадлежащего королю Великого мира, с помощью которого Белый Груагач мог быть возвращен к жизни, когда была убита волшебная форель, с которой была связана его жизнь. Затем он

сопровождает его против его врага Красного Груагача, которого убивают, а его голову насаживают на кол. Этот Красный Груагач, по-видимому, является отцом тетки, которая так преследует Мануса[105].

Такое рассмотрение инцидента с мечом показывает, что "Мабиноги" сохранили первоначальную форму этой истории, и заново связывает эту часть "Конт дю Грааля" с другими кельтскими историями, принадлежащими к группе формул изгнания и возвращения, с которыми у нее так много общего. Во всех формульных историях, кроме "Конт дю Грааля" и "Протомабиноги", герой должен отомстить за отца, а не за дядю; и весьма наводит на мысль, что по крайней мере одна из версий цикла Персеваля (роман Торнтон) следует этому примеру. С этим замечанием мы можем оставить поиски феода.

Как бы ни были многочисленны и интересны параллели из более древней кельтской литературы с феодальными поисками, они намного превосходят те, которые эта литература дает второй формуле - посещению Бесплотного замка, - которую мы отметили в романах.

Из пересказа (выше, с. 173 и далее) мы можем узнать несколько вещей. Замок, как правило, находится на другом берегу реки; посетитель его несет определенное обязательство; он должен либо сделать определенное дело, как, например, при посещении Персевалем Девичьего замка, нанести три удара молотком по столу, либо задать определенный вопрос, либо воздержаться от определенных действий, как, например, заснуть (Персеваль и Гавейн) или выпить[106] (Гавейн, в "Генрихе фон дем Тюрлине"). Пренебрежение обязательством наказывается по-разному. В случае с Девичьим замком нерадивому посетителю разрешается уйти, не увидев чудес замка; но, как правило, герой приключения оказывается на следующий день вдали от замка, который полностью исчез. Обитатели замка делятся на два класса: это сверхъестественные существа, такие как девы, которым, по-видимому, ничего не нужно от их смертного посетителя, но которые любят героизм ради него самого и так же благосклонны к смертному герою в фольклоре и мифологии кельтов, как боги и особенно богини в мифах всех других рас; или они страдают от слишком длинной жизни, от которой только герой может их освободить. Эта последняя черта, доведенная до совершенства только у Генриха фон дем Тюрлина, проявляется у Дидо-Персеваля, а в "Конт дю Граале" служит источником фигуры старика, отца Короля-Рыбака, вскормленного Граалем.

Эти черты в достаточной степени указывают на то, что Волшебный замок - это царство потустороннего мира. Разделяющая вода - это та, за которой лежит Тир-на-н-Ог, ирландский Авалон, или тот Энгелланд, где обитают тени, которые жители бельгийского побережья изображали на западе.[107] В кельтских преданиях самые ранние следы этого царства, как и самые ранние следы Грааля и меча, связаны с Туатха де Дананн, расой лишенных собственности бессмертных, которая живет в ложбинах холмов и всегда готова помочь и защитить ирландских мифических героев. Самое известное воплощение этой концепции в ирландском мифе - Бруг-на-Бойн, место обитания Оэнгуса,[108] сына Дагды, и самый ранний рассказ о нем содержится в Книге Лейнстера, втором из двух великих ирландских пергаментов, записанных в двенадцатом веке. Это земля Кокейна; в ней фруктовые деревья вечно полны плодов, на доске лежит готовый к жарке поросенок, которого нельзя съесть, сосуды с пивом, которые нельзя опустошить, и в ней не умирает ни один человек"[109] Но Оэнгус - не единственный из Туатха де Дананн, у кого есть такой сказочный дворец. Жилище Луга - такого же рода, а в истории о зачатии Кухулайнна[110], повествующей о том, как бог похитил Дехтире, сестру Конхобора, и перевоплотился в нее как великий герой Ольстера, мы узнаем, что когда Конхобор и его люди отправляются на поиски Дехтире и ее пятидесяти девиц, они сначала приходят к небольшому дому, в котором находятся мужчина и женщина;

дом внезапно превращается в великолепный особняк,^[111] в котором находятся исчезнувшие девы в виде птиц (и всевозможные товары, и посуда разных сортов, известная и неизвестная; никогда не было у них лучшей ночи, утром они обнаружили себя без дома, без птиц на востоке земли, и они вернулись в Эмайн Мача).^[112] Хотя запрет не упоминается, сходство отдельных частей этой истории, которая, следует повторить, старше, чем введение христианства в Ирландии, с романами очевидно. Другой знаменитый бруг Туатха де Дананн - это бруг Мананнана Мак Лира. Среди гостей был Бран, сын Фебала, историю которого можно найти в *Leabhar na h' Uidhre*, старейшем из великих ирландских пергаментов.^[113] Однажды, когда он был один в своем дворце, к нему пришла тихая, сладкая музыка, и он заснул. Когда он проснулся, рядом с ним лежала серебряная ветвь, усыпанная цветами. Через некоторое время, когда он был в окружении своих родственников, вождей и вельмож, появилась неизвестная девушка и позвала его к себе в страну *Сидхе*, а затем исчезла, а вместе с ней и ветвь. Бран отплыл, и с ним тридцать человек. После двух дней странствий они встретили Мананнана Мак Лира. Они продолжали свой путь, пока не приплыли на остров, где жили одни женщины; их королева и послала за Браном. Он пробыл у нее некоторое время, а затем вернулся в Ирландию.

Но самым знаменитым из посещений Бруга Мананнана считается визит Кормака Мак Арта, которого ирландские легендарные летописи относят к третьему веку нашей эры и связывают с Фионном. Эта история, хотя и известная нам только по поздним MSS, может быть прослежена, по крайней мере, до десятого века, поскольку ее название фигурирует в списке, сохранившемся в Книге Лейнстера, и на нее, очевидно, ссылается летописец одиннадцатого века Тигернах.^[114] Следующее краткое изложение взято из версии с английским переводом мистера Стэндиша Хейза О'Грейди в третьем томе публикаций Оссианического общества.

Однажды, когда Кормак был в Лиатдруиме, он увидел юношу, державшего в руке сверкающую ветвь феи, на которой было девять яблок из красного золота.^[115] И так была устроена эта ветвь, что когда кто-либо тряс ее, мужчины, раненые и женщины с детьми убаюкивались сном под звуки очень сладкой музыки феи, которую произносили эти яблоки, и никто на земле не помнил ни нужды, ни горя, ни душевной усталости, когда эта ветвь тряслась для него. Кормак обменял на эту ветку свою жену, сына и дочь, преодолевая их горе, покачивая ветку. Но через год Кормак отправился на их поиски. И попал он в страну, где на его глазах творилось множество чудес, а он не понимал их. В конце концов он пришел к дому, где жила очень высокая пара, одетая в разноцветные одежды, и они попросили его остановиться. А хозяин дома принес бревно и кабана, и если четверть кабана положить под четверть бревна и рассказать правдивую историю, то мясо будет приготовлено. По просьбе Кормака хозяин рассказал первую историю о том, что у него есть семь свиней, которыми он может накормить весь мир, потому что если свиней зарезать и положить их кости в кузов, то на следующий день они снова станут целыми; а хозяйка - вторую, о том, что молоко ее семи белых коров удовлетворит всех людей мира. Кормак узнал в них Мананнана и его жену, а затем рассказал свою историю о том, как он потерял и ищет жену и детей. Мананнан привел последнего и сказал Кормаку, что это он дал ему ветку, чтобы тот привел его в этот дом. Потом они сели есть, и скатерть на столе была такая, что нельзя было требовать от нее никакой еды, какой бы изысканной она ни была, но есть ее следовало без сомнения; а чаша для питья была такая, что если перед ней рассказывали ложную историю, она разлеталась на четыре части, а если правдивую, то снова становилась целой, и в этом проявилась вера жены Кормака. И Мананнан отдал Кормаку ветку, ткань и кубок, и после этого они погрузились в дремоту и сладкий сон. На утро они встали в приятном Лиатдруиме.

Все вышеприведенные примеры сродни случаю с Девичьим замком. Мы видели, как род бессмертных заботится о сыновьях человеческих, призывает и манит к себе храброго и мудрого героя. В сказках, которые мы сейчас рассмотрим, подчеркивается польза, приносимая гостем обитателям Волшебного замка. Но сначала мы должны обратить внимание на одну сказку, в которой представлены многие события из романов о Граале, но которая не принадлежит к той же сюжетной группе, что и они. В книге Кэмпбелла № LXXXVI "Дочь короля под волнами" Диармайд, самый справедливый и храбрый из фенийских героев, женится на фее, которая, как следует из ее описания, принадлежит к тому же порядку существ, что и девы, соблазняющие Коннла и Брана, сына Фебала. Она приходит к нему в отвратительном обличье, и другие герои сторонятся ее; но Диармайд, столь же учтивый, сколь и храбрый, дает ей приют в шатре и постели и получает свою награду. Она строит для него такой замок, какой строит для своего возлюбленного фейская любовница рыцаря Черной Гробницы (см. выше, с. 17). Но она предупреждает его, что после троекратного упрека о том, как он ее нашел, ей придется покинуть его. Хитрость Фионна заставляет его нарушить запрет, и "наутро он проснулся в моховой яме. Не было ни замка, ни камня, оставшегося от него на другом месте". Диармайд отправляется на поиски жены, находит ее смертельно больной, и, чтобы вылечиться, она должна выпить три глотка из чаши короля Чудесной равнины. С помощью маленького русого человечка он получает талисман, как и было ему предсказано; но, по совету маленького русого человечка, он дает деве напиться из некоего колодца, что меняет их любовь на отвращение, и он возвращается к свету дня.

Последняя черта должна быть отмечена как характерная. Смертный любовник всегда устает раньше, чем его супруга. Ойсин не может оставаться в Тир-на-н-Ог. Персеваль отдает даме с шахматной доски всего одну ночь.

Теперь мы переходим к "непроизносимым" историям, и в первую очередь я приведу одну из них, которая является самым ярким свидетельством влияния этой формулы на кельтские мифические предания. Существует широко распространенная народная сказка о герое, лишенном трех волшебных даров и получившем их обратно таким образом: случайно он съедает какой-то плод или траву, которая превращает его в осла, заставляет расти нос, устанавливает рога на голове или приводит к какому-то столь же неприятному результату. Другая трава, которую он находит, исцеляет его. Вооружившись образцами любой из этих трав, он отвоевывает свои талисманы. У Гримма это № 122, Der Krautesel, а в томе III, стр. 201, приведены варианты. В одном из них герой - один из трех солдат, а подарки он получает от маленького серого человечка. Но ни здесь, ни в вариантах, приведенных д-ром Р. Келером (Orient und Occident, II., p. 124), начало не такое, как в № X.-The Three Soldiers Кэмпбелла.

Трое приходят в дом в пустыне, где живут три девушки, которые составляют им компанию по ночам, а днем исчезают. В доме стоит стол, на ночь они едят с него, а когда встают, доска накрывается, и не видно, чтобы с нее хоть немного упало. В первую ночь один солдат получает кошелек, который никогда не пустеет, второй, следующий - тряпку, всегда наполненную мясом, а третий, самый молодой (герой), - свисток для переноски. Но когда они уходят, он должен спросить их, кто они такие, и они разражаются криками: "Они были под чарами, пока не смогли найти трех парней, которые провели бы с ними три ночи, не задавая вопросов - если бы он воздержался, они были бы свободны".

В одном варианте испытательный срок длится год, а талисманами являются: чаша, которая не опустошается, и лампа света, скатерть мяса и кровать для отдыха. В другом случае девы - это лебеди,^[116] а посетителям запрещается "не думать и не приказывать кому-либо из нас быть с вами, когда вы ложитесь или поднимаетесь"^[117].

Думаю, мало кто сомневается, что этот последний вариант представляет собой древнейшую форму рассказа и что лебединые девы принадлежат к потустороннему миру, как и дочь Короля Под Волнами и дева, которая подманивает Коннла. Нет ничего удивительного в том, что лебединые девы являются объектом табу, это настолько неизменно в мифах и фольклоре, что нет необходимости накапливать примеры; что является уникальным, насколько мне известно, говорю с поправкой, так это факт владения этими девами талисманами, один из которых так очевидно связан с Граалем. Можно отметить, что обязательство, возлагаемое на героя, прямо противоположно тому, что в романах о Граале: в одном случае вопрос не должен быть задан, в другом - должен. В этом отношении сказка Кэмпбелла, конечно, совпадает со всеми широко распространенными и разнообразными версиями легенды о Мелузине. Сверхъестественная жена всегда запрещает мужу совершить какой-то особый поступок, от которого он, что вполне естественно, никогда не может воздержаться.

Следующая форма легенды о заколдованном замке - та, которая приобрела гораздо большую известность, чем любая другая, благодаря традиционной связи с историческими личностями. В ней обитатель замка предстает в образе короля, вокруг которого стоят его воины, погруженные в магический сон и ожидающие сигнала, чтобы выйти и освободить свой народ. Для многих английских читателей эта легенда будет более знакома в связи с Фридрихом Барбароссой[118] или Хольгером Датчанином, чем с любым кельтским достойным. Но самым древним историческим примером является история Артура[119]. Я уже цитировал (*выше*, с. 122) слова Джеральда о горном месте Артура. Более определенная традиция, близко напоминающая эпизод из романов о Граале, отмечена Гервасием Тилберийским[120] (ок. 1211 г. н. э.). Конюх епископа Катании, следуя за убежавшей лошастью до самой вершины горы Этна, оказался на далекой равнине, полной всего восхитительного. Перед ним возвышался чудесный замок, в котором на королевском ложе лежал Артур, страдавший от раны, нанесенной ему племянником Модредом и саксонцем Чилдериком, и рана эта каждый год вспыхивала заново. Король приказал отдать коня конюху и сделал ему много богатых подарков[121].

Эта традиция об Артуре в Сицилии поднимает несколько очень интересных вопросов. Во-первых, это свежий пример огромной и немедленной популярности артуровской легенды. Она также показывает, с какой быстротой традиция, как бы далека она ни была от конкретного места, может связать себя с ним. Более непосредственный интерес для нас представляет вопрос о том, имеет ли эта традиция какую-либо прямую связь с романами о Граале, сформировалась ли она под их влиянием или была сформирована ими. Мартин относит искалеченного короля из этих романов к тому же корню мифа, что и раненого Артура, ожидающего на Этне или на Авалоне, пока его рана не заживет и он не выйдет на свет. Мне кажется более вероятным, что в том, что касается раны, между этими двумя историями простое совпадение, а раненый король относится к феодальным поискам. Однако я не отрицаю, что тот факт, что владыка Бесплотного замка, потустороннего мира, иногда изображался страдающим от неизлечимой раны, мог способствовать тому слиянию двух направлений легенды, которое мы находим в романах.

В мои планы не входит подробное рассмотрение бесчисленных версий этой широко распространенной традиции[122], тем более что я не смог найти точных параллелей тому изложению истории, которое встречается у Генриха фон дем Тюрлина и в "Дидо-Персевале". Насколько мне известно, ни одна другая версия этой формы легенды не изображает Заклятого короля ожидающим избавления от смерти от рук своего посетителя. Прежде чем попытаться найти причину необычности рассказа Генриха, я сначала процитирую один из вариантов общепринятой формы легенды, который не был напечатан ранее, кроме как мной

в "Folk-Lore Journal", Vol. I., p. 193.^[123] Король Артур спит осажденным в руинах замка (Ричмонд). Многие пытались найти его, но безуспешно. Лишь один человек, Поттер Томпсон по имени, бродя однажды ночью среди развалин, наткнулся на зал, где король и его люди сидели вокруг стола, на котором лежали рог и меч. В ужасе он повернулся и бросился бежать, а в это время в его ушах раздался голос

"Поттер Томпсон, Поттер Томпсон,
Если бы ты трубил в рог,
Ты был бы величайшим человеком.
Который когда-либо был рожден".

И тогда он освободил бы Артура от его волшебного сна. Больше он никогда не сможет попасть в этот зал.

Эта версия, помимо того, что она практически не редактировалась, имеет то достоинство, что в ней прослеживается та ассоциация меча с Владыкой Бесплотного Замка, на которую я уже ссылался.

Примеры посещения потустороннего мира, которые до сих пор были собраны в кельтской мифологической литературе и использовались в качестве параллелей к сказочным поискам в романах, более близки к одному из примеров этого происшествия, визиту Персеваля в Девиный замок, чем к тому, что встречается в "Генрихе" и "Дидо-Персевале". Ни одна из них не проливает свет на ту смерть в жизни, которая является особенностью этих двух произведений. Все они схожи в том, что касается отношения обитателей к посетителю; его принимают вежливо, когда не заманивают в замок, а испытания, которым он подвергается, не являются ни болезненными, ни унижительными. Но от внимания не ускользнет, что в "Конт дю Граале" есть еще одна форма визита, которую я до сих пор оставлял без внимания, - визит Гавейна в Волшебный замок. Здесь вводится новая концепция: хозяин замка^[124] - злое существо, которое держит в плену прекрасных дам и девиц; именно их, а не его, должен освободить герой, и акт освобождения подвергает его испытаниям и опасностям (выше, с. 14, Chr. Inc. 17). Давайте посмотрим, позволяет ли эта форма объяснить загадочные особенности версии Генриха. Этот инцидент, как легко предположить, можно трактовать двояко; герой может быть достойным рыцарем и преуспеть, или каитифом и потерпеть неудачу. История последнего типа может пролить свет на приключения Гавейна в Волшебном замке. История, о которой идет речь (The Son of Bad Counsel), приписывается Кеннеди, *Legendary Fictions*, pp. 132, *et seq.*, автору начала XVIII века, Брайану Дху О'Рейли, и восходит к более древней оссиановской легенде - заблуждениям Конана в Кеаше, версию которой Кеннеди приводит на стр. 232, *et seq.* Герой этой истории приходит в замок Груагача, прозванного Великаном Необитаемой Земли, и его жены, дочери короля Одиноким Земли. Замок называется Неопределенный замок. Их дочь очень красива, и ее предлагают герою за обещанную помощь против других вождей фей. Поиграв в нарды с Груагачем, герой ложится спать. На него, как ему кажется, надвигается большая опасность, от которой он спешит убежать, а проснувшись, обнаруживает себя в смешном положении со своей возлюбленной, а остальные жители замка смеются над ним. Утром он просыпается, "а постель его была сухая трава во рву".

Имена персонажей в этой истории сразу же напоминают имена из романов - Пустая земля или лес, замок Периллус и т. п., а одно из испытаний - выстрел дротиками феи - совпадает с тем, которому подвергается Гавейн в "Конте дю Грааль". Но она интересна прежде всего как версия широко распространенной сказки о том, как боги или герои, проникающие в потусторонний мир, подвергаются насмешкам его обитателей. В скандинавской мифологии

эта история известна как визит Тора в Утгарт Локи. Она также хорошо известна в саге о Фионе, и, учитывая множество точек соприкосновения, которые мы до сих пор находили между Фионом и героем Грааля, фенийская форма заслуживает нашего внимания. Старейшая из сохранившихся форм этой истории, содержащаяся в Книге Лейнстера, была напечатана с переводом г-ном Уитли Стоуксом, *Revue Celt.*, Vol. VII., pp. 289, *et seq.* - Фионн приходит в сумерках с Кейлтом и Ойсином к дому, о котором он никогда не слышал в той долине, хотя и знал. Их встречает седой великан; внутри - карга с тремя головами на тонкой шее и безголовый мужчина с одним глазом, торчащим из груди. Девять тел поднимаются из углубления, и отвратительная команда поет гостям гимн; "не мелодичен был тот концерт". Великан убивает их лошадей; им предлагают сырое мясо, от которого они отказываются; на них нападают обитатели дома; они были мертвы, если бы не один Фионн. Они борются до тех пор, пока солнце не освещает дом, затем туман опускается на голову каждого, и он умирает на месте. Чемпионы восстают целыми, и дом скрыт от них, и каждый из домочадцев скрыт. - В более поздней фенийской саге (более поздней, если говорить о форме, в которой она дошла до нас) история очень похожа на визит Тора. У Кеннеди (*Bardic Stories*, pp. 132, *et seq.*) есть хорошая версия.^[125] - Фионн и его товарищи следуют за великаном, на его плечах железные вилы с визжащей свиньей между зубцами, позади него девица, бичующая его. Они следуют за ними к дому, в котором находятся пожилой хриплоголовый мужчина и прекрасная служанка, грубый великан, готовящий свинью, и старик с двенадцатью глазами на голове, беловолосый баран и карга, одетая в одежду цвета темного пепла. Перед домом находятся два фонтана: Фионн пьет из одного, который сначала сладок на вкус, а потом горек до смерти; из другого, и хотя он никогда не страдал так сильно, как во время питья, когда он отставляет сосуд от губ, он становится таким же целым, как и прежде. Затем боров делится; баран, оставшийся без счета, мстит за себя, унося долю гостя, и сколько ни бьют его мечом, не могут причинить ему вреда. Затем карга накидывает на гостей свою мантию, и они превращаются в четырех исхудавших поникших стариков; когда мантию снимают, они вновь обретают свой прежний облик. Этим чудесам дается объяснение. Великан - *это лень*, побуждаемая *энергией*; двенадцатиглазый старик - *это мир*, а баран - *вина человека*; колодцы - *правда и ложь*; карга - *старость*. Воины спят, а утром оказываются на вершине Каирн-Феаргайл с гончими и оружием наготове.

Эта сказка сразу выдает свое полулитературное происхождение; и хотя нет причин сомневаться в том, что у ирландских кельтов был аналог путешествия Тора в Гигантланд, я склонен рассматривать только что изложенную версию как созданную под влиянием норвежской саги. Несомненно, что народная версия визита Фионна в Гигантланд гораздо больше похожа на поэму XI века, сохранившуюся в Книге Лейнстера, чем на средневековую "Как Фионн попал в дом Куана". Я уже упоминал (*supra*, p. 186) об одной особенности сказки о чарах Фионна, но для нас интересна вся история. Когда Фионн и его люди сидят вокруг костра и хвастаются своими успехами, приходит стройный коричневый заяц, подбрасывает пепел и выходит. Дюжина зайцев отправляется за ней в дом Желтого Лица, великана, питавшегося человеческой плотью. Женщина встречает их и просит уйти, пока Лицо не вернулось, но Фионн не хочет бежать. Входит Лицо и обнюхивает чужаков. Шестерых фенийцев он поражает волшебным жезлом, "и они превращаются в каменные столбы, чтобы остановить шальной ветер". Затем он готовит и съедает кабана, а кости бросает фенийцам. Они играют в мяч золотым яблоком, и Лик покончил с другими товарищами Фионна. После этого он борется с Фионном, а сковородку ставят на огонь, пока она не раскалится докрасна, и все они берутся за Фионна и сажают его на сковородку, пока у него не сгорят ноги до бедер (тогда он сказал, что "мужчина не бывает один"), и протыкают ему оба окорока кольями, так что он не может ни встать, ни сесть, и бросают его в угол. Но ему удается вылезти и затрубить в свой рог, и Диармайд слышит его, приходит ему на помощь и поступает с Ликом так же, как

Лик поступил с Фионном, и с помощью чаши бальзама, которую он у него выигрывает, делает Фионна целым. -Нет необходимости останавливаться на параллели между тем, как Диармайд исцеляет своего дядю Фионна, раненного колом в два бедра, выигрывая чашу бальзама, и тем, как Персеваль исцеляет своего дядю (*mehaigné des Il cuisses*) вопросом о Граале. Одного этого достаточно, чтобы показать нам, какую роль играл Грааль в древнейшей форме междоусобных поисков до того, как на них повлияло посещение Бесплотного замка.

Если мы обратимся к историям, которые мы только что кратко изложили, то легко поймем смысл исчезновения Волшебного замка на рассвете. Как сон - брат смерти, так и ночь и ее царство сродни потустороннему миру; множество призраков преследуют их, кажутся быстрыми, борются с ними и часто ужасно угнетают смертного странника в этих краях, но с первым отблеском солнечного света они исчезают, не оставляя после себя никаких следов, и пробуждающийся герой оказывается на своем месте. Таким образом, условия посещения потустороннего мира отчасти определяются ночными переживаниями человека в той стране снов, которую он представляет себе как сходную, если не реальную часть страны теней. Это посещение, как мы видели, представляется в нескольких вариантах. Его целью почти всегда является получение драгоценных талисманов; все, что у нас есть, пришло к нам от наших предков, и естественно предположить, что в мире, откуда они пришли и куда они возвращаются, можно найти все, что человек ищет здесь, только в форме более удивительной, чем земные предметы, поскольку обитатели потустороннего мира могущественнее и умнее человека. Иногда талисманы хранятся у благодетельных существ, которые либо с радостью отдают их смертному посетителю, либо от которых их можно получить, проявив доблесть и великодушие; иногда - у злобных чудовищ, с которыми смертному приходится бороться. В любом случае посетитель прибывает в сумерках, а утром пробуждается к земной жизни.

Вторичная, или гавейновская, форма мифа, встречающаяся в "Конте де Грааль", может помочь нам понять версию Генриха. Именно для освобождения заключенных дам Гавейн проходит испытания в Волшебном замке. В немецкой поэме результатом его визита становится освобождение сестры Гансгуотера, которая вместе со своими девицами остается, когда остальные обитатели замка, освобожденные вопросом, полностью исчезли.^[126] Но что означает состояние смерти короля и его людей? Является ли это просто способом объяснить их внезапное исчезновение при свете дня? Скорее, я вижу здесь влияние другой формы мифа о несказанных существах, которая, смешавшись с христианскими элементами, произвела сильное впечатление на народное воображение и во многих европейских странах является единственной, в которой этот старый миф еще продолжает жить^[127].

Обитатели волшебного замка или дома в этой форме изображаются как люди, обреченные за какое-то злое деяние преследовать это место, пока какой-нибудь смертный не окажется достаточно смелым, чтобы вывести их тайну и принести им покой. Можно подумать, что в таких обстоятельствах они будут как можно приветливее относиться к любому посетителю. Но более старая форма истории сохраняется, и у них нет ни ужасов, ни испытаний, достаточных для человека, который должен стать их освободителем. Я приведу лишь одну версию, взятую из ирландских источников^[128].

Юноша соглашается переночевать в замке с привидениями. Если утром он будет жив, то получит десять гиней и дочь фермера в жены. В сумерках он отправляется туда, и тут трое мужчин в старомодных одеждах спускаются по частям через дыру в потолке, собираются вместе и начинают играть в футбол. Джек присоединяется к ним, а ближе к рассвету догадывается, что они хотят поговорить, и спрашивает их, как он может дать им отдых, если

отдых им нужен. "Это самые мудрые слова, которые вы когда-либо говорили", - отвечают ему. Они попирали бедняков и злобно копили богатства. Они показывают ему свои сокровища и рассказывают, как возместить ущерб. Когда они заканчивают, "Джек видит стену сквозь их тело, а когда он подмигивает, чтобы прояснить зрение, кухня оказывается пустой, как перевернутый вверх дном нос". Конечно же, Джек делает то, что ему говорят, берет дочь в жены, и они безбедно живут в старом замке[129].

Здесь мы имеем, как мне кажется, последний отголосок такой истории, как одна из тех, что вошли в романы о Граале. В версии Генриха, как и везде в этих романах, можно выделить различные сюжетные типы, согласовать различные концепции. В сложной массе романсов можно проследить множество как ранних концепций, так и разнообразных форм, в которых они воплощались. Родственник обязан отомстить за кровную месть, и пока он этого не сделает, его сородичи могут страдать от болезней или чар, а их земля будет под проклятием; потусторонний мир - это страна пиров, радости и всего прекрасного; в нем хранятся волшебные сокровища, которые может завоевать тот, кто смел; он населен существами, которых можно освободить своей храбростью; он похож на страну грез - все эти идеи находят свое выражение.

Если принять вышеизложенное, то мы получим ценный критерий для определения возраста непосредственных оригиналов романов. Та знаменитая версия легенды, в которой обитатели потустороннего мира изображались как короли, заколдованные, ожидающие освобождающего слова, чтобы выйти и помочь своему народу, которой особые обстоятельства придали такую широкую популярность в позднее средневековье, заставив ее вытеснить более древние сказания о богах, обитающих в полых холмах, - эта версия не оставила следов в романах. Поэтому они должны быть старше полноценной артурианской легенды. Можно кратко отметить один или два незначительных момента. Корабль, на котором находится волшебный меч, ранящий всех, кто осмелится взять его в руки, кроме предназначенного рыцаря, можно считать занявшим место более древнего острова. Ненавистная вестница Грааля демонстрирует влияние двух формул: как пришедшая из Бесплотного замка,[130] типа потустороннего мира, она должна быть ослепительно прекрасной; как родственница сужденного мстителя, на которую наложены чары, пока месть не свершится, она отвратительна в последней степени.

Но прежде чем оставить этот эпизод, мы должны рассмотреть две особенности, на которые пока не было брошено никакого света: значение эпитета Король-Рыбак и молчание героя во время его первого визита в Замок Талисманов.

ГЛАВА VIII.

Король-рыбак в Конте-дю-Грааль, в Квесте, в Борроне и Большом Сен-Граале - рассказы последних дополняют друг друга - Рыба - лосось мудрости - параллель с Сагой о Фионе - природа Непроизносимого Квеста - Мабиноги Талиесина и его мифологическое родство - Брон, Бран, Сернуннос - молчание Персеваля: Позднее объяснение Конте дю Грааля;

объяснение из "Саги о Фионне" - Сравнение инцидента с *геасой*; природа последней; упоминания о ней в кельтских народных сказках и в древнеирландской литературе, "Книге прав", "Диармаиде", "Кухулайнне" - Геаса и *табу*.

Конт дю Грааль, как мы видели, не предлагает удовлетворительного объяснения Короля-Рыбака. В "Христиане" он представлен при первой встрече Персеваля с ним как ловец рыбы из лодки, управляемой его спутником (v. 4,187); он направляет Персеваля в свой замок. Впоследствии Персеваль сообщает, что, будучи раненым и, следовательно, неспособным сесть на лошадь, рыбалка - его единственное утешение, отсюда и название (ст. 4,681 *и др.*). Это практически все, что может рассказать о нем Конт дю Грааль, поскольку продолжатели, повторяя эпитет, не добавляют никаких новых подробностей. Действительно, ни в одном из последующих визитов Персеваля король не представлен рыбаком, нет ни малейшего упоминания, не говоря уже о том, чтобы настаивать на этом его любимом занятии. Еще одним доказательством неадекватности теории развития легенды Бирха-Хиршфельда является то, что он представляет Христиана, который, *ex hypothesi*, лишил поэму Боррона религиозного характера, как сохранившего эту особенность, обусловленную исключительно религиозным символизмом, в то время как продолжатели с их очевидным пристрастием к такому символизму полностью пренебрегли им. В *Queste*, которая в той части, где речь идет о поисках, формально связана с *Conte du Graal*, ничего не говорится о Фишере, как и в той части *Grand St. Graal*, которая представляет ту же раннюю историю, что и *Queste*. С другой стороны, в поэме Боррона и в той более поздней части Большого Сен-Грааля, которая с ней согласуется, дается объяснение эпитета. Согласно Боррону, Бронс ловит рыбу по приказу Иосифа; Иосиф, поставив сосуд на стол и накрыв его полотенцем, берет рыбу и кладет ее напротив сосуда; затем собирается народ, и можно отличить грешников от праведников (ст. 2 500-2 600). После этого ангел говорит Иосифу, что, поскольку Бронс был хорошим человеком, по воле Господа он должен поймать рыбу (ст. 3 310 *и далее*), и его называют богатым рыбаком (ст. 3 348). В Большом Сен-Граале (т. II, с. 248 *и далее*) Иосиф велит ловить рыбу не Бронсу, а его сыну Алену, и это для того, чтобы обеспечить пищей грешников, которых Святой сосуд оставляет неудовлетворенными. Ален ловит рыбу из лодки сетью. Он ловит только одну рыбу, и поначалу раздаётся ропот, но Иосиф, благодаря молитвам Алена, умножает рыбу, чтобы она накормила всех собравшихся, и таким образом Ален получает имя Богатого Рыбака.

Эти рассказы дополняют друг друга. Крестьянин останавливается на постоянном занятии рыбной ловлей, которая, как мы узнаем от него или его продолжателей, всегда бесплодна. Боррон и Великий Сен-Грааль рассказывают об одной удачной рыбалке, и особенно о чудесных свойствах одной пойманной рыбы. Читая эти два рассказа вместе, мы видим, что Король-Рыбак всю жизнь ищет рыбу, которая, будучи пойманной, наделяет его способностью отличать добро от зла или позволяет ему обеспечивать своих людей неисчерпаемой пищей.

Было показано, что "Конт дю Грааль" в большей степени основывается на поисках феода, а "Дидо-Персеваль" - на поисках без заклинаний. Поэму Боррона, с точки зрения ее примитивных кельтских элементов, вероятно, следует отнести к Дидо-Персевалю, с которым ее объединяет множество связей. Поэтому мы можем обратиться к кельтским историям, принадлежащим к любой из этих формул, в поисках параллельных черт. Неисчерпаемость рыбы сразу же напоминает о свиньях Мананнана Мак Лира (*выше*, с. 194); они тоже могут прокормить множество людей. Но именно в историях, формально связанных с феодальными поисками, мы находим то, что я осмелюсь предположить, является адекватным объяснением природы Короля-Рыбака и рыбы. Последняя - это, как я думаю, Лосось Мудрости,^[131]

который так часто и так часто появляется в ирландских мифах; а первая - это то существо, которое проводит свою жизнь в тщетных попытках поймать чудесную рыбу, и которое в момент успеха лишается плодов всех своих долгих трудов и наблюдений. Я готов признать, что инцидент, описанный в поэме Боррона, был переделан в соответствии со средневековым христианским символизмом, но я думаю, что более древний миф все еще можно ясно различить, и он полностью ответственен за инцидент, описанный в "Конте дю Грааль"[132].

Давайте сначала рассмотрим ирландскую историю. Она содержится в рассказе, на который уже была сделана ссылка, о мальчишеских похождениях Финна Мак Кумхайла.[133] Там рассказывается, как Финн ищет своего тезку, Финн-Эгеса, чтобы научиться у него поэзии, поскольку до тех пор он не мог оставаться в Ирландии из страха перед своими врагами. Финн-эгес семь лет пробыл у Бойна, наблюдая за лососем Линн-Фейка, которому было предсказано, что Финн (как он сам считал) поймает его и после этого будет знать все. Финн, скрывающий свое имя, берет с собой слугу, и лосось пойман. Финну поручают наблюдать за ним, пока он жарится, но предупреждают, что есть его нельзя. По неосторожности он прикасается к ней большим пальцем, который обжигает и подносит ко рту, чтобы остудить. Тут же он обретает все знания, и в дальнейшем ему достаточно жевать большой палец, чтобы обрести мудрость. Финн-эгес понимает, что пророчество исполнилось, и называет своего ученика Финном.

Нет нужды останавливаться на архаичных чертах этой сказки, в которой герой обращается за помощью к могущественному магу, от которого надеется узнать заклинания и чары, способные защитить его от врагов. Здесь, как и во многих других частях оссиановской саги, Фионн поразительно похож на знахаря краснокожих индейцев или соответствующего волшебника из других дикарских племен. Для нас важнее отметить, что в этой сказке наиболее полно представлен Фионн как герой Формулы Изгнания и Возвращения и что аналогичный случай можно найти в жизни других героев Формулы (например, Зигфрид: Приключение с Мимиром). Поскольку мы уже видели, что Передур-Персеваль - герой Формулы, нет ничего удивительного в том, чтобы найти аналогичный случай у его мудреца. Таким образом, формальная связь сразу же вырисовывается. Но мы должны рассмотреть этот вопрос немного ближе, поскольку инцидент, найденный в романах, является лишь слабым отголоском, да и то частично искаженным чуждыми представлениями, оригинальной истории.

В одной из форм непроницаемый квест в конечном счете сводится к поиску героем богатства, власти или знаний, в поисках которых он проникает в потусторонний мир. В романах о Граале это представлено и тем, как Бронс или Ален (который здесь отвечает Фионну) ловит чудесную рыбу, и тем, как Передур-Персеваль приходит в дом Бронса, короля-рыбака (который здесь отвечает Финн-эгесу), выигрывает у него таинственный сосуд увеличения и узнает тайные слова, которые положили конец чарам Британии. В романах о Граале идея мудрости вообще не связана с Граалем, сосудом; она либо связана с рыбой, как в ирландской сказке, либо принадлежит королю-рыбаку, как чудотворные заклинания принадлежат Финн-эгесу.

Но в валлийской традиции, которая соответствует истории о Фионне и лососе, именно сосуд, котел, а точнее, напиток, который в нем хранится, передает дар мудрости и знания. Я, конечно же, имею в виду историю о Гвионе, которого Серидвен поставила следить за котлом вдохновения, который по неосторожности попробовал его содержимое, наполнился знанием и был преследуем Серидвен, которая проглотила его, и в которой он вновь воплотился как Талиесин, Всеумный Бард. Кэмпбелл уже обращал внимание (Vol. IV., p. 299) на сходство двух историй и приравнивал Фионна, отца Ойсина, к Гвиону, отцу Талиесина; и,

поскольку профессор Рис теперь (Hibbert Lectures, p. 551) дал этому уравнению свое одобрение, оно может быть принято как филологически обоснованное.

До сих пор я воздерживался в ходе этих исследований от использования "Мабиноги" Талиесина или ссылок на котел Серидвен, сходных по характеру с теми, что содержатся в этой сказке; но теперь, я думаю, будет признано, что валлийская "Мабиноги", какой бы поздней она ни была по форме и как бы ни была покрыта псевдоархаическим бардовским мусором, все же восходит к примитивному пласту кельтской мифологии.

В связи с этим мифом имя Бронс имеет большое значение. Этот ловец рыб, этот повелитель Грааля сразу же наводит на мысль о Бране, который также является хранителем волшебного котла. Профессор Рис (стр. 85-95) показывает, что есть основания рассматривать Брана (как он представлен в "Мабиноги Бранвена") как представителя старого кельтского бога, Цернунноса, того кельтского Диса, от которого, как сообщает Сезар, галлы претендовали на происхождение, и который, будучи богом потустороннего мира и теней, был также богом знаний и богатства. Таким образом, мы вновь возвращаемся к основополагающей концепции поиска Грааля.

Именно к этой сказке я бы обратился в поисках одного из возможных объяснений молчания Персеваля при дворе Короля-Рыбака. То, что авторы романов не понимали этого инцидента, видно из того объяснения, которое они дают.

Нравственный совет Гонемана своему племяннику о вреде любопытства может быть основан на возможной особенности оригинала, о которой я еще буду говорить; или же это просто прием Христиана или его ближайшей модели. В любом случае его нынешняя форма явно не является ни старой, ни подлинной. Молчание Персеваля, возможно, имеет те же мифические корни, что и сокрытие Фионном своего имени во время службы Финн-Эгесу.^[134] Этот запрет может распространяться не только на раскрытие своего имени смертным посетителем царства теней, но и на произнесение любых слов вообще. Как нельзя есть и пить в подземном мире, так нельзя и говорить, чтобы не потерять способность вернуться в страну живых. В одной из сказок (см. *выше*, с. 195) содержится именно это предписание не произносить ни слова в компании обитателей Бесплотного замка. В этом случае нам придется предположить, что в романах два разных варианта этой темы были неумело слиты в один - тот, который предписывает посетителю потустороннего мира воздержаться от определенного действия, и тот, который, напротив, предписывает ему совершить определенное действие, причем невыполнение предписания наказывается в любом случае. Положительное предписание в одной форме рассказа используется как объяснение неудачи героя в другой.

Альтернативная гипотеза состоит в том, что если неразвитость речи героя, причина его неуспеха в первый раз, происходит исключительно из квеста о непроезжимости, то мотив, которым романсы пытаются объяснить эту неразвитость, происходит из квеста о вражде. Последний, как было показано, тесно связан со многими историями о заданиях; в таких историях, особенно в кельтских, часто встречается, что герой должен выполнить свой квест, несмотря на всевозможные странные ограничения, наложенные на него врагом, обычно мачехой или другой родственницей со злым умыслом. На языке ирландской мифологической традиции Персеваль должен был бы находиться под *геасой* не задавать вопросов, и совет Гонемана был бы последним слабым отголоском такого случая. Форма, в которую облакаются подобные запреты в кельтских народных сказках, весьма любопытна. Как правило, *гесс* воплощается в магической формуле, язык которой очень древний и часто непонятен самим рассказчикам. Как правило, герой по совету дружественного

сверхъестественного существа накладывает контрзаклинание на своего врага. Так, в "Как был предан смерти Великий Туаирсгейл" (Scot. Celt. Rev. I., p. 70) маг "накладывает на него кресты и чары, чтобы вода не покидала твой ботинок, пока ты не узнаешь, как был предан смерти Великий Туаирсгейл". Герой в ответ на это накладывает те же чары, чтобы маг не уходил с пригорка, пока он не вернется. В "Кэмпбелле", № XLVII, Мак Иен Дирих, мачеха, "накладывает на тебя кресты, заклинания и угасание года, чтобы не было лужи воды в твоей обуви, и чтобы ты была мокрой, холодной и испачканной, пока и т. д."; а герой закликает ее, "чтобы ты стояла одной ногой на большом доме, а другой на замке, и чтобы твое лицо было обращено к буре, какой бы ветер ни дул, пока я не вернусь назад". Формула в "Кэмпбелле", № LI, "Справедливый Груагач" очень архаична. "Я кладу тебя под заклинания и под кресты, под святых пастухов тихих странствий, странствующую женщину, маленького теленка, самого слабого и бессильного, чтобы отнять у тебя голову, и ухо твое, и ношу жизни твоей, если ты будешь отдыхать ночью или днем; где бы ты ни завтракал, чтобы не обедать, и где бы ты ни ужинал, чтобы не ужинать, в каком бы месте ты ни был, пока ты не узнаешь, в каком месте я могу быть под четырьмя коричневыми четвертями земного шара."

Этих примеров достаточно, чтобы показать природу *гесса* в кельтском фольклоре, но необходимо обратиться к более древней ирландской литературе, чтобы показать его огромное значение в социальной и религиозной жизни расы. О'Донован (Book of Rights, p. xlv.) объясняет слово *geasa* как "любую вещь или действие, запрещенное из-за несчастия, которое может произойти в результате его совершения"; также "заклинание, талисман, запрет, запрет или препятствие". Это объяснение встречается во вступлении к поэме об ограничениях (*geasa*) и прерогативах (*buada*) королей Эйре, найденной в Книге Баллимота (конец XIV века) и Книге Лекана (начало XV века). Поэма приписывается Куану О'Лохейну (1024 г. н.э.), и, судя по содержащимся в ней историческим аллюзиям, О'Донован считает, что по сути она принадлежит этому поэту и воплощает гораздо более древние традиции. Некоторые из них можно процитировать. Для короля Эйра - "чтобы солнце взошло над ним на его ложе в Магх-Тамрахе"; для короля Лейнстера - "обойти Туат Лайгеан по левую руку в среду"; для короля Мюнстера - "оставаться, чтобы наслаждаться праздником Лох-Лейн с понедельника до конца"; для короля Коннаута - "отправиться в пятнистой одежде на сером пятнистом коне на пустошь Лучайд"; для короля Ольстера - "слушать трепетание стай птиц Луин Сайлих после захода солнца".^[135] Даже эти примеры не исчерпывают силу и не отражают в полной мере природу этого любопытного института. В ирландских сказаниях *geasa* привязываются к герою с самого его рождения и являются средствами, с помощью которых судьба подстраивает гибель непобедимого в иных обстоятельствах чемпиона; так, *гесс* Диармайда гласит, что он никогда не охотится на свиней, и когда Фионн ловко заманивает его в ловушку, он встречает свою смерть; Кухуллен никогда не отказывается от пищи, предложенной ему женщинами, и, выходя на свой последний бой, он принимает отравленное блюдо ведьм, хотя прекрасно знает, что оно будет для него смертельным.^[136] Но, кроме того, *geasa* может быть как призывом к чести героя, так и наложенным на него магическим заклинанием, и иногда трудно понять, какой из этих двух мотивов движет героем. Так, Грейна, жена Фионна, накладывает *geasa* на Диармайда, чтобы он увел ее от мужа, и, хотя тот до последнего не желает, он вынужден подчиниться^[137].

Сказанного достаточно, чтобы показать, что в *гессе* мы имеем причину, вполне достаточную для объяснения таинственного запрета задавать вопросы, наложенного на Персеваля, если первое объяснение этого запрета, которое я предложил, считать недостаточным.

ГЛАВА IX.

Суммирование элементов более древней части цикла - параллелизм с кельтской традицией - христианский элемент в цикле: две формы Ранней истории; форма Бронса старше - Бронс и Бран - легенда об обращении Брана - легенда об обращении Иосифа: Иосиф в апокрифической литературе - Гластонбери - голова в блюде и портрет Вероники - легенда о Бране как отправная точка христианской трансформации легенды - замена Иосифа на Брана - возражения против этой гипотезы - гипотетический набросок развития легенды.

Теперь я закончил рассмотрение всех тех инцидентов в романах о поисках Грааля, которые, очевидно, происходят из каких-то других источников, нежели христианская легенда, и которые, действительно, ярые приверженцы гипотезы о христианском происхождении относят к кельтской традиции. Я также утверждал, что кельтское происхождение имеют черты, которые до сих пор относились к христианской легенде. Этот анализ, я надеюсь, убедит многих в том, что почти все инциденты, связанные с поиском Грааля, имеют кельтское происхождение, и что только так мы можем объяснить то, как они появляются в романах. Последние, как мы видели, в высшей степени непоследовательны в своем рассказе о мистическом сосуде и его судьбе; самое беглое изучение показывает, что легенда состоит из двух частей, которые не имеют реальной связи друг с другом; более древняя из этих частей, Поиск, может быть легко освобождена от следов христианского символизма; эта более древняя часть сама по себе не является однородной или последовательной сказкой, а представляет собой комплекс инцидентов, различных по происхождению и характеру. Эти происшествия таковы: воспитание героя в неведении о мире и людях; посещение им двора короля, своего дяди; убийство им убийцы отца, испытание его сломанным мечом; служба у короля-рыбака; поиски меча и судна, с помощью которых он должен отомстить за смерть или ранение своего родственника; выполнение этой задачи с помощью родственника, на которого наложены чары, от которых он не освободится, пока не закончит поиски; приключение на оленьей охоте, в котором околдованный родственник проверяет мастерство и храбрость героя; посещение героем Замка Талисманов; запрет, под которым он работает; его неспособность совершить определенные действия; последствия его неудачи; посещение Волшебного Замка, хозяин которого находится под чарами смерти-в-жизни; посещение Замка Дев; посещение Замка Периллуса; освобождение плененных девиц с помощью испытаний, которые он успешно проходит. Каждому из этих инцидентов можно найти кельтские параллели; в каждом случае они взяты из историй, которые в общих чертах схожи с романами о Граале или разделяют с ними сходные руководящие концепции, но в то же время они настолько далеки от них, что никакая гипотеза о заимствовании не может объяснить общие черты. Непоследовательность романов объясняется слиянием двух изначально разных групп историй, и это объяснение подтверждается тем фактом, что следы этого слияния можно легко обнаружить в параллельных кельтских сказаниях. Эти последние, изученные учеными, которые никогда не думали сравнивать их с романами о Граале, оказались содержащими мифические элементы, которые другие ученые обнаружили в романах самостоятельно. Те особенности романов, которые вызвали недоумение у предыдущих студентов, - Король-рыбак и опущенный вопрос - были объяснены на основе той же группы кельтских традиций и в соответствии с той же схемой мифической интерпретации, которая была использована для пролития света на остальную часть цикла. Наконец, одна кельтская версия "Поисков Грааля", "Мабиноги", в которой нет примеси христианской

символики, была показана, если очистить ее от некоторых легко различимых интерполяций, как подлинная по характеру и представляющая собой древнейшую форму одной из историй, вошедших в романы.

Я старался не навязывать эти параллели и не выходить ни на шаг за рамки того, что требуют факты. Я также старался не забывать, что параллель не имеет реальной ценности, если она не проливает свет на загадочные особенности в развитии романов. Таким образом, я опираюсь не столько на накопительный эффект сходств, которые я указал между романами и кельтской традицией, сколько на тот факт, что эта связь романов с определенными циклами кельтских мифов и легенд позволяет нам понять, чего мы не можем сделать в противном случае, как они пришли к своей нынешней форме. Теперь остается выяснить, может ли эта ссылка каким-либо образом объяснить христианский элемент в легенде, который я до сих пор почти не принимал во внимание. Гипотеза Бирха-Хиршфельда, на мой взгляд, осуждается из-за ее неспособности объяснить кельтский элемент; хотя я не думаю, что объяснение поздней и вторгающейся особенности является для меня столь же обязательным, как для него объяснение первоначальной кельтской основы легенды, я все же чувствую, что гипотеза, которой нечего сказать по столь важному вопросу, вряд ли может считаться удовлетворительной. Именно христианская трансформация старых кельтских мифов и народных сказок обеспечила им широкую популярность в Средние века, наделила эту тему таким очарованием для проповедников и философов, использовавших ее в качестве средства обучения, и привила ее всем любителям мистического символизма. Поэтому необходимо ответить на вопрос, как и почему кельтские сказания, которые я небезуспешно пытался отделить от романов, когда-либо соприкасались с Христом и Его учениками, и как старый мистический сосуд исцеления, увеличения и знания стал, наконец, священной чашей. Гипотезы, изложенные на предыдущей странице, могут быть приняты целиком, и заслуга этого преобразования по-прежнему будет принадлежать, как утверждает Бирх-Хиршфельд, северофранцузским поэтам, которым мы обязаны нынешними версиями романсов. При первом прочтении книги Бирх-Хиршфельда я счел это утверждение одним из недостатков его аргументации, и, как будет видно из [главы IV](#)., другие исследователи, признающие христианское происхождение большей части легенды, считают, что она была сформирована на этих островах или в соответствии с кельтскими традициями, ныне утраченными. Я думаю, что мы можем пойти еще дальше. Для иллюстрации романов использован ряд мифов и сказок. В них можно найти персонажей, через которых, вероятно, произошел первый контакт между кельтской мифической традицией и христианской легендой.

Мы должны на мгновение вернуться к результатам, полученным [в главе III](#). при изучении того, как Грааль и его судьба упоминаются в романах. Там мы различали две формы отчетливо христианской части легенды - "Ранней истории". В обоих случаях Иосиф является первым обладателем и пользователем священного сосуда, но в одном из них его дальнейшая судьба также связана с ним или с его потомством. Именно он, или его сын, ведет войнство Грааля в Британию, обращает остров, и именно ему передается драгоценный сосуд через избранный род королей в ожидании прихода обещанного рыцаря. В другом варианте, напротив, Иосиф не имеет никакого отношения к Британии, которую обращают Бронс и его сын Ален; Бронс - хранитель священного сосуда и, по одной версии, ловец мистической рыбы, а по другой - его сын. Неоднократно подчеркивается связь между хранителем Грааля и Авалоном. Наконец, Бронс - обладатель "тайных слов" и не может умереть, пока не откроет их своему внуку.

Эта история, как мы видели, более поздняя по форме, чем история Джозефа. В нашем понимании он был написан после большей части "Конт дю Грааль", после той переработки

"Ранней истории", которую использовал автор "Квеста" и первого черновика "Великого Сен-Грааля". Его влияние сказывается лишь на более поздних этапах развития легенды. Но, тем не менее, она явно представляет собой более древнюю и чистую форму Ранней истории, чем та, что была в Квесте и у продолжателей Христиана. Она не была доработана до гармонии с полноценной артурианской легендой, как "Ранняя история" Джозефа. Это все еще в основном, если не полностью, легенда, основной целью которой является рассказ об обращении Британии.

Такая легенда, несомненно, скорее была создана валлийскими или бретонскими монахами, чем северофранцузскими *труверами*. А если учесть кельтские имена персонажей и их связь с кельтским раем - Авалоном, то сомнений в том, что это первая родина истории, остается мало, если они вообще есть. Таким образом, мы можем рассматривать Бронса, владельца мистического судна, ловца мистической рыбы, как героя ранней легенды обращения. Но имя Бронс сразу же навело большинство изучающих цикл на мысль о Бране. Последний, как мы видели в предыдущей главе, является представителем древнего кельтского бога потустороннего мира. Он является владельцем котла обновления. В валлийской традиции он также является героем легенды об обращении и широко известен как Бран Благословенный. К сожалению, единственное доступное нам объяснение этого эпитета встречается в поздней триаде, которую небезопасно относить к более раннему времени, чем XIV век. В ней он описывается как сын Ллира Лледиата, "один из трех блаженных правителей острова Британия, который первым принес веру Христову народу кимров из Рима, где он семь лет был заложником у своего сына Карадава" [138] Но если эта триада позднего происхождения, то она вполне может быть воплощением старой традиции. Она указывает на значительное происхождение Брана от Ллира и тем самым приравнивает его к Маннанану Мак Лиру, с которым у него в остальном так много точек соприкосновения. Совершенно верно, что легенда о Бране, как указал мне профессор Рис, не упоминается ни в самых ранних генеалогиях, ни в Джеффри. Но следует отметить, что Великий Святой Грааль приводит одного из членов группы Бронов, Петруса, в контакт с королем Луцием, тем самым Луцием, которому Джеффри приписывает обращение. Опять же, эпитет "благословенный" применяется к Брану в "Мабиноги" в отношении Бранвен, дочери Ллира. Я отнес эту историю в целом к XI-X векам, и мои аргументы не встретили возражений и получили одобрение таких авторитетов, как профессор Виндиш и месье Гайдос. Но "Мабиноги" в том виде, в каком мы их имеем, были записаны в четырнадцатом веке; последний переписчик сократил их, а порой, видимо, и вовсе не понимал, что переписывает. К его времени уже существовала полноценная бранская легенда о триаде, и можно утверждать, что эпитет был обязан ему и не фигурировал в его модели. С другой стороны, Стивенс (Stephens, Lit. of the Cymry, p. 425) цитирует триаду Кынддельва, поэта двенадцатого века, в которой говорится о трех благословенных семьях острова Британия, одна из которых, по более поздней традиции, объявляется семьей Брана. [139] Опять же, триады Артура и его воинов, напечатанные г-ном Скене, Four Ancient Books, Vol. II., p. 457, из MS. Hengwrt, 566, начала XIV века и, вероятно, по крайней мере на пятьдесят лет старше, упоминает "благословенную голову Брана" [140] В целом, несмотря на молчание более древних источников, я считаю эпитет и легенду, которую он предполагает, старыми, и вижу в путанице между Браном, Владыкой Котла, и Браном Благословенным первый шаг превращения *мудреца* Передура в искателя Святого Грааля. В первом качестве Бран соответствует Владыке Замка Талисманов. Судя по тому, как много внимания в его легенде уделяется рыбе, можно предположить, что он стоял к Передуру в таком же отношении, как Финн-эгес к Фионну. Как герой легенды об обращении он вступил в контакт с Иосифом. Мы не знаем, как и в какой момент возникла легенда об обращении Британии Иосифом. Считается, что она пользовалась широкой популярностью во второй половине двенадцатого века, в то самое время, когда романы приобретали свою нынешнюю

форму. Вюлькер (*Das Evangelium Nicodemi in der abendländischen Literatur*, Paderborn, 1872) показывает, что легенда не встречается до Вильгельма Мальмсберийского; а Зарнке, как уже говорилось (*supra*, [p. 107](#)), утверждает, что отрывок в Вильгельме - это поздняя интерполяция, вызванная популярностью романов.^[141] Но если принять утверждение Зарнке, то это лишь отодвигает трудность. Если Вильгельм не первым отметил и придал значение этой традиции, то это сделал неизвестный предшественник Робера де Боррона и авторов Квеста и Большого Сен-Грааля; и остается вопрос, как он пришел к этой традиции и что заставило его связать ее с Гластонбери. Бирч-Хиршфельд, правда, не спешит эту трудность. Тот факт, что не существует более ранней легенды, в которой Иосиф фигурирует как апостол Британии, является для него доказательством того, что Боррон разработал концепцию Грааля на основе канонических и апокрифических писаний, в которых появляется Иосиф, а затем придумал переход в Британию, чтобы включить артурианские романы в придуманную им легенду. Нет нужды повторять, что эта теория, неприемлемая на *априорных* основаниях, становится еще более неприемлемой при проверке фактами.

Но Джозеф заслуживает внимания и в других аспектах, кроме апостола Британии. Основным источником, из которого авторы легенд черпали свои знания о нем, было Евангелие Никодима, история которого была исследована Вюлькером. Самое раннее упоминание в западной литературе об этом апокрифическом Евангелии принадлежит Григорию Турскому (*Wülcker*, p. 23), но никаких других следов его влияния во Франции мы не встретим, пока не дойдем до романов о Граале и мистерий, повествующих об изгнании Христа из ада. В Провансе, Италии и Германии тринадцатый и двенадцатый века - самые ранние, к которым можно отнести это Евангелие. В Англии, напротив, оно было известно еще во второй четверти восьмого века; Синевульф написал на его основе поэму об изгнании из ада и ссылается на нее в "Кристе"; поэма девятого века "Христос и Сатана" также свидетельствует о его знании, а западносаксонский перевод датируется началом одиннадцатого века.

Откуда такое знание и популярность Евангелия в Англии за несколько столетий до того, как оно вошло в литературу любого другого европейского народа? В качестве ответа Вюлькер может указать лишь на раннее распространение христианства на этих островах и на возможность того, что это Евангелие достигло Англии раньше, чем Франции или Германии. Он также настаивает на раннем развитии англосаксонской литературы.

Независимо от того, является ли тот факт, что апокрифические писания, рассказывающие об Иосифе, были известны здесь, когда на континенте они были неизвестны, подтверждением или опровержением существования специфически британской легенды об Иосифе, они в любом случае доказывают, что он был знакомой и любимой легендарной фигурой на британской земле. Было бы опрометчиво идти дальше и доказывать, исходя из недостаточности причин, с помощью которых Вюлькер пытается объяснить раннее знание Евангелия от Никодима в Англии, что Иосиф пользовался особой благосклонностью среди британских христиан и что именно от них весть о нем распространилась среди их саксонских завоевателей.

Таким образом, подтверждается легендарная популярность Иосифа на этих островах, хотя и не в каком-то особом качестве апостола Британии. Допустим ради аргумента, что легенда об обращении впервые сформировалась в XII веке, но разве не более вероятно, что это произошло здесь, где апокрифические писания о нем были широко распространены, чем во Франции, где они были практически неизвестны? И почему, если Боррон или любой другой французский поэт хотел связать придуманную им легенду о Священном сосуде с Артуром, он должен был из кожи вон лезть, чтобы придумать персонажей Бронса и Алена? История, изложенная в "Квесте", была бы для него гораздо более естественной. И почему он так

настаивает на Авалоне? У нас есть очевидное доказательство того, что Боррон не понимал этого слова, поскольку он объясняет его нелепым каламбуром (*supra*, p. 78)[142].

Эти трудности в значительной степени преодолимы, если рассматривать Брана (Бронса) как отправную точку христианской трансформации легенды. В любом случае можно сказать, что легенда об обращении, будь она связана с Иосифом или кем-либо еще, почти неизбежно тяготела бы к Гластонбери, но есть особые причины, по которым это должно быть именно так в случае с легендой о Бране. Авалон, безусловно, является валлийским эквивалентом ирландского Tír na n-Og, земли юности, земли за волнами, кельтского рая. Когда и как этот гимнический миф был локализован в Гластонбери, мы не знаем.[143] Мы знаем только, что Гластонбери был одним из первых мест на острове, посвященных христианскому культу. Не слишком ли опрометчиво предположить, что христианская церковь могла занять место какого-то кельтского храма или святого места, специально посвященного культу мертвых и того Владыки Теней, от которого кельты вели свое происхождение? Расположение Гластонбери недалеко от западного моря, за которым лежат счастливые острова мертвых, говорит в пользу такой гипотезы. Хотя прямые доказательства отсутствуют, я верю, что локализация древняя и подлинная: Бран, правитель потустороннего мира, Авалона, таким образом, естественным образом соприкасается с Гластонбери; и если, как я предполагаю, Джозеф занял его место в легенде об обращении, то ассоциация распространилась бы и на него. Последующее развитие легенды стало бы почти само собой разумеющимся. Бран, правитель в Авалоне, передал бы свои магические принадлежности (котел, копье и меч, как в случае с Туатха де Даннан) Брану Благословенному, который, в свою очередь, передал бы их Джозефу. И как только последний вошел в легенду, он не преминул напомнить о последней сцене жизни Господа, с которой он был так тесно связан, причем не в псевдоевангелии, а в самих канонических писаниях, и таким образом снаряжение старых кельтских богов превратилось в те предметы, которые были наиболее заметны в истории Страстей и в сцене, непосредственно предшествовавшей им. Копье стало тем самым копьем, которым был пронзен бок Христа. Что касается сосуда, то его сакраментальный характер - последняя стадия христианского развития; первоначально он служил лишь для того, чтобы объяснить, как прокормить Иосифа в тюрьме, и чудесным образом освежить воинство Грааля, о чем свидетельствуют ранняя часть истории Конте дю Грааль и Квеста. Туманным и запутанным образом обстоятельства Воскресения помогли превратить языческий котел для реанимации в символ воскресшего Господа. И какая-то ныне утерянная черта первоначальной легенды - какой-то упор на *содержимое* сосуда, какое-то уподобление его крови - могла подсказать, для чего сосуд был впервые использован.

Эта гипотеза предполагает многое. Она предполагает легенду об обращении Брана, единственным свидетельством которой о той же дате, что и в романах, является один эпитет; она предполагает, что герой этой легенды изначально был старым кельтским божеством; она предполагает легенду об обращении Иосифа, для которой действительно нет других свидетельств, кроме тех, что есть в романах; она предполагает слияние двух легенд, и что Иосиф в значительной степени взял на себя *роль* и характеристики Брана. А если вспомнить, что первичное предположение, отождествление двух Бранов, в значительной степени опирается на появление рыбы в легенде о Бронсе, что эта рыба нигде в кельтской традиции не ассоциируется с Браном, что она, напротив, связана с существом, Фионном, которого мы сравнивали с Передуром, но отсутствует в саге о Передуре, то гипотезу следует признать предварительной. Я полностью осознаю силу возражений, которые могут быть выдвинуты против нее; в то же время она имеет то преимущество, что объясняет многие загадочные черты в легенде. Когда в одной и той же истории можно выделить двух персонажей, чья *роль* более или менее одинакова, когда один персонаж подчинен в одной версии и полностью

исчез в другой, вполне законно заключить, что два изначально независимых рассказа смешались, и что один поглотил другой. Пока что гипотеза находится на надежной почве. Она объясняет присутствие Бронса в легенде, а также его отсутствие в некоторых версиях; ей есть что сказать в объяснение связи с Гластонбери; она объясняет, каким образом кельтские традиции начали свой путь трансформации; и она объясняет, почему эта трансформация прошла именно так, как она прошла. Против нее нечего возразить *на априорных* основаниях; стоит только признать предпосылки, и все остальное вытекает легко и естественно. Ее умозрительный характер (главное возражение против нее) в еще большей степени разделяют другие гипотезы, пытавшиеся объяснить рост и происхождение легенды, и *их* недостаток в том, что они по своей сути невозможны.

В свете вышеизложенных исследований и гипотез мы можем теперь расширить набросок истории всего цикла, приведенный в [главе III](#). Сага о Передуре, вероятно, появилась в своей более поздней форме в раннем средневековье. В центре ряда более древних мифических сказаний находится, возможно, исторический персонаж. Обстоятельства его жизни и приключений могли не только придавать им целостность, но и окрашивать и искажать их; тем не менее, в основном они оставались мифическими сказаниями того же рода, что и те, что встречаются по всему миру. Одна из этих сказок, несомненно, была цимрским вариантом кельтской формы формулы "Изгнание и возвращение"; другая рассказывала о путешествии героя в Страну теней; следы многих других можно найти в "Мабиноги". Другой кельтский достойный, Гвалчмай, рано ассоциировался с Передуром, и эти двое стояли друг к другу в некотором роде как братья-близнецы в широко распространенной группе народных сказок. Любопытно, что, хотя сравнительно небольшое количество происшествий из саги о Передуре вошло в версию, которая послужила непосредственным образцом для северофранцузских романов, эта версия содержала множество приключений Гвалчмая, которые не сохранились на валлийском языке. Мы можем проследить три основные кристаллизации первоначальной массы саги; одна, представленная Прото-Мабиноги, содержала феодальный квест и, возможно, некоторые из других приключений, встречающихся в нынешней Мабиноги; вторая, основанная больше на линиях формулы Изгнания и Возвращения, представлена Торнтонским MS. Роман Торнтона; в третьем феодальные поиски смешаны с посещением героем Бесплотного замка и теми частями Гвалчмай-саги, которые рассказывают о его визите в замок Периллоус, а также в Бесплотный замок. В то время как прото-Мабиноги, вероятно, были написаны в прозе, прото-Конт дю Грааль, вероятно, был написан в стихах, представляя собой сборник коротких *лау*, подобных тем, что были написаны Марией де Франс. Тем временем один из главных персонажей более древнего мифического мира, фигурирующих в "Саге о Передуре", Бран, владыка Страны Теней, Бесплотного Замка, котла исцеления, увеличения и мудрости, а также лосося, дающего знания, стал апостолом Британии, его языческие атрибуты претерпели христианское изменение, которое было завершено, когда Иосиф занял место Брона, принес с собой евангельские ассоциации и апокрифические легенды, сгрудившиеся вокруг его имени. Таким образом, часть саги была христианизирована, в то время как другая часть потеряла свой старый, неизменный народный характер, благодаря слиянию первоначально различных элементов и, как следствие, нарушению как очертаний, так и деталей истории. Инциденты и черты, которые на более ранней стадии народной сказки были четко определены и понятны, стали расплывчатыми и загадочными. В таком состоянии, неся на себе особый странный и фантастический отпечаток кельтской мифической традиции, история, или, скорее, сюжет-масса, лежала наготове в руках придворного поэта или клерикального мистика. Поначалу христианская символика была представлена в незначительной и скудной форме - легенда о Бронсе-Иосифе придавала христианское значение талисманам, и это было все. Но вскоре легенда об Иосифе была энергично развита

автором работы, которая лежит в основе Квеста и Большого Святого Грааля. Он мог либо не знать, либо намеренно отбросить Бронса, старого кельтского героя обращения, как он, несомненно, намеренно отбросил с его места Персеваля, кельтского героя Квеста, заменив его новым героем, Галахадом, а приключения Конте дю Грааля, основанные, как они были, ни на каких руководящих концепциях, новыми приключениями, направленными на прославление физического целомудрия. При всем своем мистическом рвении он не смог увидеть всех возможностей темы, его представление самого Грааля было в особенности либо слишком материальным, либо слишком духовным. Однако его работа оказала глубокое влияние, что видно на примере продолжателей Крестьяна . Робер де Боррон, с другой стороны, если заслуга должна принадлежать ему, если он не просто переписывал старую, забытую версию, был более оригинальным мыслителем, хотя и менее одаренным писателем. Хотя он не смог полностью согласовать противоречивые рассказы, которыми он пользовался, ему все же удалось сохранить старые линии легенды и придать последовательный символический смысл всем ее деталям. Однако его работа появилась слишком поздно, чтобы оказать должное влияние на развитие легенды; писатели, знавшие ее, были простыми переписчиками приключений, а тот, кто написал продолжение, отказался от основной концепции Роберта.

Таким образом, история "Легенды о Святом Граале" - это история постепенного превращения старых кельтских сказок в поэму, наполненную христианским символизмом и мистицизмом. Это превращение, поначалу неизбежное в результате дохристианского развития, впоследствии было ускорено осознанием того, что она является подходящим проводником определенных моральных и духовных идей. Они были затронуты вскользь в ходе этих исследований, но они и их проявление как в современной, так и в средневековой литературе заслуживают более подробного рассмотрения.

ГЛАВА X.

Популярность артурианского романа - причины этой популярности - сходство средневековых романов с ранней кельтской литературой; важность индивидуального героя; рыцарство; роль женщины; кельтская фея и средневековая дама; сверхъестественное - М. Ренан. Взгляды Ренана - Квест в английской литературе, Мэлори - самая ранняя форма легенды, Христиан, его продолжатели - Квест и его идеал - взаимоотношения полов в Средние века - критика оценки г-на Ферниволла морального значения Квеста - достоинства Квеста - идеал целомудрия в поздних версиях - современные английские трактовки: Теннисон, Хоукер - возможный источник идеала целомудрия в народной традиции - квест Персеваля у Вольфрама; его моральная концепция; вопрос; Парцифаль и Кондуирамур - квест Парцифаля и Фауст - "Парсифаль" Вагнера - христианский элемент в легенде - этические идеи в народно-сказочных истоках романов о Граале: Великий Дурак, Спящая Красавица - заключение.

Немногие легенды получили столь широкую известность или были приняты как столь тщательно символизирующие одну главную концепцию, как легенда о Святом Граале. Поэты и мыслители со времен Средневековья до наших дней использовали его как тип самой

возвышенной цели человеческих усилий. Должно быть, в романах, впервые воплотивших эту концепцию, есть что-то, что объясняет ее неизменную популярность. Дело не в том, что мы вчитываем в старую легенду смыслы и учения, о которых не мечтали до наших дней. На сравнительно раннем этапе существования легенды ее возможности были осознаны, а произведения, ставшие результатом этого восприятия, стали breviарием и образцом своей эпохи. Есть причины, как общие, так и особые, по которым кельтские мифические сказания развивались так, как они развивались, и имели такую огромную популярность в своих новых формах. Ни в одной части обширного артурианского цикла нет большей необходимости или большей поучительности, чтобы увидеть, каковы были эти причины, чем в той, которая повествует о судьбе Грааля.

Сказания о Передуре и Гвальхмае, связанные с артурианским романом, разделили его успех, чудеснее которого нет ничего во всей литературной истории. Именно в 1145 году Джеффри Монмутский впервые сделал легендарную историю Британии доступной для литераторов Англии и континента. Тем самым он открыл для всего мира новый континент романтической истории и оказал на развитие литературы влияние, сравнимое по своему характеру с влиянием достижений Колумба на ход географических открытий и политических усилий. Не прошло и двадцати лет, как британские герои стали известны всей Европе, а к концу века почти все существующие литературы усвоили и воспроизвели историю Артура и его рыцарей. Карл Великий и Александр, саги тевтонских племен, история самого императорского Рима, хотя и продолжали оставаться темой для странствующего джонглера или монашеского летописца, меркли перед славой британского короля. Инстинкт, побудивший двенадцатый и тринадцатый века поставить артурианскую историю выше всех остальных, был истинным. Он был заряжен духом романтики, а это были эпохи романтического нрава. Запад повернулся лицом к Востоку, и, хотя намерения были враждебными, умы западных людей были оплодотворены, их воображение воспламенилось от соприкосновения с матерью всех религий и всех культур. Достижения крестоносцев стали эталоном достижений для самых возвышенных и смелых умов западного христианства. Для этих людей самому Александру не хватало мужества и роландовской смелости. Отцы штурмовали Иерусалим, а юность сыновей была вскормлена рассказами об Араби Благословенном и Офире Золотом, о распрях с Пайнимом, о колдовстве и дьявольщине Востока. Поколение, знавшее о странствиях и поисках более великих, чем воспетые менестрелями, видевшее на Востоке зрелища столь же дивные и страшные, как и те, о которых мог поведать жонглер, не знало ничего невозможного. Кроме того, это была эпоха рыцарского побега и той стадии любви, когда каждый рыцарь должен был оправдать себя для получения благосклонности своей дамы, совершив какой-нибудь подвиг, отличающийся мастерством и смелостью. Такая эпоха и такие люди требовали особой литературы, и они нашли ее в адаптации кельтских сказаний.

Мифо-героическая литература всех рас во многом схожа. Саги не только греков или персов, кельтов или индусов, славян или тевтонов, но и алгонкинов или японцев во многом состоят из одних и тех же происшествий, помещенных в одни и те же рамки. Но каждая раса формирует этот общий материал по-своему, накладывает на него свой собственный отпечаток. И ни одна раса не сделала это более отчетливо, чем кельтская. Истории, восходящие к первому веку, истории, записанные из уст живых крестьян, имеют родственную тональность и стиль, общее кольцо, которое не может не признать ни один человек, изучавший эту литературу. На всем этом лежит печать преобладающего и неизменного духа романтики. Чтобы справедливо утверждать кельтский характер артурианских романов, потребуется детальный анализ многих сотен отрывков, и это будет лишь доказательством того, что признают все, кто знает все факты. Будет правильнее кратко

остановиться на тех внешних чертах, которые ранняя (то есть до XI века) кельтская героическая литература имеет с северофранцузскими романами XII и XIII веков, тем более что таким образом мы получаем ключ к разгадке многого, что является проблематичным в формальном и моральном развитии артурианского цикла в целом и цикла о Граале в частности.

В кельтской традиции, как и в средневековом романе, мы не находим записей о расовой борьбе, подобных тем, что встречаются в "Нибелунглиде", "Саге о Дитрихе" или Каролингском цикле.^[144] На их месте мы имеем прославление отдельного героя. Причину этого искать далеко не надо. Кельтские племена, будь то Ирландия или Британия, были окружены людьми, говорящими на их родном языке, имеющими схожие институты и нравы. Потрясения от противоборствующих народов, от соперничающих цивилизаций не могли проникнуть в их расовую традицию. Главной темой сказителя были доблесть и мастерство отдельного "храбреца", его участие в конфликтах, которые клан постоянно вел с кланом, или его столкновения с теми силами более древнего мифического мира, которые жили в народной фантазии. Если воспользоваться удобной терминологией г-на Фицджеральда, "константы" этой традиции могут быть такими же, как и у других арийских рас, а вот "результаты" - нет. Приведем один пример: концепция вождя, окруженного отрядом воинов, характерна для всех героических традиций, но нигде она не имеет такого значения, нигде она не формирует историю так сильно, как в циклах о Конхоборе и рыцарях Красной ветви, о Фионне и Фианне, об Артуре и его рыцарях. Карьера любого из ранних ирландских героев, одиночные набеги Сета мак Магаха или Конала Сирнаха, прежде всего судьба Кухуллана, обучение героя в проливе Амазонки, его борьба с Курой мак Дайром, его походы в страну фей, его финальное удержание брода против всех воинов Эринна, дышат тем же духом приключений ради самих себя, проявляют то же подчинение всего остального в истории одному герою, что так характерно для артурианского романа.

Опять же, в отрядах отборных храбрецов, которые окружают Конхобора или Фионна, в правилах, которыми они руководствуются, в испытаниях, которые предшествуют и определяют прием в них, в обязанностях и привилегиях, которые к ним прилагаются, мы имеем, как мне кажется, гораздо более близкий аналог рыцарства средневекового романа, чем можно найти либо в пэрах каролингской саги, либо в избранных воинах, которые заполнили залы Вальхаллы.

В данной связи роль, которую играет женщина в кельтской традиции, пожалуй, наиболее важна для нас. Ни в одном отношении нет более заметной разницы, чем в этом, между романами двенадцатого века, будь то французскими или немецкими, и более ранней героической литературой обоих народов. Отсутствие женского интереса в ранних *chansons de geste* часто отмечалось. Иначе обстоит дело с тевтонской героической литературой, в которой роль женщины всегда велика, а иногда и выдающаяся. Но сравнение двух направлений традиций, кельтской и тевтонской, одной с другой, и снова с романами, может помочь объяснить многое, что иначе необъяснимо для нас в средневековом представлении половых чувств и половых отношений.

Любовь человека и бессмертной или, если смертной, полубожественной девы - "константа" героической традиции. Однако тевтоны и кельты трактуют эту тему в совершенно разном духе. В легендах первых главную роль играет мужчина; он завораживает, а иногда и принуждает сказочную деву стать хозяйкой его очага. Как правило, потрясенная доблестью и красотой героя, она ничуть не медлит. Но иногда, как в случае с Брунгильдой, она чувствует унижение и возмущается. Иначе обстоит дело с феями-любовницами кельтского героя; они остаются на своем месте и манят или вынуждают смертного возлюбленного прибегнуть к

ним. Коннла, Бран и Ойсин должны покинуть эту землю и переплыть океан или озеро, прежде чем они смогут воссоединиться со своими возлюбленными; даже Кухуллин, самый могучий из всех героев, вынужден, сколько бы он ни боролся, отправиться на жительство к королеве фей Фанд, которая его опечалила. На протяжении всего времени бессмертная владычица сохраняет свое превосходство; когда смертный устает и возвращается на землю, она остается, вечно мудрая и справедливая, готовая принять и очаровать новое поколение героев. Она выбирает, кого хочет, и не является рабыней мужчины; она свободно предлагает себя, но не отказывается ни от своей свободы, ни от своей божественной природы. Этот тип женщины, капризной, независимой, оторванной от обычной домашней жизни, несомненно, является оригиналом Вивиан, Оргеев, Дам фонтана из романов; он также должен был понравиться рыцарским поклонникам средневековой романтической любви. Их "*dame d'amour*" была, как правило, чужой женой; она не вызывала в их сознании ни мыслей о доме, ни о детях. По тону своих чувств к ней, по характеру общения с ней они были ближе к Ойсину и Ниву, к Кухуллану и Фанду, чем к Зигфриду и Брунгильде или к Роланду и Ауде. Даже там, где история любви проходит полностью среди смертных, роль женщины более акцентирована, чем в тевтонских сагах. Она не просто лежащая фигура на скале, охваченной огнем, как Брунгильда или Менглад, готовая при появлении сужденного героя сразу же упасть в его объятия. Эмер, единственная дева Эринна, которую Кухулейн снисходит до ухаживаний, стремится показать себя во всем достойной его; она испытывает его остроумие и мужество, она заставляет его принять ее условия. [В великой трагической повести древней Ирландии "Судьба сыновей Уснеха" Дейрдре, рожденная, как Елена или Гудрун, чтобы стать причиной раздора между людьми, горя и гибели для того, кого она полюбит, берет свою судьбу в свои руки и с откровенной страстью сватается к Нуази. Вся история задумана и рассказана в гораздо более "романтическом" ключе, чем параллельные истории из норвежской традиции - любовь Хельги и Сигрун или Сигурда и Брюнхильд-Гудрун. И если причитаниям Дейрдре по убитому возлюбленному не хватает величия и интенсивности, с которыми норвежские героини оплакивают своих мертвых повелителей, то, с другой стороны, они имеют интимный, личный оттенок, который мы вряд ли могли бы искать в ирландском эпосе XI века^[146].

Еще одна связь между кельтскими сагами и романами - их отношение к сверхъестественному. Героико-традиционная литература состоит из мифических элементов, из сцен, происшествий и формул, которые служат для описания отношений человека с видимым миром и его представлений о нем, которые мы называем мифологией. Вся подобная литература в конечном счете восходит к ранней, полностью анимистической стадии культуры. Поэтому неудивительно, что в сказаниях о героях каждой расы фигурируют чудотворные талисманы и зачарованное оружие, что почти в каждой великой саге в качестве действующих лиц фигурируют предметы, принадлежащие к тому, что мы сегодня называем неживым миром. Они наделяются некой жизнью, чаще всего с помощью магии, но иногда, похоже, и в силу более древней концепции, согласно которой все вещи наделены подобной жизнью. Однако не все героические литературы одинаково акцентируют эту магическую сторону своего общего фонда. Кельтская традиция не только богаче и разнообразнее всех других в этом отношении, но и часто обеспечивает таким образом свои главные художественные эффекты. Талисманы кельтской романтики, сказочная ветвь Кормака, Габулг Кухуллана, звучный молот Фионна, сокровища вепря Трвита, которые искал принц Килхвх, световые ножи живых народных сказок - все они имеют странное, фантастическое, получеловеческое существование, которое преследует и будоражит воображение. Ни один кельтский сказитель не смог бы "раздуть" Нибелунгов так, как это сделал поэт "Нибелунглид". Насколько в этом отношении романы двенадцатого века отличаются от

более ранних немецких или французских саг, насколько они близки к ирландским сказаниям - это очевидно для того, кто читает их с вниманием[147].

Я ни на секунду не хочу сказать, что романтическая литература Средневековья стала такой, какой она была, только или даже в основном благодаря кельтскому происхождению. Эта литература была результатом эпохи, и что-то похожее на нее возникло бы, если бы кельтская традиция оставалась неизвестной на континенте. Представление о феодальном рыцарстве как о привилегированном сословии, в котором люди разных наций встречались на общих основаниях; представление о рыцарской любви как о чем-то совершенно оторванном от домашней жизни, в любом случае должно было привести к созданию такого общества, какое мы видим в романах. Утверждается, что дух эпохи, родственник кельтскому, распознал в кельтских сказаниях пищу, которой жаждал. Он трансформировал их в соответствии со своими потребностями и идеями, но в целом преобразования проходили в полном соответствии с традицией. В некоторых случаях происходят радикальные изменения; именно такой случай представлен нам в цикле о Граале.

Легенда, таким образом, начиналась с преимуществ принадлежности к популярной литературе того времени и связи через Бронса с христианской традицией. Происшествия в ней были разнообразны, а благодаря смешению разнородных сюжетных линий достаточно расплывчаты, чтобы быть пластичными. Формальное развитие цикла было прослежено в предыдущих главах этих исследований; развитие его идеальных концепций будет выглядеть аналогичным образом. Можно выделить различные этические намерения, и между версиями существует не больше различий в ведении сюжета, чем в идеалах, которые они излагают.

Некоторым читателям может показаться почти кощунственным проследить, что

...исчезнувшей небесной вазы.

В которой, как в сердце Христа, хранилась Кровь,

к магическим сосудам языческих божеств. В Англии легенда о Граале почти не известна, кроме как в той форме, которую она приняла в "Квесте". Этот французский роман был одним из тех, которые Мэлори воплотил в своем *рифачименто* артурианского цикла, и, благодаря Мэлори, он стал частью английской речи и мысли.[148] В наши дни наш величайший поэт выразил квинтэссенцию всего лучшего и чистого, что есть в старом романе, в строках нетленной красоты. Когда мы следуем за сэром Галахадом мимо тайных святынь и одиноких гор, пока

Ах, благословенное видение! Кровь Божья,
Дух бьет свои смертные прутья,
Как по темным волнам скользит слава,
И со звездами смешивается.

Мы находимся под чарами, которым невозможно противостоять. И все же из двух основных путей, пройденных легендой, путь Галахада наименее плодотворный и наименее красивый. По сравнению с квестом Персеваля в его высшем литературном воплощении квест Галахада фальшив и устарел с этической стороны, безжизнен с эстетической.

Когда легенда впервые встречается нам в литературе, она еще не вышла из стадии чистого и простого повествования. Есть соблазн преувеличить мастерство замысла Христиана, рассуждая о том, как бы он закончил свою работу, но мы знаем, вероятно, достаточно, чтобы правильно оценить его намерения. Говорят, что он хотел изобразить в Персевале идеального рыцаря. Как это было принято у авторов, он представляет своего героя в хорошем свете, и

ему можно поставить в заслугу восприятие возможности, предоставленной ему его темой, чтобы поставить героя в положение, в котором рыцарь мог бы лучше всего отличиться. В этом смысле его работа может быть принята как изображение достойного рыцаря. Но я не могу обнаружить в нем никакой схемы стремления к высшему благу, которая была бы изложена с помощью имеющихся в его распоряжении происшествий. Персеваль храбр, как само собой разумеющееся, пунктуален в послушании советам матери и своих учителей, Гонемана и дяди-отшельника, безропотно раскисает, когда его уличают в пренебрежении своими религиозными обязанностями. Но нельзя сказать, что увещания отшельника или покаяние, исповедь и отпущение грехов героя знаменуют или призваны знаменовать определенный этап на пути к духовному совершенству. Объяснение молчания героя как следствия его греха, связанного с уходом от матери, показывает, как мало реальных размышлений было посвящено этой теме. Это объяснение, полностью ли принадлежащее Христиану, как я склонен думать, или самодовольно воспроизведенное по его образцу, дает представление о его мастерстве в построении аллегории. Не настаивая на таких моментах (покорность героя), которые были указаны ему его моделью или, как в случае с его религиозными взглядами, были само собой разумеющимися в произведении того времени, Христиан не дает Персевалю ни более высокой морали, ни более высоких целей, чем те, что были в то время. Идеал целомудрия, который вскоре приобретет столь важное значение в развитии легенды, нигде не представлен. Персеваль, как и Гавейн, пользуется всеми *благами*, которые выпадают на его долю. И если в "Квесте" нет духовного идеала, то тем более нет идеала временного владычества. Если бы Христиан закончил свою историю, он бы заставил Персеваля исцелить искалеченного короля и завоевать его королевство, но это королевство не стало бы образцом высшего земного великолепия. Мы видели основания считать, что Христиан внес одно большое изменение в историю, как он нашел ее в своей модели; он приписывает болезнь Короля-Рыбака ране, полученной в битве. Я думаю, что он сделал это просто для того, чтобы сократить историю, опустив весь эпизод с Партиналем. Никакая мистическая концепция не витала в его сознании. Однако, как мы увидим, форма, которую он придал этому инциденту, сильно повлияла на некоторые из более поздних версий и дала намек на самый философский *мотив*, который можно найти во всем цикле.

Непосредственные продолжатели Христиана не поднимают легенду на более высокий уровень. Я склонен думать, что Готье, обладая меньшим мастерством повествования и гораздо большей прозаичностью, все же шел по стопам Кретьена. В любовных эпизодах он так же полон очарования, как и более знаменитый поэт. Вторая встреча Персеваля и Бланшефлер рассказана с той изящной смешливой *наивностью*, секрет которой хранит французская литература того времени. Но замысла, одушевляющей концепции, даже таких незначительных следов, как у Кретьена, в этой истории нет. Здесь, как и в "Хрестьяне", таинственные талисманы сами по себе никак не способствуют развитию сюжета. Христиан, конечно, имел в виду их христианское значение, но не использовал его. Сосуд Тайной вечери, копье, пронзившее бок Христа, могут быть любыми магическими копьями или сосудами, насколько ему известно. Первоначальная языческая суть сохранилась, изменилось только название.

Так разрослась легенда, когда она попала в руки автора "Квеста". Сюжет был частично сформирован и обрезан мастером повествования, связь с христианской традицией была несколько акцентирована. Автор "Квеста" мог принять историю в ее нынешнем виде и вложить в ее события глубокий символический смысл, основанный на христианском характере священных талисманов. Но он предпочел поступить иначе. Он полностью порвал с традиционными рамками, лишил героя оригинала и не оставил нетронутым ни одного эпизода своей модели. Но его метод можно сравнить скорее с перетасовкой, чем с

трансформацией. Инциденты появляются в другой связи, но не раскрывают замысел автора в большей степени, чем это происходит в "Конте дю Грааль". Христианский характер талисманов подчеркивается с почти утомительным постоянством, священнодействие служит материалом для многих и самых прекрасных сцен, но суть талисманов остается неизменной. Святой Грааль, чаша Тайной вечери, таинственный потир - все это, когда он появляется, волшебный сосуд для добывания пищи из старых языческих саг. Какова же идея автора? Несомненно, в том, чтобы показать, что достижение высшего духовного блага - дело не от мира сего; только отказ от всех человеческих желаний, только переход в землю, промежуточную между землей и небом, позволяет достичь цели. В истории о прохождении этого пути можно проследить некоторую попытку изобразить кардинальные добродетели и смертные грехи с помощью приключений искателей и бесчисленных увещаний, обращенных к ним. Но никакого мастерства в проведении этого замысла, который осуществляется главным образом путем введения многочисленных аллегорических сцен, которые становятся калькой для пространных догматических и моральных изложений, автор не демонстрирует. В этом отношении автор не может сравниться с Робером де Борроном, который строит свою историю в полном соответствии со своей концепцией самого Грааля, вытекающей непосредственно из символической христианской природы, которую он ему приписывает, и который заставляет даже такие бесперспективные происшествя, как случай с волшебным фишером, служить своей руководящей идее[149].

Если авторский способ воплощения своей концепции не заслуживает похвалы, то как обстоит дело с самой концепцией? Тот факт, что Квест полностью оторван от этой земли, сразу же указывает на точку зрения романа. Первый эффект от провозглашения Квеста - разрушение Круглого стола, этого типа самого благородного человеческого общества того времени, а его окончательное достижение не приносит радости или укрепления ни одному живому человеку. Лишь успешные квестодатели в своем нечеловеческом царстве испытывают радость от Грааля. Дух, в котором они ведут свои поиски, лучше всего демонстрирует сэр Борс. Когда он приходит к волшебной башне и подвергается искушению девиц, которые угрожают броситься вниз и разбиться вдребезги, если он не отдаст им свою любовь, он сожалеет о них, но не успокаивается, считая, что лучше "они потеряют свои души, чем он свою". Так мало христианский писатель понимал значение этого глубочайшего изречения Христа. Характер главного героя созвучен этой цели, совершенно далекой от земной жизни человека. Теневое совершенство в самом начале, он остается тенью совершенства на протяжении всего времени, бескровным и нереальным существом, столь же подходящим, когда он впервые появляется на сцене, как и когда покидает ее, для выполнения поиска, бесцельного, поскольку он лишь удаляет его из мира, в котором он не имеет ни части, ни доли. Тот человеческий интерес, который есть в истории, обеспечивает Ланселот, который берет на себя многие из приключений Персеваля или Гавейна в "Конте дю Грааль". В нем мы видим раскаяние в прошлых грехах, стремление к высшей жизни, которому мы можем сочувствовать. В общем, такое нравоучение, как в "Квесте", нам дает скорее грешный Ланселот, чем безгрешный Галахад.

Но отвращение к этому миру принимает в "Квесте" более сильную форму, которая является жизненной концепцией произведения, - в настаивании на необходимости физического целомудрия. Чтобы правильно понять позицию автора, мы должны взглянуть на состояние нравов, раскрываемое в романах, и в особенности на взаимоотношения полов, как они представлялись наиболее утонченным и цивилизованным мужчинам и женщинам того времени. Французские романы, как правило, слишком полностью повествовательны, чтобы дать четкое представление о том, что это было. Вольфрам с его более острым и сочувственным взглядом на индивидуальные характеры - Вольфрам, который любит

анализировать чувства и изображать внешние проявления чувств своих персонажей, - является здесь нашим лучшим проводником. Нравы и обычаи того времени можно найти во французских романах; чувства, лежащие в их основе, следует искать у немецкого поэта.

Характерной чертой взаимоотношений полов во времена рыцарства был институт *minnedienst* (любовного служения). Рыцарь обязывался служить определенной даме, матроне или служанке. Он должен был показать себя храбрым, выносливым, смелым, терпеливым и осмотрительным - такова была его часть договора, и, выполнив ее, дама должна была выполнить свою и заплатить слуге. Эти отношения ни на минуту не должны рассматриваться как платонические; последние услуги в каждом случае требовались, а точнее, свободно предоставлялись, поскольку дама, будь то служанка или замужняя жена, не считала неправильным вознаграждать своего рыцаря. Отказывать в оплате после оказания услуги было бы "дурным тоном", и виновницу такого поведения преследовали бы не только все мужчины, но и ее подруги. Ничто не может быть более поучительным в этой связи, чем восхитительно рассказанный эпизод о Гавейне и Оргеевой. Последняя - незамужняя, великая и благородная дама, но у нее уже было несколько благосклонных любовников, о чем она откровенно рассказывает Гавейну. Он предлагает ей свою службу, которую она с трудом принимает, но обрушивает на него всевозможные оскорбления, которые он переносит с терпеливой и находчивой вежливостью, характерной для средневекового романа. Пока длится испытательный срок, от него не ускользает ни одно грубое слово, ни один нетерпеливый жест. Но когда он совершил подвиг в Форд-Перилусе, он чувствует, что сделал достаточно, и, взяв свою возлюбленную в оборот, читает ей лекцию, как серьезный мужчина средних лет может прочесть лекцию какой-нибудь строптивой девушке, об обязанностях благовоспитанной женщины и о том, как плохо она поступила с рыцарством в его лице. Чтобы донести мораль, он в середине дня в открытом лесу делает предложение, которое раскаявшаяся презрительница может парировать лишь наивным замечанием: "Редко когда она находила тепло в объятиях закованной в кольчугу руки". Дама не только обязана была уступить после соответствующей задержки, но иногда даже могла сделать первый шаг и не быть хуже. Бланшефлер приходит к Персевалю в постель, почти не извиняясь.^[150] Оргеева, восхищенная доблестью Красного рыцаря, предлагает ему свою любовь. Правда, у нее есть сомнения в правильности своего поступка, но когда она высказывает их Гавейну, любимому любовнику на данный момент, он безоговорочно одобряет ее - слава Персеваля была такова, что, если бы он принял ее предложение, она могла бы не пострадать по чести.

Подобные обычаи и состояние чувств, которые они подразумевают, настолько далеки от нас, что их трудно осознать, особенно с учетом многочисленных ложных утверждений о природе рыцарской любви, которые получили широкое распространение. Но мы должны помнить, что та эпоха была в первую очередь эпохой индивидуальной доблести. Воинские добродетели были во главе угла. Человек должен быть храбрым, выносливым и умелым в обращении с оружием - вот что было необходимо в эпоху, когда герой-одиночка имел почти такое же значение, как во времена Ахилла, Зигфрида или Кюхляйна. То, что *minnedienst* стремился к этой цели, как и другие учреждения того времени, которые мы считаем столь же порицаемыми, является его историческим оправданием. Уже тогда многие чувствовали его зло и осознавали его антиобщественный характер. Были и те, кто видел, как глубоко она унижает идеал любви.

Протест против такой морали был действительно желателен. Квест его и предоставляет. Но недостаточно протестовать в вопросе, так глубоко затрагивающем человечество, как моральные идеи, управляющие отношениями полов. Протест должен быть не только выражен в правильном духе и на правильных основаниях, но и на место атакуемого идеала

должен быть поставлен более истинный и возвышенный. Насколько Queste соответствует этим условиям, мы еще увидим. А пока, в качестве примера чувств, с которыми многие англичане отнеслись к нему, и в качестве попытки объяснить его исторический и этический *смысл существования*, я не могу сделать ничего лучшего, чем процитировать восторженные слова мистера Ферниволла: "В чем же урок всего этого? Неужели пример Галахада и его неуклонное стремление к высшей духовной цели, поставленной перед ним, - ничто для нас? Неужели пример Персеваля, чистого и искушенного, готового сдаться, но спасенного видом символа своей Веры, бесполезен для нас? Неужели рассказ о Бохорсе, который однажды согрешил, но верной жизнью... наконец вкусил духовной пищи и вернулся, чтобы посвятить свои дни Богу и добру, - неужели это не урок для нас?... Еще один момент, которому может научить нас вся эта история Артура. Монашеское, до некоторой степени, возвышение телесного целомудрия почти над всеми другими земными добродетелями; но это чувство истинно; оно основано на глубоком благоговении перед женщиной, которое является самым утонченным и одним из самых благородных чувств мужской природы, и которое ни один человек не может преодолеть без ущерба для своей духовной жизни."

Трудно найти более яркий пример того, как "редакционный идол" может взять верх над восприятием и суждением. Тот, кто черпает столь возвышенные и благородные учения из Queste del Saint Graal, должен сначала сам их почерпнуть. Он должен вписать современную религию, современную мораль в средневековую аллегорию, а в одном пункте полностью фальсифицировать средневековую концепцию. Желательно ли это - вопрос, на который мы без колебаний можем дать отрицательный ответ. Лучше выяснить, что на самом деле имел в виду автор, чем интерпретировать его символизм на свой лад.

Автор "Квеста" помещает объект и условия своего мистического поиска полностью за пределы сферы человеческих действий или интересов; в том же духе он настаивает, как на непременном требовании к успешному искателю, на квалификации, которая неизбежно отрицается подавляющим большинством человечества. Его работа - это прославление физического целомудрия. "Блаженны чистые телом, ибо они наследуют Царство Небесное", - вот текст, на который он опирается в своей проповеди. В таком случае все зависит от духа проповедника, и добрых намерений недостаточно, чтобы заслужить похвалу. Его концепция, говорит мистер Фернивалл, основана на глубоком благоговении перед женщиной. Это, действительно, настолько ценная вещь, что если бы средневековый аскет действительно чувствовал ее, мы могли бы простить ему тупость, которая игнорирует все то, что составляет особое достоинство и пафос женственности. Но он ничего подобного не чувствовал. Женщина для него - средство, с помощью которого грех пришел в мир, камень преткновения, орудие, которое дьявол находит наиболее удобным для своих рук, когда хочет победить человека. Только в отношении Девы-Матери и тех, кто, подобно ей, дал обет мистического девичества, автор вообще прощает женщину. Достаточно одного примера, чтобы охарактеризовать средневековую точку зрения. Когда при дворе Артура впервые было объявлено о поисках Святого Грааля, поднялся большой переполох, и дамы охотно присоединились бы к нему, "так как каждая дама или дамуазель (которая) только что стала женой или подругой, просила у него прощения за то, что не может найти его". Но тут появляется отшельник, который запрещает это: "Ни одна дама или девица не должна сопровождать своего рыцаря, чтобы он не впал в смертный грех". Жена или леман - для автора "Квеста" все едино; женщина не могла не стать поводом для смертного греха, и грех, хотя в одном случае и меньший по степени (да и то неопределенно), был тем же самым по виду. Половина романа - это длинный пример сущностной мерзости взаимоотношений полов, разработанный с мельчайшей и изобретательной гнусностью иезуитского теолога морали. Автор был своего времени; естественно, что он думал и писал так, как писал, и было

бы некритично винить его за унижительный взгляд на женственность или за узкий и тошнотворный взгляд на жизнь. Но когда нам предлагают брать с него пример, следует констатировать факты как они есть^[151].

Если его трансформация истории была осуществлена грубо, без учета заложенных в ней возможностей, если дух его идеала оказался убого аскетичным и узким, что тогда остается Квесте, и чем мы можем объяснить его популярность в свое время и то неизменное влияние, которое его версия легенды оказала на потомков. Его литературные качества временами велики; некоторые сцены, особенно те, что рассказывают о сакраментальной природе Грааля, тронуты мистическим пылом, который преследует воображение. Он придал некоторые из самых живописных черт этой самой живописной из легенд. Но я вижу в идее мистического поиска, провозглашенного и разделяемого всем кругом стола, настоящий секрет успеха писателя. Именно она поразила воображение многих поколений и принесла "Квесту" незаслуженную славу. На самом деле концепция двора Артура, отбросившего обычные заботы и радости, целиком отдавшегося одной всепоглощающей духовной цели, благородна. Думаю, она лишь в малой степени является результатом определенных мыслей и намерений, но была продиктована писателю той формой, в которую он переделал историю. Галахад вытеснил Персеваля, но последний не мог быть полностью подавлен. Выполнение квеста повлекло за собой уход из этого мира главных героев, поэтому к ним присоединяется третий, менее совершенный, чтобы принести на землю весть о чудесах, свидетелем которых он стал. Ланселоту, с которым связано множество приключений Персеваля, нельзя отказать в участии в походе; то же самое можно сказать и о Гавейне, чей характер в старшем романе как нельзя лучше подходит для *роли* "страшного примера". К этому времени артурианская легенда полностью разрослась, и упоминание об этих рыцарях вызывало в памяти имена других, с которыми их неизменно связывали авторы романов. Практически каждый значимый герой был таким образом втянут в магический круг, и мистический квест почти неизбежно принял ту форму, которую принял.

Эта концепция, к которой, если я прав, автор "Квеста" пришел полубессознательно, кажется нам самым замечательным в его работе. Однако именно его идеал девственности порастил современников и оставил свой след в последующих версиях. Век с таким грубым идеалом любви, возможно, нуждался в столь же грубом идеале чистоты. Отныне физическое целомудрие играет ведущую роль в нравственном развитии цикла. У Робера де Боррона именно грех плоти обрушивает на хозяина Грааля гнев Небес и требует демонстрации чудесной силы Грааля. Здесь можно отметить борьбу новой концепции с более старой формой сюжета. Ален, рыцарь-девственник, предпочел бы быть заклеянным, чем жениться, и все же он женится в соответствии с первоначальной моделью. Роберт последователен во всем, что касается символики Грааля, но в других отношениях, как мы уже видели, его легко выбить из колеи. В "Дидо-Персевале", написанном в продолжение поэмы Робера, продолжается та же борьба между старым и новым, и примиряющий дух действует в наивном и неумелом стиле. Инциденты Конте дю Грааля сохранены, хотя они плохо согласуются с аскетическим духом героя. В той части "Конт дю Грааля", которая идет под именем Манессье, наряду с приключениями, взятыми прямо с модели Крестьяна, и гораздо менее христианизированными, чем в более раннем произведении поэта, происходит много событий, которые просто перенесены из "Квеста". Не делается никаких попыток примирить эти противоречивые элементы, и эффект контраста порой почти комичен. В двух более поздних романах цикла слияние было более полным, и результат, как следствие, более интересным. Проза "Персеваль ле Галлуа" сохраняет оригинального героя "Квеста" в том, что касается имени и родства, но придает ему агрессивную девственность и прозелитское рвение Галахада. Окончание Гербертом "Конт дю Грааля" - это, пожалуй, самый странный

результат двойного влияния, которому подверглись поздние авторы. Несомненно, его модель отличалась от версии, использованной Готье и Манессье. Она более кельтская по тону, и любопытно, что она напоминает гипотетический утерянный источник Вольфрама фон Эшенбаха. Герой настаивает на отсутствии своей возлюбленной и необходимости вернуться к ней, прежде чем обрести покой. Подлинность этой особенности не вызывает сомнений. Многие народные сказки повествуют о разлуке возлюбленного и возлюбленной, об их томительных скитаниях до новой встречи; в таких сказках легко укоренить мысль о том, что разлука вызвана виной и что, будучи разлученным, один или другой влюбленный должен испытать несчастье. Часто, как в случае с Диармаидом и Дочерью Короля Под Волнами (выше, с. 194), упоминается вина, как правило, нарушенное табу. Такой инцидент вряд ли мог не принять ту этическую форму, которую придавал ему Герберт. Таким образом, ему оставалось только прислушаться к своей модели, принять инциденты такими, какими он их нашел, и у него была основа для моральной концепции, полностью гармонирующей с ними. Идеал целомудрия оказался для него слишком сильным. Его любовники сходятся вместе, но только для того, чтобы продемонстрировать добродетель целомудрия в отвратительной истории их брачной ночи. После Герберта цикл удлиняется, но не развивается. Квест сохраняет свое главенство, и через Мэлори его доминирующая концепция глубоко вошла в сознание английской расы.

Насколько автору "Квеста" следует приписать новый идеал, который он привнес в легенду, стоит выяснить. Как и многое другое в ней, он может иметь корни в народных и героических сказаниях, которые лежат в основе романов. Замок Талисманов, который посетил Персеваль, - это Страна Теней. В народной традиции этот инцидент принимает форму проникновения в ложбину на склоне холма, где король фей держит свой двор и хранит несметные богатства. Бедность и простота - частые требования к успешному искателю; еще чаще - некое мистическое право рождения, например, быть ребенком воскресенья или седьмым сыном; или же требуется свобода от греха, и, возможно, чаще всего - девичество.^[152] В этой же связи можно отметить акцент, который многие народы делают на девственности святых пророческих дев, которые могут переносить себя в потусторонний мир и приносить оттуда повеления бога. Ни одна кельтская сказка, которую я изучил с целью пролить свет на романы о Граале, не настаивает на этой идее, но какая-то версия, ныне утраченная, возможно, так и сделала. Кельтская традиция дала писателям-романтикам Средневековья материал и форму для изображения человеческой любви; возможно, она также дала им намек на противоположный идеал целомудрия^[153].

Все это время следует отметить, что в символическом механизме легенды не происходит никакого реального прогресса. Святой Грааль становится сверхсвященным, но сохраняет свою первозданную языческую сущность, даже в единственной версии, Великого Святого Грааля, которая знала о Борроне и его мистическом замысле.

Таким образом, легенда развивалась в одном направлении. Первоначальные происшествия либо трансформировались, либо искажались, либо, сохраняя свою первую форму, не подвергались этическому углублению или расширению. Сами талисманы были перенесены из кельтской мифологии в христианскую, но их судьба по-прежнему была связана потусторонним миром. Тот, кто хотел найти их, должен был повернуться спиной к этой земле, от которой Духовный дворец и город Саррас были еще более далеки, чем Авалон или Тир-нан-Ог. Неужели не было другого пути? Разве нельзя было сохранить рамки и происшествия кельтских сказаний и, подняв их на более высокий и широкий уровень, сделать подходящим средством для философских размышлений и моральных увещаний? Одна сторона народной традиции представляла героя как вырывающего талисманы у потусторонних сил

на благо своих собратьев. Не может ли эта форма мифа дать человеческую, практическую концепцию поиска и завоевания Святого Грааля?

К счастью, в этом вопросе мы не ограничиваемся предположениями. Произведение, в значительной степени отвечающее этим гипотетическим требованиям, существует в "Парцифале" Вольфрама фон Эшенбаха. В целом это самое интересное индивидуальное произведение современной европейской литературы до "Божественной комедии", а его автор, как никто другой из поэтов Средневековья, имеет право называться гениальным человеком. Разумеется, его нужно оценивать по меркам своего времени. Бесплезно было бы ожидать от него той однородности повествования, той художественной соразмерности стиля, которые впервые встретились 150 лет спустя в Италии и которые из Италии перешли во все европейские литературы. По сравнению с неизвестными поэтами, придавшими нынешнюю форму "Нибелунгиду" или "Шансон де Ролан", он - индивидуальный писатель, но он далеко не заслуживает этого эпитета даже в том смысле, в каком его заслуживает Чосер. Его тема доминирует над ним. Даже когда его философский ум осмысливает ее в новом аспекте, он с тревогой придерживается традиционной формы. Отсюда большие противоречия в его трактовке темы, отсюда и частые трудности в интерпретации его смысла, частые сомнения в том, насколько правильна интерпретация. Здесь, как и при обсуждении *истоков* легенды о Граале, часто приходится прибегать к предположениям, и любое решение увлекательных проблем обязательно и во многом субъективно.

При оценке ценности "Парцифаля" следует учитывать отношение Вольфрама к своим предшественникам. Ранняя часть его произведения, как мы видели, полностью отличается от всех существующих французских романов; так же как и окончание, в той мере, в какой оно согласуется с началом. Большая часть истории тесно параллельна Крестыену; есть точки соприкосновения, свойственные этим двум писателям, с Жербером. В "Парцифале" можно проследить мало изобретений, так сказать, инцидентов. Часть, общая для него и Христиана, у немецкого поэта несравненно полнее и интереснее, но основные контуры те же. Вольфрам, однако, не преминул сообщить нам, какова была его концепция легенды. То, что многое в ней расходится, является явным доказательством его робости в изобретениях.

Сомнение, говорит он, - самый сильный развратитель души. Кто предается неверию и непоколебимости, тот, по правде говоря, идет по гибельному пути. Сам Бог очень верен. Противиться Ему, сомневаться в Нем - высший грех. Но смирение и покаяние могут искупить его, и тот, кто раскается, может быть избран Богом для царствования в Граале, вершине земной святости. Душевный мир и вся земная власть принадлежат избранному; лишь одно незаконное желание и общество грешников отвергнуты Граалем.

Как реализуется эта ведущая концепция? Рамки и последовательность событий те же, что и в "Конте дю Грааль". Однако одно существенное изменение сразу же поднимает историю на более высокий уровень. Король-Рыбак страдает от раны, полученной во имя незаконной любви, в знак неповиновения тем небесным заповедям, которые управляют сообществом Грааля. Вопрос об исцелении может задать только тот, кто достоин занять высокий пост, опозоренный Амфортасом, в силу того, что прошел через борьбу сомнений и примирился с Богом через покаяние и смиренное доверие. Если Парцифаль не задал этот вопрос в свой первый приезд в замок Грааля, значит, в юношеском самодовольстве он считал, что вся мудрость принадлежит ему. Детская настойчивость в советах матери обрушила на него упреки; он научился мудрости мира у Гурнеманса, показал себя при защите Кондуирамура доблестным рыцарем, достойным власти и женской любви. Когда же он соприкасается с мучительным горем Амфортаса, он слишком преисполнен себя, мудрости своего учителя, чтобы правильно использовать представившуюся возможность.

Глубокое значение вопроса, который одновременно освобождает грешника и объявляет единственный способ, которым грех может быть отменен, а именно - приход более достойного преемника, объясняется, если верить Бирху-Хиршфельду, случайностью. Вольфрам знал только Христиана. Последний так и не объяснил истинную природу Грааля, а знание немецким поэтом французского языка было слишком незначительным, чтобы наставить его на путь истинный. Вопрос "Кому они служат с Граалем?", который он нашел у Христиана, был для него неизбежно бессмысленным, и он заменил его своим: "Дядя, что тебя мучает?". Возможно, эта перемена - результат случайности, как и многое другое в этой чудесной легенде, но нужно было быть гениальным человеком, чтобы обратить эту случайность на пользу. Именно упор на милосердие как на предвестник и знак духовного совершенства составляет величие поэмы Вольфрама и значительно возвышает ее над "Квестой".

Тот же человеческий дух прослеживается в описании королевства Грааля как типа высшего блага. Теология Вольфрама носит ярко выраженный антиномический характер - ни один человек не может завоевать Грааль своими силами; он сам выбирает, кого хочет, - и была заявлена, с одной стороны[154], как рефлекс ортодоксальной католической веры, с другой - как предвестник лютеранской доктрины благодати.[155] Знатоки теологии могут оставить этот вопрос на усмотрение. Кроме того, Вольфрам обладает практическим пониманием ценности человеческих усилий. С ним Квест не будет достигнут путем полной изоляции от этой земли и ее борьбы. Главная функция Королевства Грааля - дать постоянный тип божественного общества; оно также готовит лидеров для тех сообществ, которым их не хватает. Это цивилизующая сила, а также духовный дворец.

В вопросе об отношении человека к Небу Вольфрам, полностью принимая доктрины своей эпохи, обращается к современному духу с гораздо большей силой и непосредственностью, чем Квест. В другом великом вопросе легенды, об отношении мужчины к женщине, он также ближе к нам, хотя надо признать, что он лучше строит, чем знает. Идеалу любви своего времени, основанному исключительно на страсти и тщеславии и оторванному от всех семейных чувств, он противопоставляет супружескую любовь Парцифалья и Кондуирамура. Воспоминания о матери своих детей - единственное спасение героя на протяжении всех лет сомнений и уныния, последовавших за упреками Кундри. Еще шатаясь под этим ударом, столь жестоко незаслуженным, как ему кажется, он может пожелать своему другу и товарищу Гавейну целомудренную и добрую женщину, которую он сможет полюбить и которая станет его ангелом-хранителем. Мысль о Кондуирамуре удерживает его от предложенной любви Оргелузы. В последней и самой ожесточенной схватке с неведомым братом, когда она едва не пошла с ним на смерть, он вспоминает о ней и возобновляет бой с новыми силами. Именно для нее он завоевывает высший земной венец, которого достойно ее чистое женское сердце. Воссоединение с ней и со своими детьми - первый вкус Парцифалья к радости, которая отныне будет принадлежать ему.

Можно легко перечислить отрывки, которые плохо согласуются с идеями поэмы, изложенными здесь вкратце. Но существование этих идей очевидно для непредвзятого читателя. Несмотря на многочисленные недостатки, поэма, в которой они содержатся, является самым благородным и человеческим результатом смешения кельтской фантазии и христианского символизма, историю которого мы проследили[156].

У Вольфрама, как и у большинства французских писателей-романтиков, нет особой последовательности в формальном использовании мистических талисманов. Как бы то ни было, Вольфрам, конечно, никогда не думал связывать Грааль с Тайной вечереи. Но его религиозный характер порой проявляется у него так же ярко, как у Робера де Боррона или

автора "Квесты". Он является фактическим проводником повелений Божества; он удерживает от греха; он не терпит нецеломудренного служителя; его не может видеть ни один язычник; простое созерцание его уберегает людей от смерти. Последняя характеристика в наше время считалась бы достаточной данью уважения к изначальной природе старого языческого котла роста и омоложения. Но Вольфрам был из своего времени и верно следовал его образцам. Наряду с возвышенными духовными атрибутами своего Грааля он кардинально изменил его пищевые способности. Мистический камень, упавший с небес и обновляющийся каждую Страстную пятницу под непосредственным воздействием Духа, в один миг превращается в простую машину по производству провизии. Мы видим, как мало нравилась Вольфраму эта особенность его модели, и как он чувствовал контраст между ней и своей собственной, более духовной концепцией. Но здесь, как и в других местах поэмы, он позволил себе многое, против чего протестовал его здравый смысл. Его собственная доля в развитии легенды должна оцениваться по тому, что присуще ему, а не по тому, что он имеет общего с другими. Если судить таким образом, то следует сказать, что он развил христианскую символическую сторону легенды в той же степени, что и человеческую философскую. Если у Робера де Боррона Грааль достигает своего высшего символического уровня через отождествление с телом умершего и воскресшего Господа, то у Вольфрама мы можем проследить зародыш того приближения Грааля-квестора к земной карьере Спасителя, которое Вагнеру предстояло развить более 600 лет спустя[157].

Какое влияние поэма Вольфрама, с ее практическим, человеческим энтузиазмом, истинной и благородной сексуальной моралью, могла оказать на английскую литературу - это интересная догадка. Можно предположить, что она пришлась бы по душе нашей расе с ее утилитарным этическим инстинктом, с ее возвышенным идеалом супружеской любви. Истинный мужчина, Парцифаль, должен был бы, по логике вещей, стать английским героем "Квеста", а не прозорливым аскетом Галахадом. В средневековой Англии доминировала Франция, и она ничего не знала о Германии, а когда в конце пятнадцатого и шестнадцатого веков мы можем проследить немецкое влияние на английскую мысль и литературу, вкус изменился, и Парцифаль был почти забыт в своей собственной стране. Так продолжалось почти до наших дней. Стремление к совершенству все еще преследовало немецкий ум, но представлялось оно совсем иначе, чем у поэта двенадцатого века. Ученый народ представлял себе квестора как студента, а не как рыцаря. В мрачный период протестантской схоластики квест был полностью проклят. Стремление Фауста к знаниям незаконно, это бунт против Бога, который безвозвратно обрекает его на гибель. Только в эпоху Гете становится понятен весь смысл легенды, тема расширяется и охватывает всю полноту человеческих стремлений. Таким образом, последний взгляд на Фауста - это взгляд человека, посвятившего себя служению людям; последние слова поэмы - это признание божественного начала в любви мужчины и женщины[158].

В Германии, как и в Англии, старая легенда вновь обратилась к поэтам и мыслителям, и тогда, что вполне естественно, они обратились к величайшему поэту Германии эпохи Средневековья. Вагнеровский "Парсифаль" в любом случае будет интересен как проявление одного из сильнейших драматических гениев века. Рассматриваемая чисто как литературное произведение, не считая музыки, она обладает редкой красотой и глубоким значением. При ее рассмотрении необходимо учитывать драматический склад ума Вагнера, сценическое предназначение поэмы. Замысел Вольфрама - юношеская глупость и неопытность, наказанная обличением, за которой следуют сомнения и раздоры, завершаемые верной стойкостью взрослого человека, - явно не подходит для драматических целей. Ни в одном месте поэмы Вольфрама мы не находим того столкновения мотивов и характеров, которое требуется сцене. Выстраивая свою концепцию, Вагнер с удивительной изобретательностью

использовал каждый намек своего предшественника. Маг Клиншор становится активным противником короля Грааля Амфортаса, у которого он вырвал священное копье с помощью нечестивой красоты Кундри. Кундри - большой вклад Вагнера в легенду. Она - та самая Иродиада, которую Христос за ее смех обрек на скитания, пока не придет снова. Подвластная силам зла, она должна искушать и заманивать на гибель воинов Грааля. И все же она найдет освобождение и спасение, если мужчина устоит перед ее любовными чарами^[159]. Она знает это. Сцена между безвольной искусительницей, чей успех лишь обрекает ее на новую гибель, и девственным Парсифалем становится в высшей степени трагической. Как это влияет на Амфортаса и Грааля? Таким образом. Парсифаль - "чистый глупец", не знающий ни греха, ни страданий. Ему было предсказано, что он станет "мудрым от страданий", и это подтверждается. Всепоглощающий порыв желания закрывает ему глаза, проясняет разум. Сердце, раненное валом страсти, чувствует, как муки Амфортаса пронзают его насквозь. Боль от физической раны - его, но гораздо сильнее - агония грешника, который оказался недостойн высокого доверия и который, запятнанный плотским грехом, должен ежедневно соприкасаться с Граалем, символом высшей чистоты и святости. Сила, которая приходит с рожденным знанием, позволяет ему противостоять чувственному вожделению и тем самым освободить и Кундри, и Амфортаса.

В последней версии "Квеста Персеваля", как и в "Квесте Галахада", идеал целомудрия становится первостепенным. Такой результат обусловлен драматической трактовкой темы Вагнером. Концепция, согласно которой знание греха и участие в страданиях необходимы для того, чтобы человек мог противостоять искушению, и что только таким образом он приобретает необходимую силу для помощи своим товарищам, как бы ни была верна и глубока, очевидно, может быть реализована на сцене только через одну форму греха и страдания. Долгий психологический процесс поэмы Вольфрама, медленное превращение бездумного юноши в стойкого, верного человека, сменяется мистическим, трансцендентным обращением. Из мира человеческих усилий, человеческих побуждений мы шагнули в мир полностью аскетический и символический. Любовь мужчины к женщине предстает лишь в обличье запретного желания; о целях и потребностях этого мира даже не задумываются. Каждый эпизод переделан в соответствии с христианской традицией. Вагнер полностью принимает сакраментальную природу Грааля, и пир Грааля для него - точное воспроизведение Тайной вечери. Святость и чистота - вот суть Грааля, который очищен от всех пятен своего языческого происхождения. И хотя Вагнер, следуя французским образцам, отождествляет Грааля с самым священным предметом христианского поклонения, он также, развивая намеки Вольфрама, перестраивает карьеру своего искателя Грааля в соответствии с карьерой Христа. Парсифаль, освобождающий страдающую от греха Кундри, страдающего от греха Амфортаса - Парсифаль, восстанавливающий мир и святость в королевстве Грааля - становится символом Спасителя.

В рассудочном, художественном развитии легенды пластичным, живым элементом является христианская традиция. С момента отождествления кельтского владыки подземного мира с евангелистом Британии мы видим, как древний комплекс сказаний обретает последовательность, жизнь и смысл. Даже там, где прямое влияние вторгшегося элемента незначительно, как в *Conte du Graal*, мы все равно можем ощутить, что он несет ответственность за зародыши последующего развития. То яростно и неинтеллигентно, то с острым чувством возможностей оригинальной романтики, то с самым смелым введением новых материй, то с рабской приверженностью дохристианским представлениям, продолжается трансформация кельтских сказаний. Котел увеличения и обновления, световой меч, волшебная рыба, посещение потустороннего мира - все это постепенно претерпевает метаморфозы, пока, наконец, талисман ирландских богов не становится

символом воскресшего Господа, а его искатель - прообразом Христа в Его божественных атрибутах.

Этическое учение легенды также становится чисто христианским, как и христианство в Средние века. Отречение от мира и плоти - его ключевая нота. Лишь однажды в Вольфраме мы находим идеал человека по существу, хотя и догматический по форме; путь, открытый таким образом, не был пройден дальше, и легенда остается в целом, с нравственной стороны, памятником христианского аскетизма.

Мы видели основания предполагать, что народные сказки, лежащие в основе романов, сами по себе дали подсказку для наиболее характерного проявления этого аскетического идеала. Стоит поинтересоваться, развивались ли эти сказки независимо от христианизированной легенды и есть ли в них хоть какие-то следы этических представлений, сопоставимых с легендой. Можем ли мы почерпнуть из сказок, созданных народом, учение, сходное с учением проповедников, философов и художников, под влиянием которых формировалась легенда? Немногие исследования могут быть более интересными, чем те, которые прослеживают такую концепцию, как стремление к высшему благу, как она изображалась самыми грубыми и примитивными представителями расы.

Было показано, что многие из сказаний, составлявших часть (гипотетического) валлийского оригинала самых ранних романов о Граале, подпадают под формулу изгнания и возвращения ариев (см. выше, гл. VI). У большинства рас эта формула связана с национальными героями и порождает героические сказания, в которых исторический элемент перевешивает этический. Иногда, как в сказке о Персее, инциденты связаны таким образом, чтобы выявить этический *мотив*; Персей, безусловно, мыслится как мстящий за незаслуженные обиды своей матери. Я не могу обнаружить ничего подобного у кельтов. Все известные мне инциденты с формулой в кельтской традиции носят чисто исторический характер. Таким образом, этот элемент старой саги-массы ничего не дает для настоящего исследования. Другие элементы более плодотворны. Персеваль сродни не только Фионну, но и Великому Дураку. Оказалось, что история Великого Дурака тесно связана с приключениями в "Мабиноги" и в "Конте дю Грааль" (выше, гл. VI). В нем также изложена моральная концепция, которая допускает выгодное сравнение с концепцией романов о Граале.

В конечном счете, я не сомневаюсь, что Lay - это одна из многочисленных форм, в которых рассказывалось о посещении смертным потустороннего мира. Забредя в Глен Гламур, герой и его любовь встречают волшебника; герой пьет из предложенного кубка, несмотря на уговоры своей возлюбленной, и тут же лишается двух ног. Очевидно, что это одна из форм широко распространенного мифа, запрещающего посетителю потустороннего мира принимать там пищу под страхом невозвращения на землю. Но в народной фантазии этот мифический *мотив* приобрел этическую форму. Согласно версии Кеннеди, именно чрезмерность героя, осушившего чашу до дна, влечет за собой наказание. Это изменение имеет ту же природу, что и то, которое было отмечено в отношении аналогичного инцидента в романах о Граале. Там старое мифическое табу, запрещающее спать или говорить в потустороннем мире, наконец-то потребовало объяснения и нашло его в философской концепции Вольфрама. Параллель на этом не заканчивается. Персеваль может исправить свою ошибку, как и Великий Дурак; Вольфрам заставляет своего героя обрести спасение благодаря непоколебимой вере, народная сказка делает своего героя перед лицом любого искушения образцом непоколебимой верности отсутствующему другу и заветному слову. Можно считать или не считать преимуществом народной сказки то, что, в отличие от средневекового романа, она не занимается ни мистицизмом, ни аскетизмом. Грех и

искупление Великого Глупца - это то, что может понять народный ум; он - пример человеческой слабости и человеческой силы. Женщина, которую он любит, не искусительница, не представительница злого начала - напротив, она всегда рядом с ним, чтобы посоветовать и подбодрить его.

Если вспомнить, что два ответвления - романтико-легендарное и народное - от одного традиционного ствола выросли совершенно независимо друг от друга, то родство нравственных идей становится поразительным. Фольклорист часто удивляется спонтанному цветению объекта своего исследования; народная традиция, кажется, подчиняется фиксированным законам роста и не является продуктом свободной мысли и речи человека. Немногочисленным приверженцам теории о том, что народная традиция - это лишь поздний и ослабленный отголосок более высокой культуры расы, предлагается изучить данный случай. Кельтская сказка, снабдив важным элементом христианизированную легенду о Граале, прошла свой путь, совершенно не затронутая новой формой, которую приняла эта легенда, и все же она выработала моральную концепцию, в корне схожую с той, что изложена в легенде. Трудно найти более совершенный пример спонтанного, эволюционного характера традиции, который отстаивает то, что, за неимением лучшего названия, должно быть названо антропологической школой фольклористов.

Мы должны покинуть кельтскую землю, чтобы найти еще один пример элемента в оригиналах романов о Граале, воплощающего народную этическую идею. Этот пример настолько интересен, что я не могу обойти его молчанием. Как было показано в [главе VII](#), одна из многочисленных форм посещения героем потустороннего мира имеет своим объектом освобождение дев, находящихся в плену у злой силы. Между этим разделом романа и народной сказкой о Спящей красавице установлена формальная связь. В целом эта сказка также допускает сравнение с легендой. Ее происхождение, несомненно, мифическое. Рассматривать ли ее как дневной или годовой миф, как спасение зари от ночи или воплощенной весны от оков зимы, она в равной степени изображает победу повелителя света, тепла и жизни над силами тьмы, холода и смерти. С удивительной верностью народная традиция сохранила этот миф, так что его истинную природу можно распознать безошибочно. Однако было бы неверно заключать, что сохранение мифа подразумевает признание его мифического характера со стороны тех, кто рассказывал или слушал эту историю. Некоторые исследователи, действительно, считают, что рассматривать ее иначе, чем как сказку, рассказанную просто для развлечения, не имеет смысла. Но история, чтобы жить, должна апеллировать как к нравственным, так и к эстетическим чувствам. В народном сознании эта история представляет собой, пусть и смутно, тот поиск высшего человеческого счастья, который также является темой романов о Граале. Что может быть лучшим изображением этого поиска, чем старый мифический символ пробуждения жизни и роста под поцелуем бога-солнца. Герой народной сказки пробирается сквозь заросли и путаницу леса, чтобы вернуть заброшенному замку жизнь и изобилие; так много в сказке сохранилось от первоначального мифического значения. Что же касается самого искателя, то дева, которую он таким образом завоевывает, - его награда и самый благородный приз, который может предложить ему земля. Там, где писатели-романтики ставили целью человека власть, или богатство, или обучение, или личное спасение, народная сказка предлагает ему искать счастья в обычных человеческих привязанностях.

Такой, слишком краткой, была судьба и история этих сказок, впервые возникших в доисторический период культуры, одаренных в силу своей кельтской среды очарованием, которое придало им романтический дух средневековья и сделало их подходящим средством для воплощения средневековых идей. Оживленные христианской символикой, они стали

выражать и типизировать самые благородные и мистические стремления человека. Легенда в том виде, в каком ее создали поэты и мыслители двенадцатого века, по-прежнему несет в себе урок и смысл для нас. Ее можно сравнить с одной из божественных дев ирландской традиции. Она живет за западным морем. Снова и снова герои, исполненные таинственной тоски по истине и красоте бесконечного и неумирающего, отправляются в плавание, чтобы присоединиться к ней, если это возможно. Они уходят из жизни, их сменяют другие, но она остается вечно юной и прекрасной. Пока длится жажда человека к идеалу, ее чары не ослабнут, ее очарование не уменьшится. Но каждое поколение работает над этим квестом в своем духе. Можно с уверенностью предсказать следующее: отныне тот, кто хочет в полной мере соответствовать легенде, должен брать за образец Вольфрама фон Эшенбаха, а не кого-то из его соперников; он должен иметь дело с человеческими нуждами и человеческими желаниями; его идеалом должно быть расширение человеческого добра и человеческой радости. Прежде всего, он должен дать благоговейное, но полное выражение всем стремлениям, всем энергиям мужчины и женщины.

ФИНИС.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Отношения Вольфрама фон Эшенбаха и Христиана.

Различные аргументы за и против использования Вольфрамом любого другого французского источника, кроме Христиана, были четко подытожены Г. Беттихером, *Die Wolfram Literatur seit Lachmann*, Berlin, 1880. Главным представителем отрицательного мнения является Бирх-Хиршфельд, который в главе VIII своей работы приводит полезную подборку отрывков, касающихся Грааля, замка и квеста, у обоих авторов. Его главный аргумент таков: "Грааль во всех романах, кроме "Вольфрама", - это кубок или сосуд, а в "Вольфраме" - камень, и эту особенность можно объяснить только незнанием Вольфрамом других источников, кроме Христиана, и тем, что последний, в соответствии со своей обычной практикой оставлять предметы и людей в как можно более таинственной атмосфере, нигде не дает четкого описания Грааля. Он, несомненно, сделал бы это, если бы закончил свою работу. Такие указания, какие он дал, привели к тому, что Вольфрам, не понимавший слова "*Грааль*", решил, что это камень. Невозможно представить, чтобы Кьот, если такой человек существовал, настолько далеко отошел от всех других версий, чтобы не изобразить Грааль в виде сосуда. Невозможно также представить, чтобы его рассказ о нем был таким же туманным, как у Христиана, чтобы он не дал Вольфраму ни малейшего намека на реальную природу предмета. В вопросе Христиана Персеваль ссылается на Грааль, но Вольфрам, не понимая значения священного сосуда из-за скудости информации о нем, предоставленной ему Христианом, был вынужден трансформировать весь инцидент и отнести его

исключительно к страданиям раненого короля. Опять же, Хрестиен намеревался использовать меч и привести Гавейна в замок Грааля; но его незаконченный труд не осуществил его намерения, и в "Вольфраме" Гавейн также не приходит в замок Грааля; меч обходится молчанием во второй части поэмы. - Симрок, ревнуя к заслугам Вольфрама, притязал на его изобретение всего, что не может быть отнесено к Хрестиену, основывая это притязание главным образом на соображениях сентиментально-патриотического характера. - В противовес этим взглядам, хотя и не отрицается тот факт, что Вольфрам внимательно следил за Хрестиеном в части, общей для обоих, утверждается, что невероятно, чтобы он, немецкий поэт, придумал пролог к незаконченной работе Хрестиена, связанный с анжуйской княжеской генеалогической легендой. На это с наибольшей полнотой указал также Барч (Bartsch, *Die Eigennamen im Parzival und Titurel*, Germanist. Studien, II., 114, *et seq.*, что немецкий поэт дает огромное количество собственных имен, которых нет в Хрестиане, и что почти все они французского, особенно южнофранцузского и провансальского происхождения. - Симрок попытался ответить на этот аргумент в пятом издании своего перевода, но без особого успеха. - Беттихер, признавая весомость аргументов Бирха-Хиршфельда, указывает на трудности, которые влечет за собой его теория. Если Вольфрам просто неправильно понял Хрестиана и не отличался от него лично, зачем ему понадобилось придумывать тщательно выдуманный источник, чтобы оправдать простое дополнение к оригинальной истории? Если он узнал о Граале только от Хрестиана, что натолкнуло его на мысль наделить его, как он это сделал, мистическими свойствами? Кроме того, Мартин указывает (Zs. f. d. A., V. 87), что Вольфрам имеет ту же связь истории Грааля и Лебединого Рыцаря, что и Герберт, которого, *ex hypothesi*, он не мог знать, и который, конечно, не знал его. В своей "Zur Gralsage" Мартин вернулся к вопросу о собственных именах и показал, что за различную редакцию большей части романа свидетельствуют разные имена, которые Генрих фон дем Тюрлин применяет к персонажам, встречающимся как в Хрестиане, так и в Вольфраме. Если, таким образом, одна французская версия, которой придерживается Генрих, очевидно, переводчик, утрачена, то почему бы не быть и другой?

Первое тщательное сравнение Хрестиана и Вольфрама можно найти в работе Отто Кюппа "Unmittelbaren Quellen des Parzival" (Zs. f. d. Ph. XVII., I). Он доказывает существование Кёта. Можно привести некоторые моменты, в которых обе поэмы различаются и в которых рассказ Вольфрама имеет более архаичный характер: Упоминание о сыновьях Гурнеманса; пищевые свойства Грааля при первом посещении Парцифалю; упреки варлета Парцифалю при его выходе из замка Грааля: "Ты гусь, если бы ты только пошевелил губами и спросил хозяина! Теперь ты лишился великой похвалы"; [160] заявление о том, что сломанный меч должен стать целым, если его окунуть в озеро Лак, и упоминание о чарах для меча, с помощью которых Парцифаль может стать хозяином замка Грааля; упоминание о том, что никто, увидевший Грааль, не может умереть в течение восьми дней. Кроме того, Кюпп считает, что многие имена в "Вольфраме" более архаичны, чем в "Хрестиане". С другой стороны, Кюпп не заметил, что Хрестиан сохранил более архаичную черту в запрете Говэну покидать замок в течение семи дней после того, как он пережил приключение с кроватью.

Кюпп не заметил, что некоторые особые моменты, которые он выделяет у Вольфрама, встречаются и у продолжателей Хрестиана, *например*, упоминание Гербертом сыновей Гурнеманца.

Я полагаю, что первым указал на то, что и Вольфрам, и Герберт настаивают на любви героя к своей жене и его долге перед ней.

Имя дяди Парцифалю у Вольфрама, Гурнеманц, ближе к форме Герберта, Горнумант, чем к форме Хрестиана, Гонемант.

Можно подвести итог: очень маловероятно, чтобы Вольфрам придумал те части истории, которые встречаются только у него; части, общие для него и Христиана, в его случае часто более архаичны; между ним и Жербером есть множество точек соприкосновения. Все это говорит в пользу другого французского источника, нежели Крестьен. С другой стороны, почти невозможно, чтобы такой источник представлял Грааль так, как его представляет Вольфрам.

Я не могу считать этот вопрос окончательно решенным в ту или иную сторону и поэтому предпочел не использовать Вольфрама. Я лишь отмечу, что если принять утверждения предыдущих исследований, то они убедительно свидетельствуют в пользу подлинности некрестянской части поэмы Вольфрама,^[161] хотя я признаю, что они не проливают свет на его особое представление самого Грааля.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Пролог к "Великому святому Граалю" и легенда о Брандане.

Я считаю, что единственной параллелью этому прологу является та форма легенды о Брандане, которую Шредер напечатал в Эрлангене в 1871 году в немецкой версии (Sanct Brandan) по рукописи XIV века, но первое сочинение которой он относит (стр. 15) к последней четверти XII века. Текст, о котором идет речь, вы найдете на с. 51 и далее: Брандан, раб Божий, ищет чудеса в редких книгах, он находит, что на земле было два рая, что другой мир находился под этим, так что когда здесь ночь, там день, и о рыбе, такой большой, что леса росли на ее спине, а также о том, что милость Божья позволяла каждую субботу вечером немного передохнуть от мучений Иуды. Разгневанный всем этим, он сжег книгу. Но голос Божий сказал ему: "Дорогой друг Брандан, ты поступил неправильно, и через твой гнев Я вижу, что чудеса Мои погибли". Святой Христос велел ему провести девять лет в океане, пока он не увидит, были ли эти чудеса реальностью или ложью. После этого Брандан готовит корабль, чтобы отправиться в путешествие.

Эта версия была очень популярна в Германии. Шрёдер печатает адаптацию на низком немецком языке, а также сборник, часто переиздававшийся в XV, XVI и XVII веках. Но кроме этой формы существовала и другая, ныне утраченная, которую можно частично восстановить по упоминаниям о ней в "Вартбургском криге", немецкой поэме XIII - начала XIV века, и которая звучит так: "Ангел приносит Брандану книгу с небес: Брандан находит в ней столько невероятных вещей, что обвиняет книгу и ангела во лжи, а книгу сжигает. За свою неверность он должен скитаться, пока не найдет ее. Божья милость наконец дарует ему это; ангел дает ему знак двух горящих костров, которые являются глазами быка, на языке которого он найдет книгу. Он передает ее Урании, которая приносит ее в *Шотландию* (т. е., конечно, в Ирландию) Schröder, p. 9.

Близость параллели нельзя отрицать, и она поднимает множество интересных вопросов, на которые я могу здесь лишь намекнуть. Остров Брандан всегда признавался христианским вариантом кельтского Тир-на-н-Ог, Страны Теней, Авалона. У Шрёдера есть несколько поучительных замечаний на эту тему, стр. 11. Путешествие Брандана можно сравнить с

путешествием Брана, сына Фебала (*выше*, [стр. 232](#)), оба они являются версиями широко распространенного мифа о посещении смертным потустороннего мира. Примечательно, что в латинской легенде, которая отличается от немецкой отсутствием вышеупомянутого пролога, есть рассказ (отсутствующий в немецкой) о "конопеусе" ("покрывале" или "балдахине"), см. Ducange и Diez, *sub voce*; старофранцузская версия переводит его как "Павильон цвета серебра, но тверже мрамора, и колонна в нем из чистейшего хрусталя". А на четвертый день они находят окно и в нем "каликс" той же природы, что и "конопеус", и "патену" цвета колонны (Schröder, p. 27, и прим. 41).

Таким образом, между легендой о Брандане и романами о Граале существует формальная связь в прологе, общем для двух произведений каждого цикла, и есть сходство сюжета между легендой о Брандане и более древними кельтскими традициями, которые я предположил в качестве основы для романов. Но немецкая литература также предоставляет доказательства связи между Бранданом и Браном. Профессор Карл Пирсон указал мне на отрывок из "Pfaffe Amis", южногерманской поэмы XIII века, сочиненной Дер Штрикером, герой которой, прототип Эйленшпигеля, ходит по свету, обманывая и одурачивая своих современников. В одном городе он уговаривает добрых людей доверить ему свои деньги, говоря им, что у него есть очень ценная реликвия, голова святого Брандана, который повелел ему построить собор (издание Ламбля, Лейпциг, 1872, с. 32). Сохранение головы Брана - особенность "Мабиноги". Я уже приводил параллели из кельтской традиции (Branwen, p. 14), а профессор Рис (Hibb. Lect., p. 94) впоследствии связал все это с кельтскими мифологическими представлениями. Эта случайная ссылка в немецкой поэме - единственный известный мне след более ранней легенды, в которой, возможно, Бран и Брандан, посетитель и повелитель потустороннего мира, были одним и тем же человеком.

Очень желательно, чтобы каждая форма легенды о Брандане или намек на нее были рассмотрены заново, поскольку, возможно, они смогут пролить свет на происхождение и развитие легенды о Граале. В "Псевдо-Крестиане" мать Персеваля отправляется в паломничество к святилищу святого Брандана.

ХАРРИСОН И СЫНОВЬЯ,
ОРДИНАРНЫЕ ПЕЧАТНИКИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА,
СТ. МАРТИНС-ЛЕЙН, ЛОНДОН.

Сноски:

[1] Полностью описано в Potvin, VI, lxix и др.

[2] Potvin, VI, lxxv, etc.

[3] Birch-Hirschfeld: Die Sage vom Gral, 8vo., Leipzig, 1877, p. 81.

[4] Birch-Hirschfeld, p. 89.

[5] Birch-Hirschfeld, p. 110.

[6] Birch-Hirschfeld, p. 232, цитируя колофон парижского MS., после Paulin Paris, Cat. des MSS. français, vol. ii, pp. 361, etc.

[7] Birch-Hirschfeld, p. 143.

[8] Этот пролог, безусловно, не является работой Христиана; но нет причин сомневаться в том, что он воплощает подлинную традицию и дает ценные подсказки для реконструкции первоначальной формы истории. Ср. Отто Кюпп в Zeitschrift für deutsche Philologie, vol. xvii., No. 1.

[9] За основу взят текст Потвина из Mons MS.

[10] В нескольких МСС здесь помещена история Иосифа Аримафейского: Иосиф из Баримации сделал блюдо; с его помощью он поймал кровь, стекавшую с тела Спасителя, когда оно висело на Кресте, после чего выпросил тело у Пилата; за преданность Граалю он был осужден иудеями, брошен в темницу, освобожден оттуда Господом, сослан вместе с сестрой Никодима, у которой было изображение Господа. Иосиф и его спутники пришли в землю обетованную, на Белый остров, часть Англии. Там они воевали с жителями этой земли. Когда Иосифу не хватало еды, он молил Создателя послать ему Грааль, в котором он собрал святую кровь, после чего всем, кто сидел за столом, Грааль приносил хлеб и вино и мясо в изобилии. После смерти Иосиф попросил, чтобы Грааль остался у его потомков, и таким образом получилось, что никто, какого бы высокого положения он ни был, не мог увидеть его, если только он не принадлежал к роду Иосифа. Богатый Рыбак был из этого рода, как и Грелогваус, от которого произошел Персеваль.

Нет необходимости указывать, что это, должно быть, интерполяция, поскольку если бы Говэн действительно узнал все, что можно было рассказать о Граале, то не было бы смысла в упреках, которые адресовали ему деревенские жители. Суть эпизода в том, что он засыпает до того, как сказка будет рассказана.

[11] Существование этого фрагмента свидетельствует о необходимости сопоставления всех MSS Конт дю Грааля и невозможности прийти к определенным выводам относительно развития произведения до того, как это будет сделано. Автор этой версии, очевидно, ничего не знал ни о Кесте, ни о Великом Сен-Граале, в то время как ему была известна поэма Боррона, и этот факт тем более примечателен, что никто из других поэтов, работавших над "Конт дю Граалем", не знал о Борроне, по крайней мере, насколько можно судить по печатным источникам. При нынешнем уровне знаний не представляется возможным сделать больше, чем наметить приблизительно основные разделы произведения.

[Мне отнюдь не ясно, что часть "Конт дю Грааль" Герберта является интерполяцией. Я скорее склонен рассматривать ее как самостоятельное завершение. Как будет показано далее, у нее есть несколько общих черт с "Мабиноги" и "Вольфрамом", черт, указывающих на общий прототип.

[13] В единственном MS., который дает эту версию, она следует, как уже было сказано, за прозаическими версиями несомненных поэм Робера де Боррона, "Иосифа из Аримафеи" и "Мерлина".

[14] Бирх-Хиршфельд в своем резюме (стр. 37, л. 22) или в своем авторитете MS, В.М., хіх, Е. ііі., переставил отношения.

[15] И похоронил его, добавляет Б. Х. в своем резюме, на основании ли MS. авторитета или нет, я не могу сказать, но в валлийском переводе есть - "был период в 240 лет" (очевидная ошибка переводчика) "после страстей И. К., когда пришел Иос из А.; тот, кто похоронил И. К. и снял его с креста".

[16] Так Эвелаха называли христианином, добавляет Б. Х. Здесь В. соглашается с Фурниваллом.

[17] Здесь резюме Бирха-Хиршфельда соглашается с В.

[18] В. Н. соглашается с W.

[19] Согласно Б. Х., затворник рассказывает ему, что поссорился со своими друзьями, после чего, устыдившись, спешит прочь.

[20] Здесь Б. Х. соглашается с У.

[21] У Б. Х. *пять* свечей.

[22] Б. Х.: "Когда же придет святой сосуд, чтобы утихомирить мою боль? Никогда не страдал человек так, как я".

[23] Б. Х. соглашается с В.

[24] Б. Х. соглашается с Ферниваллом.

[25] Б. Х., *девятый*.

[26] Б. Х., видение - коронованный старец, который с двумя рыцарями поклоняется кресту.

[27] В. Н., Nasciens.

[28] У Б. Х. есть весь этот отрывок, за исключением упоминания о видении на крестовом пути.

[29] В. Н., the latter.

[30] Б. Х., в Халдее.

[31] Б. Х., Лабран убивает Урбана.

[32] В тексте 1488 года - Урбан.

[33] Б. Х., Так был ранен король, а он был дедом Галахада.

[34] Из резюме Б. Х. не ясно, согласуется ли его текст с F. или W.

[35] В. Н., семь рыцарей.

[36] Б. Х., это был замок Корбеник, где хранился Святой Грааль.

[37] Б. Х., замок искалеченного короля.

[38] Б. Х., десять. Очевидно, ошибка в тексте, так как девять с тремя искателями Грааля составляют двенадцать, число учеников Христа.

[39] В. Н., три.

[40] Б. Х. соглашается с Ф.

[41] Из Б. Х. не видно, согласуется ли его текст с Ф. или У.

[42] Б. Х. соглашается с Ф.

[43] Здесь целесообразно привести известный отрывок из хроники Гелинанда, который, по мнению большинства исследователей, имеет первостепенное значение для определения даты создания Великого Святого Грааля. Хроника заканчивается 1204 годом и, следовательно, должна была быть закончена в этом или следующем году, а поскольку рассматриваемый отрывок относится к более ранней части работы, его можно датировать примерно двумя годами ранее (Birch-Hirschfeld, p. 33). "Hoc tempore (717-719) in Britannia cuidam heremite demonstrata fuit mirabilis quaedam visio per angelum de Joseph decurione nobili, qui corpus domini deposuit de cruce et de catino illo vel paropside, in quo dominus caenavit cum discipulis suis, de quo ab eodem heremita descripta est historia quae dicitur gradale. Gradalis autem vel gradale gallice dicitur scutella lata et aliquantulum profunda, in qua preciosae dapes divitibus solent apponi gradatim, unus morsellus post alium in diversis ordinibus. Dicitur et vulgari nomine greal, quia grata et acceptabilis est in ea comedenti, tum propter continens, quia forte argentea est vel de alia preciosa materia, tum propter contentum .i. ordinem multiplicem dapium preciosarum. Hanc historiam latine scriptam invenire non potui sed tantum gallice scripta habetur a quibusdam proceribus, nec facile, ut aiunt, tota inveniri potest."

Великий Святой Грааль - единственное из ныне существующих произведений цикла, к которому могли относиться слова Гелинандуса; но возникает вопрос, не имел ли он в виду произведение, из которого Великий Святой Грааль заимствовал свое вступление. Гелинандус упоминает о каламбурном происхождении слова "greal" (*infra*, p. 76), которое лишь намекается в Большом Граале, но полностью раскрывается в других местах, например, в Дидо-Персевале и в поэме Боррона.

Еще один момент, представляющий большой интерес, поднятый этим введением, будет рассмотрен в Приложении Б.

[44] В рукописи, которой придерживается Фернивалл, есть иллюстрация, на которой Иосиф изображен сидящим под Крестом и собирающим кровь с боков и ног в таз.

[45] MS. reading.

[46] Я не счел нужным приводить краткое изложение прозаического романа Персеваля ле Галлуа. Его можно найти в Birch-Hirschfeld, pp. 123-134. Эта версия, хотя и предлагает много интересных особенностей, слишком поздняя и неоригинальная, чтобы быть полезной для настоящего исследования.

[47] Ср. с. 78 в отношении этого отрывка.

[48] По мнению Д. Квеста (стр. 119), Иосиф приходит в Сарры через сорок два года после Страстей.

[49] То, что В I в рассматриваемом отрывке сокращен, ясно из следующего факта: Иосиф (ст. 2,448 и т. д.), молясь Христу о помощи, напоминает Ему о Его повелении, что когда он (Иосиф)

хочет помощи, он должен прийти "devant ce veissel precieus Oû est votre sans glorieus". Теперь слова Христа, обращенные к Иосифу в темнице, ничего не говорят о подобной рекомендации; но в E, Grand St. Graal, содержится сцена между нашим Господом и Иосифом, в которой последнему предлагается: "Et quant tu vauras à moi parler si ouuerras l'arche en quel lieu que tu soies" (I, 38-39), из чего можно сделать вывод, что В I представляет собой сокращенную и искаженную форму прототипа E.

[50] В "Мабиноги" Бранвен, дочь Ллира, воины, брошенные в котел обновления, выходят на утро такими же бойцами, как и прежде, за исключением того, что они не могут говорить (Mab., p. 381).

[51] Версия, кратко изложенная Бирхом-Хиршфельдом.

[52] Любопытно, что именно в этом тексте в качестве имени Короля-калеки напечатано Урбан; Урбан - антагонист Ламбара, отца Короля-калеки в первоначальном варианте "Квесты", и его упоминание в этом месте в тексте 1488 года, по-видимому, вызвано опечаткой. В этом эпизоде наблюдается прямой конфликт свидетельств между первой и второй редакциями: в первой Ламбар рабствует Урлана, во второй - Урлан Ламбара.

[53] Этот рассказ согласуется со вторым черновиком "Квеста", в котором Урлен убивает Ламбара.

[54] Упоминается только *один* созерцатель Квеста, хотя в Квесте, из которого Гранд-Сент-Грааль взял свой рассказ, *трое* созерцают чудеса Грааля.

[55] Это, конечно, относится ко второму из двух рассказов, которые мы нашли в поэме о Рыцаре Обетованном, - тому, который делает его внуком, а не просто сыном Бронса.

[56] О предмете квеста, согласно Генриху фон дем Тюрлину, мы поговорим в [главе VII](#).

[57] Это одна из замечательных точек соприкосновения между Гербертом и Вольфрамом фон Эшенбахом.

[58] Создается впечатление, что автор "С" придерживается здесь версии, в которой герою приходится лишь однажды побывать в замке Грааля; ничего не говорится о первом неудачном визите Персеваля, и Мерлин обращается к Персевалю так, словно впервые рассказывает ему о вопросах, в которых он уже должен быть полностью проинструктирован.

[59] Примечательно, что, учитывая скудость имеющегося в его распоряжении материала, анализ Шульца является точным, а его аргументация - верной.

[60] Вагнер замечательно использовал этот намек Симрока в своем "Парсифале", когда его Кундри (ненавистная девица из "Христиана" и "Мабиноги") стала Иродиадой. *Ср. далее, гл. X.*

[61] За исключением, конечно, парижских оттисков конца XV и начала XVI века, которые, однако, как правило, представляют собой самые поздние и интерполированные формы, и издания монс. Издание поэмы Боррона, сделанное Фр. Мишелем.

[62] Аргумент Хучера из ст. 2817 (*выше с. 106*) о том, что поэма знала о Великом святом Граале, однако, не выдерживает критики.

[63] См. с. 200, где Бирх-Хиршфельд приводит краткое сравнение двух произведений, и ср. с. 127.

[64] Критику этого утверждения см. на с. 128.

[65] Opera V. 410: Unde et vir ille eloquio clarus W. Mapus, Oxoniensis archidiaconus (cujus animae propitiatur Deus) solita verborum facetia et urbanitate praecipua dicere pluris et nos in hunc modum convenire solebat: "Multa, Magister Geralde, scripsistis et multum adhuc scribitis, et nos multa diximus. Vos scripta dedistis et nos verba."

[66] Печатается полностью, Hucher, I. 156 и т.д.

[67] Печатается по Hucher, I. p. 35, etc.

[68] Остальная часть работы Бирха-Хиршфельда посвящена доказательству того, что Хрестиен был единственным источником Вольфрама фон Эшенбаха, причем Киот последнего был придуман им для оправдания его отхода от версии Хрестиена; отход был вызван его неудовлетворенностью тем, как французский поэт трактовал тему с ее моральной и духовной стороны. Этот элемент проблемы Грааля будет кратко рассмотрен в Приложении А.

[69] Я не считал нужным или даже целесообразным обращать внимание на то, что "Британская энциклопедия" (часть XLI, стр. 34, 35) и некоторые другие английские "авторитеты" говорят о легендах о Граале.

[70] Они собраны вместе Хучером, т. I, с. 383 и т. д.

[71] В предисловии ко второму тому своего издания сочинений Хрестиена (Галле, 1887) В. Фёрстер отличает Передура от Дамы Фонтана и от Герайнта, которые он рассматривает как простые копии поэм Хрестиена, посвященных тем же темам. Передур, по его мнению, имеет некоторые валлийские черты.

[72] Возможно, это лишь совпадение, что у Готье "злую герцогиню" зовут Ризут ла Блуа, а Розетта ла Блонд - имя немилой девицы, которую Персеваль встречает в компании Бо Мове и которая, как полагает Бирх-Хиршфельд, подсказала Христиану его немилую девицу, посланницу Грааля. Но из трех версий получается следующее: -Ризаут (Готье), немилая девица (Дидо-Персеваль), вестник Грааля (Хрестиан), = кузен Передура, который в "Мабиноги" является немым вестником Грааля и действующим лицом в охоте на оленей.

[Я не считал нужным всерьез обсуждать гипотезу о том, что Хрестиен мог использовать "Мабиноги" в том виде, в котором мы их имеем сейчас. Приведенного выше изложения фактов достаточно, чтобы ее опровергнуть.

[74] The Counsels. *Хрестиан* (ст. 1,725 и др.): помогай дамам и девицам, ибо кто их не чтит, тот честь свою умертвил; служи им так же; ни в чем их не огорчай; много можно получить от поцелуя девицы, если она хочет лечь с тобой, но если она запрещает, оставь ее в покое; если у нее есть кольцо или браслет, и она по любви или по твоей мольбе дает его, хорошо, что ты берешь его. Никогда не общайся долго с одним человеком, не спрашивая его имени; всегда говори с достойными людьми и ходи с ними; всегда молись в церквях и монастырях (далее следует диссертация о церквях и местах поклонения в целом). *Мабиноги* (стр. 83): где бы ни была церковь, повторяй там свое Заклятие; если видишь мясо и питье, а никто не предлагает, бери; если слышишь крик, особенно женский, иди к нему; если видишь драгоценность, возьми и отдай другому, чтобы получить тем самым похвалу; отдай свой двор прекрасной

женщине, *хочет она того или нет*, и таким образом ты сделаешь себя лучше, чем прежде. (В выделенном курсивом отрывке "Мабиноги" приводят прямо противоположное мнение Христиана, которого он, очевидно, неправильно понял). *Сэр Персеваль* (с. 16): "Luke thou be of mesure Bothe in haulle and boure, And fonde to be fre." "There thou meteste with a knyghte, Do thi hode off, I highte, and haylse hym in hy" (Он истолковывает совет быть в меру, принимая только половину еды и питья, которые он находит у хозяйки шатра. Поцелуй хозяйки шатра, который следует за этим, никак не связан с советом его матери). *Вольфрам*: "Не ходи нетронутыми тропами; веди себя всегда прилично; никому не отказывай в приветствии; принимай наставления седобородого; если кольцо и приветствие прекрасной женщины нужно завоевать, то стремись к ней, целуй ее и обнимай ее дорогое тело, ибо это дает удачу и мужество, если она целомудренна и достойна". Помимо советов матери, Персеваль наставляет Гонеманс или соответствующее ему лицо. В "*Христиане*" (2,838 и др.) он должен отказывать в милосердии ни одному рыцарю, просящему о нем; следить за тем, чтобы не быть слишком щедрым; помогать и советовать дамам и девицам и всем другим, нуждающимся в его совете; часто ходить в церковь; не цитировать советы своей матери, а ссылаться на него (Гонеманса). В "*Мабиноги*" он должен оставить привычки и рассуждения своей матери; если он увидит что-то, что заставит его удивиться, не спрашивать о его значении. В "*Вольфраме*" он не должен постоянно держать на устах свою мать; должен вести себя скромно; помогать всем нуждающимся, но давать с умом, а не бездумно; и особенно не просить слишком многого; не отказывать никому, кто просит милости; когда он сложил оружие, чтобы не было видно его следов, но чтобы руки и лицо были вымыты от пятен ржавчины, и тем самым дамы будут довольны; держать женщин в любви и чести; никогда не пытаться обмануть их (как он мог бы сделать многие), ибо ложная любовь мимолетна, а мужчина и женщина едины, как солнце и дневной свет. - Мне кажется, что в этическом характере этих советов прослеживается очевидная прогрессия. Изначально они, несомненно, были чисто практическими и несколько примитивными по своей природе. Как бы то ни было, слова Христиана звучат очень странно для современных ушей.

[75] В примечаниях к двум моим статьям в "Folk-Lore Record" можно найти ряд ссылок, подтверждающих этот факт.

[76] Герой восстанавливает свои силы после различных сражений, натираясь содержимым сосуда с бальзамом. Кроме того, ему приходится войти в дом, дверь которого закрывается сама собой (как Порткуллис в замке Грааля у Вольфрама), и это убивает его. Его возвращает к жизни дружелюбный ворон. Появляется и таинственная карлина: "ногти на ее локтях загибались, а волосы вились вокруг пальцев ног, и смотреть на нее было невесело". Она превращает спутников героя в камень, и, чтобы расколдовать их, он должен найти бутылку с живой водой и обтереть ею их, после чего они оживут. Это похоже на финальное происшествие во многих историях из цикла "Два брата". Ср. примечание, с. 162.

[77] Версия О'Дейли состоит из 158 четверостиший; версия Кэмпбелла - из 63. Соответствие между ними, в целом очень близкое (часто словесное), показано в следующей таблице:-

О'Д., 1, 2.	С., 1, 2.
-	С., 3.
О'Д., 3.	С., 4.
О'Д., 4-15.	-
О'Д., 16.	С., 4.
О'Д., 17-24.	С., 5-12.

О'Д., 25.	-
-	С., 13-15.
О'Д., 26-47.	С., 16-36.
О'Д., 48-56.	-
О'Д., 57-61.	С., 37-40.
О'Д., 62.	-
О'Д., 63-65.	С., 41-43.
О'Д., 66.	С., 45.
О'Д., 67.	С., 44.
О'Д., 68, 69.	С., 46, 47.
О'Д., 70.	С., 49.
О'Д., 71.	С., 48.
-	С., 50.
О'Д., 72.	С., 52.
О'Д., 73.	-
О'Д., 74.	С., 53.
О'Д., 75.	С., 54.
О'Д., 76-80.	С., 55-59.
О'Д., 81-134.	-
О'Д., 135, 136.	С., 60, 61.
-	С., 62.
О'Д., 137.	-
О'Д., 138.	С., 63.
О'Д., 139-158.	-

[78] В качестве примера этой широко распространенной группы можно взять рассказ Гримм № 60 "Два брата" (Die zwei Brüder). Братья съедают сердце и печень золотой птицы и таким образом получают бесконечное богатство; их обманывает ювелир, который хотел бы сохранить золотую птицу для себя; они ищут свою удачу по всему миру в сопровождении зверей-помощников, расстаются на перекрестках, оставляя жетон жизни, чтобы каждый из них мог узнать, как поживает другой; один избавляет принцессу от дракона, его обманывает в плодах подвига Красный рыцарь, которого он через год сбивает с толку, отвоевывает принцессу, а еще через некоторое время, охотясь на волшебного оленя, становится жертвой ведьмы. Его брат, узнав о своей судьбе по жетону жизни, приезжает в тот же город, принимается за молодого короля даже принцессой, но хранит верность брату, укладывая их ночью с обнаженным мечом. Затем он избавляет от колдовских чар своего брата, который, узнав об ошибке, вызванной сходством, и думая, что им воспользовались, в порыве страсти убивает его, но затем, узнав правду, возвращает его к жизни. Гримм в своих примечаниях отмечает сходство этой истории с историей Зигфрида (приключения с Мимиром, Фафниром, Брунгильдой и Гуннараром). В Индии эта сказка фигурирует в "Катха Сарит Сагара" Сомадевы (перевод Брокгауза, ii., 142 и др.). Один из братьев превращается в демона из-за случайного окропления тела, сжигаемого на теле. В конце концов он освобождается от этого состояния благодаря тому, что его брат совершает определенные подвиги, но сходства в деталях нет. Другие варианты - *Зингерле* (с. 131), где происходит случай, когда герой завоевывает

расположение короля, заставляя своего медведя танцевать перед ним; я склонен рассматривать это как ослабленное воспоминание о том, как герой заставляет принцессу смеяться, либо сам разыгрывая сценки, либо заставляя играть в них свое животное (см. выше, с. 134, Kennedy's Irish Tale). Гримм также цитирует *Майера* 29 и 58, но это только варианты инцидента с убийством дракона. В варианте 29, приведенном на с. 306, герой смешит короля, и в обеих историях происходит знакомый эпизод, когда герой приходит неизвестным на турнир и побеждает всех врагов, как в *Передуре* (Inc. 9). *Wolf.*, p. 369, ближе, и здесь героя консультирует серый манник, которого он расколдует, если добьется успеха. *Stier*, № I. (а не с. 67, как ошибочно указывает Гримм) следует почти точно тому же курсу, что и Гримм 60, за исключением того, что здесь есть три брата. В *"Граале"*, с. 195, открывается волшебная золотая птица, но ни одно из последующих приключений не совпадает. *Шотт*, № 11, также цитируется Гриммом, но ошибочно; он принадлежит к группе верных слуг. Очень близкие варианты происходят из Швеции (Cavallius-Oberleitner, Va, Vb) и Италии (Pentamerone, I. 7 и I. 9). В шведских сказках есть открытие чудесного зачатия, которое является характерной чертой сказок, относящихся к группе "Изгнание и возвращение" (например, Персей, Ку-Чулейнд и Талиесин), но в остальном они представляют почти те же события, что и Гримм. Во второй из итальянских версий есть открытие чудесного зачатия, столь характерное для этой группы народных сказок и для родственной ей группы формул, обретение богатства в результате поедания сердца морского дракона, инцидент с турниром (хотя и без переодевания героя), охота на оленя, в которой олень, злобный волшебник, обитающий в лесу, является каннибалом и оставляет захваченного героя себе на съедение. В рассказе о родах второго брата происходит инцидент с разделительным мечом. Первая версия открывается, по-видимому, искаженной и ослабленной формой освобождения героем дома с привидениями от его дьявольских обитателей (см. гл. VII., Гавейн), а затем очень близко следует "Двум братьям" братьев Гримм, за исключением того, что манящая ведьма молода и справедлива, и вся сказка направлена на мораль: "Больше удачи, чем ума". Страпарола, 3 балла, - это вариант одного только инцидента с драконом. Невозможно не поразиться тому факту, что в этой широко распространенной группе сказок можно найти некоторые из наиболее характерных происшествий, присущих Персевалу и смежной группе Великого Дурака. Единственная версия, которая, однако, приводит эти две группы в формальный контакт, - это форма Великого Дурака О'Дейли.

[79] Черта брата появляется также у Вольфрама фон Эшенбаха, где последняя и самая трудная борьба Парцифаля происходит с неизвестным братом, как у Великого Дурака - с Груагачем. Это можно добавить к другим указаниям на то, что Вольфрам имел перед собой какую-то другую версию, кроме христианской.

[80] Я не могу не думать, что эти слова связаны с инцидентом в английском "Сэре Персевале", когда герой бросается в пламя и таким образом уничтожает своего врага-колдуна.

[81] Я должен обратиться к моим исследованиям Мабиногиона, I. Бранвен, чтобы обсудить связь этой сказки с Бранвен и с тевтонским Хельденсажем.

[82] Другую параллель дает рассказ о Коналле Гульбане (Campbell, III., 274). Коналл, растянувшийся раненым на поле боя, видит "когда ночь стала темной, большую турецкую карлину, и у нее был белый световой луч, с помощью которого она могла видеть семь миль позади себя и семь миль перед собой; и у нее была фляга с бальзамом". Мертвецов оживляют, вливая им в рот три капли бальзама. Герой получает и флягу, и глайв.

[83] См. замечания по мифологическому аспекту баллады в моем "Бранвене". Следует отметить, что большинство баллад, традиционно бытующих в Хайлендсе, имеют полулитературное происхождение, *то есть*, по-видимому, восходят к сочинениям средневековых ирландских бардов, которые часто осыпали родную традицию обилием классических и исторических имен. Я не думаю, что иностранное влияние пошло дальше "имен" некоторых персонажей, и такое влияние больше проявляется в балладах, чем в сказках".

[84] Это может показаться противоречащим утверждению, сделанному выше (стр. 145), что "Мабиноги", вероятно, переняли увечного дядю у Хрестиана. Но, по всей вероятности, существовало несколько форм этой истории; та, на которую намекает Хрестиен и которая встречается у Манессье, имела свой вероятный аналог в кельтской традиции, так же как и та, что встречается у Герберта. Вряд ли возможно определить, какой была форма, найденная в прото-Мабиноги, но на возможность того, что она была точно такой же, как у Герберта, никак не влияет тот факт, что Мабиноги, как мы имеем их сейчас, в этом отношении подверглись влиянию Хрестиана. Между тем гипотеза Бирха-Хиршфельда о том, что гербертовская часть "Конт дю Грааль" является интерполяцией между Готье и Манессье, подвергается серьезному сомнению. Гораздо более вероятно, что работа Жербера была независимой и оригинальной попыткой дать окончание незаконченной поэмы Крестьяна, и что он имел перед собой версию оригинала, отличную от той, которую использовали Готье и Манессье.

[85] Она встречается и в "Передуре" (Inc. 16), где герой приходит в замок юношей, которые, сражаясь каждый день с Адданком из пещеры, каждый день погибают и каждый день оживают, будучи помазанными в сосуде с теплой водой и драгоценным бальзамом.

[86] Во второй раз, если продолжение Герберта действительно предназначено для нашего нынешнего текста Готье, и если на резюме Потвина о Герберте можно положиться; Бирх-Хиршфельд, кажется, отличается от него здесь, и заставляет короля сразу же упомянуть об этом недостатке.

[87] Стоит отметить, что ст. 35,473 совпадает с Chrestien, ст. 4,533.

[88] Очевидно, что, хотя в MS., в которой находится эта версия, за ней следует раздел Манессье, поэма должна была закончиться на этом месте.

[89] В других случаях, в частности у самого Готье (Inc. 21), рассказывается о Персевале, где добавлена фигура мертвого рыцаря, лежащего на алтаре.

[90] Согласно Монпелье, который здесь в значительной степени совпадает с текстом Потвина (Mons MS.), это второй визит Говена в замок Грааля. Во время первого визита он подвергся испытанию мечом и уснул. Мистическая процессия выглядит следующим образом: рыцарь с копьем; девы с тарелками; два оруженосца с подсвечниками; плачущая прекрасная дева, в руках у нее "грааль"; четыре оруженосца с костылем, на котором лежит рыцарь со сломанным мечом. Говен хотел бы узнать об этих вещах, но ему велено сначала сделать меч целым. В случае неудачи ему говорят

У вас еще не было столько оружия.
D'armes, que vous doiez savoir, etc...

после чего он засыпает. Пробуждение застает его в болоте.

[91] Можно предположить, что волшебный сосуд, сохраняющий этому заколдованному народу подобие жизни, переходит во владение героя, когда он спрашивает о нем, и что без

него их существование прекращается, как и существование ансов без яблок Идуны. Я поместил это в примечание, поскольку у меня нет никаких доказательств в поддержку этой теории. Но если прочитать в свете этой гипотезы какую-нибудь доселе незамеченную легенду, то она может стать необходимым звеном свидетельства.

[92] Почти все возражения против предложенной в тексте точки зрения могут быть отброшены как вызванные недостаточным осознанием степени смешения двух формул, но есть одно, которое кажется мне действительно важным. Растрата земли, которую я рассматривал как относящуюся к формуле без написания, прослеживается в "Квесте" до удара, нанесенного королем Ламбаром королю Урлайну, - история, которая, как мы видели, очень похожа на ту, что лежит в основе, по крайней мере, одной из моделей, которой придерживается Конт дю Грааль в своей версии феодального поиска. Не кажется вероятным, что история Queste является простым отголоском той, что встречается в Conte du Graal, или что слияние существовало так далеко, что в модели, общей для обоих. Но вторая альтернатива возможна.

[Я не следую за М. Хучером на (как мне кажется) очень ненадежной почве галльского нумизматического искусства. Предмет, который он находит изображенным на дохристианских монетах, может быть котлом, а может и не быть, и даже если это котел, он может не иметь того значения, которое он ему приписывает.

[94] Ср. с Lug D'Arbois de Jubainville, Cycle Mythologique Irlandais; Paris, 1884, p. 178. Его почитали все кельтские расы, и он оставил свой след в названии нескольких городов, главный из которых Луг-дунум = Лион. Поскольку у кельтов были ведомственные боги, он был богом ремесла и торговли; но см. об этом Rhys, Hibb. Lect., p. 427-28.

[95] Ср. D'Arbois de Jubainville, *op. cit.*, p. 269-290. Дагда - добрый бог - был, по-видимому, главой ирландского Олимпа. Легенда, датируемая XI веком и относящаяся, вероятно, к самому древнему пласту кельтского мифа, приписывает ему власть над землей: без его помощи сыновья Миледа не могли получить ни кукурузы, ни молока. Поэтому неудивительно, что он был обладателем волшебного котла, который можно рассматривать как символ плодородия и, как таковой, сходный с аналогичными символами в мифологии почти всех народов.

[96] См. о мифическом характере Туатха де Дананн у Д'Арбуа де Жюбенвиля, указ. соч. и мою рецензию на его работу, Folk-Lore Journal, июнь, 1884.

[97] Одно время я думал, что запрет на разглашение "тайных слов", который является таким важным элементом в версии Робера де Боррона, может быть связан с тем же корнем мифа, что и случаи в тексте. Доказательств, подтверждающих столь опасную гипотезу, практически нет. Тем не менее в этом месте стоит обратить внимание на запрет, которому я не могу предложить адекватного объяснения.

[98] Силы тьмы и смерти. Их царь Тетра правит на острове. Именно оттуда приходит дева, чтобы выманить Коннла из Золотых Волос, как рассказывается в Leabhar na-h-Uidhre, так же как посланник Грааля приходит искать Персеваля - "это земля, в которой нет ни смерти, ни старости - равнина бесконечного наслаждения", аналог, по сути, того Авалона, куда Артура уносит через озеро дева-фея, того Авалона, который, как мы видим у Робера де Боррона, был самым ранним домом хозяина Грааля.

[99] Ср. D'Arbois de Jubainville, *op. cit.* p. 188.

[100] Когда Кухулайнн противостоял ирландским воинам во время их вторжения в Ольстер, одним из его подвигов было создание гладких колесничных столбов из грубых ветвей деревьев путем пропускания их через сжатую руку, так что, какими бы гнутыми и узловатыми они ни были, они выходили из его рук ровными, прямыми и гладкими. *Тейн бо Куальгне*, цитируется Виндишем, Rev. Celt., Vol. V.

[101] Этот эпитет напоминает о Луге, для которого он является основным обозначением. Луг был в *высшей степени* богом ремесленников; он же в битве при Маг Туреде выступал в роли своего рода генерала-оружейника Туатха де Дананн. Тусклое напоминание об этом можно проследить в словах, которые в народной сказке применяются к Улламху l.f.: "Он был единственным особым человеком, который брал их оружие".

[102] См. мою формулу "Изгнание и возвращение ариев", стр. 8, 13, для вариантов этих инцидентов в других историях, принадлежащих к этому циклу и в родственных народных сказках.

[103] Этот инцидент встречается только в живом *Фионне-мудреце*, отсутствуя во всех более ранних версиях, и все же, как показывает сравнение с родственным Персевалем-мудрецом, он является оригинальной и существенной чертой. Как сторонники теории о том, что оссиановский цикл - это недавняя масса легенд, выросшая из жизни и обстоятельств исторических людей, объясняют это развитие по линии формулы, с которой, *ex hypothesi*, легенда не имеет ничего общего? Говорят, что мудрец *Фионн* был искажен в подражание мудрецу *Кухулайнну*, но это утверждение (которое, хотя и сделано смело, почти не имеет под собой реальных оснований) не может быть сделано в случае с Конте дю Граалем. Средневековые ирландские барды и неграмотные горские крестьяне не сговаривались вместе, чтобы приключения Фионна совпадали с приключениями Персеваля.

[104] В гавейновской форме феодального квеста, встречающейся у Готье, рыцарь, за смерть которого он собирается отомстить, убит броском дротика. Можно ли это связать с тем, что Персеваль убивает броском своего дротика Красного рыцаря, который, согласно роману Торнтонна, является убийцей его отца.

[105] Этот прозаический рассказ предшествует устной версии одной из самых распространенных фенийских поэм, которая в своем нынешнем виде, очевидно, восходит к тем временам, когда ирландцы боролись с норвежскими захватчиками. Поэма, которая до сих пор бытует как в Ирландии, так и в Горных горах, относится к той поздней стадии развития фенийского цикла, на которой Фионн и его люди изображены как воюющие против норманнов. Она совершенно не похожа на прозаическую историю, описанную выше, и я склонен рассматривать прозу как принадлежащую к гораздо более ранней стадии развития цикла, стадии, на которой герои были чисто мифическими, а их подвиги - подвигами мифических героев вообще".

[106] Запрет, по-видимому, является отголоском широко распространенного мифа, запрещающего посетителю потустороннего мира вкушать пищу мертвых, нарушив который, он будет отдан на растерзание теням. Самым известным примером этого мифа является миф о Персефоне.

[107] См. Прокопия, цитируемого Элтоном, *Origins of English History*, p. 84.

[108] Профессор Рис, в "Лекциях Хибберта" за 1886 год, считает его кельтским Зевсом. Он отнял у своего отца Бруг обманом, как Зевс отнял у Кроноса силой.

[109] D'Arbois de Jubainville, *op. cit.*, p. 275. Rhys, *op. cit.*, p. 149.

[110] М. Дювай, *Revue Celtique*, Vol. IX, No. 1, перевел различные версии этой истории.

[111] Как и многие другие древние ирландские сказания, эта форма запутана и неясна, но к оригиналу прийти несложно.

[112] Часть, заключенная в скобки, встречается только в одной версии рассказа. Каждая из двух версий сохранила некоторые архаичные черты, которых нет в другой.

[113] Резюмирует Д'Арбуа де Жюбенвиль, *указ. соч.*, с. 323.

[114] D'Arbois de Jubainville, p. 326.

[115] Отто Кюпп, *Z.f.D. Phil.* xvii, i, 68, рассматривая версию Вольфрама, видит в ветке, охраняемой Грамофланцем и сломанной Парцифалем, след первоначального мифа, лежащего в основе этой истории. Грамофланц связан с Волшебным замком (одна из обитательниц которого - его сестра) или с потусторонним миром. Догадка Кюппа в значительной степени опирается на то значение, которое придается ветке в ирландских сказках как части потустороннего мира.

[116] Это напоминает о том, что Оэнгус из Бруг влюбился в лебединую деву. См. текст и перевод *Revue Celtique*, Vol. III., pp. 341, *et. seq.* Эта история упоминается в каталоге эпических сказаний (датируемом десятым веком), найденном в Книге Лейнстера.

[117] В варианте из Кашмира (Knowles' *Folk-tales of Kashmir*, London, 1888, p. 75, *et. seq.*), Saiyid and Said, эта история включена в одну из близнецово-подростковых.

[118] Фридрих (I.) Барбаросса - это ошибка XVII века (*ср.* Koch, *Sage vom Kaiser Friedrich in Kyffhäuser*, Leipzig, 1886), обозначающая Фридриха II, первого германского императора, о котором рассказывается легенда. Ошибка была вызвана тем, что Фридрих занял место германского рыжебородого бога, вероятно Тора, отсюда и позднее отождествление с *рыжебородым* Фридрихом, а не с тем великим противником папства, чью смерть в Италии немецкая партия долгие годы отказывалась признавать.

[119] Если только отрывок, относящийся к Карлу Великому, не цитируется Гриммом (D.M., III., 286) из *Mon. Germ. Hist.*, Vol. VIII., 215, "*inde fabulosum illud confictum de Carolo Magno, quasi de mortuis in id ipsum resuscitato, et alio nescio quo nihilominus redivivo,*" быть старше.

[120] Издание Либрехта "*Otia Imperialia*", Ганновер, 1856, стр. 12, и примечание стр. 55.

[121] Martin Zur Gralsage, p. 31, аргументируя историческую связь Фридриха II с Сицилией, считает, что локализация этой артурианской легенды на этом острове была причиной того, что она была связана с Гогенштауфенами; другими словами, знаменитая немецкая легенда была бы косвенным отголоском артурианского цикла. Здесь я не могу последовать за Мартином. Я не вижу причин сомневаться в подлинности традиций, собранных Куном и Шварцем, или не верить в то, что у тевтонов был этот миф, так же как и у кельтов. Превозносить кельтскую традицию в ущерб германской не входит в мою диссертацию; почти все параллели, которые я привел между романами и кельтской мифологией и фольклором, могут быть сопоставлены с немецкими. Но романы исторически связаны с кельтской традицией, и параллели, найденные в последней, ближе и многочисленнее, чем те, которые можно было бы извлечь из германской традиции. Поэтому проще всего отнести романы к первой, а не ко второй.

[122] См. Grimm, D.M., Ch. XXXII; Fitzgerald, *Rev. Celt.*, IV., 198; и ссылки в Liebrecht, *op. cit.*

[123] Лично сообщено преподобным мистером Сорби из Шеффилда.

[124] В Христиане на роли Владыки-мага мало кто настаивает. Но в "Вольфраме" он является очень важным персонажем. Здесь можно отметить, что последствия, которые должны последовать в Христиане за снятием чар с этого замка, гораздо точнее соответствуют описанию, данному недоброжелательной Девой Грааля, о выгодах, которые были бы получены, если бы Персеваль поставил вопрос при дворе Короля-Рыбака, чем тому, что на самом деле описано как последствия постановки этого вопроса Готье, Манессье или Гербером. Этот замок, по-видимому, и есть тот самый, в котором поселились рыцари, каждый со своей возлюбленной, и который ненавистная дева объявляет своим домом.

[125] Кеннеди в основном следует Oss. Soc., Vol. II, pp. 118, *et. seq.*, версии XVIII века, переведенной г-ном О'Кирни. Этот конкретный эпизод находится на стр. 147 *и далее*. Я следую версии Oss. Soc. версии, отдавая предпочтение версии Кеннеди там, где они расходятся.

[126] Историю, приведенную у Генриха, можно сравнить с народной сказкой о Спящей красавице. Это дева, погруженная в смертный сон вместе со всем своим имуществом, пока ее не разбудит поцелуй сужденного принца. Не можем ли мы предположить, что в более древней форме этой истории, чем та, которой мы располагаем сейчас, двор принцессы исчезал, когда освобождающий поцелуй возвращал ее к реальной жизни и оставлял наедине с принцем? Сравнение имеет еще один интерес: народная сказка является вариантом старого мифа, который занимает видное место в героических сказаниях тевтонской расы (Lay of Skirni, Lay of Swipday and Menglad, Saga of Sigurd and Brunhild), и что в своей наиболее известной форме Зигфрид, отвечающий в тевтонском мифе Фионну, является его героем. Но Передур - это кимрский Фионн, так что параллель между двумя героями, кельтским и тевтонским, ближе, чем кажется на первый взгляд, когда Зигфрида сравнивают только с его гэльским коллегой.

[127] Я не стал подробно рассматривать визит Гавейна в Волшебный замок, прежде всего потому, что он лишь косвенно касается Квеста Грааля, а затем потому, что я надеюсь в ближайшее время изучить личность Гавейна в романах и пролить на нее свет кельтской мифической традиции так же, как я пытался сделать это в случае с Персевалем на предыдущих страницах.

[128] Kennedy, *Legendary Fictions*, p. 154, *et. seq.*

[129] Гримм, т. III, с. 9 (примечание к Märchen von einem der auszog das Fürchten zu lernen), приводит ряд вариантов. Следует отметить, что в этой истории присутствует такое же смешение происшествий в формах "Волшебный замок" и "Замок с привидениями", как и в романах. Более того, одним из испытаний, которому подвергается мужество героя, является внесение в комнату гроба, в котором лежит мертвец, как и в случае с посещением Гавейном замка Грааля. И снова, как отмечает Гримм, но ошибочно ссылается на Персеваля, а не на Гавейна, герою приходится пережить приключения с волшебной кроватью, которая, когда он ложится на нее, с силой носится по замку и в конце концов переворачивается. В связи с этой историей, а также с целым рядом мифических представлений, отмеченных в романах о Граале, глава XXXII "Немецкой мифологии" заслуживает внимательного изучения. Гримм сравнивает ночной визит Кондуирамура (Бланшефлер) в покои Персиваля с появлением у постели героя-избавителя той белой девы, которая так часто фигурирует в качестве обительницы замка с привидениями. Будучи племянницей лорда замка Грааля, Бланшефлер также является обительницей потустороннего мира, но вряд ли эпизод избавления ее Персивалем от врагов можно рассматривать как версию снятия чар с замка с

привидениями. В одном из недавних номеров "Revue des Traditions Populaires" (III., p. 103) приводится хорошая бретонская версия затонувшего под волнами Замка с привидениями. В нем держат в плену прекрасную принцессу ; раз в год волны расступаются и открывают доступ, и тот, кто достаточно смел, чтобы воспользоваться подходящим моментом, выигрывает принцессу и замок, которые возвращаются на землю.

[130] Будь то замок Короля-Рыбака, т.е. замок квеста Персеваля, или Волшебный замок, т.е. замок квеста Гавейна.

[131] Более полную информацию об этой загадочной рыбе см. в Rhys, Hibbert Lectures, pp. 553-54.

[132] В уже цитированной сказке Кэмпбелла (LVIII., Всадник из Грианайга) упоминается "черный рыбак, работающий над своими трюками". Кэмпбелл отмечает, что подобный персонаж встречается и в других сказках. Можно ли соотнести этого рыбака-волшебника с богатым рыбаком из Псевдо-Крестиана (*выше*, [стр. 8](#)), который знал много черных искусств и мог менять свое обличье сотни раз?

[133] Полный текст под редакцией Куно Мейера, Revue Celt., Vol. V. Большая часть текста с английским переводом д-ра Дж. О'Донована, Oss. Soc., Vol. IV. Трактат в целом известен нам только по рукописи XV века; но более ранняя его часть появляется в L.n.H. в сильно эвгемеризированной форме, в которой допускаются только те происшествия, которые могут быть представлены исторически, и они лишены всякого сверхъестественного характера. Обсуждение подлинного и раннего характера трактата см. в моей статье "Folk-Lore Record", Vol. IV.

[134] Причина такого сокрытия может быть найдена в идее, столь часто встречающейся на определенной стадии развития человека, что имя является существенной частью личности и не должно упоминаться, особенно возможным врагам или существам, обладающим магической силой, чтобы они не использовали его во вред.

[135] См. всю "Книгу прав" для примера того, как дохристианский ирландец был огражден, связан и скован этой удивительно сложной системой того, что он может и чего не может делать.

[136] Они предлагают ему собачью плоть, приготовленную на вертелах из рябины, и, как предполагают, гесс имеет тотемистическую основу: гончей Куланна (Кухулайнна) запрещено есть плоть своего тотема.

[Только за последние 100 лет наши знания о диких и полудиких расах позволили нам найти параллель "геаса" в "табу" полинезийцев. Я не слишком преувеличиваю, утверждая, что этот институт, хотя следы его существуют среди всех арийских рас, ни среди одной не имел такого значения, как среди ирландских гэлов. Это еще одно доказательство примитивного характера ирландской общественной жизни, который, возможно, можно приписать ассимиляции вторгшимися кельтами верований и практики гораздо более грубых рас".

[138] Мистер Элтон (Origins, pp. 291, 292) рассматривает Брана и Карадока как первоначальных богов войны. Карадок, по его мнению, был перепутан с Карактаком, Бран - с Бренном, и поэтому эти два персонажа были отправлены в Рим в подражание предполагаемым историческим прототипам.

[139] Триада Кынддельва на самом деле относится не к "благословенным" семьям, а к "верным" или "преданным" семьям. Ошибка Стефана возникла из-за того, что имя Madawc

встречается в двух триадах, одна из которых относится к "господским" семьям Британии, в которой фигурирует и семья Ллира Лледиата, а другая - к верным семьям. В обеих триадах это имя, вероятно, ошибочно названо Мабоном. (Примечание передано профессором Рисом.)

Я привожу это утверждение в тексте, чтобы увещевать себя и других к тому страху перед авторитетами, который в учености является началом мудрости".

[140] Профессор Рис говорит мне, что этот отрывок может означать только "голова Блаженного Брана".

[141] Мистер Уорд поддерживает утверждение Зарнке. По его словам, нет никаких следов связи между Иосифом и евангелизацией Британии, которые можно было бы назвать более древними, чем роман. Утверждения "De ant. eccl. Glasc.", по его мнению, не являются путеводителем по знаниям или мнениям Уильяма Мальмсберийского.

[142] Здесь я могу отметить теорию, на которую мое внимание обратили только сейчас. Она приводится в большой научной работе "*Die Fronica*" профессора Карла Пирсона, Страсбург, 1887 год. Автор цитирует мнение мистера Дженнера из Британского музея о том, что голова на блюде из "Мабиноги" может происходить от портрета Вероники. Профессор Пирсон выражает сомнение, поскольку такая процессия с портретом Вероники и инструментами Страстей, как сцена в "Мабиноги", *ex hypothesi*, не известна ему ранее XIV века, тогда как "Мабиноги" должны быть отнесены, самое позднее, к середине XIII века. Мистер Х. Л. Д. Уорд сообщает мне, что это предположение принадлежит ему. Отмечая связь легенд о Веронике и Граале, о которой свидетельствует Боррон, ему пришло в голову, что вся сцена в "Раненом короле" может быть заимствована из этих легенд. Раненый король, исцеленный Граалем, был бы, таким образом, аналогом прокаженного Веспасиана, исцеленного портретом Вероники, который какой-то странствующий "жонглер" дерзко превратил в настоящую голову. Но следует заметить, что в "Борроне", который является нашим авторитетом для связи двух легенд, Раненого короля вообще нет; в "Конте дю Грааль" искалеченный король исцеляется не каким-либо особым талисманом, а смертью своего врага, видимым знаком которой является голова этого врага, а в "Процессии" (которую мистер Уорд считает видением) Грааль, конечно же, является сосудом и не имеет никакой связи с какой-либо головой или портретом. Таким образом, теория требует, чтобы версия, которая дает самую древнюю форму гипотетической переделанной легенды о Веронике, опустила ту самую особенность, которая была единственным смыслом ее существования.

[143] Мистер Уорд считает локализацию поздней, и практически для нее нет авторитетов более древних, чем романы. Он особо отмечает, что "Житие Мерлина" Джеффри, в котором так много говорится о "*insula romorum*", никак не связывает его с Гластонбери. Существуют значительные сомнения относительно этимологии Гластонбери, но современные ученые-кельтологи единодушны во мнении, что оно имеет кельтский, а не саксонский источник. Как бы то ни было, факт остается фактом: в течение двенадцатого века старое христианское место Гластонбери заняло место кельтского рая, и гораздо вероятнее, что это превращение произошло благодаря местным традициям, а не полностью через посредство иноземных романов.

[144] Дохристианские ирландские анналы, которые по большей части являются эвмеризированной мифологией, содержат также определенное количество расовой истории; таким образом, борьба между силами света и тьмы, типизированная антагонизмом между Туатха де Дананн и Фомори, удваивается борьбой между светлыми вторгшимися кельтами и низкорослыми темными аборигенами. Но последняя оставила лишь едва

заметный след своего существования в национальных сагах. Только когда мы переходим к вторичной стадии саги о Фениане, которая, должно быть, была сформирована в одиннадцатом и двенадцатом веках, и которая представляет фенианцев как воюющих против беспокойных северян, иноземный элемент вновь появляется в ирландской традиции.

[145] "Тохмарк Эмер", или "Ухаживание Эмера Кухулланом", было переведено профессором Куно Мейером в "Археологическом обозрении", №№ 1-4 (Лондон, 1888). Оригинальный текст находится частично в Leabhar na h-Uidhre, частично в более поздних MSS.

[146] Судьба сыновей Уснеха известна нам в двух основных редакциях, одна из которых находится в Книге Лейнстера (составленной в середине двенадцатого века из более древних MS.), напечатанной Виндишем, *Irish Texts* (первая серия) pp. 67-82, и переведенной М. Пуансиньоном, *Revue des Traditions Populaires*, III, pp. 201-207. Текст, напечатанный и переведенный Дж. О'Фланаганом (*Transactions of the Gaelic Society of Dublin*, 1808, pp. 146-177), в значительной степени согласуется с этим. Вторая редакция была найдена только в более поздних MSS. Мистер Уитли Стоукс привел текст и перевод из одного из манускриптов пятнадцатого века (*Irish Texts*, II. (*Irish Texts*, II. 2, pp. 109-178), а О'Фланаган отредактировал очень похожую версию (*loc. cit.* pp. 16-135). Эта вторая версия более полна и романтична; только в ней можно найти сетования Дейрдре по поводу отъезда из Шотландии, один из самых ранних примеров в постклассической литературе личного сочувствия природе.

Но более ранняя версия, хотя и несет, как и многое другое в старейших ирландских списках, явные следы сокращений и эвемеризма, также полна самых тонких романтических штрихов. Часть причитаний Дейрдре над убитым Нойзи можно перефразировать так: "Прекрасная, любимая, цветок красоты; любимая, прямая и сильная; любимая, благородная и скромная воительница. Когда мы бродили по лесам Ирландии, сладок был с тобою ночной сон! Прекрасная, голубоглазая, любимая жена, милая мне на свидании, - донесся до меня сквозь лес твой ясный голос. Я не могу уснуть; полночи мой дух блуждает среди толпы людей. Я не могу ни есть, ни улыбаться. Не разбивай сегодня мое сердце; скоро я лягу в могилу. Сильны волны морские, но сильнее печаль, Конхобор".

[147] Статья М. Ренана "De la Poésie des Races Celtiques" (*Revue des Deux Mondes*, 1854, pp. 473-506) попала мне в руки только после того, как основная часть этой главы была напечатана, иначе я вряд ли осмелился бы изложить своими словами те выводы, в которых мы согласны. Возможно, будет полезно указать на те моменты, в которых, по моему мнению, это наводящее на размышления эссе уже не отражает современного состояния знаний. Когда М. Ренан писал, природа народной традиции была мало исследована во Франции - отсюда тенденция приписывать исключительно кельтскому гению то, что характерно для всех народных традиций. Во Франции практически ничего не было известно о ранней ирландской истории и литературе, поэтому дикий, примитивный характер кельтской цивилизации игнорировался. Бардовская литература Уэльса все еще относилась к эпохе ее предполагаемых авторов - отсюда ложная оценка отношений между светскими и церковными сочинениями валлийцев. Наконец, три "Мабиногиона" ("Дама у фонтана", "Герайнт", "Передур"), соответствующие поэмам Хрестиена, безоговорочно принимаются за их оригиналы. Влияние валлийской художественной литературы на определение придворного и утонченного характера средневекового романа, как следствие, сильно преувеличено. Очень хотелось бы, чтобы М. Ренан представил нам еще один обзор кельтской литературы, основанный на работах последних тридцати лет. Его ясная и сочувственная критика была бы очень желанна в этой области, которая до сих пор оставалась уделом исключительно специалистов.

[148] Мэлори - прекрасный пример силы стиля. Он - самый неинтеллигентный компилятор. Из множества версий легенды он часто выбирает самую длинную, самую утомительную и наименее красивую; его собственный вклад в историю, как правило, презираем. Но его язык именно таков, каким он должен быть, и в результате он остался классической английской версией истории Артура.

[149] Краткое изложение концепции Боррона см. на с. 112; Грех - причина нужды среди людей; отделение чистых от нечистых с помощью рыбы (символ Христа); наказание самовольного ложного ученика; награда Бронсу в виде Грааля; символизация Троицы тремя столами и тремя Хранителями Грааля.

[150] Уже отмечалась большая деликатность валлийской сказки. "Сделать ему такое предложение, пока он меня не сватал, - вот чего, поистине, я не могу сделать", - говорит аналог Бланшефлер в "Мабиноги". "Иди, сестра моя, и спи, - отвечает Передур, - и я не отойду от тебя, пока не сделаю того, чего ты требуешь". Я не могу не видеть в том, что валлийский сказочник придает этой сцене большое значение, свой протест против странных и отталкивающих его способов рыцарской любви. Более древняя, мифическая природа возлюбленной Передура, которая в силу своего божественного происхождения могла свататься, не теряя женской скромности, угасла в сознании рассказчика, новый идеал придворной страсти не получил у него признания.

[151] Недоумения, которые терзают современного читателя "Квесты", отразились в пересказе легенды Лауреатом. Нигде больше в "Идиллиях" он не отходит так далеко от своего образца. Большая часть инцидентов принадлежит ему и с пользой заменяет тошнотворные рассуждения о целомудрии, занимающие столь большое место в "Квесте". Инстинкт художника, а не уважение ученого к древнейшей форме рассказа, заставил его практически вернуть Персеваля на его законное место героя квеста. За его судьбой мы можем следить с интересом, которого не может вызвать его тень, Галахад. Как легко заметить, основополагающая концепция романа двенадцатого века также не соответствует вкусу лауреата. Артур - его идеал мужественности, а энергия Артура практична и человечна как в цели, так и в исполнении. То, что говорит "безупречный король", когда впервые узнает о поисках, отражает, как можно догадаться, истинное отношение автора ко всей этой фантастической затее.

Все любители английской поэзии сожалеют, что "Поиски Санграаля" Хокера так и не были завершены. Первое и единственное песнопение - великолепный фрагмент; за исключением "Сэра Галахада" Лауреата, лучшее произведение чистой литературы в цикле. Хоукер, возможно, единственный из современных авторов, сумел сохранить средневековый тон и дух и при этом привести "Квест" в соответствие с потребностями и идеями сегодняшнего дня.

[152] Ср. Grimm, Deutsche Mythologie, II, 811, и его ссылки.

[153] Представления о девственности, которых придерживаются многие народы, находящиеся на примитивной стадии культуры, заслуживают тщательного изучения. Некоторую физиологическую основу для них можно найти в явлениях истерии, которые обязательно должны были казаться таким народам свидетельствами божественной или демонической одержимости, и на той стадии вряд ли можно было встретить спасение среди незамужних женщин. Во французских процессах над ведьмами эти явления часто демонстрируют монахини, в чьем случае они, вероятно, были результатом безбрачной и неактивной жизни. С другой стороны, лица, обвиняемые в колдовстве, как правило, были

самого заброшенного характера, и именно этот, с точки зрения морали, деградировавший класс дал профессору Шарко и его ученикам субъектов, в которых они выявили все явления, с которыми сталкивается исследователь процессов над ведьмами.

[154] Domanig, *Parzival-Studien*, I, II, 1878-80.

[155] San-Marte, *Parzival-Studien*, I-III, 1861-63.

[156] Некоторые читатели, которым немецкий язык двенадцатого века покажется очень трудным, возможно, захотят ознакомиться с работой Вольфрама. Поэтому несколько слов о переводе на современный немецкий язык не будут лишними. Оригинальный перевод Сан-Марте (1839-41) полон грубых ошибок и неточностей, а также, что еще хуже, отрывков, вставленных в текст, чтобы поддержать собственную интерпретацию поэмы в целом. Последующее издание Симрока чрезвычайно близко, но трудно и неприятно. Второе издание Сан-Марте, исправленное по Симроку, значительно превосходит первое; но и здесь переводчик слишком часто позволял своим собственным глоссам заменять высказывания Вольфрама. Необходим тщательно верный и в то же время приятный перевод".

[157] Й. Ван Сантен, *Zur Beurtheilung Wolfram von Eschenbach*, Wesel, 1882, нападает на Вольфрама за его принятие морали того времени, и на этом основании отказывает ему в каких-либо этических или философских заслугах. Памфлет полезен своими ссылками, но в остальном бесполезен. Тот факт, что Вольфрам принимает "*Миннедиенст*", лишь придает большую ценность его картине более благородного и чистого идеала любви, а отказывать ему в признании других его качеств по этой причине - все равно что отказывать Данте в праве считаться учителем и мыслителем из-за того, что он принял отвратительный средневековый ад.

[158] В "*Geheimnisse*" Гете обнаруживает легкий след легенды о Парцифале, и слова, в которых подытоживается учение поэмы: "*Von der Gewalt, die alle Wesen bindet, Befreit der Mensch sich der sich überwindet*", можно рассматривать как передачу концепции Вольфрама в восемнадцатом веке.

[159] Здесь мы можем отметить замечательный пример неизбежного, спонтанного характера роста некоторых концепций, особенно тех, которые были частично сформированы народным сознанием. Ни в "*Вольфраме*", ни во французских романах нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что судьба ненавистной девицы (вагнеровской Кундри) каким-либо образом связана с успехом квеста. Но мы видели, что в кельтских народных сказках ненавистная девица - настоящий главный герой истории. Она не может быть освобождена, пока герой не выполнит свою задачу. Точно такая же ситуация и у Вагнера, который таким образом вернулся к первобытной *донне*, хотя он мог знать только промежуточные стадии, на которых ее значение было полностью утрачено.

[160] Ср. упреки в адрес Поттера Томпсона (*выше*, с. 198). То, что посетитель Бесплотного замка должен быть сразу же упрекут за то, что он не сделал того, что должен был, кажется, является особенностью самых ранних форм этой истории. Ср. "*Три солдата*" Кэмпбелла (*выше*, с. 196). Если у Вольфрама и был другой источник, кроме Христиана, то это был источник, в котором было больше от непроизносимых слов, чем от формулы поиска вражды. Отсюда и наличие этой особенности.

[161] В произведении Вольфрама существует гораздо более тесная связь между поисками Гавейна и остальной частью поэмы, чем в "*Христиане*". Оргеида, ради любви которой Гавейн совершает свои подвиги, - бывшая любовь Амфортаса, короля Грааля, который добыл для

нее богатые сокровища и был ранен на ее службе. Клиншор, владыка Волшебного замка, тоже оказывается в контакте с Оргеевной, которой он помогает в борьбе с Грамофланцем. Трудно сказать, свидетельствует ли это о более раннем или более позднем этапе развития легенды. На завоевании Оргеевой как на следствии совершения подвига в форде Периллус и срывания ветки усиленно настаивает Вольфрам и не упоминает Христиан, хотя, возможно, он намеревался соединить эти два понятия, когда заканчивал свою поэму. Однако в этом отношении, если рассматривать эти два произведения в их совокупности, рассказ Вольфрама представляется более ранним. В другом отношении он, похоже, сохранил более древнюю форму. Помимо Кундри-ла-Сорсьер (немилой девицы) у него есть Кундри-ла-Белль, которую я принимаю за немилую девицу, освобожденную от превращающего заклятия.